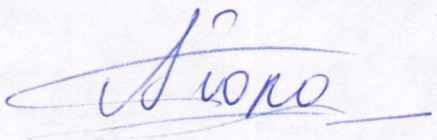
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Колонских Александр Геннадьевич

Поселения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье

5.6.3. Археология

диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
к.и.н. И.И. Бахшиев

Уфа – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. История археологического изучения и историография 16

1.1 История археологического изучения поселений бахмутинской культуры 16

1.2 Проблемы происхождения, хронологии и исторической судьбы населения бахмутинской культуры в отечественной историографии 38

Глава 2. Характеристика поселений и специфика расселения племен бахмутинской культуры 64

2.1 Укреплённые поселения 64

2.2 Неукреплённые поселения 85

2.3 Организация жизненного пространства и модели расселения 101

Глава 3. Архитектурно-строительные традиции и фортификация 116

3.1 Очаги, ямы, постройки 116

3.2 Фортификация 130

Глава 4. Материальная культура 143

4.1 Керамика поселений 143

4.2 Орудия труда, оружие, украшения 162

Заключение 177

Список использованных источников и литературы 184

Список сокращений 212

Приложение 1. Таблицы и диаграммы 214

Приложение 2. Иллюстрации 262

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. История изучения памятников бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье насчитывает более двух с половиной веков. Пополнение материала происходило неравномерно, на протяжении этого периода. К настоящему времени накоплен обширный фактический материал, который позволил исследователям сделать важные выводы о хронологии, быте и хозяйстве древнего населения. При этом необходимо учесть, что основные заключения о специфике материальной культуры и общая характеристика эпохи Великого переселения народов, сделаны на основе изучения погребальных объектов. Поселения исследованы в значительно меньшей степени, поэтому многие вопросы, связанные с бытованием населения бахмутинских культурных стереотипов до сих пор остаются открытыми и дискуссионными.

Поселенческие объекты, несмотря на значительное превосходство в количественном выражении, сильно уступают в плане информативности имеющимся некрополям. Это связано с тем, что при изучении поселений основным источником археологического материала выступает слабо стратифицированный, а порой и бедный находками культурный слой, в то время как могильники зачастую являются примерами ярких закрытых комплексов с обилием индивидуальных и массовых находок. Таким образом, складывается определённый дисбаланс, выраженный, с одной стороны, в виде многочисленных, но слабоизученных поселений, с другой – в единичных, но более полно исследованных погребальных объектах.

Население бахмутинской культуры – оседлое население, широко освоившее пространство Уфимско-Бельского междуречья. Время его бытования связано с яркими событиями Великого переселения народов, что актуализирует исследование не только в плане характеристики материальной культуры, но и более обширных процессов культурного взаимодействия, ставшего отправной точкой этногенетических процессов в Южном Приуралье.

Поселения региона представлены двумя основными типами: городища – укреплённые объекты, имеющие руинированные следы фортификационных сооружений (валы, рвы, эскарпы и т.д.) и селища – неукреплённые поселения с открытыми незащищёнными площадками.

Несмотря на обширную историю изучения, многие проблемы, в числе которых – гончарные и домостроительные традиции, фортификация, топография, либо не подкреплены достаточным объёмом данных полевых исследований, либо были изучены археологически, но не введены в научный оборот.

Поселения бахмутинской культуры прежде не становились объектом целенаправленного систематического исследования, а привлекались как дополнительные материалы с целью характеристики отдельных эпох, этнокультурных процессов, культурных взаимодействий регионального уровня.

Степень изученности. До настоящего времени, степень изученности поселенческих объектов Уфимско-Бельского, можно охарактеризовать, как достаточно слабую.

Наиболее ранние, эпизодические данные появляются уже во второй половине XVIII в., первые интерпретации археологического материала приходятся на начало XX в. и связаны с именами А.А. Спицына, В.В. Гольмстен и А.В. Шмидта.

Более подробное изучение поселений Уфимско-Бельского междуречья начинается во второй половине XX в., в ходе полевых и камеральных исследований Н.А. Мажитова, А.П. Смирнова, В.Ф. Генинга, Г.И. Матвеевой, С.М. Васюткина, В.А. Иванова, Т.И. Останиной, А.Н. Султановой. В это время очерчивается ареал бытования памятников, их хронология, дается общая характеристика материальной культуры.

Обширные полевые исследования и стремительное накопление материала, при выраженном недостатке полной и комплексной обработки, становятся причиной его неоднозначного осмысления. Результатом

становится возникновение научной дискуссии, или так называемой «бахмутинско-мазунинской проблемы», не получившей окончательного решения до настоящего времени. В научную полемику по данному вопросу были включены все указанные выше исследователи, принимавшие непосредственное участие в накоплении и осмыслении археологического материала поселений Уфимско-Бельского междуречья (Мажитов, 1968; Смирнов, 1957; Генинг, 1972; Васюткин, 1971; Иванов, Останина, 1983; Останина, 1997; Султанова, 2000).

«Бахмутинско-мазунинская проблема» является результатом различной культурной интерпретации археологических объектов, расположенных в Удмуртском Прикамье и Уфимско-Бельском междуречье. Суть вопроса в том, что часть исследователей разделяет эти понятия на две отдельные культурные традиции, другие объединяют в рамках самостоятельной бахмутинской культуры, третьи в мазунинскую культуру.

Описанная дискуссия, с одной стороны, явилась катализатором увеличения объёмов полевых работ, накопления источниковой базы, с другой стороны, отсутствием полноценных обобщающих исследований, направленных на описание отдельных комплексов, сооружений и категорий находок. Ключевые публикации в это время, посвящены сравнению и сопоставлению материалов Удмуртского Прикамья и Уфимско-Бельского междуречья.

На современном этапе изучения (конец XX – начало XXI вв.) появляется всё больше специализированных работ, а также публикаций отдельных археологических коллекций и памятников.

К настоящему времени мы располагаем данными о 373 памятниках бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье, из которых 365 объектов – это поселения (табл. 1). В свою очередь, 42 из них, подверглись стационарным археологическим исследованиям в виде раскопов различной площади.

Территориальные рамки исследования охватывают ареал бытования памятников бахмутинской культуры, получивший в литературе наименование «Уфимско-Бельского междуречья». Регион представляет собой обширные территории, расположенные в междуречье описанных водных артерий. Сюда же входят и участки левобережья рек Белая и Уфа, бассейны рр. Быстрый Танып, Буй, Бирь, а также ограниченный тремя объектами участок на правом берегу реки Камы (рис. 1).

Восточной границей бахмутинской территории выступает бассейн нижнего течения р. Уфы, за пределами которого памятники не известны. Южной границей является устье р. Уфы и «Уфимский полуостров». Немногочисленные находки керамики на поселениях, специфика фортификации, а также некоторые предметы в поздних погребениях Шиповского могильника, позволяют предполагать распространение бахмутинского населения южнее г. Уфы, до места впадения р. Сим в р. Белая (Овсянников, 2005, с. 5, рис. 4; Овсянников и др., 2015, с. 101–102, рис. 20, 21; Овсянников и др., 2007, с. 84). Самой южной точкой нахождения изучаемых материалов является Имендяшевское городище, где обнаружены фрагменты керамики бахмутинского типа (Мажитов, 1990, с. 10–11. Рис. 25; Матвеева, 1963, с. 10, Рис. 11) На западе памятники распространяются по левобережью р. Белая до её устья, соответствующий керамический материал также встречен на правом берегу р. Камы (городища Чеганда I, Момылевское, Верхне-Малиновское). Известны единичные фрагменты керамики с площадки II Коминтерновского селища (Спасский района Республики Татарстан), характерный орнамент которых аналогичен бахмутинскому (Казаков, 1986, с. 123, рис. 3. 8–10). На севере граница территории культуры замыкается бассейном р. Буй (Сандиякское и Чертово городища на территории Пермского края). Самой крайней точкой распространения керамики бахмутинского типа на северо-запад является Верхнеутчанское городище (Голдина, 2004, с. 279–280, рис. 140, 141).

Нахождение единичных фрагментов керамики бахмутинского типа далеко за пределами основного ареала культуры, вероятно, можно объяснить плотным взаимодействием различных культурных групп в эпоху Великого переселения народов. Наряду с фрагментами керамики, на памятниках обнаруживаются вещи, встречаемые на поселениях и в могильниках раннесредневекового населения всего Волго-Уральского региона.

Хронологические рамки исследования широко определяются временем бытования бахмутинских культурных стереотипов в регионе.

Керамический материал, как преобладающий тип находок с площадок поселений, позволяет датировать памятники лишь в диапазоне всего существования культуры. Поэтому вопрос хронологии не является основополагающим и выходит за рамки задач исследования. Основным источником для датировки являются материалы могильников.

Временные рамки, основанные на данных эпонимного некрополя у д. Бахмутино были определены А.В. Шмидтом в пределах V-VII вв. н.э., им же были выделены хронологические периоды: V-VI и VI-VII вв. (Бахмутино I и Бахмутино II) (Шмидт, 1929. С. 20, 23).

Смирновым А.П. скорректирована хронология бахмутинских материалов, ранний этап бытования был несколько удревнен – III-V вв., поздний этап остался в пределах V-VII вв. (Смирнов, 1958. С. 52-54).

Чуть более старшей датой раннего (II-IV вв.), и сохранением хронологии позднего (V-VII вв.) этапа, Н.А. Мажитов ограничивает хронологию бахмутинских древностей, основываясь на исследования Каратамакского, Бирского и Бахмутинского могильников (Мажитов, 1968. С. 11).

В.Ф. Генингом, V-VIII вв. н.э. датируются позднемазунинский и бахмутинский тип – выделенный по погребениям и керамике продолжающим традиции бахмутинской культуры III-V вв. (Генинг, 1972. С. 258, 261).

Г.И. Матвеева чётко разделяла памятники III-V вв., как мазунинские, а V-VII вв. – бахмутинские (Матвеева, 1969. С. 66-68).

По мнению Т.И. Останиной, в результате взаимодействия носителей «мазунинских» культурных стереотипов Уфимско-Бельского междуречья и пришлого населения (турбаслинского и кушнаренковского) в VI-VII вв. выделяется бахмутинский тип памятников. Памятники же III-V вв., исследователь объединяет в рамках мазунинской культуры, с «удмуртским» и «башкирским» вариантом (Останина, 1997. С. 179-182).

Появление раннебахмутинской (мазунинской) культуры III-V вв. н.э. А.Н. Султанова связывает с эволюционным развитием местных культур, при посредничестве представителей степного мира (Старо-Муштинский могильник). В V-VIII вв., население, по мнению исследователя, представляет новое «бахмутинское общество», появление которого вызвано процессом смешения местного (раннебахмутинского) и пришлого (турбаслинского, кушнаренковского и караякуповского) компонентов (Султанова, 2000. С. 128-138).

По мнению А.А. Красноперова, мазунинские памятники начинаются во второй половине III в. н.э., на объектах Уфимско-Бельского междуречья. Под влиянием пришельцев, оставивших курганы Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника и памятников имендяшевского типа, они трансформируются и появляются комплексы с чертами, получившими в литературе наименование «бахмутинские», которые существуют до начала VIII в. н.э., что маркируется поздними комплексами Бирского и Бахмутинского могильников (Красноперов, 2007. С. 270-271. Табл. 2).

С учётом материалов последних исследований, а также данных, полученных автором, хронологические границы бытования поселений бахмутинской культуры, стоит ограничить широкими рамками – III-VIII вв. н.э. Современный уровень археологической изученности не позволяет получить более точные данные о времени существования и бытования поселенческих объектов, до введения в научный оборот всего массива бытовых и погребальных комплексов.

Объект исследования – поселения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье.

Предмет исследования – комплекс материальной культуры, архитектурно-строительных традиций и системы расселения бахмутинского населения в Уфимско-Бельском междуречье.

Цель исследования – характеристика поселений и материальной культуры бахмутинского населения в Уфимско-Бельском междуречье.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих исследовательских задач:

1. Выявить степень археологической изученности источниковой базы исследования. Проследить эволюцию взглядов и историографию ключевых проблем бытования поселений в междуречье рек Белая и Уфа: происхождение, хронология и историческая судьба.

2. Систематизировать массив имеющихся данных по укреплённым и неукреплённым поселениям. Рассмотреть специфику расселения и освоения жизненного пространства населением бахмутинской культуры.

3. Обобщить данные изученных комплексов, сооружений и фортификации.

4. Дать характеристику вещественного археологического материала поселений.

Источниковая база исследования. В исследовании использованы географические и пространственные данные всех известных поселений с находками бахмутинской культуры. Археологические материалы в виде индивидуальных находок происходят с площадок 34 памятников.

В общей сложности база данных включает 373 объекта (289 селищ, 76 городищ, 8 могильников). В качестве аналогии рассмотрены материалы могильников бахмутинской культуры, а также поселений Уфимско-Бельского междуречья эпохи раннего железного века (АКИО, пьяноборская, кара-абызская, мазунинская культуры) и раннего средневековья (турбаслинская,

кушнаренковская, кара-якуповская культура, романовский и имендяшевский тип памятников).

Большая часть объектов обследована лично автором, в результате разведочных и стационарных работ (165 объектов).

Были изучены археологические коллекции 43 поселений, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии ИЭИ УФИЦ РАН (г. Уфа), Национального музея РБ (г. Уфа), Национального музея УР им. К. Герда (г. Ижевск), археологического музея Удмуртского государственного университета (г. Ижевск).

Каталог поселений Уфимско-Бельского междуречья формировался в процессе работы в научных фондах ИА РАН, УФИЦ РАН, УУНИТ, изучения архивных материалов (научные отчёты, полевая документация), и опубликованных работ.

Методология и методы исследования. В работе использованы методы классификации и типологии, сравнения, подбора аналогий. Некоторые типологические схемы, касающиеся отдельных сооружений и конструкций на площадке поселений, представляют собой скорректированные разработки В.А. Иванова и Т.И. Останиной (Иванов, Останина, 1983).

Большое внимание уделено картографированию объектов, посредством использования электронных карт, геоинформационных систем и систем глобального позиционирования (Коробов, 2011).

Специфика освоения жизненного пространства проведена при помощи инструментария методов пространственной и ландшафтной археологии (Афанасьев, 1989; Афанасьев, 1990; Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004; Коробов, 2014; Коробов, 2017а; Коробов, 2017б).

Обработка данных макро и микрорельефа, в процессе составления подробных топографических схем объектов производилось с применением методов геодезической и тахеометрической съёмки.

Систематизация гончарных традиций реализована на основе визуального осмотра, технических измерений основных параметров сосудов,

эмоционально-описательного метода с применением достижений историко-культурного подхода и привлечением возможностей бинокулярной микроскопии, в части рассмотрения примесей, формовочных масс и следов обработки керамики (Цетлин, 2012).

Типология и классификация поселенческих объектов проведена с основой на филогенетический подход и разработки В.А. Борзунова и В.Е. Стоянова, основным достижением которых, является применение так называемого естественного принципа классификации (Борзунов, Стоянов, 1981).

Большое значение в верификации имеющихся данных имеют методы классической полевой археологии, выраженные в археологических разведках и раскопках, в соответствии с современными требованиями «Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной документации» утверждённое Постановлением Правительства РФ от 24.10.2022 г. № 1893 (Положение…, 2018).

Применяемые в работе методы исследований давно и вполне результативно используются в отечественных и зарубежных археологических исследованиях.

Научная новизна исследования определяется тем, что оно является первой обобщающей работой, посвящённой систематическому изучению поселений бахмутинской культуры. В данном исследовании со всей возможной полнотой привлекается как ранее опубликованный, так и накопленный за последние десятилетия, но не введённый в научный оборот археологический материал.

Важной особенностью работы является привлечение самостоятельных полевых, камеральных и архивно-библиографических исследований автора.

Качественно новые данные получены в результате применения топографического принципа при создании типологии укреплённых и неукреплённых поселений.

Введены в научный оборот данные о специфике традиций устройства фортификационных сооружений бахмутинского населения.

Впервые в регионе автором использован инструментарий геоинформационных систем, в ходе картографии и анализа географических данных с применением цифровой модели рельефа.

Практическая значимость работы состоит в формировании базы данных поселений бахмутинской культуры, которая может быть использована при атрибуции музейных коллекций, создании экспозиций, написании учебных пособий, научно-популярных печатных или электронных изданий.

Разработанные схемы типологии укреплённых и неукреплённых объектов, анализ керамического материала и пространственные модели, без серьёзных корректировок позволяют применять их при характеристике различных исторических эпох и культур.

Полученная информация по результатам проведённого исследования применима в контексте изучения межкультурных контактов эпохи раннего железного века – раннего средневековья.

В работе наиболее полно и детально отражено современное состояние источниковой базы поселенческих памятников в Уфимско-Бельском междуречье. Материалы исследования могут являться основой для проведения археологического мониторинга и мероприятий, направленных на сохранение объектов историко-культурного наследия.

Диссертант является автором и руководителем проекта «Молодёжная археологическая школа на Южном Урале», реализуемого в регионе с 2018 г. Основные положения, выносимые на защиту, стали методической и информационной базой многочисленных лекций, семинаров и круглых столов, проведённых в рамках указанного проекта.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Изученные поселения относятся к бахмутинской археологической культуре и не являются локальным вариантом, либо составной частью иных культур и культурных групп. Все имеющиеся сходства объясняются

территориальной и хронологической близостью бахмутинских и мазунинских памятников, в то время как основные отличия, являются результатом различных условий формирования, динамики развития и исторической судьбы древнего населения.

2. Анализ архитектурно-строительных и гончарных традиций, вещественного материала, позволил выявить специфические типы находок (подвески-колокольчики, зооморфные «медвежьи» подвески, мотыги), сооружений и построек (углубленные жилища «полуземлянки», очаги типа 2 , ямы тип 3 и 4; валы-эскарпы), морфологии сосудов, орнамента и формовочных масс керамики (большая доля «закрытых» сосудов и малая доля чаш; бессистемный ямочный, «ёлочный», гребенчатый типы орнамента и их различные сочетания; абсолютное преобладание примеси песка), являющихся характерными для поселений бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье.

3. Изучение фортификации, позволило выделить определённые типы и элементы конструкций, появившиеся в регионе в эпоху раннего средневековья, выраженные в специфической конструкции вала-эскарпа, террасирования склонов и своеобразной конфигурации линий укреплений. Подробный анализ и поиск существующих аналогий, как и в случае с некоторыми типами керамики, обнаруживает зауральский вектор этих инноваций, вероятно связанный с постсаргатским и бакальским населением.

4. Применение методов пространственного анализа позволило установить активное и плотное освоение бахмутинским населением не только крупных водных артерий, но и притоков второго-третьего порядка, а также мелких водотоков, ручьёв и их истоков. Электронное картографирование выявило локальные участки концентрации памятников (микрорайоны) и более дробные локальные группы объектов (кусты). Использование геоинформационных систем и инструментария ландшафтной археологии дало возможность реконструировать модели расселения, выявить центральные долговременные поселения и кратковременные объекты-сателлиты.

5. Формирование материальной культуры и гончарных традиций изучаемых поселений происходит на основе местного населения эпохи раннего железного века. В то же время на культурогенез бахмутинского населения происходило существенное воздействие памятников типа Старая-Мушта, Имендяшево, Новые-Турбаслы, Романовка, Кушнаренково, получившее выражение не только в виде кратковременных контактов, но и в форме совместного проживания на площадках памятников.

6. Анализ археологического материала с площадок памятников позволяет датировать поселения в диапазоне IV-VII вв. При этом, типологически близкая, а порой аналогичная поселениям бахмутинской культуры керамика появляется в ранних погребениях Старо-Муштинского, Мало-Качакского, Ангасякского, Югамашевского могильников. Встречается подобная керамика и в поздних погребениях Бирского могильника, что подтверждает её более широкую датировку в пределах III – VIII вв. н.э.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность и обоснованность результатов и выводов, представленных в работе, определяется разнообразием и полнотой использованных источников, а также существенным личным вкладом в ходе полевых исследований автора.

Основные выводы опубликованы в 45 научных публикациях, 5 из которых – в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей Аттестационной Комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Положения и выводы диссертационного исследования были изложены в сообщениях и докладах на научных конференциях регионального, всероссийского и международного уровней.

Региональные конференции: Башкирская археологическая студенческая конференция (Стерлитамак, 2014 г.), Итоговая научная сессия Археологического общества РБ (Уфа, 2018-2023 гг.).

Всероссийские конференции: IV(XX) Всероссийский археологический съезд (Казань, 2014 г.), I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины - середины I тыс. н.э. (Болгар, 2016 г.), VII Халиковские чтения. Средневековые археологические памятники Поволжья и Урала: проблемы исследований, сохранения и музеефикации (Казань, Болгар, Билярск, 2017 г.), Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность (Уфа, 2014-2022 г.), VI (XXII) Всероссийский археологический съезд (Самара, 2022 г.), XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 2022 г.)

Международные конференции: II Международная научная конференция «Юсуповские чтения» (Уфа, 2014 г.), Новые материалы и методы археологического исследования (Москва, 2015 г.), Вторая Международная конференция «Археология и геоинформатика» (Москва, 2015), Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения (Уфа, 2015 г.), IV Международная конференция молодых учёных «Новые материалы и методы археологического исследования. От археологических данных к историческим реконструкциям» (Москва, 2017 г.), Третья Международная конференция «Археология и геоинформатика» (Москва, 2017), Международный научный симпозиум, посвященный памяти видного ученого-археолога, профессора, академика Академии наук Республики Башкортостан, доктора исторических наук Н.А. Мажитова (Уфа, 2018 г.), Четвертая Международная конференция «Археология и геоинформатика» (Москва, 2019), Кочевые цивилизации средневековой Евразии (II Мажитовские чтения), (Уфа, 2022 г.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка использованных архивных источников и литературы, Приложения 1. Таблицы и диаграммы и Приложения 2. Иллюстрации.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1 История археологического изучения поселений бахмутинской культуры

История изучения древностей раннего железного века/раннего средневековья Южного Урала насчитывает более двух столетий. За это время исследователями накоплен колоссальный объём фактического материала, сделано множество ценных выводов о жизни и быте населения данной территории, их генезисе, исторических судьбах. Первооткрывателями бахмутинских древностей в XVIII-XIX вв. являлись непрофессиональные исследователи: краеведы, собиратели старины, чиновники, такие как П.И. Рычков, П.С. Паллас, Н.П. Рычков, Р.Г. Игнатьев, Ф.Д. Нефёдов и др. Данный этап изучения древней истории Южного Приуралья находит отражение в большинстве работ историографического характера: М.Ф. Обыденнов называет этот этап «легендарным» или «академическим», по проводившимся академическим экспедициям на территории Южного Урала (Обыденнов, 1994, с. 9), Васюткин С.М., Обыденнова Г.Т., Матвеева Г.И. именуют в своих работах этот этап «дореволюционным» (Васюткин, 1975 С. 167; Обыденнова, 2002 С. 7.; Матвеева, 1971. С. 129-134). Н.А. Мажитов называет это время, временем «эпизодического накопления материала» (Мажитов, 1973. С. 7). Несмотря на различные интерпретации и названия этапа получения первых знаний об истории края, все исследователи сходятся во мнении, что XVIII – начала XX вв. характеризуются, как период накопления археологического материала.

Первые упоминания о памятниках бахмутинской культуры относятся к середине XVIII в., они связаны с именем П.И Рычкова, который локализовал и дал описания Уфимского, Чёртова, Айбашевского городищ и городища на Сокольей горе (Рычков, 1762. С. 201-202). В настоящее время, указанные

памятники уверенно можно связать с Уфимским (Уфа-1 (Чёртово) Бирским (Чёртовым), Камышенским I и Нижнеланчентауским городищами, которые расположены в относительной близости к современному г. Бирску (Колонских, 2019. С. 87-88).

Вслед за П.И. Рычковым в 1769-1770 гг., в ходе работы экспедиции П.С. Палласа, побывал его сын – отставной капитан Н.П. Рычков. Он дал описания памятников, соотносимых с хорошо известными в настоящее время: Кара-Абызским, Сорвихинским, Сергеевским (Богородское), Бирским (Чёртово), Пономаревка-7 и Камышинским I городищами (Рычков, 1770, с. 140-152; Колонских, 2019. С. 84-87). В своих описаниях он упоминает о наличии «горшечных черепков» (фрагментов древней керамики), формах и размерах фортификационных сооружений, габаритах площадок памятников. Важным моментом является то, что информация о Кара-Абызском и Айбашевском (Камышинское I) городищах сопровождается довольно подробными топографическими планами. Побывав на местности под названием «Соколиная гора», Н.П. Рычков, заключает, что следов древних укреплений им не обнаружено.

Уфимское (Чертово) городище, упоминает в ходе своего путешествия в 1770 П.С. Паллас, однако имеющиеся описания мало информативны, с точки зрения археологического материала, они в основном касаются ландшафта и рельефа местности (Паллас, 1786, с. 13).

Следующие описания поселений, позже включённых в состав памятников бахмутинской культуры сделаны Р.Г. Игнатьевым, по результатам его исследований во второй половине XIX в. Исследователь даёт более подробные данные о габаритах и специфике фортификационных сооружений Уфимского (Чертово, Уфа-1), Бирского (Чёртово), Кара-Абызского (Абисово, Абизово), Камышинского (Акбашево), Нижнеланчентауского (Белоголовое), Байкинского городищ (Игнатьев, 2013, с. 259-262.). Судя по описанию, Р.Г. Игнатьев не бывал на Акбашевском, Белоголовом и Байкинском городищах,

потому как информация о них более лаконична, относительно других объектов.

В описаниях Р.Г. Игнатьева также встречается информация о «ногайских валах»: у д. Глумилиной в 3 км от Уфы, у с. Степановского, д. Бурново, д. Ярославовой, д. Шады, д. Суслова, д. Новопетровой, д. Бектемировой, д. Камышенки, д. Симкиной, д. Питяковой (Игнатьев, 2013, с. 265-268). Стоит отметить, что часть указанных объектов соотносятся с известными в современной научной литературе – Ново-Петровским, Биктимировским, Камышинским I городищами (АКБ, 1976, с. 96-97). Оставшиеся объекты также встречаются в справочной литературе, однако их локализация к настоящему времени не проведена, либо они не обнаружены исследователями и остаются перспективными для будущих исследований.

Первые раскопки на укреплённых поселениях в регионе проведены Ф.Д. Нефёдовым, в 1894 г. (Нефедов, 1899, с. 60, 70-71). Им было исследовано Новомедведовское, Андреевское (Колонских, Тузбеков, 2017) и Чортово городище близ Благовещенского завода (вероятно, городище Кара-Абыз). Результатами этих исследований стали многочисленные находки керамики, костей животных, а также индивидуальные находки (бронзовые бляшки, двойные полуцилиндрики, бронзовые, железные и кремневые наконечники стрел, бронзовые и железные пронизки). Раскопки Новомедведоского городища установили, что насыпь вала, состоит из песка и галек, в основании вала обнаружен слой прокаленной красной глины.

В конце XIX в. на территории северо-запада Башкортостана работал археолог А.А. Спицын, он произвёл археологические разведки на территории Бирского, Дюртюлинского и Костараевского городищ и составил их описания (Спицын, 1916, с. 89-90). На площадках памятников им был собран керамический материал, который позволил отнести данные поселения к единому типу. Одним из первых исследователей А.А. Спицын, даёт описания керамики, позже получившей в историографии название «бахмутинской» – «…Сосуды имели, по-видимому, круглые днища. Черепки грубы, из крепкой

серой или тёмной глины, обыкновенно с примесью крупного песка. Орнаменты их чаще всего состоят из углубленных ямок и точек, реже ногтевой и продольными тонкими штрихами…» (Спицын, 1916, с. 89).

Крупные стационарные исследования и «первые научно поставленные раскопки» в регионе проводили в начале XX века В.В. Гольмстен и Д.Н. Эдинг. В 1910 и 1912 гг. они заложили несколько траншей, а также разрезали вал на Чертовом городище (Уфимское, Уфа-1, городище). В.В. Гольмстен использовала передовые, для того времени, методы исследования (Гарустович, Минеева, 2003. С. 7-9). В процессе раскопок 1910 г. было заложено пять траншей (три параллельных по оси северо-запад–юго-восток и две перпендикулярно первым), общей площадью около 412 кв. м. В 1912 г. 22 траншеями было обследовано около 711 кв. м. площади городища, а также произведен разрез линии укрепления траншеей 44х4 аршин (около 89 кв. м) и обследование юго-восточного склона памятника (Гольмстен, 1913). Мощность культурного слоя на площадке городища колебалась от 0,1 до 1 м, высота вала, достигала 4,6 м.

В ходе раскопок В.В. Гольмстен удалось получить представительный керамический материал, а также индивидуальные находки в большинстве своём представленные костяными наконечниками стрел, глиняными пряслицами, железными ножами, точильными камнями. Изучение фортификации городища позволило выявить три строительных горизонта: вначале площадка памятника не имела фортификации, далее был сооружен вал, при устройстве которого использовались укрепления с применением прокаленной глины, позволяющей сделать конструкцию более прочной, с внешней стороны был вырыт ров, в более позднее время, по мнению исследователя, вал был дополнительно отсыпан слоем чернозёма и камней.

В начале 1920-х гг. в регионе работал местный краевед, сотрудник Историко-социального музея народов Востока (в настоящее время – Национальный музей Республики Башкортостан) М.И. Касьянов, впервые обследовавший Чандарское городище и селище, а также им, вместе с М.С.

Смирновым было изучено несколько погребений Бахмутинского могильника (Воробьёва, 2015, с. 131-132).

Наиболее значимые работы по изучению древностей бахмутинской археологической культуры были проведены А.В. Шмидтом, руководившим палеоэтнологическим отрядом Башкирской археологической экспедицией Академии наук СССР в 1928 г. Им были обследованы Кара-Абызское городище (внутренний и внешний вал, площадка городища, пространство за пределами укреплённой линии и соседний городищу мыс), Бахмутинский могильник (25 погребений), Чандарское селище (общая площадь раскопов – 53 кв. м) и городище «Соколиный камень» (Чандарское городище) (Шмидт, 1929). В ходе работ сотрудником Башкирской экспедиции АН СССР Н.Б. Эмлером было также обследовано городище Каменная гора (Бажинское городище). Основываясь на полученные в результате полевых работ данные, а также имеющийся материал А.В. Шмидт выделяет бахмутинские древности из общего круга находок Южного Приуралья в рамках одной культуры и обнаруживает два этапа их бытования (рис. 2).

Последующие работы по изучению памятников бахмутинской культуры, до конца 1940-х гг. в регионе замирают, что напрямую связано с процессами индустриализации и коллективизации в СССР, а также с судьбоносными для всей страны событиями Великой Отечественной войны.

В результате первый этап изучения памятников бахмутинской культуры, на наш взгляд, может быть ограничен серединой XVIII века – концом 40-х гг. XX века. Этот промежуток времени является эпохой первоначального накопления материала. Уже в XVIII веке, многие археологические памятники были известны, к концу 1920-х гг. А.В. Шмидт очертил общие признаки культурных стереотипов бахмутинского населения, однако, систематическому изучению эти древности подверглись позже. Основной прорыв в изучении истории и культуры Южного Урала, в представлениях об историческом процессе, этнической принадлежности, связях и взаимоотношениях племён, населявших данную территорию, был

сделан в ходе условно выделяемого нами второго этапа – середина 1950-х – 1960-е гг.

В 1950-х гг. на территории Башкирии начинает работу археологическая экспедиция Уральского государственного университета под руководством К.В. Сальникова (Иванова, 2007. С. 192). В 1950-х гг. активизировал свою деятельность Башкирский республиканский краеведческий музей во главе с его директором Р.Б. Ахмеровым (Археологическая карта Башкирии, 1976. С. 8). Крупные полевые исследования на территории Республики Башкортостан проводились с 1954 года археологическими экспедициями ИИМК АН СССР (Обыденнов, Саватеева, 2012. С. 97). Башкирскую археологическую экспедицию Института археологии АН СССР возглавила А.В. Збруева, в её состав вошла археологическая группа ИИЯЛ БФ АН СССР. В качестве руководителей отдельного отряда в неё вошли – Г.В. Юсупов, Т.Н. Троицкая, П.Ф. Ищериков (Иванова, 2007. С. 192).

В период с 1955-1960 гг., разведочным отрядом Башкирской археологической экспедиции ИА РАН, под руководством А.П. Шокурова, было открыто более 50 не известных ранее памятников бахмутинской культуры в нижнем течении р. Белой (Шокуров, 1956; Шокуров, 1957; Шокуров, 1970. С. 131-132). В 1953 и 1954 гг. краеведом П.Ф. Ищериковым выявлены городища Уфа-2 и Уфа-3 (Ищериков, 1957).

Интенсификация археологических исследований была организована сотрудниками сектора истории, археологии и этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ИИЯЛ БФ АН СССР) в середине 1950-х гг., в соответствии с темой «Древняя история Башкирии». В рамках темы, была определена одна из подтем «Городища по среднему течению р. Белой». Наряду с её руководителем, Г.В. Юсуповым, исполнителем стал Н.А. Мажитов (Иванов, Иванова, 2008. С. 4).

В конце 1950-х – начале 1960 гг. Н.А. Мажитов проводит целенаправленные исследования памятников бахмутинской культуры в центральных и северо-западных районах БАССР (рис. 3-4). Около двух

десятков памятников бахмутинской археологической культуры было открыто Н.А. Мажитовым за короткий период 1957-1959 гг. В это время им были изучены Бирское, Юмакаевское, Кансиярское (Нижнекансиярово-1), Камеевское, Афанасьевское, Сандугачевское, Ардашевское, Кушнаренковское, Горновское, Сарвихинское городища, Ново-Турбаслинское II, Ново-Карское селища и Каратамакский могильник бахмутинской культуры. Раскопками исследовано Бирское (42 кв.м) Юмакаевское (46 кв.м), Кансиярское (132 кв.м) городища, Ново-Турбаслинское II селище (130 кв.м) и Каратамакский могильник (108 кв.м, изучено 17 погребений) (Мажитов, 1957, Мажитов, 1958, Мажитов, 1959а, Мажитов, 1959в, Мажитов, 1962). Полученные в ходе исследований результаты, позволили значительно расширить источниковую базу поселений бахмутинской культуры и уточнить их хронологию.

В 1959 г. под руководством Н.А. Мажитова, в составе студенческого экспедиционного отряда, начинает свои полевые исследования археолог С.М. Васюткин. Им в результате археологических разведок выявлены и обследованы Кудашевское и Краснохолмское городища, Куяновское-1-3, Кугарчинское, Тойкинское-1-2 селища бахмутинской культуры (Мажитов, 1959в. С. 107-119).

В этом же году начинаются многолетние раскопки Бирского (Бирский II, «Святой ключ») могильника, в 1960 г. проведены исследования Бахмутинского некрополя (Мажитов, 1960. С. 58-70; Мажитов, 1992. С. 2). Проводимые Н.А. Мажитовым систематические исследования, были направлены на получение данных для более полной характеристики материальной культуры, уточнения хронологии и генезиса населения бахмутинской археологической культуры. Исследователь работал как на поселенческих, так и на погребальных объектах. Результатом работ Н.А. Мажитова в 1950 – 1960-х гг. стало обобщение имеющегося материала, защита кандидатской диссертации (Мажитов, 1963) и публикация в виде монографического исследования (Мажитов, 1968).

После защиты кандидатской диссертации (1963 г.), научные интересы Н.А. Мажитова сместились от изучения бахмутинской культуры в сторону поиска и изучения памятников VIII-X вв. н.э. Однако в ходе работы по теме «Археологическая карта Южного Урала» в 1967 г. им было проведено разведочное обследование в Калтасинском, Янаульском, Татышлинском и Бураевском районах, по побережьям рек Быстрый Танып, Келтей, Гарейка, Тыхтем, Буй. В большинстве случаев обследование памятников сводилось к сбору подъёмного материала, снятию схематического плана и краткого описания объектов (Мажитов, 1967). В результате этих работ выявлено 19 памятников бахмутинской культуры, 10 укреплённых поселений – Бустанаевское, Месягутовское, Югамашевское, Югамашевское-2, Чоркильдинское, Шульгановское, Чертово (Пермский край), Исхаковское, Бадряш-Актауское, Таулинское; семь селищ – Киргизово-1, Манякское, Абдуллино 2, Шульгановское, Таш-Елгинское-1-2, Ошья-Тауское; два некрополя – Мало-Качакский, Югамашевский (Мажитов, 1967).

Археологом Г.Н. Матюшиным в составе Южно-Уральской археологической экспедиции в 1959 году были проведены разведочные работы (селище Романовка-3, Юнарское селище, Дудкинское-2 селище) на территории и в окрестностях г. Уфы (Матюшин, 1962. С. 64). В 1961 г. полевые исследования г. Уфы и его округи, были продолжены К.В. Сальниковым. Результатом работ стало изучение памятников – Романовка-II, III, VIII и Кумлекуль селища, в культурном слое которых была обнаружена керамика бахмутинского типа, проведенные работы также позволили исследователю ввести в научный оборот «романовский типа» керамики (Сальников, 1961).

Разведочные археологические работы в низовьях р. Белая, в 1950-х гг. проведены археологическими экспедициями ИЯЛИ КФ АН СССР во главе с В.Ф. Генингом, А.Х. Халиковым, Т.А. Хлебниковой (Халиков и др., 1959). Ими были обследованы городища Юлдашевское (Петер-Тау) и Чеганда I, Юлдашевские (1-10), Ново-Медведовское-2 и 4, Кушнаренковское селища, содержащие керамику бахмутинского типа (Генинг, 1959) (рис. 5).

Колоссальный объём исследований был проделан археологами региона в процессе работы над «Археологической картой Башкирии», опубликованной в 1976 г. (АКБ, 1976). Свод памятников предоставлял информацию по состоянию на 1970 г. Работа академической плановой темы «Археологическая карта Южного Урала» началась в 1965 г. В рамках этой темы работали археологи: С.М. Васюткин, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшенечнюк, Г.И. Матвеева, В.С. Стоколос, М.Ю. Морозов. В результате широких разведочных работ, были выявлены многочисленные поселения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье.

В ходе обследования Краснокамского, Бураевского, Благовещенского, Мишкинского и Караидельского районов, А.Х. Пшеничнюком в полевых сезонах 1964, 1965 и 1967 гг. было выявлено 62 новых памятника. В общей сложности обследовано около 80 поселений бахмутинской культуры, в том числе три городища – Бажинское (Каменная гора), Старомуштинское (Какры-куль), Тра-Тау (Старонагаевское) (Пшеничнюк, 1964; Пшеничнюк, 1965; Пшеничнюк, 1967). Основное содержание работ А.Х. Пшеничнюка включало описание памятников, составление топографических планов, сбор подъёмного археологического материала, а большая часть объектов была подвержена шурфовке.

Летом 1967 г. полевые работы по теме «Археологическая карта Южного Урала», в северных районах БАССР проводил В.С. Стоколос. Исследования ограничивались разведкой археологических памятников по берегам рек: Ар, Юг (притоки р. Быстрый Танып), Тюй, Сарс (Бассейн р. Уфа). Им выявлен 21 памятник – селища, городища и одно местонахождение (Стоколос, 1967). В их числе 16 поселений бахмутинской археологической культуры: городища Юг-Хутор и Ур (Урское городище), селища Верхнеиванаевское-I-III, Нижнеиванаевское, Нижнесикиязовское, Тибиль (Тибельское селище), Усакле-Елга, Савкияз, Манагаз, Бальзуга, Юг-Хутор-I-II, Лагерное. Находки представлены как в виде сборов подъёмного материала, так и в виде результатов шурфовки площадок памятника.

В период с 1964–1966 гг., на территории северных районов Башкирии, в бассейне р. Быстрый Танып, проводил исследования разведочный отряд из членов археологического кружка Уфимского Дворца пионеров, под руководством Ю.А. Морозова (Морозов, 1964). В результате трёх лет изысканий на территории современных Балтачевского, Бураевского, Калтасинского, Дюртюлинского и Краснокамского районов Республики Башкортостан было выявлено 38 новых объектов, 31 из которых на основе керамического материала отнесён автором к бахмутиснкой археологической культуре. Из них 2 городища – Барьязинское и Кудашевское, а также 29 неукрепленных поселений (Морозов, 1964, 1965, 1966). Стоит заметить, что описание Ю.А. Морозова Кудашевского городища, не вполне соответствуют более ранним данным С.М. Васюткина (выявившим этот объект).

В процессе самостоятельных исследований, нацеленных на проверку данных Ю.А. Морозова, автором настоящего исследования, в непосредственной близости к Кудашевскому-1, городищу обнаружено ещё одно укреплённое поселение – Кудашевское-2, городище (Колонских, 2018). Однако вновь выявленный в 2017 г. объект, также не соотносится с описаниями Ю.А. Морозова. Учитывая специфику рельефа и протяжённость коренной террасы правого берега р. Быстрый Танып, в указанном месте стоит признать, что данная территория ещё слабо изучена в археологическом плане, а потому её дальнейшее обследование остается актуальным и в настоящее время.

Значительный след в изучение поселений бахмутинской культуры внесли исследования Г.И. Матвеевой. Её исследования в регионе начались в 1963 г. в качестве руководителя археологической экспедиции Башкирского государственного университета (БашГУ). Научные интересы Г.И. Матвеевой были обращены к памятникам I тысячелетия н.э. Результатом проведённых работ стала защита в 1969 г. кандидатской диссертации по теме «Население лесной и лесостепной Башкирии в III-VIII вв. н.э.» (Матвеева, 1969). В своём исследовании Г.И. Матвеева пристальное внимание отводила памятникам

бахмутинской культуры. Многие взгляды исследователя на типологию, хронологию и культурную интерпретацию памятников актуальны по сей день. Основным материалом для исследований стали многочисленные разведочные работы и крупномасштабные раскопки на территории региона проводимые в 1963-1969 гг. В 1963 г. Г.И. Матвеевой исследовано 708 кв.м площадки Имендяшевского городища, что позволило выявить следы двух прямоугольных слабо углубленных жилищ (15-20 см от уровня древней почвы). Наряду с многочисленными находками в материалах городища, обнаружена керамика бахмутинской культуры (Матвеева, 1963, С. 2-14).

В 1964 г. А.М. Кинжабаевым, под руководством Г.И. Матвеевой, проведена разведка на территории Илишевского и Краснокамского районов Республики Башкортостан, в ходе которой осмотрены городища Бурнюш, Уяндыковское, Юлдашевское (Петер-Тау) (Матвеева, 1964).

Широкомасштабные раскопки проведены Г.И. Матвеевой в 1965 г. (Матвеева, 1965). На Кувыковском городище исследована площадь 396 кв.м. По результатам раскопок был получен многочисленный керамический и вещевой материал бахмутинской культуры, отмечена также сопутствующая керамика романовского, кушнаренковского и кара-якуповского типов. На городище исследовано жилище-землянка, размерами 8х4,5 м глубиной 2,9 м. Следующим изученным объектом стало Богородское (Сергеевское) городище, на котором Г.И. Матвеевой заложено два раскопа общей площадью 144 кв.м. Культурный слой памятника оказался относительно бедным и был представлен немногочисленными фрагментами керамики, бронзовой пряжкой и железным ножом. В этом же году изучено 148 кв.м площади Романовского II селища. Основной материал представлен керамикой романовского типа, при этом в культурном слое поселения встречена также керамика бахмутинской культуры.

В 1969 г. Г.И. Матвеевой изучено Юмакаевское городище и Тибельское селище бахмутинской культуры, продолжены разведочные работы в Уфимско-Бельском регионе (Матвеева, 1970). На Юмакаевском городище

общая площадь исследований составила 472 кв.м, выявлены следы 49 ям и 2 жилищных котлована размерами 4х5 и 5,5х3,5 м, углублённые, соответственно, на 0,3 и 0,55 м от уровня подстилающего слоя. Жилищные впадины заполнены культурным слоем, который как на остальных участках, в основном представлен фрагментами керамики бахмутинского типа (Матвеева, 1970, С. 1-12). Керамический комплекс городища Г.И. Матвеева разделяет на ранний (3-5 вв. н.э.) и поздний («чандарский», 5-7 вв. н.э.), при этом уточняет, что жилищные котлованы заполнены исключительно керамикой 5-7 вв. н.э.

В это же время исследовалось Тибельское селище. На поселении было разбито два раскопа площадью 90 и 20 кв.м. В результате на объекте обнаружено 4 неглубоких ямы, основной археологический материал представлен находками керамики. По мнению Г.И. Матвеевой, поселение датируется ранним периодом (3-5 вв. н.э.).

Разведочные работы в этой экспедиции впервые проведены студентами БашГУ И.Б. Васильевым и В.А. Ивановым, ставшими в последствии общепризнанными специалистами в своих научно-исследовательских областях (отчёты за их авторством хранятся в составе отчёта Г.И. Матвеевой в фондах научно-отраслевого архива ИА РАН). И.Б. Васильевым описаны Эманинское-1 и 2, Старо-Бирючевское-1 и 2, Аннинское, Ахлыстинское, Ново-Бирючевское селища, а также городища Ксяко-Тау (Матвеева, 1970, С. 22-29). Городище Ксяко-Тау, вероятно, может быть соотнесено с Бажинским (Каменная гора) городищем, упомянутым в своё время А.В. Шмидтом, а позже изученным Ф.А. Сунгатовым (Шмидт, 1929. С. 23, Сунгатов, 1998). Разведка В.А. Иванова проходила на территории Бураевского и Балтачевского района, в округе исследуемых в то время Юмакаевского городища и Тибельского селища (Матвеева, 1970. С. 31-36). Им обследованы Юмакаевское-1-6, Усть-Югское селища и Тибельское городище. Последний памятник исследован в 1967 г. В.С. Стоколосом, позже в 1988 г. Б.Б, Агеевым, в 2009 г. Ф.М. Тагировым, а в 2011 г. Н.Б. Щербаковым его первоначальное название – городище Ур, позже –Урское, Тутагачевское, Ур-Тау, Урта-Тау, Тутагачево-1,

городище (Стоколос, 1967. С. 4-5. Агеев, 1989. С. 5-6, рис. 6, Тагиров, 2009. С. 25, рис. 40, Щербаков, 2011. С. 33-34, рис. 74-81).

В 1963 г. отрядом Камской археологической экспедиции Пермского Государственного университета им. А.М. Горького, под руководством И.С. Поносовой, раскопками общей площадью 112 кв.м обследовано Сандияковское городище в Куединском районе Пермского края (Поносова, 1963). Обнаруженный материал представлен многочисленными фрагментами керамики, глиняными пряслицами, несколькими наконечниками стрел треугольных и четырёхугольных в сечении с коротким плоским черешком, костяной зубчатый штамп для орнаментации керамики с пятью зубцами, костяная пряжка, литая медная или бронзовая крупная нагрудная подвеска в виде гусиной лапки (рис. 6). Также при раскопках городища была найдена каменная зернотёрка овальной формы с перехватом по краям и с хорошо сглаженной отшлифованной нижней плоскостью. Полученный материал позволил установить, что городище оставлено население бахмутинской культуры, при этом автор указывает на находки керамики кушнаренковского типа.

Таким образом, в 1950-60-е гг. исследователями было открыто 232 объекта, что составляет около 2/3 всех известных на сегодняшний момент памятников бахмутинской культуры. Этот хронологический этап, наиболее продуктивный в отношении разведок ранее неизвестных памятников. Верхней границей этапа условно можно считать завершение полевых работ и обсуждением рукописи плановой темы Института истории, языка и литературы – «Археологическая карта Южного Урала» (Иванова, 2008. С. 16-21).

Изучение памятников бахмутинской культуры продолжилось в 1970-1980-х гг. Отправной точкой этого этапа можно считать начало работы Нижнекамской археологической экспедиции организованной Институтом археологии АН СССР под руководством О.Н. Бадера, которой было поручено ведение охранных исследований памятников, расположенных в зоне

затопления и подтопления Нижнекамской ГЭС. В эту работу начиная с 1968 г., на протяжении пяти полевых сезонов был вовлечён весь коллектив археологов региона, проводивших широкие раскопки на территории Дюртюлинского, Илишевского, Калтасинского, Краснокамского районов Республики Башкортостан (Бадер, 1981, с. 3-6, АКБ, 1976, с. 10).

Активные исследовательские работы, на территории Уфимско-Бельского междуречья проводил С.М. Васюткин возглавивший, после отъезда Г.И. Матвеевой в г. Самара, археологическую экспедицию Башкирского государственного университета. Основными исследованными им памятниками стали Каратамакский, Мало-Качакский, Ангасякский, Старо-Кабановский и Югамашевский могильники (Васюткин, 1969, Васюткин, 1970, Васюткин, 1971), данные некрополи некоторыми исследователями интерпретируются, как раннебахмутинские (Султанова, 2000. С. 122, Русланова, 2014. С. 4-5). Изучались С.М. Васюткиным и поселения. В это время им, а также студентами и участниками археологического кружка БашГУ, под его руководством обследовано Казакларовское-2, Петер-Тау (Юлдашевское), Югамашашевское (I Югамашевское, Кала-Тау), Югамашевское 2 (на вершине горы Югамаш) городища, Дмитриевское, Николаевское, Югамаш 1-3 селища (Васюткин, Калинин, 1974, Васюткин, Калинин, 1975) (рис. 7-8).

Широкомасштабные раскопки поселений бахмутинской культуры в это время проводит В.А. Иванов (рис. 9-10). В 1971-1972 гг. им в составе московского отряда Нижнекамской экспедиции обследовано Тра-Тау (Старонагаевское) (140 кв.м), Серёнкино (36 кв.м), Трикольское (24 кв.м) городища и селище Янгизнарат (112 кв.м) (Иванов, 1972). Работы 1974 г. проводились на городищах – Варьяс (92 кв.м), Петер-Тау (28 кв.м, исследована сохранившаяся часть вала), Барьязы (138 кв.м), а также Алтаевское и Урьядинское селища (Иванов, 1975). В 1977 г. В.А. Ивановым исследовалось городище Кара-Абыз, в 1978-1979 гг. продолжены раскопки Петер-Тау (Юлдашевское) (200 кв. м, исследована внешняя оборонительная линия) и

Серёнкино городища (260 кв.м) (Иванов, 1977, Иванов, 1978, Иванов, 1979). В 1980 г. В.А. Иванов провёл раскопки Казакларовского-1 (196 кв.м), в ходе которых произведён разрез внутреннего вала, а также были выявлены две впадины, притом одна интерпретируется, как слабо углубленное (20-30 см от уровня материка) жилище, вторая, как следы хозяйственной постройки. В ходе этой же экспедиции, раскоп площадью 72 кв.м., был разбит на Казакларовском-3 городище, общей площадью в 260 кв.м раскопа было дообследовано Серёнкино городище (Иванов, 1980). В 1977-1980 гг. работы В.А. Иванова проводились в соответствии с разрабатываемой сектором археологии ИИЯЛ БФ АН СССР темой «Древняя и средневековая история Южного Урала». Полученные результаты, позволили В.А. Иванову сформировать собственный взгляд на историко-культурную и хронологическую атрибуцию поселений бахмутинской культуры.

В 1973 г. Ю.А. Морозов проводил спасательные исследования Уфимского (Чертова, Уфа-1) городища (рис. 11). На памятнике им было заложено 2 раскопа, общей площадью 193 кв.м., а также разведочной траншеей был сделан разрез внутренней линии укрепления. В раскопах встречен материал бахмутинской культуры. Исходя из данных об известных находках керамики раннего железного века на городище, Ю.А. Морозов предположил, что внутренняя, сильно разрушенная, часть городища могла существовать в ранние периоды, а внешняя часть поселения, включая хорошо сохранившуюся фортификацию, вероятно использовалась бахмутинским населением (Морозов, 1973).

В 1978 г. В.С. Горбунов и М.Ф. Обыденнов продолжили исследования на Бирском городище, копали Бирское поселение и Бирское III селище (Горбунов, Обыденнов, 1978).

В 1980 отрядом ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством Б.Б. Агеева проводились спасательные раскопки на Камышенскоем II городище, площадка которого уничтожалась карьером. На южной части площадки городища был заложен раскоп площадью 120 кв.м., траншеей площадью 12

кв.м. исследована площадка у внутреннего вала. В результате раскопок получен многочисленный керамический материал, в числе которого керамика бахмутинского типа (Агеев, 1980, Агеев, Овсянников, 2000. С. 155).

Широкие раскопки реперного, для Южного Приуралья, погребального памятника эпохи Великого переселения народов – Бирского могильника проводил в 1978, 1981, 1983-1985, 1987 гг. Н.А. Мажитов. Им за это время вскрыто более 500 погребений, что сделало Бирский могильник одним из самых изученных погребальных памятников на Южном Урале, а также позволило значительно пополнить источниковую базу памятников бахмутинской культуры (Мажитов, 1978, 1981, 1983-1985, 1987). Практически параллельно Н.А. Мажитов проводит многолетние исследования на Старонагаевском (Тра-Тау) городище, где было исследовано около 3000 кв.м площади памятника.

Интенсификация археологических исследований в Уфимско-Бельском регионе в 1970-1980-х гг. связана с подготовкой района нижнего течения р. Белая, к строительству Башкирской атомной электростанции.

Большая работа по изучению бахмутинских древностей в 1980-х гг. была проделана Г.Н. Гарустовичем, им не только открыто, но и исследовано множество археологических памятников бахмутинской культуры, в их числе: Барановское-1, Какры-Куль-5 и 9, Старо-Янзигитовское, Ручейное, Бакалинские-1-4 селища, городища Какры-куль (Старомуштинское) и Кыз-Кала-Тау (Гарустович, 1981, Гарустович, 1985, Гарустович, 1991). В 1988 г. начались раскопки Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника – одного из наиболее ярких памятников эпохи Великого переселения народов (Гарустович, 1988).

Значительный вклад в изучение памятников бахмутинской культуры сделан ижевским археологом Т.И. Останиной. В 1970-1980-х гг. Т.И. Останина работала на территории Республики Башкортостан. В процессе разведочно-раскопочных работ в Уфимско-Бельском междуречье обследованы селища у д. Алтаево, в том числе на Алтаевском-3 селище, ранее изученном В.А.

Ивановым, Т.И. Останиной заложен раскоп площадью 695 кв.м (Останина, 1979. С. 2-14, рис. 1). В 1988 г. обследованию подверглись р. Изяк и р. Уза, притоки р. Уфы. В ходе работы изучены Орловское-1, Новонадеждинское, Трошкинское, Садовские-1-3, Турушлинское, Арамелевское, Старогилевские-1-2 селища, на которых обнаружена керамика бахмутинского типа (Останина, 1988). Продолженные в 1989 г. разведки включали сплошное обследование левого берега р. Уфы, от с. Павловка до с. Красная горка (Останина, 1989). В 1990 г. археологическая экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея, под руководством Т.И. Останиной начала раскопки Сорвихинского городища на территории Бирского района Республики Башкортостан. На городище была вскрыта площадь 594 кв.м. Археологический материал представлен многочисленными фрагментами лепной керамики, двумя ножами, костяным черешковым наконечником стрелы, ребристой бусиной из фаянса грязно-белого цвета (Останина, 1990).

Порядка двух десятков новых памятников бахмутинской культуры в период с 1981-1983 гг. было открыто воспитанниками археологического кружка средней школы с. Аксаитово Татышлинского района РБ под руководством учителя истории А.Н. Галиева. Маршрут археологических обследований прошёл в бассейне р. Ари, левого притока р. Буй, частично заходил в бассейн р. Юг, правого притока р. Быстрый Танып. В числе исследованных памятников: Ново-Татышлинское, Кальтяевское, Кардагушевское, Аксаитовское-1-2, Сараштыбашевское, Уразгильдинское, Арийское-1-2 городища (Галиев, 1983).

В 1988 г. широкие разведочные работы, в том числе на поселениях бахмутинской культуры проведены Б.Б. Агеевым. Исследователем уточнены топографические планы и обновлены данные около двух десятков городищ и селищ в Уфимско-Бельском междуречье (Агеев, 1989).

Таким образом, рассматриваемый этап характеризуется введением в научный оборот более 60 ранее неизвестных памятников бахмутинской

культуры. Отличительной чертой периода является нарастание интереса к археологическому исследованию поселенческих памятников.

Условно выделенный третий этап в истории археологического изучения памятников бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья заканчивается крупными социально-политическими изменениями в стране в 1990-е гг. Эти же события становятся отправной точкой четвёртого – этапа разведочных и стационарных исследований археологических объектов бахмутинской культуры.

Масштабные охранные археологические работы проводили в это время, Г.Н. Гарустович, Ф.А. Сунгатов, В.В. Овсянников, Ю.А. Морозов, Н.С. Савельев (САПРБ, 2004. С. 5-8).

В 1993 году отрядом экспедиции ИИЯЛ под руководством Г.Н. Гарустовича и В.В. Овсянникова было заложено два раскопа – на внешнем валу Какры-Кульского городища и перед ним (рис. 12). Общая площадь двух раскопов составила 248 кв.м. Изучение вала и рва городища, позволило исследователям реконструировать оборонительные сооружения на поселении (Овсянников, Тагиров, 2000. С. 165).

В 1998 г. исследование бахмутинских памятников продолжались, Ф.А. Сунгатов провёл спасательные раскопки (500 кв.м) на площадке Бажинского (Каменная гора) городища, включая исследования фортификации (Сунгатов, 1998, Овсянников, Сунгатов, 2004. С. 218-240) (рис. 13-14).

Н.С. Савельев проводил раскопки селища Вестар (около 30 кв.м) (САПРБ, 2004. С. 168).

В ходе мониторинга памятников Бирского района, И.М, Акбулатовым осмотрены памятники бахмутинской культуры, обновлены данные, скорректированы топографические планы (Акбулатов, 2005).

Активные археологические работы проводятся, в это время, на городище Уфа-2 исследователями Н.А. Мажитовым, Ф.А. Сунгатовым, А.Н. Султановой, В.И. Мухаметдиновым, Р.Р. Руслановой, И.И. Бахшиевым и др. (Мажитов, и др., 2011).

В результате выполнения научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ по разработке Проекта зон охраны объектов историко-культурного наследия г. Бирска осмотрено и выявлено около четырёх десятков поселений бахмутинской культуры, составлены подробные описания, для известных памятников обновлены планы, для неизвестных ранее сняты новые топографические схемы (Савельев и др, 2007).

Обширные разведочные работы уфимских археологов с целью инвентаризации археологических памятников на территории Республики Башкортостан проводились в 2009-2011 гг. Результатом данных обследований памятников, состоящих на государственной охране, стало уточнение границ памятников, их современного состояния, картографирование и присвоение им GPS-координат.

В последнее десятилетие в регионе активизировались хоздоговорные, инженерно-археологические изыскания силами частных организаций и индивидуальных предпринимателей, связанные с реконструкцией существующих и прокладкой новых продуктопроводов, строительством дорог, а также научно-исследовательских и проектно-изыскательских работ по разработке проектов зон охраны объектов историко-культурного наследия. В Уфимско-Бельском междуречье подобные виды работ в большинстве своём представлены разведочными обследованиями. Результатом этих работ становится ежегодное пополнение источниковой базы десятками археологических объектов.

В 2016 г. О.С. Белявская (Карпачёва) провела археологическую разведку в бассейне р. Огрязь и р. Малая Огрязь, на территории Благовещенского района Республики Башкортостан. В процессе обследования зафиксировано 5 новых археологических объектов, уточнены границы и мощность культурного слоя 2 археологических объектов (Каменная поляна-1-3, Орловка-2, 3 селища, Орловка-4, поселение (Карпачёва, 2016).

В 2017 г. Р.Р. Русланова продолжила раскопки Бирского могильника (Бирск-2, грунтовый могильник) (Русланова, 2018. С. 318-320).

В последние годы целенаправленные полевые исследования поселений бахмутинской культуры проводит А.Г. Колонских. Им выявлены городища Кудашевское II, Вотикеево-2 (по данным В.В. Овсянникова), Кардагушевское-2, Большие Шады городища, а также Исхаковское и Удельно-Дуваней-3 селище (Колонских, 2017, Колонских, 2018). С 2017 г. автор ведёт систематические полевые исследования с целью изучения фортификационных сооружений бахмутинских поселений (рис. 15-19). В процессе подготовки диссертационного исследования, автором, в ходе полевых исследований обновлены данные обо всех известных к настоящему времени укреплённых поселениях и большей части селищ бахмутинской культуры. Полученные географические (пространственные) данные археологических объектов позволили автору в своих исследованиях, применять недеструктивные методы, а также современные методы ландшафтной археологии и инструментарий ГИС-систем (Бахшиев, Колонских, 2016. С. 59-82, Колонских, 2017, Колонских, 2021).

Можно заключить, что описанный этап начинается с возобновления стабильных исследований в середине 1990-х гг., а также последующего наращивания объёмов археологических исследований в первом десятилетии XXI в.

Таким образом, изучение древностей бахмутинской культуры насчитывает более двух с половиной сотен лет. За это время местными краеведами, любителями истории, археологами-профессионалами накоплен колоссальный объём материала, в Уфимско-Бельском междуречье открыто и исследовано 365 поселений (рис. 1).

Проведённые историко-библиографические исследования позволили охарактеризовать динамику накопления источниковой базы по проблеме изучения бахмутинских древностей региона.

В результате было выделено 4 этапа в истории изучения поселений бахмутинской культуры:

I этап (вторая половина XVIII в. – конец 1940-х гг.) – первичное накопление материала. Данный этап является самым продолжительным, он начинается с первых описаний археологических объектов, фиксации мифов и легенд о тех или иных исторических событиях в регионе. В завершении его появляется первая систематизация керамического материала поселений Уфимско-Бельского междуречья (А.А. Спицын), первые попытки культурной и хронологической интерпретации (В.В. Гольмстен), а также происходит выделение и обоснование бахмутинских древностей в рамках одной археологической культуры (А.В. Шмидт).

II этап (1950–1960-е гг.) – этап планового научного изучения археологических памятников бахмутинской культуры. Это время характеризуется многочисленными археологическими разведками, в ходе которых выявляется основная источниковая база поселений. Целенаправленное научное изучение памятников бахмутинской культуры Н.А. Мажитовым в конце 1950 – начале 1960 -х гг., предоставляет внушительный объём археологического материала, который притягивает научный интерес исследователей (А.П. Смирнов, В.Ф. Генинг, Г.И. Матвеева, С.М. Васюткин) к эпохе Великого переселения народов и раннего средневековья в целом и, в частности, порождает научную дискуссию, посвящённую данной проблематике, которая, в свою очередь, не утихает до настоящего времени.

III этап (1970–1980-е гг.) – этап спасательных археологических исследований. Характеризуется нарастанием стационарных раскопочных работ на памятниках бахмутинской культуры, связанных с большими строительными проектами, реализуемыми в регионе. Исследования в ходе плановых научных тем, в это время значительно уменьшаются. Данные работы связаны с именами археологов В.А. Иванова и Т.И. Останиной, в публикациях которых вновь повышается градус научной дискуссии по проблемам генезиса, хронологии и исторической судьбы бахмутинского населения.

IV этап – (1990-е гг. – начало XXI в.) – современный этап изучения археологических памятников бахмутинской культуры. Для него в первые годы 1990-х гг. характерно падение интереса к проблемам изучения бахмутинского населения, значительное уменьшение стационарных исследований. Однако уже в конце 1990-х и начале 2000-х гг. количество полевых исследований значительно увеличивается, появляется новый археологический материал, а соответственно возрождается научный интерес исследователей к изучению древностей Великого переселения народов – раннего средневековья. Этап характеризуют также новый вид работ – научно-исследовательских и проектно-изыскательских, по разработке проектов зон охраны объектов историко-культурного наследия, связанный с одной стороны с ужесточением федерального законодательства, в сфере сохранения историко-культурного наследия, с другой, вызванный новым этапом хозяйственного освоения территорий региона.

В результате к настоящему времени известно о 373 памятниках бахмутинской культуры, 365 из них являются поселенческими объектами. Укреплённые поселения составляют 76 объектов (20,8%), неукреплённые 289 объектов (79,2%).

1.2 Проблемы происхождения, хронологии и исторической судьбы населения бахмутинской культуры в отечественной историографии

Любая реконструкция исторических процессов по археологическим материалам невозможна без предварительной культурной интерпретации, а также определения хронологии археологического материала. Для этого необходимо рассмотреть взгляды исследователей по данному вопросу. Изучение поселений бахмутинской культуры, как видно из предыдущего параграфа, имеет внушительную историю. При этом современные знания о генезисе, быте и исторической судьбе бахмутинского населения постоянно развивались и дополнялись. Этот процесс не может считаться завершённым и в настоящее время, потому как многие аспекты жизни бахмутинцев до настоящего времени не являются известными и осмысленными. Для создания максимально объективной картины происходившего необходимо проследить всю эволюцию взглядов исследователей на отдельные аспекты.

Материал поселений не позволяет получить данные о хронологии культуры в целом и отдельных памятников в частности, невозможна исключительно на материале поселений реконструкция хозяйственного уклада и характеристика социальных отношений. Это касается и других аспектов, поэтому данный раздел работы объединяет имеющиеся теоретические выводы исследователей по изучению и погребальных комплексов, и поселений бахмутинской культуры.

Дореволюционные исследователи раннесредневековых древностей не оставили практически никаких выводов по добытому ими материалу. П.И. Рычков, Н.П. Рычков Р.Г. Игнатьев, Ф.Д. Нефёдов и другие, в основном аккумулировали информацию о поселениях бахмутинской культуры, не проводя исторических интерпретаций (Рычков, 1999. с. 166-172; Рычков, 1770, с. 140-152; Игнатьев, 2013, с. 258-270; Нефедов, 1899, с. 60, 70-71). Нередко указанные исследователи называли описанные ими объекты «чудскими

городищами», либо «ногайскими валами», основываясь на легенды и предания местного населения.

Первые примеры систематизации археологического материала с территории Уфимско-Бельского региона связаны с именем А.А. Спицына. Им даны описания керамики бахмутинского типа. Подобную керамику он называет более поздней, чем керамику со шнуровым орнаментом и примесью раковины. Основываясь на сходствах керамического материала, А.А. Спицын объединяет Бирское, Костаревское и Дюртюлинское городища в рамках одного типа (Спицын, 1916, с. 89-90).

Первые интерпретации были сделаны В.В. Гольмстен, на основе археологического материала, полученного в результате раскопок Уфимского (Чертова) городища. Исследователь выделяет две эпохи. Раннюю, по многочисленным фрагментам керамики, типична для рубежа эр – это посуда, материалом для которой служила глина с примесью дресвы, песка или толченых раковин, сосуды достигали больших размеров и имели круглые днища. Наиболее часто на них встречается орнамент ямочный, который иногда покрывал всю поверхность сосуда, в других случаях орнамент представлен в виде вдавлений различной формы и занимает верхнюю часть (шейку и плечи) сосуда – эта черта, является весьма характерной для керамики указанного времени (Гольмстен, 1913, с. 8-10). К более позднему времени (XIV-XVI вв.) В.В. Гольмстен относит два обломка керамики – сосуды из глины без всяких примесей, имеющих вид узкогорлых неорнаментированных кувшинов. Данные, полученные в ходе изучения керамики, исследователь также подтверждает индивидуальными находками, обнаруженными в результате раскопок городища. Первая более древняя эпоха, по мнению автора раскопок, соотносится с древностями волжско-камских финнов. Культурная интерпретация позднего периода, по мнению В.В. Гольмстен связана с ногаями, либо кочевниками, пришедшими из Азии, либо Сибири. Разрез вала Уфимского городища позволяет ей выделить три строительных горизонта.

Первые два соотносятся с ранней эпохой существования городища, третий с поздним временем (XIV-XVI вв.) (Гольмстен, 1913, с. 10-14).

Выделение памятников бахмутинской культуры, из общего массива древностей Южного Приуралья, проведено с А.В. Шмидтом, на материалах, исследованных в 1928 году Бахмутинского могильника, Чандарского селища и городища (Соколиный Камень), а также на городищах Кара-Абыз и Бажинское (Каменная гора). Временные рамки культуры, основанные на данные некрополя, были определены в пределах V-VII вв. н.э., им же были выделены хронологические периоды: V-VI и VI-VII вв. (Бахмутино I и Бахмутино II) (Шмидт, 1929. С. 20, 23). Хронологические аналогии бахмутинской культуры А.В. Шмидт находил в харинском типе (IV-V вв.) соответствующем ранней группе бахмутинского населения и ломоватовской культуре (VI-VIII вв.), синхронной поздней группе (Шмидт, 1929. С. 25). На исследованных Чандарском селище и городище А.В. Шмидт выделяет керамику «чандарского типа» – все или почти все сосуды круглодонны, часть из них имеет вид чашек, другие обладают невысокой шейкой, состав глины характеризуется примесью мелких камешков (раковины и шамота не отмечено), цвет керамики красный или желто-красный, толщина стенок от 5 до 8 мм, подавляющий орнамент состоит из небольших круглых ямок, покрывающих всю поверхность сосуда, отмечены пояски насечек ёлочкой, гребенчатые зигзаги, пояски штампованных уголков, по верху края нередко бывает орнаментация рубчиками (Шмидт, 1929, с. 23). Таким образом, А.В. Шмидт считал керамику обеих стадий Бахмутиноского могильника, тождественной материалам изученных поселений. Важное замечание заключается в том, что в состав «чандарского типа» керамики, исследователь включает и керамику с ямочным орнаментом по всему тулову, как и керамику, украшенную ёлочным, гребенчатым и орнаментом в виде насечек по срезу устья.

Следующие несколько десятилетий, после работ А.В. Шмидта, пополнения источниковой базы не производилось (рис. 20). При этом А.П.

Смирновым была несколько скорректирована хронология бахмутинских материалов, ранний этап бытования был несколько удревнен – III-V вв., поздний этап остался в пределах V-VII вв. (Смирнов, 1958. С. 52-54).

Значительно пополнив источниковую базу, в ходе целенаправленного поиска и исследования поселенческих и погребальных памятников, своё видение вопросов происхождения, быта и исторической судьбы бахмутинской культуры сформировал Н.А. Мажитов. По вопросам основных характеристик исследователь, разделял мнение А.В. Шмидта и А.П. Смирнова. Раскопки Бирского, Каратамакского и Бахмутинского могильников, позволили ему подтвердить наличие двух этапов развития культуры, с некоторым удревнением начала раннего (II-IV вв.), и сохранением хронологии позднего (V-VII вв.) этапа (Мажитов, 1968. С. 11). Мажитовым Н.А. в это время высказывается точка зрения о местном происхождении ранних памятников бахмутинской культуры, на основе пьяноборской (в рамки которой он включал и кара-абызские памятники), в ходе внутренних изменений, происходивших в общественной и экономической жизни местных племён.

Поздний этап бахмутинской культуры исследователь считает неразрывно связанным с пришлыми, тюркскими населением турбаслинской культуры. Н.А. Мажитов не располагал достаточным количеством материала для реконструкции хозяйства, культурно-торговых связей и социального облика бахмутинских племён. Имеющиеся же источники, позволили ему охарактеризовать два основных типа бахмутинской керамики. Первый представлен сосудами больших размеров, сплошь украшенные мелкой ямкой по наружной поверхности, имеющих открытые горла и шарообразные тулова с округлым дном, шейки невысокие, прямые или слабоотогнуты наружу и плавно переходят в стенки. Данные сосуды не обнаруживают разницу между диаметром горла (15-25 см), они также идентичны сосудам из поздних погребений Бирского и Бахмутинского могильников.

Выделение сосудов второй группы исследователь считал условным, потому как они очень близки по профилировке вышеописанным. В отличие от

сосудов первой группы, они имеют меньшие размеры. В эту же группу Н.А. Мажитов включает сосуды чашевидной формы, украшенные кругло-ямочным наколом по шейке и насечками по верхней части тулова. Обе группы керамики по мнению исследователя имеют одинаковую примесь дресвы в глине. В результате Н.А. Мажитов пришёл к выводу, что обе группы сосудов существовали одновременно (Мажитов, 1968. С. 46-48). Происхождение керамики бахмутинской культуры Н.А. Мажитов генетически связывает с керамикой кара-абызских поселений (Мажитов, 1968. С. 61-62).

Описанные выше взгляды Н.А. Мажитова не однократно претерпевали пересмотра самим автором, однако последние работы в общих чертах повторяют выводы, полученные ещё в 1960-хх гг. То есть, бахмутинская культура хронологически существовала в пределах раннего (раннебахмутинского) – III-V вв. и позднего (бахмутинского, позднебахмутинского) – V-VIII вв. Её возникновение генетически связано с предшествующим пьяноборским и кара-абызским населением. Поздние памятники формируются в результате взаимодействия с пришлым турбаслинским, кушнаренковским и кара-якуповским населением.

На ранней стадии поселения располагаются на площадках предшествующих культур, а на позднем этапе бахмутинцы широко расселяются не только на крупных реках, но и активно осваивают все притоки основных водных артерий региона. Хозяйство представлено в большей части земледелием и пастушеским скотоводством (Мажитов, 2012. С. 124-142, 144-146). Ареал расселения бахмутинской культуры автор очерчивает в Уфимско-Бельском междуречье и на Средней Каме, включая в состав бахмутинской и памятники мазунинской культуры, расположенной на правобережье р. Камы, объясняя это аналогичностью материалов могильников и поселений.

Исследований фортификационных сооружений Н.А. Мажитов не производил, результаты его разведочных работ также не дают исчерпывающей информации о характере и специфике топографии, локализации и типологии поселений бахмутинской культуры. При этом автор связывает появление

мощных фортификационных сооружений и традиции эскарпирования склонов площадок с поздним этапом существования поселений (Мажитов, 2012. С. 140).

Иную точку зрения на материалы Уфимско-Бельского междуречья выражал В.Ф. Генинг. Противоречия, возникшие в ходе изучения археологического материала, выразились в продолжительную дискуссию между В.Ф. Генингом и Н.А. Мажитовым. Стоит заметить, что выявленные исследователями противоречия, не могут быть однозначно решены и в настоящее время.

В своих ранних работах, посвящённых мазунинской культуре, В.Ф. Генинг категорически разделяет памятники бахмутинской и мазунинской культур, при этом допуская наличие территории (в районе впадения р. Белой в р. Кама), на которой встречаются поселения как с бахмутинским, так и с мазунинским типом керамики. Возникновение мазунинской и бахмутинской культур, он связывал с приходом на Среднюю Каму западносибирского населения, которое ассимилировало немногочисленное местное пьяноборское население. По мнению В.Ф. Генинга не существовало и генетического родства между пьянобрским и бахмутинским населением (Генинг, 1967, с. 46-61). Исследователь датирует мазунинскую культуру III-IX вв., при этом известные на тот момент могильники датировались ранней стадией (III-IV вв). Поздние этапы выделены на основании типологии укреплённых поселений, которая характеризует и хронологию их бытования. Принцип классификации основан на уменьшении площади укреплённых площадок с течением времени: более 10 тыс. кв.м – III-V вв.; 5-9 тыс. кв.м – VI-VII вв; 2-4 тыс. кв.м – VIII-IX в. (Генинг, 1967. С. 20-22).

Несколько позже В.Ф. Генингом был высказан иной взгляд на памятники бахмутинской культуры (Генинг, 1972). В соответствии с ним мазунинская культура занимала обширные территории не только по правобережью р. Кама, но и всю северо-западную Башкирию в нижнем течении р. Белая, до устья р. Бирь, а возможно, и южнее. Мазунинская

культура, в процессе формирования не являлась однообразной. Различия территориального характера проявились в возникновении её удмуртского и башкирского вариантов. Её формирование связано с продвижением кара-абызцев на север и их смешением с нижнебельским населением чегандинской (пьяноборской) культуры (Генинг, 1988. С. 220).

Памятники Уфимско-Бельского междуречья, не вошедшие в состав мазунинской культуры, были объединены В.Ф. Генингом (на основании сходства имендяшевской и бахмутинской керамики) в бахмутинскую культуру, которая образовалась в результате смешения убаларского и кара-абызского населения и занимала ограниченную территорию от устья р. Уфы до устья р. Юрюзань. Всё население III-V вв., по мнению В.Ф. Генинга являлось местным развитием чегандинской, кара-абызской и убаларской культур, население которых пришло в движение в виду роста народонаселения и истощения ресурсов их локальных территорий расселения (Генинг, 1972. С. 246, Генинг, 1988. С. 220).

Для памятников следующего хронологического этапа В.Ф. Генинг вводит понятие археолого-этнического типа, так как в виду пестроты этнического состава, но при схожих чертах материальной культуры и территории для Северной Башкирии и Южной Удмуртии, термин «археологическая культура», по его мнению, не может быть применим (Генинг, 1972. С. 53). В соответствии с этим положением V-VIII вв. н.э. датируются позднемазунинский тип, сохранивший основные традиции мазунинской культуры III-V вв. и бахмутинский, выделенный по погребениям и керамике (в основном Бахмутинского могильника) продолжающим традиции бахмутинской культуры III-V вв. Кансиярский тип, выделен на основании керамики поселений, а бирский и чандарский по специфике погребального обряда и керамических комплексов (могильная яма с нишей-подбоем выше дна погребальной камеры, сосуд и кость лошади в погребении, шаровидное тулово сосудов, игольчатые наколы, насечки по венчику) (Генинг, 1972. С. 258, 261). При этом керамику чандарского типа, В.Ф. Генинг считал

не местной для региона, и её появление связывал с приходом западносибирского населения. Сосуществующие вместе археолого-этнические типы в пределах одной территории в эпоху V-VII вв., были объединены В.Ф. Генингом в понятие «кушнаренковской эпохи», «кушнаренковского массива» (Генинг, 1972. С. 295; Генинг, 1988. С. 221).

Теоретические наработки Н.А. Мажитова и В.Ф. Генинга основывались на археологическом материале, добытом ими в результате полевых исследований. Доступная в тот момент источниковая база, к которой апеллируют исследователи, была в значительной степени ограничена. Это ни в коем случае не умаляет их достижений в вопросах генезиса, типологии и хронологии. Материал поселений, в отличие от ситуации в настоящее время, ввиду своей специфики чаще использовался в качестве дополнительного, сопутствующего, в решении ключевых вопросов интерпретации исторической ситуации в регионе. Поэтому основное место в работах исследователей занимают именно данные погребальных комплексов.

Состояние источниковой базы в настоящее время, позволяет обоснованно утверждать, что в своих работах В.Ф. Генинг не смог уделить достаточного внимания материалу поселений Уфимско-Бельского междуречья, а Н.А. Мажитов, материалу поселений Удмуртского Прикамья. Этот факт, вероятно, является основной причиной отсутствия консенсуса в описанной дискуссии.

Исследования поселений в Уфимско-Бельском междуречье (в том числе памятники бахмутинской культуры) проводил В.А. Иванов. В 1970-1980-х гг. Им, активно применялся метод статистической обработки керамики, предложенный в своё время В.Ф. Генингом (Генинг, 1973).

В.А. Иванов считает, что бахмутинская культура, сформировалась в середине I тысячелетия н.э., и была одним из вариантов развития финно-пермской этнической общности, генетически восходящей к местным населением раннего железного века. Данные выводы сделаны на основе формально-типологического сходства бахмутинского погребального обряда с

обрядом мазунинской и кара-абызской археологических культур. Высоким оказалось и типологическое сходство керамического материала бахмутинской культуры с керамикой предшествующих пьяноборской и мазунинских культур. Одновременно с этим, бахмутинская культура имеет в себе некоторые инновации не приуральского происхождения (Иванов, 1999. С. 35).

Хронологические рамки раннесредневекового населения Уфимско-Бельского междуречья с точки зрения В.А. Иванова, выглядят следующим образом: конец II-первая половина III вв. н.э. – IV в. н.э. (мазунинская культура); V-VII вв. н.э. (бахмутинская культура) (Иванов, 1984. С. 15-22; Иванов, 2009. С. 66-68). Мазунинская культура продолжает традиции местного пьяноборского населения. Вторая половина IV в. н.э. ознаменовалась приходом воинов кочевников, оставивших памятники типа Тураево, Старая Мушта, Кудашево. Местное население под натиском пришельцев отступили на восток от Камы, вследствие чего в Уфимско-Бельском междуречье, складывается бахмутинская культура. Бахмутинцы, в свою очередь, ощутили ещё одну волну пришлого (турбаслинского) населения на рубеже IV-V вв. (Иванов и др., 2013. С. 19-21, 25-26).

Исследования керамической коллекции городища Петер-Тау (Юлдашевское), позволили В.А. Иванову выявить высокое сходство в степени профилировки верхних частей сосудов пьяноборской и бахмутинской культуры. Оба варианта имеют слабопрофилированные шейки и слабовыпуклые плечики. Коэффициент абсолютного сходства размеров сосудов пьяноборского и бахмутинского комплексов составил 94,5%. Для обоих комплексов также являются характерными одни и те же формы сосудов: круглодонные горшки с отогнутыми наружу, прямыми (вертикальными) или наклоненными внутрь шейками, коэффициент сходства по этому признаку равен 85,5%.

Отличия выявлены в характере оформления устья сосудов (с преобладанием плоского у пьяноборских сосудов и закругленного у бахмутинских) и в примеси к глиняному тесту (пьяноборская традиция

представлена раковиной, бахмутинская песком и галькой). Более значительны, по мнению исследователя, отличия в зонах размещения и мотивах орнамента. Если 77,5% пьяноборских сосудов украшены горизонтальным пояском ямок по шейке, а 16,6% – насечками или защипами по венчику, то бахмутинский комплекс на 80,1% состоит из сосудов, украшенных круглыми или бесформенными ямками, беспорядочно разбросанными по всему тулову, из них 7,9% сосудов, украшены ещё и насечками по венчику, а 16,6% бахмутинских сосудов, помимо разбросанных по тулову ямок, имеют чётко выраженный горизонтальный поясок из круглых ямок по шейке (Иванов, 1982. С. 204-207).

Большинство выводов, полученных В.А. Ивановым в ходе изучения керамического комплекса городища Петер-Тау, актуально по настоящее время. Однако стоит заметить, что в работе исследователь не выделяет мазунинскую керамику, которая встречается на поселении. При том что В.А. Иванов чётко разграничивает раннебахмутинскую, которая украшена пояском ямок по шейке в сочетании с насечками по венчику и плечикам, а также бахмутинскую (позднебахмутинскую, чандарскую) – круглодонные сосуды с примесью песка и мелкой гальки, украшенные ямками, беспорядочно разбросанными по тулову, насечками по венчику и плечикам (Иванов, 1982. С. 202-203).

В результате изучения фортификационных сооружений Юлдашевского городища, на внешней линии укрепления были зафиксированы три строительных горизонта. Самый поздний из них представлял собой деревоземляную конструкцию в виде горизонтально лежащих на внутреннем склоне вала жердей и брёвен, которая по мнению В.А. Иванова, как и «цитадель» (кольцевой вал в северном конце мыса городища) возникла в бахмутинское время (Иванов, 1982. С. 207).

Исследователем также был обследован внешний вал городища Варьяс. В профиле западной стенки раскопа, в насыпи вала им зафиксировано

скопление булыжника, которое, по его мнению, является, частью вала (Иванов, 1974. С. 2-3).

В 1980 г. В.А. Ивановым произведён разрез внутреннего вала Казакларовского I городища. На материке была возведена небольшая насыпь из суглинка, изъятого при рытье рва, по внешнему склону прослежены следы древнего дёрна. Ров представляет собой неглубокую (не более 50 см), но широкую (5 м), канаву с ровным дном. У внутреннего подножия насыпи были вырыты две параллельные канавы. Одна непосредственно у основания насыпи (ширина 55 см, глубина 65 см), вторая (ширина 50 см, глубина40 см) на расстоянии 1,75 м к югу от первой.

В.А. Иванов исключает их интерпретацию, как основания стен (частокола) в виду отсутствия древесных останков. Позже насыпь вала была увеличена, за счёт присыпки внешнего склона суглинком, частично засыпавшим ров, а внутренний склон вала был засыпан слоем гумуса и супеси, вероятно, взятых с площадки городища. По внутреннему склону вала на расстоянии 1 м от его условной вершины, на глубине 25 см от современной поверхности выявлены две прослойки сажи и мелких кусочков угля, мощностью до 35 см, шириной 2,25 и 1,15 м (Иванов, 1980. С. 4-5).

В обобщающей работе по вооружению и военному делу населения Приуралья в эпоху раннего железа, В.А. Иванов, отступив на непродолжительное время от своей точки зрения о различиях материалов мазунинских и бахмутинских поселений, как и Т.И. Останина, объединяет памятники Удмуртского Прикамья и Уфимско-Бельского междуречья в одну культуру – мазунинскую (Иванов, 1984. С. 21-22). Немногим позже он вновь вернулся в своих взглядах на прежние позиции, однако характеристику укреплённых поселений, в публикации 1984 г., даёт суммарно по материалам мазунинских и бахмутинских поселений. Типология городищ в работе, их характеристика и специфика топографического расположения также соответствует данным Т.И. Останиной, которые будут описаны ниже.

Исследованные В.А. Ивановым укрепления городищ Петер-Тау (Юлдашевского), Варьяс, Казакларовского I, а также изученные к тому времени Кара-Абызское и Уфимское (Чертово), позволили исследователю утверждать, что развитие фортификационного дела происходило на местной основе, конструкции валов представлялись простыми земляными насыпями без дополнительных усиливающих конструкций и со рвами, практически не имевшего никакого оборонительного значения. Укрепления предыдущих эпох, население Уфимско-Бельского междуречья также обновляло лишь присыпкой грунта (Иванов, 1984. С. 66-67).

С этими выводами В.А. Иванова невозможно согласится, в виду появления новых данных (Овсянников, Сунгатов, 2005. С. 218-240), а также проведённых в последнее время, автором настоящего исследования, раскопок фортификационных сооружений бахмутинской культуры в Уфимско–Бельском междуречье. В результате оборонительные сооружения уже не выглядят столь незначительными, а традиция фортификации, вероятнее всего, имеет определённые инновации, не известные и не используемые в предыдущие эпохи.

Останина Т.И. объединяет памятники Удмуртского Прикамья (южные районы Республики Удмуртия) и Уфимско-Бельского междуречья (северо-западные районы Республики Башкортостан) в единую мазунинскую культуру и развивает тезис В.Ф. Генинга о существовании «башкирского» и «удмуртского» локальных вариантов (Останина, 1997. С. 171-172). В V в. н.э. мазунинские памятники без каких-либо внешних причин прекращают своё существование, население покидает свои территории и возможно участвует в генезисе поломской археологической культуры. Т.И. Останина утверждает, что в результате взаимодействия носителей «мазунинских» культурных стереотипов Уфимско-Бельского междуречья и пришлого населения (турбаслинского и кушнаренковского) в VI – VII вв. выделяется бахмутинский тип памятников (Останина, 1997. С. 179-182).

Т.И. Останиной памятники Удмуртского Прикамья и Уфимско-Бельского междуречья объединены в рамках одной культуры, в своих работах она использует и материалы поселений бахмутинской культуры, поэтому полученные результаты являются ценными для настоящего исследования.

Основная часть фактического материала поселений Уфимско-Бельского междуречья была обработана и опубликована совместно с В.А. Ивановым, при этом опираясь на одни источники, авторами были сделаны не одинаковые выводы (Иванов, Останина, 1983).

В ходе картографирования памятников Уфимско-Бельского междуречья, Т.И. Останина приходит к выводу, что на границах ареала количественно преобладают укреплённые поселения, которые сопровождаются одним-двумя селищами, а в центре расселения культуры, количество неукреплённых площадок в округе городищ увеличивается. По мнению исследователя, это вызвано необходимостью защиты населения с юга от степных кочевников, а с севера и востока от вероятного нападения неволинских и других соседних племён (Останина, 1997. С. 85-86).

Характерным по мнению Т.И. Останиной, является расположение селищ на невысоких относительно поймы реки берегах, на уровне 3-6 м. Система расселения отличалась от традиций пьяноборского времени, расселением на низкие берега мелких речек. Материал неукрепленных площадок чаще всего невелик и беден находками. В среднем площадь селищ в Уфимсо-Бельском междуречье варьируется в пределах 8000-10000 кв.м. (в Удмуртском Прикамье 2000-4000 кв.м).

Т.И. Останиной разработана типология городищ, где основным признаком является площадь укреплённой площадки, мощность культурного слоя и система укреплений. В результате ею были выделены 3 группы поселений. Первая группа – это сторожевые крепости с малой площадью от 0,5 до 3,5 тыс. кв.м, со слабым или отсутствующим культурным слоем. Фортификация представлена пятью вариантами: с одним валом, расположенные на высоких мысах, достигающих 100 м, чаще они находятся

на берегах крупных рек (мазунинские памятники чаще расположены на невысоких 8-16 м мысах); с двумя валами, расположенные на месте впадения мелких речек в крупные; с тремя валами; четырьмя валами; с естественной защитой в виде высокой отдельно стоящей горы или высокой возвышенности, отделённой от береговой террасы естественным оврагом – канавой. Почти все городища имеют треугольную, удлиненно-треугольную (языковидную) форму, реже прямоугольную и круглую. Т.И. Останина интерпретирует данные городища, как сторожевые крепости, наблюдательные пункты, которые могли использовать систему сигнальных костров для коммуникации.

Вторая группа – одноплощадочные городища-поселения с большой площадью. По размерам подразделены на две подгруппы: с очень большой площадью (18-35 тыс. кв.м, они располагаются в верховьях р. Быстрый Танып и междуречье Бири и Уфы), все они имеют слабый культурный слой и укреплены одним-двумя валами; с площадью от 4 да 13 тыс. кв.м и четырьмя вариантами защиты (один вал, два, три и с естественной защитой).

Третья группа – многоплощадочные городища-поселения, располагающиеся на высоких мысах языковидной формы, имеют мощные укрепления и бедный находками культурный слой.

Исследователь выделяет 4 вида очагов и 4 вида ям. При этом в «башкирской» группе встречены лишь очаги первых двух типов: прокаленные пятна подстилающей глины, песка или глиняной подсыпки (подушки) овальной, подпрямоугольной, треугольной и круглой формы, мощность прокала в пределах 10-30 см; пятна прокаленной глины (подушки) с камнями. Чаще на поселениях встречены овальные, подпрямоугольные, круглые, реже трапециевидные и треугольные в плане ямы, с вертикальными стенками, плоским или закруглённым дном, глубиной да 105 см, располагавшиеся в жилищах, около них, в пределах построек и у очагов по краю городищ. Данный тип ям, вероятно, служил в качестве выгребных, наиболее глубокие для хранения продуктов. Второй тип – ямы с вертикальными стенками, со ступеньками сбоку, глубиной 42-112 см, сооружавшиеся в жилище, вероятно

производственного использования (печи для плавки). Третий тип – это ямы подколоколовидной формы, глубиной 75-198 см, вероятно, используемые для хранения молочных и мясных продуктов (типа холодильников), располагались по краям площадке поселения, вблизи очагов и жилищ. Четвёртый тип– ямы трапециевидной формы, расширяющиеся к низу, глубиной 75-120 см. Эти ямы всегда расположены у очагов и вероятно служили для хранения продуктов. В количественном плане для всех поселений наиболее характерным является первый тип, второй имеет незначительный процент (12%). Ямы типа три и четыре, характерны только для поселений Уфимско-Бельского междуречья.

По мнению Т.И. Останиной, для мазунинской культуры характерны наземные, срубные прямоугольной формы жилища, поставленные на поверхность почвы (при этом жилищный котлован на Казакларовском I городище углублён на 20-30 см), с нарами-лежанками, очагом и несколькими хозяйственными ямами.

Керамический комплекс мазунинской культуры, исследован по программе статистической обработки материалов шести укрепленных поселений (Постольское, Сосновское, Чужьяловское, Казакларово I, Барьязинское, Юмакаевское). Это позволил определить следующие гончарные традиции: сосуды низкогорлые, широкогорлые, шейка слабо или среднепрфилирована, слабо или средневыпуклые, средних размеров (диаметр 16-25 см). Орнамент чаще располагается в верхней части сосудов, на памятниках бассейна р. Белая его могли наносить и на тулово. Мотивы орнамента: защипы или насечки по венчику, горизонтальные ряды (чаще 1-3 ряда) круглых, треугольных, овальных, ромбических, прямоугольных ямок, круглые ямки, расположенные хаотично по всему тулову, в виде ёлочки по плечику из разных форм вдавлений.

Исследователь отмечает бедность орнамента и его редкость, что на наш взгляд, не является объективным для памятников Уфимско-Бельского междуречья. Для каждого памятника зафиксирован индивидуальный состав глиняного теста. При этом Т.И. Останина отмечает, что примеси раковины и

растительности чаще всего встречаются на памятниках правобережья р. Камы, а песка и песка с галькой – на правобережье р. Белой. Корреляция зафиксированных форм позволила выделить 4 типа посуды: 1) округлодонные горшки с выпуклыми плечиками и отогнутыми наружу шейками (93,7% всей керамики); 2) округлодонные горшки с прямыми (вертикальными) шейками и выпуклыми плечиками (3,5%); 3) округлодонные горшки закрытого типа с шейкой, наклоненной внутрь и выпуклыми плечиками (0,4%); 4) округлодонные непрофилированные чаши (2,4%).

В ходе сопоставления керамики был получен результат, в соответствии с которым памятники бассейна р. Белой (Казакларовское I, Барьязы, Юмакаевское) образуют между собой устойчивые типологические связи, свидетельствующие об их культурном единстве. То же демонстрируют и памятники правобережья р. Камы – Чужьяловское, Сосновское, Постольское городища. Показатель сходства керамического материала памятников правобережья р. Камы и р. Белой, позволил выявить исследователю их культурное сходство и хронологическую близость (Останина, 1997. С. 100-101).

Т.И. Останиной проделана огромная работа по обобщению материалов поселений Удмуртского Прикамья и Уфимско-Бельского междуречья, однако, на наш взгляд, исследователь не уделил особого внимания отличиям источниковой базы, чётко уловив сходные черты. Характерные типы поселений, специфика их локализации, площадь объектов, постройки и отдельные конструкции (жилища, очаги, ямы), фортификация, гончарные традиции (формы, орнамент, состав формовочных масс), индивидуальные находки – это все те признаки, по которым памятники Уфимско-Бельского междуречья имеют выраженные отличия от материалов правобережья р. Камы.

В 1960-х гг. в Башкирии работала Г.И. Матвеева, она чётко разделяла памятники III-V вв., которые маркировались погребениями соответствующего времени, а также керамике, представленной невысокими чашами с отогнутой

наружу шейкой, орнаментированной пояском круглых и треугольных ямок. Эти памятники, расположенные в Среднем Прикамье и Бельско-Уфимском междуречье она предлагает называть мазунинскими. В её формировании принимали участие не только и не столько пьяноборцы, сколько население кара-абызской культуры. Единственным отличием мазунинской керамики от пьяноборской, Г.И. Матвеева считает состав глиняного теста: пьяноборская обычно содержит примесь раковины, мазунинская – примесь песка и мелких камешков. При этом формы сосудов одни и те же – низкие чаши с отогнутой шейкой, плавно переходящей в тулово. Встречаются сосуды с резким переходом шейки к тулову, образующие ребро, они близки сосудам имендяшевского типа и происходят от сосудов убаларского варианта кара-абызской культуры (Матвеева, 1969. С. 56-62, 69-72).

В V в. на памятниках Уфимско-Бельского междуречья происходят значительные изменения. Появляются южные типы вещей и так называемая чандарская керамика. Эти отличия позволяют исследователю выделять новую, бахмутинскую культуру, датируемую V-VII вв. (Матвеева, 1969. С. 66-68).

Широкие раскопки поселений бахмутинской культуры позволили Г.И. Матвеевой дать характеристику городищ и селищ, выявить конструкции и жилища, разработать их типологию и хронологию. Селища располагаются на сравнительно невысоких террасах, поверхность многих из них распахивается. Имеются огромные поселения площадью до 25000 кв.м. (Актанышское II, Быргындинское III, Тибельское) однако преобладают селища площадью от 1000 до 10000 кв.м. (Савкиязское – 6000 кв.м., Менегезское – 5400 кв.м., Ивановское III – 3200 кв.м.). По мнению Г.И. Матвеевой, как на Каме, так и на территории Башкирии встречаются однослойные, двух и трёхслойные городища. Однослойные городища содержат однородную керамику мазунинского типа, эти городища существовали только в период с III по V вв. (Сергеевское, Тутагачевское (Ур), Юг-Хуторское городища; Верхне-Иванаевское – 1,2,3, Савкиязское, Менегезское селища). На других поселениях, кроме описанной керамики, встречается пьяноборская (Ново-

Медведовские 2 и 4 селища, Уяндыкское, Андреевское, Верхне-Малиновское и др. городища). Эти поселения, возникнув в пьяноборское время, были обитаемы и в III-V вв. Третья группа поселений (Кансиярское, Юмакаевское, Сорвихинское городища) содержат керамики двух типов: мазунинскую и чандарскую, которая появилась в V в н.э. Наибольшие площади занимают поселений возникшие на рубеже II и III вв. их площадь превышает 10000 кв.м., городища имеют мощные укрепления. Чандарская керамика, по мнению исследователя, не встречается в погребениях III-V вв., а также на поселениях этого времени (Богородское городище, Тибельское селище и др.) (Матвеева, 1969. С. 55-62).

Ведущими отраслями хозяйства указанного населения были земледелие и скотоводство. Первоначально земледелие, как и в предшествующую эпоху, продолжало оставаться мотыжным, в условиях леса и лесостепи оно развивалось в подсечно-огневой форме (находки мотыг в погребениях Каратамакского и Бирского могильников). С пашенным земледелием впервые познакомилось именьковское и азелинское население в середине первого тысячелетия. Для размола зерна применялись зернотёрки, плиты-куранты и жернова, среди земледельческих культур были распространены полба и пшеница-двузернянка (Матвеева, 1969. С. 165-166).

Основой коллектива стала большая патриархальная семья, род перестал играть роль единого хозяйствующего коллектива. Поселения III-V вв. имеют очень большие размеры и мощную систему укреплений (Сорвихинское, Камышинское городища), здесь продолжается кара-абызская традиция. Данные памятники, несомненно, являются центрами или местами обитания целых племён, которыми и создавались укрепления. Вокруг этих больших городищ находится по несколько селищ, обитатели которых могли на них скрыться (Матвеева, 1969. С. 180).

Возникшие в V в. городища и селища, наоборот, отличаются меньшими размерами. Такого рода поселения, видимо, можно рассматривать как поселки нескольких патриархальных семей (Матвеева, 1969. С. 181-183).

Некоторые выводы, оставленные Г.И. Матвеевой, очень подробно проработаны на материалах поселений и вполне правомерны, при этом многие из них не являются актуальным в настоящее время, потому как керамика чандарского (бахмутинского) типа обнаружена на Тибельском, Верхне-Иванаевском – 1,2,3, Савкиязском и Менегезском селищах, Тутагачевском, Камышенском – 1 и Юг-Хуторском городищах, которые, по мнению исследователя, существовали исключительно в III-V вв.

С.М. Васюткин объединял материалы Удмуртского Прикамья и Уфимско-Бельского междуречья в рамки одной культуры, а памятники мазунинской культуры предлагал рассматривать как вариант бахмутинской. Хронология некрополей определялась им в пределах раннего этапа – III-V вв. (Кара-Тамакский, Ангасякский, Старо-Кабановский, Ижевский, Сайгатский, Чепанихинский, Нивский могильники, а также 70 ранних комплексов Бирского и Бахмутинского) и позднего – V-VII вв. (Бирский и Бахмутинский) (Васюткин, 1971. С. 93-108, Васюткин, 1994. С. 67-68). Происхождение раннебахмутинских памятников, по мнению С.М. Васюткин происходит преимущественно на местной пьяноборско–кара-абызской основе, при участии пришлых племён (Васюткин, 1980. С. 91). В V в. бахмутинская культура претерпевает некоторые изменения, связанные с включением в свой состав части турбаслинских племён. О каких-либо значительных культурных и тем более этнических связях бахмутинского, кушнаренковского и романовско-именьковского населения говорить, по мнению исследователя, не приходится (Васюткин, 1971. С. 93-108).

В 1950-х гг. А.П. Смирнов выдвинул мнение о том, что в III в. до н.э. на территории Прикамья ананинская культура сменяется пьяноборской и существует на этой территории вплоть до V в. н.э. (Смирнов, 1952. С. 81). Продолжателем этих идей является ижевский археолог Р.Д. Голдина. Исследования Тарасовского могильника, позволил ей утверждать, что развитие населения Среднего Прикамья происходило в виде довольно плавной эволюции, включающей несколько этапов начиная со II в. до н.э. по V в. н.э.

(Голдина и др., 2015. С. 4-5). Пьяноборская общность, по мнению Р.Д. Голдиной, делится на несколько локальных вариантов: чегандинский (удмуртское Прикамье, низовья Белой), худяковский (бассейн Вятки), кара-абызский (среднее течение Белой) и красноярский (бассейн Тулвы и Среднее Прикамье). Завершающим этапом развития пьяноборской культурно-исторической общности на территории Прикамья становятся археологические памятники мазунинского типа (III-V в. н.э.) (Голдина, 1999. С. 402). В эпоху раннего средневековья начиная с V в. н.э., низовья реки Белой населяли бахмутинские племена, ставшие потомками кара-абызского и чегандинского населения. Однако вследствие постоянного притока инородного турбаслинского, кушнаренковского, романовского населения, уже в VII в. бахмутинские памятники перестают существовать (Голдина, 1987. С. 100).

Корреляционный и статистический анализ 692 погребений Бирского могильника, позволили А.Н. Султановой составить свою картину развития населения Приуралья III-VIII вв. (Султанова, 2000. С. 128-138). Появление раннебахмутинской (мазунинской) культуры III-V вв. н.э. А.Н. Султанова связывает с эволюционным развитием местных пьяноборской и кара-абызской культур, при посредничестве представителей степного мира – носители курганного обряда захоронения Старо-Муштинского могильника. Население V-VIII вв., по мнению исследователя, представляет новое «бахмутинское» общество, появление которого вызвано процессом смешения местного (раннебахмутинского) и пришлого (турбаслинского, кушнаренковского и караякуповского) при этнической доминанте первого. Условно согласившись с В.Ф. Генингом, А.Н. Султанова выделяет археолого-этнические типы, присущие отдельным категориям погребального комплекса этнически монолитной общности.

Солидарность А.Н. Султановой выразил коллектив авторов публикации материалов Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника (Ф.А. Сунгатов, Г.Н. Гарустович, Р.М. Юсупов) (Сунгатов и др., 2004. С. 3-5). Появление в III в. н.э. раннебахмутинской (мазунинской) культуры

исследователи связывают не только с эволюционным развитием местного населения, но и с оседанием кочевых племён. Этническое своеобразие автохтонных племён изменяется в V в. н.э., с приходом следующей волны кочевников турбаслинской, кушнаренковской и караякуповской археологических культур, выразившихся в появлении тесных этнокультурных связей. По предположению Ф.А. Сунгатова, который ориентировался на выявленные антропологами связи между носителями бахмутинских культурных стереотипов и северными башкирами, бахмутинцы могли остаться на местах своего пребывания и после VIII в. н.э. (Сунгатов, 2002. С. 28-29).

По мнению А.А. Красноперова, мазунинские памятники берут своё начало во второй половине III в. н.э. в поздних пьяноборских комплексах. В это же время появляются самые ранние мазунинские комплексы в Удмуртском Прикамье (Тарасовский, Афонинский, Ныргындинский 1 могильники) и Уфимско-Бельском междуречье (погребения Бирского могильника). Далее традиции мазунинской культуры распространяются на памятниках Уфимско-Бельского междуречья, где, под влиянием пришельцев, оставивших курганы Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника и, вероятно, памятники имендяшевского типа, начинают трансформироваться. Тогда появляются комплексы (Ангасякский, Мало-Качакский, Старо-Кабановский, Каратамакский, Югамашевский, ранние погребения Бирского и Бахмутинского могильников) с чертами, получившими в литературе наименование «бахмутинские», памятники в Удмуртском Прикамье, прекращают своё существование. (Красноперов, 2007. С. 270-271; Красноперов, 2009. С. 165; Красноперов, 2010. С. 83). В свою очередь, бахмутинская культура существует до начала VIII в. н.э., что маркируется поздними комплексами Бирского и Бахмутинского могильников (Красноперов, 2007. С. 270-271. Табл. 2).

Специфика поселенческого материала позволила исследователям получить данные как для общей характеристики городищ и селищ, так и для решения вопросов генезиса и исторической судьбы.

Исследования Какры-Кульского (Старомуштинского) городища, позволили получить совершенно новые данные об оборонительных традициях бахмутинского населения (Овсянников, Тагиров, 2000). На городище заложено три раскопа, один из которых прорезал внешнюю линию фортификационных сооружений. Раскопы 1 и 2 заложены в восточной части площадке (непосредственно у склона) в северной и южной части площадки памятника, разделенного снивелированной внутренней линией обороны. Мощность культурного слоя в пределах 0,35-0,4 м. В этих двух раскопах были зафиксированы многочисленные следы столбовых ямок различных размеров и форм, их рядовая конструкция, а также концентрация у склона позволили предположить, что это следы оборонительных сооружений – ограды по периметру городища (Овсянников, Тагиров, 2000. С. 165). Раскопом № 3, общей площадью 84 кв.м. вскрыта внешняя линия фортификации в месте, где, вероятно, находился вход на городище. Анализ стратиграфической ситуации позволил выявить два строительных горизонта – позднеананьинский (состоящий из следов насыпи вала и рва), в пьяноборско-мазунинское время укрепление не использовалось, далее в бахмутинское время были возведены укрепления, конструктивные особенности которых удалось проследить. По вскрытым останкам исследователям удалось реконструировать бахмутинское укрепление. В выровненную и частично снивелированную древнюю насыпь были вбиты вертикальные столбы диаметром 0,5 м на глубину 0,5-0,6 м. Столбы располагались в два ряда, с расчётом толщены стены 1,3 м. С внутренней стороны столбов укладывались горизонтальные брёвна (берёза или осина) диаметром 0,2-0,25 м. Одновременно с укладкой брёвен, производилась забутовка грунтом пространства между рядами брёвен и столбов. Укрепление городища, по мнению исследователей, было уничтожено

огнём. Проведённый эксперимент, позволил реконструировать характер разрушений фортификации (Овсянников, Тагиров, 2000. С. 166, 169-170).

Таким образом, описанные выше исследования позволили впервые выявить конструктивные особенности оборонительных сооружений бахмутинской культуры – деревоземляная стена с напольной стороны и однорядная бревенчатая конструкция по всему периметру поселения.

Раскопки Бажинского (Каменная гора) городища позволили получить внушительный археологический материал, основываясь на который исследователям удалось создать типологию бахмутинской керамики с обоснованием хронологии бытования отдельных типов (Овсянников, Сунгатов, 2004) (рис. 14). На городище разбито 3 раскопа, два из которых (площадью по 216 кв.м) покрывали площадку городища (внутреннюю и площадку между валами), третий раскоп (траншея шириной 2 м, протяжённостью 34 м) прорезал внутреннюю линию укрепления. В первых двух раскопах был собран археологический материал в виде индивидуальных находок. Это бронзовая подвеска в виде фигурки медведя, бронзовые обойма и наконечник ремня, два железных ножа, семь костяных наконечников, пять глиняных и одно каменное пряслице и каменная зернотёрка, а также большое количество керамики, позволяющие утверждать, что наиболее активно поселение использовалось в бахмутинское время.

На ряду с керамикой бахмутинской культуры в раскопах обнаружена керамика имендяшевского, турбаслинского, неволинского и мрясимовского типов. Стратиграфические наблюдения на третьем раскопе, позволили выявить два строительных горизонта. Верхний – мрясимовский (X-XII вв.) представлен конструкцией на вершине разрушенного, более раннего сооружения. Нижний бахмутинский, по мнению исследователей, может являться фрагментами разрушенного огнём деревоземляного сооружения, с крепидой и, возможно, каменной вымосткой с внутренней стороны (Овсянников, Сунгатов, 2004. С. 220-228).

Классификация указанных авторов керамического комплекса бахмутинской культуры основывалась на 91 сосуде, формы которых поддавались реконструкции. Вся посуда отнесена к круглодонным горшкам, со слабовыраженным профилем и низким горлом. По форме горла сосуды разделены на три типа: I – с изогнутым наружу венчиком (43 экземпляра), II – прямым горлом (25 сосудов), III – с венчиком, наклоненным во внутрь (22 фрагмента). По форме плечика выделены две группы: А – 10 сосудов с чётким переходом от верхней части тулова к нижней (в профиле обозначен угол перехода, изредка ребро), Б – 32 горшка имели плавное, округлое плечо. В результате основываясь на произведённую классификацию, получено 6 классов. Наиболее представительные из них IБ и IIБ – сосуды с округлым плечиком и отогнутой или прямой шейкой (Овсянников, Сунгатов, 2004. С. 228-229).

Полученные данные по морфологии форм, также были соотнесены с характером орнаментации сосудов. Выделенные типы орнаментов представлены: «чандарским» орнаментом, пояском ямок, ямки+ёлочка, гребёнка, насечки и сосуды без орнамента. Сочетание орнамента и формы плечика позволили исследователям выявить их значимые сочетания для определения территориальной и хронологической позиции, а также выделить типы, которые несут в себе культурно-историческую нагрузку:

Тип 1. Сосуды с чётким переходом от верхней части тулова к нижней, в профиле чётко обозначен угол перехода, фиксируется ребро, у большинства сосудов шейка отогнута наружу (10 сосудов). Керамика чаще орнаментировалась пояском ямок, в сочетании с насечками, расположенными горизонтальной ёлочкой, в одном случае гребенчатыми наколами. Хронологические рамки типа – IV-V вв. Территория распространения – ареал башкирского варианта бахмутинской культуры. Формирование этого типа исследователи связывают с контактами между раннебахмутинским и имендяшевским населением.

Тип 2. Сосуды с плавно изогнутым плечом, отогнутой наружу или прямой шейкой, встречен один «закрытый» сосуд (всего 14 горшков). В большинстве случаев орнаментированы пояском ямок, в четырёх случаях в сочетании с ёлочкой, в одном случае гребенчатый орнамент. Тип продолжает традицию пьяноборского населения и встречается в пределах всего ареала бахмутинской (мазунинской) культуры.

Тип 3. Сосуды с плавным, округлым плечом, с шейками, отогнутыми наружу, прямыми и «закрытыми» формами (17 экземпляров). Характерная черта – орнамент в виде беспорядочных округлых наколов по всему тулову («чандарский» орнамент), по шейке наносился поясок ямок. Территориально тип тяготеет к южному (башкирскому) варианту бахмутинской культуры. Такие сосуды датируются V-VIII вв.

Предложенная типология, а также взгляд исследователей на историческую ситуацию в V-VI вв. в бассейне р. Уфа, достаточно обоснованы, при этом, полученные на материалах Бажинского (Каменная гора) городища данные, не всегда соответствуют ситуации на других памятниках, включая объекты в южной части ареала, и общей картине для всего региона. Вызывает сомнение хронологическое соотношение имендяшевской, неволинской и раннебахмутинской керамики, которая могла быть синхронной турбаслинской, лишь в составе комплекса бахмутинской.

Таким образом, возникнув вначале XX в. интерес к изучению бахмутинских древностей не иссяк до сих пор. Основой для реконструкции исторической ситуации чаще становились погребальные памятники, их потенциал является вполне достаточным для создания хронологических построений и решения вопросов генезиса. При этом материалы некрополей не позволяют выявить целый пласт данных для реконструкции быта, хозяйственной деятельности, специфики гончарства, архитектурно-строительных традиций.

К настоящему времени практически все исследователи согласны с мнением о возникновении в III-IV вв. бахмутинских культурных стереотипов

из местной среды предшествующего пьяноборского и кара-абызского населения. Существуют и обоснованные гипотезы об участии внешнего импульса (западносибирского, либо позднесарматского) в формировании культуры на раннем этапе бытования. Верхняя дата существования бахмутинской культуры, основанная на наиболее поздних комплексах Бирского и Бахмутинского некрополя, также в основном укладывается в границы конца VII-VIII вв.

Приведённая история археологического изучения и историография, очередной раз указывает на то, что материалы поселений бахмутинской культуры прежде не становились объектом целенаправленного и систематического исследования.

Этот тезис получил подтверждение в результате полевых археологических работ автора исследования. Первичный осмотр поселений в ходе археологических разведок показал, что многие элементы (эскарпы, валы, рвы, гласисы) не были выявлены в предшествующие годы. Стационарные раскопки фортификационных сооружений показали, что известные укрепления, не простые земляные насыпи, а руины мощных деревоземляных конструкций. Обработка массового керамического материала, позволила определить монокультурность, либо, наоборот, многослойность памятников.

Имеющиеся данные, до настоящего времени не позволяли дать адекватную характеистику поселенческим объектам бахмутинской культуры ввиду того, что уровень их обобщения соответствовал информации, полученной в ходе наиболее активных работ 1960-1970-х гг.

Таким образом, до настоящего времени практически не изученными остаются: ландшафт, рельеф, топография; специфика локализации объектов, система расселения и освоения территории региона; функциональное назначение площадок памятников; фортификация и архитектурно-строительные традиции; керамика и материальная культура поселений. При том что имеющаяся источниковая база является вполне информативной для решения поставленных задач исследования.

ГЛАВА 2. ХАРАКТЕРИСТИКА ПОСЕЛЕНИЙ И СПЕЦИФИКА РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЁН БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1 Укреплённые поселения

Укреплённые поселения (городища) бахмутинской культуры представляют собой обитаемые площадки памятников имеющие фортификационные сооружения, чаще всего представленные в современном рельефе их руинами (валы и рвы). Все бахмутинские городища располагаются на особых труднодоступных участках местности, представляющих собой отдельно стоящие возвышенности, останцы, дюны, края высоких коренных террас, мысовидные выступы террас, отроги, водоразделы, стрелки рек и водотоков.

В культурном слое 76 городищ на территории Уфимско-Бельского междуречья обнаружены материалы (керамика) бахмутинской археологической культуры. Условно однослойными (однокультурными) на основании имеющихся данных, могут считаться 51 объект (67%). Свидетельством использования бахмутинским населением поселений предыдущей эпохи (ранний железный век) является керамический материал ананьинского, пьяноборского, кара-абызского облика, встреченный на 18 городищах (24%). Четыре памятника (5%) наряду с бахмутинской демонстрируют керамику имендяшевского, романовского, турбаслинского, кушнаренковского и кара-якуповского типов, то есть существовали в пределах эпохи Великого переселения народов. Два объекта (2%) функционировали в раннем железном веке, населялись бахмутинцами и использовались в последующее время (чияликская культура) (табл. 2). Бажинское (Каменная гора) городище, заложено представителями бахмутинских культурных стереотипов, которые подверглись вторжению пришлых племён (неволино, турбаслы). Разрушенное городище, вновь было использовано в эпоху средневековья населением чияликской культуры.

Многослойные объекты не только маркируются керамикой в культурном слое, но и имеют фортификацию (зачастую наиболее мощную) сооружённую бахмутинским населением. Примерами тому служат исследованные раскопками городища – Какры-Куль (Старо-Муштинское), Юлдашевское (Петр-Тау), Бажинское (Каменная гора), которые были обитаемы в различные эпохи, при этом самые мощные и разнообразные конструкции на них, сооружены именно населением бахмутинской культуры (Овсянников, Тагиров, 2000; Иванов, 1982; Овсянников, Сунгатов, 2004).

Стационарные раскопки проведены на 30 городищах (39%), из них 9 (12%) однослойные памятники. В ходе разведочных работ шурфовка проведена на 22 объектах (29%) (19 (25%) однокультурных), визуальный осмотр и сбор подъёмного материала произведён на 24 поселениях (31%) (22 (29%) однослойных).

Сохранность городищ (без учёта исследованной раскопками площади), говорит о большой доле разрушений этого вида объектов. В свою очередь, она оценивалась по следующим критериям:

-хорошая – не имеет следов воздействия на культурный слой – 29 (38%) объектов;

-удовлетворительная – фиксируются естественные либо антропогенные следы воздействия на культурный слой в размере менее 20% от общей площади объекта – 6 (8%) объектов;

-плохая – имеет естественные либо антропогенные следы воздействия на культурный слой в размере от 20 до 50% от общей площади объекта – 3 (4%);

-частично уничтожено – естественные либо антропогенные следы воздействия на культурный слой в размере от 50 до 80% от общей площади объекта – 24 (32%) объекта;

-уничтожено – более 80% площади объекта разрушено в ходе естественного или антропогенного воздействия, остатки культурного слоя и фортификации фиксируются фрагментарно, либо в виде переотложенных – 14 (18%) объектов.

В 46 (61%) случаях негативное воздействие на сохранность объектов оказали антропогенные факторы, в 3 (4%) – естественные. Основные виды нарушения целостности укреплённых поселений в ходе хозяйственной деятельности человека связаны: с разработкой карьеров (12 (26%) случаев), пашней 5 (11%), по 3 (7%) случая усадьбами, занимающими площадку памятника, автодорогами, действиями грабителей, дважды (4%) лесопосадками. Уникальными в данном контексте являются такие факторы как – аулия (святое место/место поклонения), МТФ, ЛЭП, омшаник, тригопункты, постройки. Нередко разрушающие факторы имеют комбинированный характер: дважды на площадки памятника зафиксированы тропинки и следы устройства пикников, по одному случаю: автодороги и ЛЭП; автодороги и постройки; грабительские раскопки и ЛЭП; автодороги, памятники, пашня; автодороги и телевышки; карьер, автодорога, посадка, постройки; карьер и усадьбы; пашня, автодороги; пашня, строительство; добыча нефти, лесопосадка.

Площадь укреплённой площадки городищ варьируется в пределах от 1500 до 60000 кв.м (рис. 22; табл. 3). Данные о площади двух поселений отсутствуют. Используя этот показатель, основываясь на принцип естественного распределения абсолютных показателей (Генинг и др., 1990, с. 51-52), выделено шесть групп памятников:

– очень малые (1500-4000 кв. м) – 11 (15%);

– малые (4500-7500 кв. м) – 17 (23%);

– средние (7640-11500 кв. м) – 18 (24%);

– большие (11900-20000 кв. м) – 11 (15%);

– очень большие (20100-29000 кв. м) – 10 (14%);

– сверхбольшие (29725-60000 кв. м) – 7 (9%).

Стоит заметить, что для многослойных объектов характерны наиболее крупные по площади памятники, однослойные бахмутинские городища, представлены во всех группах, при этом в интервалах от «очень малых» до «больших» они превалируют. Категория «сверхбольшие» – представлена

уникальными примерами наиболее крупных поселений, которые «выбиваются» из общего, нормального распределения показателей на графике (табл. 3). Четыре объекта из них однослойные.

Данные о мощности культурного слоя имеются для 59 объектов. Показатель глубины культурных напластований 43 (73%) городищ располагается в пределах от 0,15 до 0,5 м, 13 (22%) памятников от 0,5 до 0,85 м, 2 (менее 3%) объекта от 0,85 до 1 м, один (менее 2%) имеет уникальное значение – 4 м (городище Уфа-2). Насыщенность культурного слоя археологическим материалом не всегда соответствует его наибольшей глубине. Условно 47 (62%) городищ имеют насыщенный культурный слой, в оставшихся 29 (38%) случаях отмечается бедность находок. Для однослойных бахмутинских городищ, соотношения бедного и насыщенного находками культурного слоя представляется как равное по количеству. Мощность их культурных напластований не превышает 0,8 м и наиболее часто представлено 0,25-0,4 м.

Характерным для укреплённых поселений бахмутинской культуры является расположение в долине речных террас – 56 (74%), в глубине террасы располагаются 20 (26%) объектов (табл. 4). Специфика формирования площадок памятников, имеет зависимость от наличия естественных ограничителей. Которыми чаще всего выступают овраги – 27 (36%), в 23 (30%) случаях площадка сформирована пересечением крупного водотока и оврага, в 5 (7%) основного водотока с водотоком второго и третьего порядка, в 3 (4%) случаях пересечением крупных рек, те же показатели характерны для площадок, организованных поворотом (меандром) одной реки, одна площадка (1%) слиянием мелких водотоков. В 9 (12%) случаях городища располагаются на вершине гор, холмов и возвышенностей, в 3 (4%) на останцах, 2 (3%) на краю террасы без каких-либо естественных ограничителей (табл. 5).

Основные формы рельефа, используемые бахмутинским населением при выборе мест для устройства укреплений, в первую очередь характеризуются как мысовидные выступы коренных террас, а также мысы-отроги коренных

террас и водоразделов, на которых, соответственно, располагаются 35 (46%) и 19 (25%) объектов. Отдельно стоящие возвышенности, горы, холмы или останцы служат основанием для 13 (17%) поселений. В 5 (7%) случаях укрепления устроены прямо на краю (стрелке) водоразделов, в 4 (5%) на краю коренной террасы (табл. 6).

Языковидная форма (узкая, вытянутая с заострением, либо закруглением в мысовой части) встречена на 36 (47%) городищах, подтреугольная на 18 (24%), округлая на 9 (12%), 7 (9%) подпрямоугольная, 6 (8%) городищ имеют овальную форму площадки (табл. 7).

Высота поселений от уровня поймы представляет собой совокупность абсолютных показателей в пределах от 8 до 147 м (рис. 23; табл. 8). Основываясь на принципе естественного распределения выделено три группы:

– низкие, 36 (47%) городищ, высота площадок которых не превышает 43 м;

– средние (44-64 м) – 24 (32%) объектов;

– высокие (65-147 м) – 16 (21%) городищ.

Картографирование по данному признаку показывает, что наиболее высокие и хорошо укреплённые естественным рельефом местности городища, располагаются на притоках р. Белая (Быстрый Танып, Бирь,), либо в среднем её течении (от г. Уфы до г. Бирска, а не в нижнем). На р. Уфа, большинство городищ находятся на террасах выше 65 м (рис. 23).

Почти все городища, расположенные выше 55 м, доминируют над окружающим рельефом – 57 (75%). Четвёртая часть укреплений – 19 (25%), скрыта местным ландшафтом.

Основным признаком городищ бахмутинской культуры является фортификация. Лишь одно поселение, условно отнесённое к данному типу памятников, ввиду специфики расположения на вершине горы под названием «Югамаш» (Югамаш-Тау), не имеет сохранившихся укреплений. Однако и на этом объекте слабо прослеживаются следы на земной поверхности, которые вероятно являются руинами эскарпа. На 9 объектах оборонительные

сооружения не сохранились, либо не фиксируются. К городищам они отнесены ввиду специфики их расположения либо данных историографии. Оставшиеся 67 памятников в разной степени сохранили следы древних укреплений.

Фортификация бахмутинской культуры, в настоящее время, представляет собой остатки деревоземляных сооружений, визуально фиксируемых на современной поверхности земли. Чаще всего укрепления выстроены поперек, на всю ширину площадки памятника, с частичным выходом на края бортов. Одну линию обороны имеют 40 (59%) объектов, две – 20 (30%), три – 3 (4%), оставшиеся – единичные примеры четырёх и даже шести укреплений (табл. 9). Укрепления с двумя и более рядами фортификации, характерно для многослойных памятников. Среди однослойных бахмутинских городищ 72% имеют одну линию оборонительных укреплений (табл. 10).

Для поселений бахмутинской культуры характерным является своеобразная конструкция фортификационных сооружений – вал-эскарп (рис. 24). Этот термин используется автором для описания укреплений, созданных с использованием естественных положительных форм рельефа местности, которые активно трансформировались строителями городищ при возведении оборонительных линий. Вал-эскарп объединяет в себе функциональность классических укреплений в виде вала, увеличивая фортификационную мощность конструкции, благодаря террасирования склонов возвышенного участка с напольной стороны площадки поселения. Эта конструкция всегда сопровождается традиционным рвом. Указанный вид фортификации, на территории Уфимско-Бельского междуречья, в более раннее время не встречается (табл. 10).

В результате валами и рвами укреплено 44 (65%) городища, валами-эскарпами 12 (18%), комбинированная схема фиксируется на 8 (12%) памятниках. Два многослойных объекта (Юлдашевское и Андреевское городища) сохранили следы, так называемой в литературе «цитадели»,

представляющей собой мысовую часть площадки, окружённую валом (табл. 11). При использовании данного термина могут возникнуть некоторые сложности в дальнейшем описании, так как среди бахмутинских городищ не мало поселений, внутренние укрепления которых превосходят по мощности внешние, но при этом не являются замкнутыми (круговыми), либо представлены не валами, а участками террасированных склонов. Слабая сохранность, а от того и изученность данных сооружений, также может помешать объективности восприятия. Поэтому термин «цитадель», при характеристике укреплений использован не будет.

Дуговидная форма (соответствующая сектору круга с центральным углом менее 120°) основной линии укреплений встречена на 31 (47%) объекте, прямая на 15 (23%), округлая (соответствующая сектору круга с центральным углом более 120°) и кольцевая (замкнутая) объединили по 4 (6%) памятника. Встречены единичные случаи фортификации с одним и двумя прямыми углами (Уразгильдинское, Ново-Янтузовское) городища. Своеобразная форма вала в виде курганообразного возвышения в центре встречена на 10 (15%) поселениях. Подобные конструкции всегда связаны с валом-эскарпом, чаще расположены в наиболее узком месте площадки городища, имеют небольшие габариты в горизонтальной плоскости, при этом демонстрируют максимальную высоту сооружений (от 6 до 10 м на Бустанаевском, Бадряш-Актау, Краснохолмском, Кудашевском-1 городищах).

Наряду со своеобразными конструкциями основных фортификаций, городищам бахмутинской культуры характерны дополнительные оборонительные сооружения. Одним из видов таких конструкций является наличие гласисов (либо гласисовидных насыпей) на площадках 7 (10%) объектов (Бадряш-Актау, Кансияровское, Ново-Янтузовское и др.). Подобное сооружение в военном деле получает наибольшее распространение в эпоху огнестрельного оружия (Губайдуллин, 2006, с. 54). Вероятно, в бахмутинское время, гласисы применялись для увеличения глубины и соответственно фортификационной мощности (значимости) рва. Исследования подобного

сооружения произведены на Исхаковском и Баразинском городищах, при этом каких-либо деревянных конструкций не выявлено. Фиксация гласисов, вероятно, может служить доказательством того, что рвы бахмутинских городищ использовались именно как фортификационные сооружения, это подтверждается полевыми исследованиями.

К дополнительным видам укрепления также относятся примеры террасирования склонов (бортов, флангов) городищ (табл. 12). Эскарпы встречены на 21 (33%) поселении, преимущественно однокультурных бахмутинских. В пяти (7%) случаях дополнительные укрепления представлены валами, в трёх (4%) комбинацией валов и эскарпов. Не фиксируются следы дополнительных фортификаций у 40 (58%) объектов. Лишь на городище Какры-Куль (Старомуштинское), в результате раскопок подтверждено наличие конструкций (в виде ограды) по периметру площадки (Овсянников, Тагиров, 2000, с. 165).

В одном случае (Варьязское городище) основная линия обороны, представленная валом-эскарпом, сооружена прямо перед карстовым провалом, который вероятно выполнял функцию рва (Иванов, 1975, с. 1-2).

Укрепления мысовой части площадок городища чаще представлены валами – 8 (12%) или эскарпами – 13 (19%). При этом эскарпы на стрелках поселений всегда являются продолжением террасированных фланкирующих склонов. У 48 поселений (70%), в мысовой части не зафиксировано никаких укреплений.

Слабоизученным признаком является наличие неукреплённых поселений в непосредственной близости к городищам. Достоверно известно о 10 объектах, за валами и на небольшом отдалении (200-300 м) которых располагались селища.

Таким образом, для городищ бахмутинской культуры, в Уфимско-Бельском междуречье характерными являются разнообразные виды фортификации. Укрепления бахмутинских поселений в регионе, мощнее укреплений предшествующих эпох, а также значительно превосходят их в

количественном отношении. Расположение площадок городищ, характеризуется локализацией объектов на высоких мысах и мысовидных выступах коренных террас, их отрогах, водоразделах, а также на отдельно стоящих возвышенностях. Укреплённые поселения в большинстве своём занимают положительные формы рельефа, ограниченные овражно-балочными системами их пересечением с долинами крупных водотоков и водотоков второго и третьего порядка, реже меандрами речных систем. Специфика формирования площадок объектов зачастую определяет формы городищ как языковидные и подтреугольные. Площадь укрепленных участков варьируется в широком диапазоне от 1500 до 60000 кв.м, при этом около половины городищ имеют площадь в пределах 4500-11500 кв.м.

Типология укреплённых поселений.

К настоящему времени не существует разработанных типологических схем, для поселений бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье. История изучения имеет примеры обобщения этого материала лишь в рамках решения «бахмутинско-мазунинской проблемы», либо когда отдельные памятники Уфимско-Бельского региона, использованы при характеристике поселений (многослойных) предыдущих эпох.

Выбор принципов классификации укреплённых поселений бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье, основан на специфике локализации объектов их основных признаках, характерных для региона.

Разработанные типологические схемы для подобного вида объектов, не всегда могут быть использованы применительно к бахмутинским поселениям. Широко распространенная и общепринятая типология П.А. Раппопорта, для древнерусских поселений (Раппопорт, 1961, с. 210-220; Раппопорт, 1967, с. 196), позже модернизированная А.В. Кузой (Куза, 1996, с. 29-30), а также использованная в ходе исследования городищ Волжской Булгарии А.М. Губайдуллиным (Губайдуллин, 2002, С. 26-27), не подходит для классификации исследуемых поселений. Это связано с тем, что практически

все известные укрепления бахмутинской культуры, устроены с использованием естественного рельефа местности.

Наиболее ранняя типология поселений пьяноборской культуры, представлена в работах В.Ф. Генинга (Генинг, 1962, с. 10; Генинг, 1970, с. 14-18). Основу данной классификации составляет специфика укреплений и в меньшей степени площадь памятника. Указанная схема, с незначительной корректировкой (включение двух дополнительных типов) применена В.А. Ивановым для поселений пьяноборской и мазунинской культур (Иванов, 1984, с. 52-53, 65-67). Из 87 городищ, определяемых В.А. Ивановым, как мазунинские, 51 городище расположено в пределах Уфимско-Бельского междуречья и имеют материалы бахмутинской культуры.

Подробная характеристика мазунинских и бахмутинских поселений в своё время была дана В.А. Ивановым и Т.И. Останиной (Иванов, Останина, 1983, с. 104-127). Базу данных исследования, по мнению авторов, составили однослойные объекты. В настоящее время данные скорректированы, в результате 54 городища из 87, использованных В.А. Ивановым и Т.И. Останиной, имеют в культурном слое керамику бахмутинского типа, а 16 поселений были обитаемы в эпоху раннего железа (ананьино, пьяноборье, кара-абыз). Укреплённые поселения классифицированы по площади на три группы – малые городища (0,5-5 тыс. кв.м), средние (5,1-10 тыс. кв.м) и большие (более 10 тыс. кв.м). Никакой закономерности в локализации указанных групп городищ при картографировании исследователями не выявлено. То же касается и специфики систем укреплений, во всех трёх группах превалирует одна линия, две и более характерны для средних и больших по площади городищ.

Типология укреплённых поселений мазунинской культуры Т.И. Останиной в основном повторяет вышеописанные подходы, разработанные в соавторстве с В.А. Ивановым (Иванов, Останина, 1983, с. 104-127). Исследователем значительно пополнена база данных объектов. Поселения бахмутинской культуры с территории Уфимско-Бельского междуречья

составляют большую часть укреплённых объектов, использованных в работе – 73 из 118 городищ (Останина, 1997, с. 201-206).

Указанная классификация раскрывает социальные функции поселений (городища-сторожевые крепости, одноплощадочные городища-поселения, многоплощадочные городища-поселения) и основывается на таких признаках как – мощность культурного слоя, размеры площадок (площадь) и система укреплений (количество валов), с ведущим значением, как и в работе 1983 г., именно площади объектов. А.М. Губайдуллиным высказана объективная критика социальных функций городищ, предложенных Т.И. Останиной (Губайдуллин, 2022, с. 137).

Проведённые в 1990–2010-х гг. исследования значительно пополнили и уточнили имеющиеся данные о габаритах, фортификации, локализации, объектов, аккумулировали многочисленный археологический материал поселений в Уфимско-Бельском междуречье, однако полноценных обобщений этой информации до настоящего времени не последовало.

В настоящем исследовании автор основывался на классификационные разработки, городищ раннего железного века Зауралья и Западной Сибири, сформулированные В.А. Борзуновым и В.Е. Стояновым (Борзунов, Стоянов, 1981, с. 27-40). Система Борзунова–Стоянова, как наиболее приемлемая, успешно применена Д.Г. Бугровым к пьяноборским поселениям Икско-Бельского междуречья (Бугров, 2006, с. 109-115).

Основным достижением указанного подходя, на наш взгляд, является применение «естественного» принципа классификации, который основывается на обобщённом представлении о древнем и реальном процессе сооружения и функционирования городища – выбор места и моделирование фортификации, зависимость природной и искусственной укрупнённости площадок (Борзунов, Стоянов, 1981, с. 31).

Классификация базируется на реконструкции процесса сооружения укреплённых поселений, выраженного в нескольких этапах:

Этап 1. Выбор места.

Этот этап характеризуется выбором площадки и оценки её природной защищённости. Нередко рядом с обнаруженными бахмутинскими городищами, располагаются аналогичные, в топографическом плане места, которые, по неизвестным до конца причинам, не были освоены. В соответствии с иерархией таксономических групп данный этап является наиболее «естественным», следовательно, имеет наивысший ранг в классификации – отдел (рис. 25). Отделы отмечены римскими цифрами и имеют сквозную нумерацию (I-V).

I – городища, расположенные на мысах-отрогах коренных террас и крупных водоразделов (19 объектов, 25%);

II – расположенные на мысовидных выступах коренных террас (35 объектов, 46%);

III – занимают отдельно стоящие возвышенности, горы, холмы или останцы (13 объектов, 17%);

IV – характеризуется водоразделами, местами впадения двух водных артерий (5 объектов, 7%);

V – находятся на краю террас, без каких-либо естественных ограничителей (4 объекта, 5%).

Этап 2. Устройство основной линии фортификации.

На этом этапе исходя из специфики площадки, вероятно, сооружалась основная (поперечная) линия фортификации. Данная категория именуется «подотдел» и имеет буквенное обозначение.

«А» – укреплено валом с рвом перед ним (44 объекта, 58%);

«Б» – вал-эскарп, характерный в большей степени для однослойных бахмутинских городищ (12 объектов, 16%);

«В» – сочетание классической конструкции вала и вала-эскарпа (11 объектов, 14%);

«Г» – не имеет фортификации (1 поселение, 1%).

Этап 3. Моделирование поселения.

Данный этап связан с количеством укреплённых площадок городища. Здесь таксономический уровень имеет наименование «класс» и отмечается прописной буквой в сочетании с цифровым (арабские цифры) обозначением (рис. 26).

«a1» – одна укреплённая площадка (42 объекта, 55%);

«a2» – две площадки (21 объект, 28%);

«a3» – три площадки (1 объект, 1%);

«a4» – четыре площадки (2 объекта, 3%);

«a5» – пять площадок (2 объекта, 3%).

Этап 4. Устройство дополнительных оборонительных сооружений.

На данном этапе строителями городища организуются дополнительные оборонительные сооружения, чаще всего представленные террасированием склонов (бортов площадки), либо возведением дополнительных валов в мысовой части поселения. Эта категория характеризуется таксоном «порядок» и имеет буквенно-цифровое обозначение (рис. 27).

«B 1» – эскарп (10 объектов, 13%). То есть, площадка укреплена эскарпированным участком склона, чаще всего с одной из более пологих сторон и берут своё начало от основной линии фортификации;

«B 2» – эскарп по периметру (11 объектов, 14%). В этом случае склоны (борта) имеют следы террасирования, которые замыкаются основной (поперечной) линией фортификации. Настоящий порядок нередко характеризуется понятием «цитадель», однако, нужно учитывать, что от предыдущего он отличается лишь замкнутостью форм. При этом, стоит предположить, что их функции аналогичны, а конфигурация в основном зависит от уровня природной защищённости площадки городища;

«B 3» – эскарп по периметру в комбинации с валом в мысовой части поселения (3 объекта, 4%). В этом случае, отличие от предыдущей категории выражено в наличии вала так называемой «классической» формы, устроенного на стрелке, в мысовой части городища;

«В 4» – вал в мысовой части (5 объектов, 7%). На подобных памятниках дополнительным укреплением является вал, который, как и в предыдущем случае, сооружался на пологой стрелке мыса;

«В 5» – не имеет дополнительных укреплений (40 объектов, 53%);

«В 6» – частокольная конструкция по периметру (применимо только для исследованных поселений).

Этап 5. Использование площадки поселения в различное время.

Данный этап сложно назвать «естественным», на наш взгляд, он является значимым ввиду того, что при освоении территории для бахмутинского населения, вероятно, важным фактором могло являться наличие существующих укреплений, либо их руинированные фрагменты. Тоже касается и поселений, которые заселялись после. В таком случае неисследованные укрепления, могут быть достроены населением эпохи средневековья, что в значительной степени может повлиять на восприятие фортификационных традиций бахмутинского населения. Этот таксон обозначен прописными буквами и имеет наименование «вид» (рис. 28).

«а» – однослойное поселение (315 объектов, 86%);

«б» – наличие в культурном слое материалов предшествующего времени (эпоха раннего железа) (31 объект, 9%);

«в» – наличие материала последующего времени (эпоха средневековья) (15 объектов, 4%);

«г» – многократно заселяемое городище и в эпоху раннего железа, и в эпоху Средневековья (4 объекта, 1%).

На основании созданной классификации по основным признакам укреплённых поселений сделана попытка типологизации полученных данных. При её создании не были учтены такие очевидные, но на наш взгляд, не самые значимые показатели, как площадь поселения, конфигурация фортификационных сооружений, а также мощность и насыщенность культурных напластований. Это связано с тем, что укрепления нередко устраиваются с учётом естественного микрорельефа местности (овраги, балки,

возвышенности или понижения рельефа, ручьи и т.д.), следовательно, являются более важным фактором, чем размеры площадок. Ко всему прочему площадь городищ практически в 60% случаях не превышает 1 га, а отличие в протяжённости периметра, между поселением 0,1 га и 1 га, далеко не десятикратное. Сходные причины (подчинённость укреплений рельефу местности), характерны и для конфигурации валов и рвов. Характеристика культурного слоя не может стать ведущим признаком по причине слабой археологической изученности.

Разработанная типология основана на специфике фортификации, потому как основной задачей укреплённых поселений, является защита (рис. 29).

Тип 1 (41 объект, 53,9%). Городища, основная (поперечная) фортификация которых, представлена классической схемой в виде вала и рва. Такие укрепления встречаются на поселениях всех видов площадок. При этом 69,5% из них представлены однослойными городищами бахмутинской культуры, а 29,5 % начали осваиваться в эпоху раннего железа. Одну укреплённую площадку имеет 30 (68%) поселений, 11 (25%) две, 2 объекта три площадки, 1 четыре.

Подтип 1 (5 объектов, 6,6%). Имеют дополнительные укрепления в виде террасированного участка склона. Среди них лишь одно (Уфа-1 (Чертово), обнаруживает материалы раннего железного века.

Вариант 1 (4 объекта, 5,3%). Характеризуются одной укреплённой площадкой.

Вариант 2 (1 объект, около 1%). Укреплены двумя линиями фортификации.

Подтип 2 (2 объекта, 2,6%). Имеют эскарп, замыкаемый основной линией укреплений. Возвращаясь к обсуждаемому выше вопросу, стоит заметить, что подобная категория укреплённых поселений, условно может быть названа «цитаделью», потому что никаких других фортификаций кроме неё не имеет. Все поселения однослойные.

Этот подтип имеет единственный вариант (вариант 1), количество укреплённых площадок которого равна одной.

Подтип 3 (2 объекта, 2,6%). В этом случае эскарп по периметру, дополнен валам и в мысовой части. Как и в предыдущем случае городища однослойные и со всех сторон окружены укреплениями в одну линию (вариант 1).

Подтип 4 (2 объекта, 2,6%). Городища, имеющие дополнительную фортификацию в виде вала в мысовой части.

Вариант 1. Одно городище (около 1%) с двумя укреплёнными площадками (Кувыковское), культурный слой которого, наряду с бахмутинским представлен турбаслинской и кушнаренковской керамикой.

Вариант 2. Поселение Тра-Тау (Старонагаевское) начинает своё существование в эпоху раннего железа (ананьино) и имеет пять укрепленных площадок (около 1%).

Подтип 5 (30 поселений, 39,5%). Объединяет в себя городища, не имеющие никаких дополнительных фортификаций.

Вариант 1. Представлен 19 поселениями (25,0%), имеющими одну укрепленную площадку. Однослойными бахмутинскими являются 14 (73,7%) из них, остальные использовались ранее.

Вариант 2. Двухплощадочные поселения (9 объектов, 11,8%), четыре из которых начали использоваться в раннем железном веке.

Вариант 3. С тремя укреплёнными площадками (2 объекта).

Тип 2 (12 объектов, 15,8%). Основные укрепления на данных поселениях представлены валом-эскарпом. Достоверно известно, что подобная фортификация является традиционной именно для бахмутинского населения.

Подтип 1 (3 объекта, 3,9%). Один из бортов (склонов) дополнительно укреплены эскарпом. Все городища подтипа имеют одну укреплённую площадку.

Подтип 2. Объединил 4 (5,3%) однослойных поселения, укреплённые по периметру эскарпом, замкнутым основной фортификацией.

Вариант 1. С одной укреплённой площадкой (2 поселения, 2,6%).

Вариант 2. С двумя площадками (2 поселения, 2,6%).

Различия между вариантами, минимальны и представлены количеством основных линий фортификации, которые нередко образуют очень небольшой участок площадки между ними, что, на наш взгляд, не является достаточным, для применения термина «цитадель».

Подтип 3 (5 объектов, 6,6%). Является наиболее характерным для городищ этой категории – они не имеют дополнительных укреплений по склонам.

Вариант 1 (4 объекта, 5,3%). Имеют одну укреплённую площадку.

Вариант 2. Представлен одним (около 1%) объектом (Кансиярское городище) обладающим двумя ярко выраженными фортификациями своеобразной схемы.

Тип 3 (11 объектов, 14,5%). Поселения, основная фортификация которых представлена комбинацией вала-эскарпа и классической формы вала и рва.

Подтип 1. Представлен двумя объектами (2,6%) дополнительно укреплёнными эскарпированными участками склонов. Городища этой категории представлены единственным вариантом с одной укреплённой площадкой, основная фортификация характеризуется двойной линией из вала и вала-эскарпа.

Подтип 2. (2 объекта, 2,6%). Дополнительно укреплены по периметру эскарпом. Оба городища (Бадряш-Актау и Югамашевское-1 городища) имеют один вариант с двумя площадками.

Подтип 3. Данная подгруппа аналогична предыдущей, за исключением того, что наряду с эскарпом по периметру, в мысовой части поселение имеет дополнительные валы.

Вариант 1. С двумя площадками (Юмакаевское городище).

Вариант 2. С четырьмя площадками (Барьязинское городище).

Подтип 4. (Варьязское городище). Имеет основное отличие от предыдущего отсутствием эскарпа, но наличием вала в мысовой части.

Подтип 5. Городища (Петр-Тау и Андреевское), укреплённые поперечной линией с напольной стороны и кольцевым валом с внутренней, то есть имеют две площадки (2,6%). В отличие от предыдущего подтипа, у этих поселений внешняя линия выглядит более мощной. Однако нужно учитывать, что сохранность этих памятников значительно хуже и в первом случае (Юлдашевское (Петр-Тау) городище) внутренняя часть уничтожена карьером, во втором случае естественными осыпями склонов. Оба городища начали своё существование и активно использовались в эпоху раннего железного века.

Подтип 6. Объединил два (2,6%) городища (Бирское и Бажинское), не имеющих дополнительных фортификаций. Вероятно, это связано со спецификой топографического расположения на мысовидных выступах высоких коренных террас р. Белая и р. Уфа.

Вариант 1. С двумя укреплёнными площадками (1 объект). Внутренняя линия представлена более мощными укреплениями, а количество находок на внутренней площадке превышает их количество на внешней почти в 3 раз, то же касается и мощности культурного слоя.

Вариант 2. С пятью укреплёнными площадками (Бирское городище). Как и в предыдущих случаях, наиболее мощная фортификация и удобная площадка, находится в мысовой части городища. Внешняя часть, укрепленная едва фиксируемым классическим валом и рвом отделена от внутренней части узким проходом, который в трёх местах также перекрыт короткими и относительно слабыми укреплениями.

Именно этот тип наиболее хорошо подходит под определение городищ с цитаделью. При том внешняя «классическая» линия чаще всего значительно уступает по мощности внутренней (вал-эскарп), а площадка между ними вряд ли могла бы использоваться как постоянная, во-первых, ввиду специфики микрорельефа (узкий проход и покатость склона на городище Бадряш-Актау), во-вторых, очень малой площади. Проведённые на данных объектах полевые

исследования, также фиксируют концентрацию археологического материала на внутренней площадке. Исходя из вышесказанного, складывается впечатление, что внешняя линия возведена не в результате роста поселения, а наоборот была временной, либо выполняла неосновные защитные функции. Ко всему прочему все городища подтипа однослойные и могут считаться наиболее традиционными для бахмутинской культуры.

Тип 4 (2 поселения, 2,6%). Одноплощадочные городища, расположенные на краю коренной террасы, укрепления которых, в отличие от всех остальных, не привязаны к каким-либо формам рельефа и выглядят независящими от местного ландшафта.

Подтип 1. Однослойное бахмутинское поселение (Уразгильдинское городище), наряду с основной имеет дополнительный вид фортификации, представленный эскарпированным участком склона.

Подтип 2. Без каких-либо дополнительных укреплений (Вотикеевское городище).

Тип 5. Представлен единственным бахмутинским поселением, не имеющим следов визуально фиксируемых фортификаций. Это поселение отнесено к городищам, потому что оно располагается на высокой одиноко стоящей горе (гора Югамаш), имеющей крутые склоны. На её вершине фиксируется культурный слой в виде керамики и костей животных. Кроме того, с площадки городища хорошо видны близлежащие укреплённые поселения (Югамашевское-1 (Кала-Тау) и Сараштыбашевское). На этом памятнике успешно проведён эксперимент по передаче дымового сигнала на близлежащие городища (Колонских, 2021а). Уточнить назначение объекта, наличие и специфику укреплений могут позволить лишь широкие полевые археологические работы.

Восемь поселений (Аксаитово-2, Ново-Татышлинское, Чоркильдинское, Манякское, Байкинское, Айбашевское, Уфа-2, Кальтяевскоене) не вошло в настоящую типологию ввиду нескольких причин – основная из которых

слабая сохранность, либо полное уничтожение культурного слоя и фортификационных сооружений.

Применение филогенетического принципа к городищам Уфимско-Бельского междуречья в настоящее время преждевременно по причине слабой изученности однослойных поселений бахмутинской культуры. Отсюда вытекает отсутствие чёткой хронологии и времени существования отдельных поселений, так и общей картины заселения региона. Очевидным может показаться развитие традиций на основе местных культур раннего железного века, при этом некоторые элементы (основная и дополнительная фортификация), вероятно, могли формироваться за пределами исследуемого региона и появиться здесь в уже сложившейся форме.

С большой долей условности можно предположить, что наиболее ранними поселениями являются городища первого типа, особенно это касается подтипа 5. Это связано с тем, что именно такие укрепления начали бытовать в эпоху раннего железного века. Нередко на городищах этого типа встречается керамика ананьинского, пьяноборского или кара-абызского типов.

Совершенно новой для региона, является устройство валов-эскарпов и активное использование террасирования склонов поселений, в том числе по периметру площадок.

В этом плане очевидным выглядит и расселение носителей бахмутинских культурных стереотипов с коренных террас р. Белой, по её притокам, вплоть до их верховий. Вероятно, в это время происходит и трансформация подходов к выбору площадок. Подтверждается это и результатами картографирования. В бассейне нижнего течения р. Белой и её устье городища начинают появляться в раннем железном веке, на мелких притоках. Там, где до этого укреплённых поселений не существовало, чаще встречены однослойные городища бахмутинской культуры, обладающие мощными фортификационными сооружениями (рис. 29).

В результате, описанная классификация ведущих признаков и созданная типология, позволяют выделить традиционный для бахмутинского населения

тип укреплённого поселения – городище, расположенное на мысовидном выступе коренной террасы, мысе-отроге, либо возвышенности, укреплённое одним классическим валом или конструкцией вала-эскарпа, с дополнительными фортификационными конструкциями по периметру склонов городища, представленные их террасированием.

Представленная типология, может быть успешно применена не только к поселениям бахмутинской культуры, но и по отношению городищам как более ранних, так и более поздних периодов вплоть до эпохи Нового времени. Универсальность этой системы основана на выборе наиболее объективного показателя для оборонительных сооружений – фортификации.

2.2 Неукреплённые поселения

Неукреплённые поселения (селища) бахмутинской культуры, представляют собой обитаемые площадки, не имеющие следов фортификаций и, вероятно, представляли собой посёлки, которые располагались в местах ведения основной хозяйственной деятельности.

В отличие от городищ селища чаще всего располагаются на наиболее удобных низких (пойменных и надпойменных) и ровных береговых террасах региона, довольно часто имеют непосредственный выход к водоёму (реки, ручьи, озёра).

В настоящее время можно говорить о 289 неукреплённых поселениях, в культурном слое которых была обнаруженная керамика бахмутинского типа (рис. 1). Условно однокультурными (однослойными) могут считаться 264 объекта. Шесть поселений, располагаются на площадках стоянок эпохи каменного века, одно эпохи бронзы. В культурном слое девяти селищ, помимо бахмутинской встречена керамика раннего железного века (курмантау, ананьино, кара-абыз, пьяноборье). В четырёх случаях на памятниках встречены материалы культур эпохи раннего средневековья (турбаслинская, кушнаренковская, кара-якуповская, романовский тип). Площадки шести бахмутинских селищ использовались позже, в Новое время. Довольно часто (58 объектов), площадки неукрепленных поселений заняты современными населенными пунктами.

Большая часть (175 объектов, 61%) исследована в ходе визуального осмотра и сопровождалась сбором подъёмного материала, на 99 объектах (34%) заложены рекогносцировочные шурфы, 12 (4%) селищ изучено стационарными раскопками, характер проведенных исследований на 3 поселениях неизвестен. Раскопы площадью более 120 кв. были заложены на 3 селищах и лишь одно из них (Алтаево-3, селище) дало керамический материал исключительно бахмутинской культуры. Археологическое изучение селищ, без малого насчитывает 100 лет (начиная с раскопок А.В. Шмидтом

Чандарского селища в 1928 г.), в отличии от первых описаний укреплённых объектов, полученных более двух столетий назад. Степень изученности селищ судя по имеющимся данным, не может считаться исчерпывающей. По этому показателю неукреплённые поселения значительно уступают укреплённым. Ко всему прочему культурный слой данного вида памятников довольно часто относительно скуден и нередко имеет плохую сохранность.

Степень сохранности оценивалась по тем же критериям, что и у укреплённых поселений, с учётом разницы в отсутствии фортификационных сооружений (рис. 30):

«хорошая» – без следов воздействия на культурный слой;

«удовлетворительная» – имеет естественные, либо антропогенные следы воздействия на культурный слой в размере менее 20% от общей площади объекта;

«плохая» – естественные либо антропогенные следы воздействия на культурный слой в размере от 20 до 50% от общей площади объекта;

«частично уничтожено» – естественные либо антропогенные следы воздействия на культурный слой в размере от 50 до 80% от общей площади объекта;

«уничтожено» – более 80% площади объекта разрушено в результате естественного или антропогенного воздействия, остатки культурного слоя фиксируются фрагментарно либо в виде переотложенного.

Селища хорошей сохранности насчитывают 27 объектов (9%), удовлетворительной – 13 (4%), 36 (12%) поселений сохранились плохо, частично уничтожено 179 (62%), категорию «уничтожено» составили 20 (7%) неукреплённых поселений.

Характер негативного воздействия подразделяется на естественный и антропогенный, с приоритетом последнего, при условии комбинированного признака. В результате 27 объектов хорошей сохранности не имеют следов нарушения культурного слоя, 1 объект подвергается разрушению

исключительно природными факторами, 261 (90%) селище подвержено влиянию хозяйственной деятельности человека.

Основным фактором негативного антропогенного воздействия на культурный слой селищ бахмутинской культуры является пашня (137, 52%), 28 (10%) селищ заняты современными населёнными пунктами, 17 (7%) разрушаются одновременно пахотой и пролегающими по ним автомобильными дорогами, в 11 (4%) случаях поселение распахивается и перекрывается усадьбами современных населённых пунктов, 6 (2%) разрушаются при разработке карьеров, 5 селищ заняты огородами и подсобными хозяйствами. Оставшиеся 57 (23%) поселений разрушаются комбинированными факторами, в числе которых: пашня, автодороги, разработка карьеров, линии электропередач, многолетний выпас скота, добыча нефти, заводы и фабрики, силосные ямы, плотины и электростанции, лесопосадки и лесопитомники, водохранилища и прочие виды хозяйственной деятельности человека.

Таким образом, высказанное ранее предположение о плохой сохранности селищ бахмутинской культуры подтверждается проведённым исследованием (Иванов, Останина, 1983, с. 106). Вероятно, поэтому неукреплённые поселения реже становятся целью стационарных археологических исследований.

Как уже говорилось выше, ввиду слабой изученности неукреплённых поселений, большая их часть исследована в ходе сбора подъёмного материала, что не является исчерпывающим источником по многим показателям, в том числе габаритам объектов. Однако эта информация также может быть обобщена и использована для описания памятников.

В настоящее время отсутствуют точные данные о площади 69 объектов (24%). Показатели площади остальных селищ располагаются в широком диапазоне от 200 до 150000 кв.м. Используя методы группировки интервалов данных, а также подробно изучив визуальное распределение по построенной гистограмме по данному признаку, удалось выделить 6 групп объектов с

размером интервала в 4000 кв.м. (табл. 13). При этом, в последнюю группу были включены экстраординарные объекты, площадь которых превышала 20000 кв.м. Во-первых, это сделано потому, что при визуальном осмотре и определении расстояний «на глаз», с их увеличением растёт и возможная погрешность или ошибка. Во-вторых, на графике, показатель в пределах 20000 кв.м. – последнее и весьма крупное «плато» признака в этом ряду, в-третьих, количество объектов последней группы, меньше, чем их количество в интервале «200-1000», поэтому же минимальные показатели не были исключены из расчётов (рис. 34).

Группы поселений по площади:

– очень малые (200-4199 кв.м.) – 74 (33,6%);

– малые (4200-8199 кв.м.) – 50 (22,7%);

– средние (8200-12199 кв.м.) – 35 (15,9%);

– большие (12200-16199 кв.м.) – 22 (10,0%);

– очень большие (16200-20200 кв.м.) – 21 (9,5%);

– сверхбольшие (20200-150000 кв.м.) – 18 (8,2%).

Какой-либо зависимости от культурной принадлежности археологического материала и площадью объектов не обнаружено. В отличие от городищ ситуация обратная и самые крупные селища чаще однослойные.

Показатели мощности культурного слоя известны для 115 памятников. В 40 (34,9%) случаях он составляет 0,1-0,25 м, то есть в пределах одного штыка; 0,3-0,45 м – 54 (46,9%) объекта; 0,5-0,65 м – 14 (12,1%); 0,7-0,9 м – 7 (6,1%).

В речных долинах расположена большая часть селищ – 237 (82%), оставшиеся 52 (18%) объекта располагаются в глубине террасы и некоторым образом «скрыты» от русла основного водотока.

В бассейне р. Белая располагаются 126 (43,6%) памятников, 112 (38,8%) в бассейне р. Быстрый Танып, вдоль русла р. Уфа находятся 37 (12,8%) селищ, р. Буй 14 (4,8%) объектов.

Специфика топографического расположения селищ довольно своеобразна, при этом большая их часть – 157 (54,3%) занимает невысокие надпойменные террасы; 104 (35,9%) – высокие надпойменные террасы; 19 (6,6%) – в поймах; 9 (3,1%) – вершины коренных террас (рис. 32; табл. 14). При этом 98 (33,9%) поселений в настоящее время не имеет непосредственного пологого выхода к основному водотоку (высокая терраса, удалённость и т.д.) и, вероятно, использовали альтернативные источники пресной воды, либо не сохранившиеся до наших дней. Остальные 191 (66,1%) вполне могли использовать существующие водные артерии.

Наличие пресной воды – очень важный показатель при характеристике такого вида поселений как неукреплённые. Стоит заметить, что селища, расположенные в глубине террасы либо по краю террасы на значительном удалении от современных рек и водотоков, нередко обнаруживают едва заметные следы распаханных балок, снивелированных к настоящему времени. При фиксации подобного вида объектов складывается впечатление отсутствия на данных поселениях каких-либо источников воды. Однако это представление, скорее всего, ошибочно.

То же самое касается и селищ, расположенных на возвышенных мысах, современные источники воды которых расположены у их подножья. Однако посещение этих объектов ранней весной, в момент активности сезонных водотоков позволяет установить, что зачастую ручьи (родники, ключи), могли располагаться у самого основания мыса, с напольной стороны и полностью обеспечивать поселение пресной водой. Подобное наблюдение, на наш взгляд, характерно и для городищ.

В 37 (12,8%) случаях, селища не имеют выраженных ограничителей площадки, то есть располагаются в глубине террасы на открытой местности. Ограничены водотоком (с одной стороны) и оврагом (с другой) – 58 (20,4%) селищ; 53 (18,3%) расположены между двумя оврагами; 52 (17,9%) ограничены руслами водотоков (реки, ручьи и т.д.); 25 (8,6%) находятся на краю террасы водотока и ограничены, лишь с одной стороны; 21 (7,2%)

ограничены возвышенностью (подъёмом террасы) и чаще всего располагаются на нижней террасе довольно высоких берегов; 25 (8,6%) площадок ограничены старичными руслами водотоков; 14 (4,8%) селищ расположены на повороте водотока; 4 (1,4%) располагаются на краю карстового провала (воронки) (табл. 15).

Подтреугольная форма площадки селища зафиксирована на 68 (49,2%) объектах; 45 (30,4%) – вытянутая, языковидная; 19 (13,8%) – округлая; 5 (3,6%) – подпрямоугольная; 1 (менее 1%) памятник располагается на нескольких мысах и имеет сложную форму; на оставшихся 151(52% от общего количества) селище, форма площадки не установлена.

В результате архивно-библиографических и полевых исследований, а также посредством применения геоинформационных систем и цифровой модели рельефа местности удалось уточнить высоту (от уровня поймы, либо водотока) площадок селищ бахмутинской культуры (рис. 16). В большинстве случаев этот признак располагается в следующих интервалах:

1-4 м – 103 объекта (35,6%);

5-8 м – 91 (31,5%);

9-12 м – 21 (7,3%);

13-16 м – 16 (5,5%);

17-20 м – 13 (4,5%);

21-24 м – 6 (2,1%);

25-28 м – 8 (2,7%);

29-32 м – 7 (2,4%).

Оставшиеся 24 (8,4%) селища имеет высоту площадок выше 35 м, вплоть до показателя 121 м – при таких показателях признак становится единичным и не образует сплошного интервала.

Следующим важным признаком является наличие укреплённого поселения в непосредственной близости к селищу. На расстоянии до 1 км (как условно наиболее перспективная зона для ведения хозяйственной деятельности) располагаются 36 (12,5%) объектов, на удалении до 5 км

(пределы эффективной зоны округи городища) находятся 104 (36,0%). Вопросы экономических, буферных или ресурсных зон, а также зон ответственности поселений, уже поднимались в отечественной литературе, в том числе автором (Афанасьев, 1989, с. 5-6; Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004, с. 71-72; Коробов, 2012, с. 18; Бахшиев, Колонских, с. 59-82; Колонских, 2021), и будут описаны далее. Оставшиеся 149 (51,5%) памятников расположены на значительном удалении от укреплённых поселений, что может быть свидетельством специфики ведения хозяйственной деятельности, либо вероятного отсутствия непосредственного и постоянного взаимодействия между городищами и селищами бахмутинской культуры.

Типология неукреплённых поселений.

Основной проблемой раздела является слабая изученность селищ бахмутинской культуры. Поэтому выбор принципов классификации материала не может в полной мере опираться на существующие в отечественной историографии примеры.

Наблюдения В.А. Иванова и Т.И. Останиной о специфике расположения, позволили прийти к выводу, что для бахмутинских селищ характерно невысокое расположение над поймой реки, чаще всего на уровне 3-6 м (Иванов, Останина, 1983, с. 106; Останина, 1997, с. 86). Исследователи также отмечают, что неукрепленные поселения по р. Белой и р. Уфе концентрируются в количестве двух–трёх около городищ, на высоких коренных террасах, а на реках Быстрый Танып и Бирь они густо располагаются в прибрежной части в количестве от 4 до 11 на каждом мелком притоке (Иванов, Останина, с. 105).

К настоящему времени, какая-либо типологизация объектов практически отсутствует, а имеющиеся обобщения в основном касаются характеристики топографии, мощности культурного слоя и площади неукреплённых поселений бахмутинской культуры.

Подобная ситуация, характерна для различных хронологических периодов и территорий. Имеется немало примеров систематизации подобного

рода источников, не совсем синхронных. Для селищ саргатской культуры по мнению Л.Н. Коряковой, наиболее характерным является мысовое расположение с использованием рельефа местности, как и для аналогичных городищ I типа, при этом селища расположены значительно ниже на уровне 4-5 м от уровня водотоков и приурочены к озерным берегам (Корякова, 1984, с. 71-72).

В ходе рассмотрения процесса расселения славянских племён на обширной территории р. Оки, Т.Н. Никольской создана довольно подробная типология неукреплённых поселений. Система состоит из четырёх типов с некоторым количеством подтипов. Вся структура основана на специфике топографического расположения, а именно сочетании рельефа местности, ландшафта, речной и овражно-балочной систем (Никольская, 1981, с. 43-55). Преобладающим, в этом случае является приречный тип (Тип I) селищ, культурный слой которых тянется неширокой полосой вдоль берега реки (иногда на излучине, либо вдоль края оврага). Во второй тип исследователь объединяет селища, расположенные на мысах высоких коренных берегов при впадении в них более мелких рек или ручьёв, с вариантами на небольших всхолмлениях между речкой и впадающим в неё ручьём, либо на мысу, ограниченном поймой реки. Третий тип – селища, расположенные на дюнных всхолмлениях на значительном удалении от коренного берега, разновидность включает в себя селища, расположенные на высокой пойменной гряде, удалённой от берега. Четвёртый тип описывает селища, расположенные вдали от берега реки, на ровных невысоких плато, которые в настоящее время заняты пашней или пастбищем (Никольская, 1981, с. 43-55). Эта типология, очень хорошо характеризует специфику локализации в определённых топографических условиях. Эта система, с некоторыми корректировками часто встречается и на материале других культурных групп.

Сходные принципы применены В.В. Енуковым, в ходе изучения неукреплённых поселений Посемья в роменское время. Автор выделяет пять типов селищ, систематизация которых также основана на специфике рельефа

и топографического расположения. К первому типу отнесены 38 поселений на дюнах и небольших останцах, расположенных в поймах или на невысоких первых речных террасах. Поселения второго типа имеют приуроченность к мысам (81 памятник). Третий тип селищ самый многочисленный – локализация на первой (104 объекта) или второй (14 объектов) речных террасах. Следующий тип включает в себя поселения на высокой пойме (3 случая). Пятый тип – единственное поселение, расположенное на высоком (около 30 м) останце, в непосредственной близости к укреплённому поселению (Енуков, 2007, с. 85).

Сравнение выделенных типов по высотам, позволило автору прийти к выводу, что все они тяготеют к одним и тем же отметкам – три четверти всех памятников расположено на высоте, не превышающей отметки в 10 м от уровня уреза водотока, пик концентрации занимает узкий интервал между 3 и 6 метрами (Енуков, 2005, с. 89). Далее В.В. Енуков, на основе описанной структуры выделяет две большие группы: 1) поселения, которые тяготеют к неким возвышенностям и имеют определённые естественные границы; 2) поселения, локализующиеся в условиях отсутствия каких-либо выраженных топографических границ (Енуков, 2005, с. 89).

Топографический принцип деления неукреплённых поселений окрестностей Кисловодска, использован Д.С. Коробовым (Коробов, 2017, с. 148). Исследователь выделяет четыре класса поселений: на мысах (46 объектов), плато (13), склонах (47), на речных террасах (25). Использование Д.С. Коробовым разделение на классы по топографическим особенностям, позволило определить характер использования площадок поселений, как зоны жизнедеятельности (поселения на мысах и склонах, а также часть поселений на плато), либо как зоны сельскохозяйственной активности, что подтверждается почвенно-археологическими исследованиями (Коробов, 2017, с. 159). Автор также отмечает актуальность наблюдений за топографическими особенностями раннесредневековых поселений Кисловодской котловины,

которые могут служить основой для дальнейшего изучения подобного вида объектов.

В диссертационном исследовании Д.Г. Бугровым, для характеристики селищ пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья, был выбран метод применения правила «ранг-размер» (Бугров, 2006, с. 156). В результате типология поселений (включая укреплённые) была основана на показателе площади памятника и было выделено шесть типов: первый (площадью от 250000 до 46000 кв.м.), второй (37000-25000 кв.м.), третий (20000-15000 кв.м.), четвёртый (13000-10000 кв.м.), пятый (9000-7000 кв.м.), шестой (площадью менее 6000 кв.м.) (Бугров, 2006, с. 154). Полученная система далее использована для изучения модели расселения пьяноборских племён.

Указанный инструмент классификации, также применён автором настоящей работы. Однако для создания типологии исключительно неукреплённых поселений, выявления их специфики, был использован топографический принцип. Ко всему прочему стоит заметить, что характеристика рельефа и ландшафта в археологических отчётах о разведках селищ бахмутинской культуры, часто даётся авторами довольно подробно. Существенно дополнить архивно-библиографические и полевые исследования, следовательно, уточнить картину топографических особенностей даёт применение ГИС-систем, позволяя создавать подробную цифровую модель рельефа (ЦРМ) исследуемого региона, основанную на свободно распространяемых данных дистанционного зондирования поверхности Земли, полученных с помощью радиометра ASTER и радара SRTM.

Как и в случае с укреплёнными поселениями, вероятным является модель, при которой представители бахмутинской археологической культуры основывали выбор площадки селища исходя из сложившегося представления о топографии, жизнеобеспечения, а также в чёткой привязке к хозяйственной необходимости. Какие-либо уточнения по специфике организации жизненного пространства на поселениях, в настоящее время отсутствуют, то же самое можно говорить о способах и типах ведения хозяйственной

деятельности. Поэтому основными признаками для группировки селищ становятся топографические характеристики.

Высшим таксоном классификации является специфика формирования самой площадки селища (рис. 31). В данном случае это три вида площадок:

I. Поселения, расположенные мысовидных выступах и площадках – 199 (68,9%);

II. на краю террасы – 86 (29,8%) селищ;

III. на останцах – 4 (1,3%).

Следующим признаком является характер площадки поселения (табл. 14):

1. низкая (первая) надпойменная терраса;
2. высокая (вторая-третья) надпойменная терраса;
3. пойма;
4. коренная терраса.

Учтено наличие естественных ограничителей площадок селищ (табл. 15):

А – «водоток+овраг» – в этом случае площадка селища ограничена существующим водотоком (река, ручей) и оврагом (пересохшей балкой) – 58 объектов (20%);

Б – «овраг+овраг» – поселение лежит на площадке между двумя оврагами – 53 объекта (18%);

В – «водоток+водоток» – селище расположено в месте слияния (на стрелке) двух водотоков (река, ручей) – 52 объекта (18%);

Г – «нет ограничителей» – в этом случае поселение представляет собой культурный слой, зафиксированный вдоль края террасы, без каких-либо ограничителей – 37 объектов (13%);

Д – «терраса водотока» – селище располагается на месте возвышения/понижения/поворота террасы, без каких–либо ограничителей площадки – 25 объектов (9%);

Е – «старица» – площадка поселения лежит на берегу старичного озера/русла реки – 25 объектов (9%);

Ж – «возвышенность» – площадка селища лежит на склоне террасы, с напольной стороны ограниченной возвышением берега/террасы, то есть площадка занимает некий «балкон» на склоне коренной террасы – 21 объект (7%);

З – «поворот реки» – площадка селища расположена на береговой террасе (мысу), образованной процессом меандрирования реки – 14 объектов (5%);

И – карст – площадка селища примыкает к карстовому провалу (воронке) – 4 объекта (1%).

Обобщение описанной структуры топографических признаков позволило получить следующую типологию и провести её картографирование (рис. 33):

Тип I. Мысовидные площадки характерны для 199 (68,9%) поселений.

Подтип 1. Включает в себя 106 (36,7%) селищ, располагающихся на невысоких надпойменных террасах рек и водотоков;

Вариант 1. Между двумя водотоками – 40 (13,8%) селищ;

Вариант 2. Составили 20 (6,9%) объектов, площадки которых ограничены существующим водотоком, с одной стороны, а с другой оврагом, либо пересохшей (сезонный водоток) балкой;

Вариант 3. Как и в предыдущем варианте – 20 (6,9%) селищ, ограниченные оврагами с обеих сторон;

Вариант 4. Предполагает мысовидные площадки 12 (4,1%) селищ, организованные меандрированием водотока;

Вариант 5. В 14 (4,8%) случаях, селища расположены на берегах стариц.

Подтип 2. Объединил 79 (27,3%) поселений, расположенных на более возвышенных, вторых и третьих площадках террас;

Вариант 1. В состав варианта вошли 3 (ок. 1%) селища, площадки которых расположены в месте слияния двух водотоков;

Вариант 2. Насчитывает 19 (6,6%) поселений, находящихся между водотоком и оврагом;

Вариант 3. Одно поселение подобного типа (Сараштыбашевское селище), расположено на относительно высокой площадке мысовидной

формы, находящейся между двумя водотоками. С напольной стороны селище ограничивает высокая гора (возвышенность), на вершине которой расположено одноимённое городище;

Вариант 4. Селища, в 28 (9,7%) случаев ограниченные оврагами с двух сторон оврагами;

Вариант 5. Два селища (менее 1 %) ограниченные процессами меандрирования реки;

Подтип 3. Селища, расположенный в пойме, на территории низких затапливаемых пойменных террас – 8 (2,8%);

Вариант 1. Единственное селище, ограничено руслом водотока и пересохшей балкой;

Вариант 2. Одно поселение расположено в пойме, на месте слияния двух водотоков;

Вариант 3. В 6 (ок 2 %) случаях, селища, расположенные в пойме, ограничены старичными руслами.

Подтип 4. Объединяет 6 (ок. 2%) селищ, расположенных на очень высоких мысовидных площадках коренных террас, нередко имеющих некоторый уклон. Почти все поселения вида однослойны, довольно далеко расположены от современных водотоков и производят впечатления площадок, наименее приспособленных, как для ведения хозяйства, так и для жизнедеятельности.

Вариант 1. Одно селище (Кузбаевское-2), не имеющее выраженных ограничителей, расположенное на небольшой возвышенности высокой коренной террасы;

Вариант 2. Включает 5 (1,7 %) селищ, площадки которых ограничены оврагами.

Тип 2. Объединяет 86 (29,8%) поселения, расположенных на краю коренных террас. Этот тип, сходен с так называемым «приречным» типом селищ по Т.Н. Никольской (Никольская, 1981, с. 43). Чаще всего подобные объекты не имеют выраженных ограничителей, а также расположены на

относительно ровных площадках, наиболее подходящих для занятия современными видами сельского хозяйства.

Подтип 1. Включает 25 (8,7%) поселений, расположенных на краю высоких надпойменных террас;

Вариант 1. В 13 (4,4%) случаях они занимают небольшую возвышенность на краю террасы;

Вариант 2. Шесть селищ (ок. 2%) не имеют каких-либо ограничителей площадок;

Вариант 3. Пять селищ (менее 2%), расположены в месте изгиба (поворота) террасы.

Подтип 2. Три поселения (ок. 1%) располагаются на краю вершин коренных террас. Важным наблюдением является то, что все три селища примыкают к карстовым воронкам. Площадки данных памятников относительно ровные. Все объекты расположены более чем на 35 м выше уровня поймы.

Подтип 3. Включает 51 (17,6%) селища, которые занимают площадки невысоких надпойменных террас;

Вариант 1. Данные 7 (2,4%) селищ с напольной части ограничены возвышением террасы;

Вариант 2. Одно селище, как и поселения подтипа 2, располагается у края карстового провала;

Вариант 3. Не имеют никаких ограничителей и наиболее близки к так называемым приречным – 24 (8,3%) поселений;

Вариант 4. В одном случае селище ограничено старицей;

Вариант 5. Основным видом ландшафта в 18 (6,2%) подобных случаях является поворот террасы.

Тип 3. Объединяет 4 (1,3%) поселения, расположенных на останцах в пойме речных долин, окружённых исключительно старичными руслами. Не имеет более дробных категорий.

Представленная типология не может претендовать на окончательную, в первую очередь потому, что исследуемые неукреплённые поселения, изучены очень слабо в археологическом плане и в настоящее время нет объективных данных для точной атрибуции видов хозяйственной деятельности на этих площадках. Основной археологический материал – фрагменты керамики. Находки орудий труда единичны, палеоботанические исследования практически не проводились, следы сельскохозяйственной округи, также практически не изучены. Поэтому попытки сделать какие-либо выводы о функциональном назначении площадок отдельных поселений могут оказаться поспешными.

Однако невзирая на относительную слабость аргументации, в основе типологии лежит топографический принцип, который, вне зависимости от имеющегося археологического материала, либо будущих исследований не утратит своей объективности.

В результате представленная типология позволяет выявить некоторые закономерности. Так, к примеру, почти все мысовые селища (Тип I) основаны именно бахмутинским населением, хотя и обнаруживают в культурном слое материалы более поздних периодов, либо материалы эпохи бронзы и каменного века, и лишь на одном из них встречена керамика раннего железного века (АКИО). Селища первого типа чаще всего располагаются на месте слияния двух водотоков, либо оврага и водотока, в месте поворота реки, что может свидетельствовать о традиции выбора места для поселения, прямо на берегу реки (ручья).

Стоит обратить внимание на то, что при изучении подсечного (подсечно-огневого) земледелия, исследователи приходят к выводу – важным фактором выбора места для подсеки становится топография и рельеф местности (Петров, 1968, с. 41). Подсека («ляд» или «новь») – участок леса, лежащего возвышенно над уровнем ближайших вод, либо участки приречного леса, мыс на реке, участок берега, где река делает крутой поворот, образуя полуостров, островной выступ, вклинившийся в реку или озеро (Третьяков,

1932, с. 7; Петров, 1968, с. 42). То есть, именно площадки трёх подтипов (Тип I, подтипы 1, 2, 4), больше подходят под вышеуказанные описания. Чего нельзя сказать о селищах, расположенных в поймах (Тип I.3, Тип III).

Вероятно, более подходящими для жизнедеятельности в плане удобства расположения и специфики топографии, теоретически могут являться селища Типа II.

Подводя итоги раздела, очередной раз стоит отметить, что плохая сохранность культурного слоя селищ, является негативным фактором, который, без привлечения естественно-научного инструментария, а также методов смежных дисциплин, в ближайшей перспективе вряд ли позволит выйти на качественно новый уровень исследования быта раннесредневекового населения в Уфимско-Бельском междуречье.

Однако массовость имеющегося материала позволяет получить верифицируемые данные о специфике топографического расположения, микрорельефе и характере формирования площадок памятников. Из чего следует вероятная реконструкция их использования раннесредневековым населением, как места постоянного проживания и временного, либо хозяйственного применения, опирающаяся на данные этнографии, истории и анализе данных сопредельных территорий.

2.3. Организация жизненного пространства и модели расселения

Раздел посвящён попытке реконструкции и создания моделей расселения раннесредневековых племён в Уфимско-Бельском междуречье. Суть проблемы заключается в том, что имеющиеся источники позволяют получить общую характеристику материальной культуры, при этом специфика быта, социальных отношений, взаимодействия отдельных коллективов, поселений и регионов, их места и функций в организации жизненного пространства, до настоящего времени оставались практически неизвестными.

Подобные вопросы привлекают внимание исследователей с самых начальных этапов изучения культуры. Первые интерпретации хозяйственных и общественных взаимоотношений даны в своё время А.В. Шмидтов и Р.Б. Ахмеровым (Шмидт, 1933, с. 26; Ахмеров, 1951, с. 126). Более подробно о специфике бытования раннесредневековых племён в Северной Башкирии писал А.П. Смирнов (Смирнов, 1957, с. 68-69). Он одним из первых исследователей предположил существование двух типов укрепленных поселений – укреплённые посёлки и городища-убежища. А.П. Смирнов, также выдвинул идею о расселении племён бахмутинской культуры из укреплённых, мало доступных берегов рек в их долины (Смирнов, 1957, с. 68).

В обобщающей работе В.А. Иванова и Т.И. Останиной, посвящённой поселениям Удмуртского Прикамья и Уфимско-Бельского междуречья, на основе данных о топографии и локализации объектов были сделаны выводы, противоположные предположениям А.П. Смирнова. По их мнению, раннесредневековое население «спустилось» с высоких террас крупных рек, характерных для системы расселения пьяноборских племён, на низкие берега мелких речек. Локализация укреплённых поселений, в отличие от специфики эпохи раннего железного века, наоборот, связана с береговыми террасами мелких рек и притоков. Высказано также предположение о расположении

городищ на окраинах территорий, в соответствии с задачами обороны (Иванов, Останина, 1983, с. 104-106).

Н.А. Мажитов подтверждает точку зрения о плотном освоении в эпоху раннего средневековья водоразделов как крупных, так и мелких рек. В соответствии с наблюдениями исследователя, на 5-10 городищ малых площадей приходится одно крупное с мощными оборонительными сооружениями (Мажитов, 2012, с. 140).

В таком виде к настоящему времени предстаёт картина расселения населения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье.

Полученные в последние годы автором данные о локализации, топографии, ландшафтных особенностях расположения, позволяют использовать их для создания вероятных моделей бытования поселений в древности, с применением современных методов пространственного анализа и геоинформатики. Эти методы получили широкое распространение в отечественных археологических исследованиях конца XX – начала XXI вв. (Афанасьев, 1989; Афанасьев, 1990; Афанасьев, Савенко, Коробов, 2004; Бахшиев, Бахшиев, 2013; Бахшиев, Колонских, 2016; Бугров, 2006; Недашковский, 2014; Оруджов, 2017; Сергеева, 2008). Большинство перечисленных работ, являются примером использования методов пространственного анализа без привлечения ГИС-инструментария и без учёта специфики рельефа и ландшафта.

Наиболее передовыми в отечественной археологии являются разработки Д.С. Коробова, посвященные системе расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (Коробов, 2011; Коробов, 2012; Коробов, 2014; Коробов, 2017а; Коробов, 2017б). Этот инструментарий использован автором, в настоящей работе, с целью изучения поселений в Уфимско-Бельском междуречье.

Все последующие вычисления и картография памятников произведены в свободно распространяемой (FOSS), профессиональной геоинформационной программе «QGIS».

Для решения исследовательских задач, в среде программного обеспечения была создана цифровая модель рельефа (ЦМР). В качестве данных для цифровой модели рельефа использованы данные SRTM (NASA Shuttle Radar Topography Mission), с размером пикселя до 30 метров. На основе данных о рельефе построена геоинформационная система «Поселения бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье» (рис. 1).

Простейшая аналитическая информация получена в результате электронного картографирования объектов – археологических памятников. Все точки на карте имеют точную привязку к географическим координатам (в системе WGS84) и сопровождаются обширной базой данных. Более сложные вычисления проведены с использованием модулей программы QGIS, в среде созданной геоинформационной системы, с учётом цифровой модели рельефа изучаемого региона. База данных, как и географическая информация, получена автором в ходе самостоятельных полевых работ, архивных и библиографических изысканий, оформлена в виде электронной таблицы (excel) и интегрирована в геоинформационную систему в виде csv-файлов (рис. 35).

Картографирование поселений Уфимско-Бельского междуречья с учётом культурной принадлежности имеющегося археологического материала позволило получить сведения о заселении региона в эпоху раннего железного века – раннего средневековья (рис. 28). Площадки памятников, используемые до распространения бахмутинских культурных стереотипов в регионе, ананьинским, пьяноборским и кара-абызским населением, в основном занимают коренные террасы р. Белой и преобладают в её нижнем течении. Одиночные объекты встречены на притоках – рр. Быстрый Танып, Бирь, Уфа. Что подтверждает наблюдения предыдущих исследователей о более широком заселении территории населением бахмутинской культуры по притокам и водоразделам. Пришлые группы населения – турбаслинского, романовского, кушнаренковского и кара-якуповского типов, более плотно встречаются в южной части и не проникают вглубь ареала бахмутинской

культуры. Находки кушнаренковской керамики встречены и на рр. Быстрый Танып и Буй, что, вероятно, может говорить о продвижении населения в наиболее удалённые и защищённые территории по долинам водных артерий.

Картографирование объектов по признаку площади подтверждает точку зрения Г.И. Матвеевой о том, что наиболее крупные укреплённые поселения располагаются на террасах основных водотоков региона и соотносятся с многослойными поселениями (рис. 22), которые начинают использоваться уже в эпоху раннего железного века (Матвеева, 1969, с. 56-57). Самые крупные однослойные селища, наоборот, расположены в верховьях притоков крупных рек и располагаются в относительной близости с городищами, тогда как в долинах водных артерий локализуются неукреплённые поселения с наименьшим показателем по данному признаку (рис. 34).

Очевидным является расположение укреплённых поселений с площадками на мысах отрогах и отдельно стоящих возвышенностях, в глубине ареала, именно там, где преобладают однослойные объекты. Поселения, занимающие выступы коренных террас, закономерно располагаются в долинах рек Белой и Уфы. Важным фактором, в этом случае, является рельеф местности, притом, что население бахмутинской культуры, вполне справилось с освоением ранее не занятых мест и отлично приспособилось к новым условиям ландшафта (рис. 28).

Городища с одной-двумя линиями фортификации реже располагаются в долине р. Белой, чем по её притокам, что также характеризует специфику укреплённых поселений. Все многоплощадочные городища расположены в долинах рек Уфа, Белая и Быстрый Танып, все поселения с одним-двумя валами концентрируются, в большей степени в верховьях указанных водотоков, либо на их притоках второго и третьего порядка (рис. 29).

Косвенным подтверждением расселения бахмутинцев из долины р. Белой по притокам служат результаты картографирования типов дополнительной фортификации. Отсутствие эскарпов вдоль русла р. Белая, может быть объяснимо отсутствием необходимости дополнительно укреплять

высокие склоны коренных террас. Однако наряду с «вакуумом», в плане террасирования склонов поселений, именно в долине Белой встречаются городища, укрепленные валом в мысовой части. И тот и другой признаки, характерны для эпохи раннего железного века. Эскарп, наоборот, чаще всего встречается на однослойных поселениях бахмутинцев, на притоках крупнейшей водной артерии региона (рис. 27).

Подтверждением вышесказанного, вероятно, является и концентрация городищ 1 типа вдоль русла р. Белая, а типов 2 и 3 по её притокам (рис. 29).

За результатами картографии следует попытка применения методов пространственной археологии, с использованием ГИС, для решения вопросов специфики расселения бахмутинского населения в Уфимско-Бельском междуречье.

Анализ цифровой модели рельефа и переклассификация растровых слоёв показывает, что поселения расположены на участках местности с уклоном не более 10°, а большая их часть имеет уклон местности не более 5°, это позволяет предполагать не только использование площадок памятников, как места постоянного проживания, но и в качестве ведения хозяйства (вероятно, подсечного земледелия) (рис. 36).

Первой процедурой, стало создание пятикилометровых буферных зон вокруг поселений. Этот метод, имеет широкое применение в археологических исследованиях (Афанасьев 1989, с. 3–12; Карпушкина, Черных, 2007, с. 89–90; Недашковский, 2014, с. 48–49; Шакиров, 2014) и на практике применялся автором работы (Бахшиев, Колонских, 2016, с. 61-65; Колонских, 2017д). Полученные данные для всего ареала поселенческих объектов, показывает очень плотное распределение объектов (рис. 37). То есть, большая часть полученных зон взаимно пересекаются, что может говорить о вероятной неодновременности памятников, либо о специфике взаимного расположения объектов, суть которой имеющиеся источники не позволяют интерпретировать.

Программное определение зон визуального контроля радиусом 5 км показывает, что большинство известных объектов располагаются в областях взаимной видимости (рис. 38). То же касается результатов процедуры построения территорий, визуально контролируемых с площадок укреплённых поселений (рис. 39). Указанные данные получены с использованием цифровой модели рельефа местности, кроме того, результаты вычислений в ГИС, были верифицированы в результате эксперимента.

Теоретическая возможность передачи дымового сигнала между поселениями бахмутинской культуры получила практическое подтверждение, как в ходе расчетов с использованием инструментов и модулей ГИС–систем, так и в результате полевых исследований (Колонских, 2021а). В процессе изучения были рассмотрены несколько сценариев: передача сигнала от городища к окружающим селищам; городищам, расположенным в относительной близости (внутри микрорегиона); «по цепочке» за пределы округи на значительно удалённые объекты.

Рассмотренные варианты системы коммуникации с большой долей вероятности могли использоваться населением бахмутинской культуры. Учитывая многочисленные изученные кострища, очаги больших размеров и мощные следы прокаленной глины, в культурном слое площадок древних поселений, можно утверждать об использовании поселений не только как укреплённых участков местности, на которых можно было укрыться от неприятеля, но и как пункты визуального контроля и коммуникации на занимаемых территориях (Колонских, 2021а).

Применение описанного анализа, также имеет возможность прогнозирования. Примером этому является городище «Уфа IV», полностью разрушенное современным памятником Салавату Юлаеву в г. Уфе. Полноценных исследований городища не проводилось, притом, что подъёмный материал представлен исключительно керамикой раннего железного века. Так как объект расположен в окружении памятников с находками материалов бахмутинской керамики, можно было бы

предположить, что и городище Уфа-IV могло использоваться в эпоху раннего средневековья. Построение зон визуального контроля укрепленных поселений, указывает на выраженный пробел, в районе описанного поселения, вероятно, подтверждая предположение о заселении его представителями бахмутинской культуры.

Ко всему прочему, созданная карта визуального контроля, показывает определённую концентрацию объектов в виде микрорегионов.

Это предположение подтверждают расчёты плотности распределения поселений, в соответствии с которой выделяются ярко выраженные зоны скопление объектов (рис. 40).

Такие зоны концентрации предлагается именовать микрорайонами (микрорегионы). Их выделение наряду с полученными в геоинформационном пространстве результатами основывается на определённой «автономности». Во-первых, ближайшие известные памятники, расположены на расстоянии 10 и более километров, от крайних поселений указанных микрорайонов. Во-вторых, их территория чаще всего «замыкается» укреплёнными поселениями, либо концентрируется вокруг, что на наш взгляд, тоже может являться одним из признаков ограниченности микрорегиона. В-третьих, указанные регионы имеют выраженные географические ограничители в виде меандров рек, коренных террас и водоразделов.

Наблюдение за концентрацией объектов раннего железного века сделаны Б.Б. Агеевым в ходе рассмотрения системы расселения пьяноборской археологической культуры – предшественников бахмутинцев на исследуемой территории (Агеев, 1992, с. 82-85). В настоящее время в пределах ареала бахмутинской культуры условно выделяются 15 микрорайонов (рис. 41). Пять на р. Белой: № 1 – в нижнем течении р. Белой (изученный автором прежде) (Бахшиев, Колонских, 2016; Колонских, 2017д); на территории Дюртюлинского района, севернее и северо-восточнее г. Дюртюли (№ 2); в районе г. Бирска (Бирский микрорайон, № 3); восточнее с. Кушнаренково (№ 4); на территории «Уфимского полуострова» (№ 5). Один на р. Уфе (№ 6),

южнее Павловского водохранилища (в него входят эпонимный Бахмутинский могильник, а также Чандарское селище и городище Соколиный камень). Довольно компактные микрорайоны на реке Бирь, в районе Камеевского городища (№ 7) и в верховьях долины р. Большой Изяк (у истоков которого известны Богородское (Сергеевское) и Сорвихинское городища, № 8). Шесть в бассейне р. Быстрый Танып: на водоразделе р. Шулия и р. Упа (№ 9); самый крупный в районе устья р. Гарейки (№ 10); на р. Варзи (№ 11); в нижнем течении р. Юг (№ 12); в районе с. Верхние Татышлы (№ 13); в верховьях р. Гарейка (№ 14). На р. Арей и в бассейне р. Буй (граница Республики Башкортостан и Пермского края, № 15).

Выявление связей и зависимостей всего ареала памятников, вероятно, является преждевременным, в виду слабой изученности самих поселений, точной хронологии бытования, характера и специфики их взаимодействия. Поэтому расчёты касались отдельно взятых микрорегионов (микрорайонов). Наиболее изученными среди них являются «Бирский микрорайон» (№ 3) и микрорайон в устье р. Белой (№ 1).

Данные по поселенческой структуре устья р. Белой (№ 1) проведены без привлечения геоинформационных систем и опубликованы (Бахшиев, Колонских, 2016). Использование методов пространственной археологии показало свою перспективность, хотя, в виду ровного пойменного ландшафта территории, а также существенного антропогенного воздействия на местность, не учитывалась цифровая модель рельефа.

Ожидаемыми оказались предварительные выводы о не единовременном функционировании отдельных памятников. С другой стороны, методы анализа пространственных данных позволили объединить близко расположенные памятники, представив их составными частями одного комплекса. Попытки построения внутренней хронологии (микрохронологии) группы поселенческих памятников не достигли успеха.

Важным выводом стало то, что центральными поселениями обладающими, вероятно, максимально широким набором административных

функций (Афанасьев, 1990, с. 66; Сергеева, 2005, с. 54), вокруг которых концентрировались поселения-сателлиты, являлись неукрепленные поселения (селища), вероятно, наряду с городищами.

Попытка применения методов ландшафтной археологии, с учётом цифровой модели рельефа местности и расчётов в программной среде геоинформационных систем, предпринята на примере Бирского мигрорайона (№ 3).

Поселенческая структура Бирского микрорайона. Базу данных исследования составили 52 объекта археологического наследия: 11 городищ, 40 селищ и 1 могильник (рис. 42; табл.16).

При первоначальном рассмотрении исследуемого региона были намечены участки концентрации археологических объектов, условно именуемые «кустами памятников». В одном случае это памятники, локализованные вокруг Бирского II могильника. Здесь можно наблюдать полноценный комплекс, состоящий из городища (Бирское (Чертово) городище), четырёх открытых площадок поселений (Камешник-1,2 селища, Бирск-5,6 селища) и некрополя (Бирский II могильник). Следующий куст образован шестью селищами (Телецентр-1 селище, Пономаревка-2,3,4,5,6 селища) и укреплённым поселением Пономаревка-7. Южнее довольно плотно сконцентрировано восемь поселений (селища Таловка-1–7 и селище Березовый ручей). Как и в предыдущем кусте, поселения здесь расположены на вершине коренной террасы правого берега р. Белая и окружают балки, овраги и ручьи, стекающие в небольшую речку – Таловка. Особняком на первый взгляд стоят поселения, расположенные на краю коренной террасы правого берега р. Белой – три городища (Михайло-Никольск-1,2,5) и четыре селища (Михайло-Никольск-3,4, Костаревское-3). Довольно близко расположено Костаревское городище и Костаревское-1 селище.

Начальный этап изучения поселенческой структуры бахмутинского населения в пределах «Бирского микрорайона» связан с определением экономических зон и зон ответственности поселений.

Первый метод характеризуется построением вокруг поселений концентрических окружностей радиусом от 1 до 5 км, которые характеризуют благоприятные и экономически эффективные территории для занятия земледелием и скотоводством (рис. 43). При этом площади в округе памятника расстоянием до 1 км оцениваются как равные – 100%; 1-2 км – 50%; 2-3 км – 33%; 3-4 – 25 % и 4-5 км – 20%, что соответствует уменьшению интенсивности эксплуатации территорий (Афанасьев, 1989. С. 6). В этом случае плотная насыщенность объектами создаёт множество наложений зон одной на другую. Наименьшее пересечение зон встречается в радиусе максимальной интенсивности использования территорий в радиусе до 1 км. Это можно объяснить возможностью как одновременного сосуществования данных поселений (куст поселений у Михайло-Никольска), так и потенциальными перемещениями населения в округе одной экономической зоны (кусты у с. Пономаревка и истоков р. Таловка).

Чтобы избежать перекрывания экономических зон (зон ответственности поселений), применяется метод построения полигонов Тиссена (Вороного). Данная методика применена в два этапа. Первый – создание полигонов вокруг укреплённых поселений, как вероятных центров поселенческой структуры (Останина, 1997, с. 85–86; Иванов, Останина, 1983, с. 105). Эта процедура позволила выделить условные кусты с городищами во главе. Михайло-Никольское-1, Новокульчебаевское, Костаревское, Вознесенское и Поповское городища, стали центрами небольших территорий и включили в свою орбиту по 1-5 селищ (рис. 44).

Полученная картина является классическим описанием археологических комплексов населения бахмутинской культуры (Иванов, Останина, 1983, с. 105; Останина, 1997, с. 85). Пономаревка-7, городище включило в свой полигон 13 селищ, что не является рядовым случаем, в соответствии с историографией, для изучаемых поселений раннего средневековья. Стоить заметить, что 3 селища (Бирск-7,8 и Баженовское), включенные в орбиту Поповского городища, расположены по другую сторону русла р. Белая. Очевидно, что русло реки

могло выступить существенной преградой для населения бахмутинской культуры в стремлении добраться до городища. Однако нахождение в условно выделенном полигоне поселения, подразумевает кратчайшее расстояние до него. Если же рассматривать частный случай с Поповским городищем, нужно иметь в виду, что обозначенные селища расположены в пойме правого берега реки, городище в пойме левого берега, а значит, преодолевая путь до укреплённого поселения, нет необходимости преодолевать иные препятствия, кроме как препятствие, в виде русла самой реки. Чтобы проследовать до ближайшего городища кроме Поповского (Бирское) на правом берегу реки, необходимо преодолеть 1 км дополнительной дистанции, преодолеть 50-60 метровый подъём на вершину коренной террасы, а также миновать мелкие водотоки в окрестностях г. Бирска.

Второй этап – создание сети полигонов, для всех поселений, включая селища (рис. 45). При построении экономических зон всех объектов микрорайона учитывался рельеф местности. На основе данных о высотах построены растры стоимости направления и движения. То есть, программным способом, с учётом расстояний и рельефа, высчитывается участки наиболее эффективного и быстрого преодоления местности (рис. 46-47).

Стоит в очередной раз заметить, что в расчётах не учитывалась специфика преодоления водных преград, потому как на археологическом материале, в настоящее время это не возможно, за неимением каких-либо данных о способах подобного передвижения. С другой стороны, даже наиболее крупная река – Белая, вероятно не являлась непреодолимым препятствием для местного оседлого населения.

Результат подтверждает выводы, полученные автором в ходе исследования микрорегиона в нижнем течении р. Белая (Колонских, 2017д). Подобная плотность археологических объектов, сконцентрированных на весьма ограниченной территории, скорее всего, выступает в пользу предположения о разновременности поселений у села Пономаревка и р. Таловка. Существование здесь одного большого поселения, тоже

маловероятно, в пользу этого свидетельствуют имеющиеся данные о слабой мощности культурного слоя изученных площадок памятников.

На основании данных о площади и ранге исследуемых поселений был построен график в арифметической системе координат (табл. 17-18). Сопоставление с теоретической моделью, показало, во-первых, относительно правильное «J-образное» распределение рангов (Афанасьев, 1990, с. 55-56), схожее с теоретической моделью, во-вторых, фактическое распределение обозначило значительное превосходство размеров поселений Бирского микрорайона над теоретическим распределением. Опираясь на полученные схемы, особенно обратив внимание на близкие размеры поселений первых трёх рангов, можно предположить, что перед нами картина разновременных административных центров региона, либо территориальных особенностей расселения определённых социальных групп бахмутинского общества.

В соответствии с правилом «ранга-размера» и опираясь на полученные графики распределения поселений, в соответствии с их площадями, была создана типология памятников (табл. 17). Основными признаками выделения типов являлось резкое отклонение графиков от нормального их распределения. Эта типология была скорректирована расчётами интервалов вариационных рядов, применяемой при группировке признаков совокупностей метрических данных (Генинг и др., 1990. С. 48-49). В результате было получено восемь типов поселений.

Опираясь на созданную типологию, были вновь построены полигоны зон ответственности вокруг поселений 1 и 2 рангов. Результат оказался вполне ожидаемым и отчасти подтвердил предположение о наличии кустов памятников внутри Бирского микрорайона. Подтверждением тому может служить карта плотности распределения этих объектов (рис. 48), которая отчасти совпадает с данными, полученными в ходе построения полигонов Вороного для укреплённых поселений (рис. 44).

В результате попытки реконструкции возможной системы пространственной коммуникации региона выделено 53 отрезка пути

формирующих дорожную сеть. Естественные преграды в виде рек, оврагов и высоких террас, и водотоков должны значительно повлиять на отрицательные отклонения участков сети. Особенно важным в этом плане, может быть вариация кратчайших и наиболее эффективных путей в различные сезоны, с учётом увеличения их протяжённости в весенне-осенний период и наоборот значительным сокращением (в том числе в ходе преодоления водных преград) в зимний период, либо период засушливого лета (табл. 19). Однако на настоящем этапе исследования учесть подобные нюансы невозможно, поэтому и созданная модель коммуникативных связей, не претендует на абсолютную объективность, хотя и учитывает рельеф изучаемой местности (рис. 49).

Важным результатом и, возможно, подтверждением объективности использования ГИС для пространственных расчётов, является тот факт, что путь преодоления р. Белой, с помощью программного метода, между раннесредневековыми памятниками полностью повторил путь современной понтонной и ледяной (в зимний период) переправы через р. Белая.

Следующие процедуры исследования были направлены на определение меры центральности поселений микрорайона. Ассоциативный номер населённого пункта – самое длинное расстояние до любого другого поселения. Для этого, построена матрица расстояний между парами объектов, рассчитанная в соответствии с созданной стоимостной дорожной сетью. Наиболее центральным является поселение с наименьшим показателем сумм всех расстояний. Такими объектами стали: Пономаревское-4,5,6, Телецентр-3,4,5 селища, Бирское (Чертово) и Михайло-Никольск-5 городища (табл. 19-20). Результаты вполне соответствуют полученным ранее данным, а указанные поселения, относятся к выделенным кустам, внутри исследуемого микрорегиона. Памятники на левом берегу р. Белой, не смотря на допущенное предположение о вероятности преодоления населением водной преграды, оказались наиболее удалёнными.

Второй метод вычисления центральности поселений – число Кёнига, основан на подсчёте количества путей между объектами (Афанасьев, 1990, с.

59-61). Рассчитав указанное количество путей, были получены результаты, сопоставимые с данными предыдущего инструмента (табл. 21). Центральными поселениями с наименьшими показателями числа Кёнига стали городища Бирское (Чертово), Михайло-Никольск-5, а также селища Бирск-5,6, Телецентр-3,4, Камешник-1 (табл. 22).

Таким образом, оба метода дали сходные результаты и указали на поселения, расположенные в округе самого мощно укреплённого городища и могильника.

Наиболее значимыми выводами, применения инструментария пространственного анализа и ГИС-систем, на наш взгляд, является наличие выраженных скоплений объектов (кустов), внутри исследуемых микрорайонов. Немаловажным моментом стало и то, что отдельные кусты памятников, не имеют укреплённых поселений, а центрами притяжения в них выступают селища. Полученные выводы характерны для двух изученных регионов: микрорайона в нижнем течении р. Белой (№ 1), исследованного без привлечения геоинформационных систем и Бирского микрорайона (№ 3), в ходе изучения которого использовались программные методы вычисления, а расчёты проведены по реконструированной цифровой модели рельефа.

Важным, но до настоящего времени нерешённым вопросом остаётся время функционирования памятников. Реализованные в результате исследования расчёты, вероятно, свидетельствуют о том, что наиболее крупные и центральные поселения могли существовать относительно продолжительное время. Тогда как мелкие объекты с незначительным культурным слоем не были долговременными и вполне могли быть связаны со спецификой ведения хозяйства населением бахмутинской культуры. По крайней мере, существование в центре Бирского микрорайона могильника, функционировавшего с III по VIII вв. и множество известных поселений в его округе, скорее всего, говорят о том, что территория всего микрорегиона, так или иначе, использовалась всё это время.

Таким образом, проведённые исследования показали эффективность применения методов пространственной археологии, подкреплённые современными инструментами ГИС-систем, они позволяют получать достаточно обоснованные модели, для реконструкции системы расселения и специфики освоения жизненного пространства древним населением.

Эффективность использования цифровой модели рельефа в сочетании с программным обеспечением, ко всему прочему позволило автору выявить ряд неизвестных ранее объектов археологического наследия, в числе которых: Кудашево-2, Большие Шады, Дунаевское городище, а также Удельно-Дуваней-3 и Кузбаевское-2, селища (Колонских, 2018а, с. 26-33, 46-53; Колонских, 2019а, с. 87-91). Указанные объекты выявлены в результате камеральных исследований наиболее перспективных мест расположения археологических памятников с помощью ГИС, электронных крупномасштабных карт и данных цифровой модели рельефа местности. Проведенные полевые исследования подтвердили существование указанных поселений.

ГЛАВА 3. АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ И ФОРТИФИКАЦИЯ

3.1. Очаги, ямы, постройки

Наряду с керамикой и индивидуальными находками важной составляющей источниковой базой материальной культуры поселений Уфимско-Бельского междуречья являются сооружения и постройки. Данный тип находок всегда связан с большими площадями стационарных исследований, поэтому к настоящему времени, нам известно 17 поселений, в материалах которых изучены примеры архитектурно-строительных и фортификационных традиций.

В количественном выражении относительно хорошо изученными являются очаги (32 объекта) и хозяйственные ямы (128 объектов), в меньшей степени столбовые ямы, постройки и фортификация (14, 9 и 8 объектов, соответственно) (табл. 23). Значительная их часть обобщена Т.И. Останиной и В.А. Ивановым (Иванов, Останина, 1983, с. 112-118), по материалам шести поселений рассмотрены памятники правобережья р. Камы – Сосновское, Постольское (Кленовый мыс), Чужьяловское (50 очагов, 56 ям, 4 жилища, 252 столбовые ямы), и материалы Уфимско-Бельского междуречья – Казакларовское-1, Барьязинское и Юмакаевские городища (9 очагов, 52 хозяйственные ямы, 1 жилище, 1 хозяйственная постройка, 7 столбовых ям). Эти же данные после вошли в публикацию Т.И. Останиной (Останина, 1997, с. 91-98).

Настоящее обобщение посвящено исключительно поселениям Уфимско-Бельского междуречья. Разработанная Т.И. Останиной и В.А. Ивановым классификация очагов (4 типа) и хозяйственных ям (4 типа), с небольшими дополнениями применена автором, потому как, эта система вполне отвечает поставленным целям и задачам исследования.

Очаги

Всего известно о 32 очагах, происходящих из раскопок семи укреплённых поселений (Сандияк, Кансиярское, Барьязинское, Тра-Тау, Казакларово-1, Сорвихинское, Бажинское городища) Уфимско-Бельского междуречья (табл. 24).

Большая их часть – 30 (94%) объектов может быть отнесена к очагам **1 типа** (по классификации В.А. Иванова и Т.И. Останиной). Они представляют собой прокалённые пятна подстилающей глины, песка, либо глиняной подсыпки овальной (17 объектов), округлой (9 объектов), неправильной (2 объекта), подпрямоугольной (1 объект) или восьмёркообразной (1 объект) в плане формы (рис. 50). Мощность прокалов не превышает 60 см. Показатели длины, ширины или диаметра находятся в широких пределах от 30 до 650 см. Исходя из размеров можно выделить четыре варианта:

– малые, от 30 до 84 см (13 объектов);

– средние, 100-130 см (8 объектов);

– большие, 150-220 см (7 объектов);

– очень большие, 450-650 см (2 объекта).

Вероятно, малые, средние и большие, являются ничем иным, как открытыми очагами, которые могли использоваться для приготовления пищи. Группа очень больших, скорее всего, связана с системой сигнальных огней. Возможность использования подобного вида коммуникации раннесредневекового населения Уфимско-Бельского междуречья, установлена автором в ходе эксперимента и опубликована (Колонских, 2021а). Важным доводом в этом плане, служит их малочисленность и отсутствие каких–либо находок (например, керамики), которые подтверждали бы использование очагов для обжига гончарных изделий, либо иных хозяйственных целей.

Два очага (6%) **2 типа** (по классификации В.А. Иванова и Т.И. Останиной), встречены на городище Сандияк. Они представляют собой пятна прокаленной глины с камнями. Данные прокалы сопровождаются находками

керамики и костей животных. Встречены округлые и подпрямоугольные формы, мощностью до 50 см. По мнению исследователя городища, это были закрытые очаги, их стенки были выложены из плиток сланца и булыжника, вероятно, время использования данных объектов было довольно длительным (Поносова, 1963, с. 26).

Несмотря на увеличившуюся базу источников (32 очага, вместо 9), полученные автором выводы вполне соотносятся с результатами, полученными В.А. Ивановым и Т.И. Останиной. То есть, для поселений Уфимско-Бельского междуречья характерны исключительно очаги 1 и 2 типов. Очаги 3 и 4 типов (по классификации В.А. Иванова и Т.И. Останиной) не встречены и фиксируются лишь на поселениях мазунинской культуры, на правобережье р. Камы. Данное наблюдение является очередным отличием поселений бахмутинской и мазунинской культур.

Хозяйственные ямы

Самым многочисленным объектом при раскопках являются ямы хозяйственного назначения, они встречены на большинстве поселений, изученных большими площадями. В настоящем исследовании привлекаются материалы 13 поселений, на которых зафиксировано 128 (100%) подобных конструкций (табл. 25).

В основе классификации ям лежит форма их сечения в профиле (рис. 50-55). Эта система для бахмутинских и мазунинских поселений разработана В.А. Ивановым и Т.И. Останиной (Иванов, Останина, 1983, с. 112-118), и применена автором исследования с небольшими дополнениями, которые касаются введения нескольких новых вариантов. Выделено 4 типа ям (рис. 56).

Тип 1. (91 объект, 71,09%). Простые ямы округлой (37 объектов), овальной (31 объект), подпрямоугольной (9 объектов), неправильной (9 объектов), подтреугольной (3 объекта) восьмеркообразной (1 объект), трапециевидной (1 объект) в плане формы, глубина которых достигает 150 см (среднее арифметическое 46 см), размеры в одной плоскости до 250 см, дно ровное. В единственном случае на Бажинском городище, встречена

подтреугольная яма со стороной до 540 см, при этом интерпретация её как жилища или постройки затруднена имеющимися данными (Сунгатов, 1998, с. 4, рис. 21-25). В шести случаях ямы этого типа фиксируются в жилищах, в трёх случаях в них встречены разрушенные конструкции (перекрытия) из дерева и берестяная подстилка на дне, что позволяет исследователям судить о них, как местах хранения продуктов, в одном случае, для сбора мусора (Поносова, 1968, с. 102-104). На основе специфики профиля стенок выделено 3 варианта:

– с вертикальными стенками (73 случая, 57,03%);

– стенки имеют наклон во внешнюю сторону (16 случаев, 12,50%);

– в профиле одна стенка имеет вертикальную форму, другая, наклон во внешнюю сторону (2 случая, 1,56%).

Вероятно, что наклон стенок в этом случае, образовался в процессе разрушения (сползания) конструкции.

В 77 случаях имеются данные о заполнении ям первого типа. Чаще (60 объектов, 46,88%) ямы заполнены культурным слоем – обломки керамики, кости животных, индивидуальные находки; в 9 случаях (7,03%) гумусированным грунтом; в 3 случаях (2,34%) гумусированным грунтом, углём, золой или прокаленной глиной; в 3 случаях (2,34%) гумусированным грунтом и суглинком, песком или супесью; две ямы (1,56%) не имели никаких находок.

Тип 2 (11 объектов, 8,59%). Ямы этого типа имеют вертикальные стенки, при этом с одной из сторон встречаются уступы либо ступени. Данные объекты имеют глубину от 40 до 105 см (среднее арифметическое 71,5 см), их наибольшие размеры не превышают 204 см, то есть в среднем они глубже и уже ям первого типа. На плане ямы имеют округлую (5 объектов), овальную (3 объекта), подпрямоугольную (1 объект), неправильную (1 объект), либо подтреугольную (1 объект) форму, дно ровное, либо имеет небольшой наклон. Одна из подобных конструкций встречена в хозяйственной постройке Казакларовского-1 городища (Останина, 2020, с. 82-83), другая на площадке городища Сандияк, имела следы обрушившегося перекрытия и двух

столбовых ям, по предположению исследователя использовалась для хранения продуктов (Поносова, 1968, с. 103-104).

Почти все ямы (10 случаев) данного типа заполнены культурным слоем и лишь одна гумусированным грунтом без находок.

Тип 3 (13 объектов, 10,15%). Ямы с расширением внизу в виде подбоев или ниш, подколоколовидной или грушевидной в профиле формы. Глубина их находится в пределах от 50 до 198 см (среднее арифметическое 110 см), по этому показателю подобные конструкции превосходят все остальные. Ширина объектов варьируется от 60 до 200 см, то есть в среднем они уже и глубже ям предыдущего типа. На плане данные объекты имеют округлую (7 объектов), овальную (2 объекта), подпрямоугольную (2 объекта), подтреугольную (1 объект), восьмеркообразную (1 объект) форму. Почти всегда заполнение ям представлено культурным слоем в виде многочисленных фрагментов керамики, костей животных и индивидуальных находок. В отличие от объектов других типов, эти ямы никогда не встречены в жилищах и постройках.

Вероятно, данные ямы предназначались для хранения продуктов, в том числе скоропортящихся, ввиду глубины, специфике конструкции, локализации и имеющимся находкам в их заполнении.

Основываясь на профиль сечения данные, объекты подразделяются на два варианта:

– с подбоем в одной стенке – 4 случая (3,13%);

– с подбоем в двух стенках (грушевидные, подколоколовидные) – 9 случаев (7,03%).

Тип 4 (13 объектов, 10,15%). Ямы с наклонными во внутрь стенками, расширяющимися к низу, в профиле представляют собой форму трапеции с нижним основанием на дне конструкции. Глубина их находится в пределах от 25 до 149 см (среднее арифметическое по типу – 74 см). Ширина ям этого типа находится в пределах от 40-145 см. На плане объекты имеют овальную (5 объектов), округлую (4 объекта), подпрямоугольную (2 объекта)

неправильную (2 объекта) форму. Заполнением большинства подобных ям является культурный слой в виде находок керамики, костей животных, позвонков и чешуи рыб.

Таким образом, наиболее распространёнными на поселениях Уфимско-Бельского междуречья являются ямы типа 1, ямы типа 2, 3 и 4 встречаются значительно реже. Это наблюдение подтверждает данные, полученные в своё время на менее многочисленном материале (Иванов, Останина, 1983, с. 115-116).

Важным моментом является то, что в исследованных комплексах, подтверждается совместное залегание и соотношение типов керамики. То есть, как и в культурном слое поселений, в сооружениях встречаются фрагменты керамики различных типов и орнамента, характерных для керамической традиции бахмутинского населения, что, вероятно, является подтверждением одновременного бытования этих признаков. Керамика с сосудами, украшенными бессистемным ямочным наколом, ёлочным и гребенчатым узором встречена: в яме № 11[1] городища Сандияк, яме № 14 Тибельского селища, яме № 79 Бустанаевского городища.

Столбовые ямы

Представляют собой 14 ям небольшого размера, диаметром от 7 до 54 см, глубиной от 9 до 29 см. В профиле стенки имеют вертикальную форму, на плане все являются округлыми. В 11 случаях (78,57%) дно плоское, в 3 (21,43%) заострённое. Заполнение столбовых ямок обычно не имеет находок культурного слоя. Чаще ямы расположены на площадке городища и не привязаны к каким-либо конструкциям, только две, вероятно, представляли собой подпорки деревянного перекрытия хозяйственной ямы второго типа (городище Сандияк) (Поносова, 1968, с. 103-104).

Постройки

Недостаток полноценного рассмотрения и обобщения имеющихся источников, является причиной практического отсутствия данных о

[1] В соответствии с порядковым номером в таблице 33.

домостроительных традициях раннесредневекового населения Уфимско-Бельского междуречья.

До настоящего момента в литературе существовало упоминание лишь об одном жилище в регионе (Иванов, Останина, 1983, с. 116-117). Проведенные архивно-библиографические работы, позволили получить данные о 8 предположительно жилых и одной хозяйственной постройке, происходящих из четырёх поселений (табл. 26). Археологический материал не позволяет точно интерпретировать и идентифицировать характер использования тех или иных сооружений. Поэтому наиболее крупные постройки, в которых обнаружены очаги, ямы и иные конструкции, в соответствии с историографической традицией и данными исследователей, зафиксировавших данные постройки именуются жилищами.

Кансиярское городище

Жилище № 1. Очертание жилища обнаружено на глубине 75 см, глубина 5-10 см, размеры 500х400 см. Имело четырёхугольную форму с закруглёнными плечами в северо-западной половине и тремя нишами в стенках (Мажитов, 1959а, с. 99-100). В заполнении жилища встречены многочисленные фрагменты керамики, среди которых по сохранившимся верхним частям удалось выделить 56 сосудов трёх типов. Для всех сосудов характерно единство в технике изготовления, орнаментации и примеси к глине в виде песка с включением мелких камешков. Характерной чертой керамики Кансиярского городища и ряда других поселений бахмутинской культуры является то, что на некоторых сосудах имеются следы волос или тонкого волокна. Первые два типа имеют схожую профилировку – короткие слабо отогнутые наружу шейки и выпуклое в верхней части тулово, и округлое или уплощённое дно, при этом сосуды второго типа имеют более маленькие размеры. Орнамент первого типа представлен ямками по шейке в горизонтальный ряд, а ниже по тулову – беспорядочно, либо горизонтально опоясывали шейку и тулово, узор второго типа также состоит из круглых ямок, но часто вместо ямок встречаются насечки, расположенные

вертикально или в ёлочный узор. Третий тип представлен несколькими сосудами, которые имели форму, близкую к баночной (Мажитов, 1959а, с. 102-105).

Юмакаевское городище

Жилище № 1. Имело форму неправильного овала, наибольший диаметр которого 500 см, наименьший 400 см. Жилищный котлован имел форму чаши, наибольшая глубина 65 см о современной поверхности и 30 см от уровня материка. В полу жилища было вырыто несколько ям разной глубины (ямы № 3 и 10). Котлован заполнен черноземом, в котором часто встречались фрагменты керамики чандарского типа. На границе квадратов в/29 и б/29 обнаружены обугленные куски бересты. На полу жилища в центральной части были обнаружены развалы двух крупных сосудов чандарского типа (Матвеева, 1970, с. 8). Жилище ориентировано по линии северо-запад–юго-восток (рис. 55).

Жилище № 2. Имеет овальную форму. Размеры 550х350 см. Пол покатый, наибольшая глубина в центре составляет 85 см от современной поверхности и 55 см от уровня подстилающего слоя. В восточной части очертания неясные, глибина котлована постепенно уменьшается и к востоку сходит на нет (рис. 55). В северной части жилища расположено две смыкающиеся ямы (№ 45 и № 46). Котлован ориентирован по линии север–юг (Матвеева, 1970, с. 8).

Городище Тра-Тау (Старонагаевское)

Жилище № 1. Размеры исследованной части 700-600х300 см, глубина 110 см от уровня поверхности земли, в том числе 50 см в материк. Дно относительно ровное. Заполнение состоит из чёрной земли, содержащей обломки керамики, найдено также около 20 костей животных. Судя по составу находок жилище принадлежало бахмутинской культуре (Мажитов, 1985, с. 13, рис. 11) (рис. 53).

Жилище № 2. Частично уходит в стенку. Размеры исследованной части 500х260 см, глубина 100 см от поверхности земли, 50 см от поверхности материка (Мажитов, 1988, с. 11, рис. 7).

Казакларово-1, городище (рис. 51, 1; 50, 2)

Жилище № 1. Вытянутой формы с очень нечёткими границами. Ориентировано по линии северо-запад–юго-восток. Хорошо прослеживается только юго-восточный угол впадины. Размеры 650х300 см, глубина в материк не превышает 25 см, дно ровное. Вдоль юго-западной стенки на расстоянии 100-110 см прослеживается скопление кусков глиняной обмазки. Несколько кусков обмазки обнаружено у противоположной стенки. В северо-восточном углу впадины, на дне – развал сосуда и несколько скоплений керамики. В северо-западном конце обнаружена хозяйственная яма (№ 3) (Иванов, 1980, с. 2, рис. 8).

Жилище № 2. Вытянутой формы, близкой к овалу, ориентировано по линии северо-запад–юго-восток. Размеры 650х200 см, глубина в материк 20 см, дно ровное. В заполнении обнаружено несколько невыразительных фрагментов керамики. Возле северо-восточной границы, на дне, найдено скопление стенок глиняного сосуда. При зачистке очертаний впадины на уровне материка, найдено несколько кусков глиняной обмазки. В северо-западном конце обнаружена хозяйственная яма (№ 2) (Иванов, 1980, с. 3-4, рис. 8).

Жилище № 3. На глубине 11-29 см от современной поверхности обнаружены очертания прямоугольной формы жилища, общей площадью 36,5 кв.м (420х870 см). Наиболее чётко на поверхности материка зафиксирован котлован (самая глубокая часть жилища) на уровне 19-29 см от современной поверхности. Расположено на склоне площадки городища с перепадом высот с востока на запад 135 см, а с севера на юг 44 см. Для уравнивания площадки северная и восточная части земляного пола дома были подрезаны на 20-30 см. Западная (не подрезанная) часть жилища фиксировалась лишь по тонкому слою тёмно-серой супеси, насыщенному гумусом. На земляном полу постройки, в ее западной половине обнаружены хозяйственные ямы (№ 17, 19), очаг (№ 3). Жилище судя по остаткам гумуса

и природным условиям, – деревянная наземная постройка, ориентированная. Судя по многочисленным находкам керамики в заполнении жилища, использовалось жителями поселения длительное время (Останина, 2020, с. 86-87, рис. 2).

На площадке Казакларовского 1 городища известна ещё одна постройка. По мнению Т.И. Останиной, этот объект является не жилым, а хозяйственным (Останина, 2020, с. 87). Очертания объекта обнаружены на уровне 16-20 см. по периметру сооружения зафиксирована полоса 10-20 см более насыщенная гумусом (сгнившее дерево). Размеры котлована 520х400 см (20,8 кв.м). В постройке обнаружены две хозяйственные ямы (№ 5 и 6).

Судя по имеющимся данным, сооружение, не смотря на отсутствие следов очага, тоже могло являться жилым. С другой стороны, исходя из логики Т.И. Останиной, жилище № 1 Юмакаевского городища и жилище № 2 Старонагаевского (Тра-Тау), могут быть названы хозяйственными постройками. Оба тезиса могут получить подтверждение лишь в ходе дальнейших исследований и пополнении источниковой базы.

Кувыковское городище

Жилище № 1. Прямоугольное, углублённое в землю, размером 800х450 см. Длинные стороны жилища были параллельны, а короткие сильно закруглёнными. В западной части жилища в 1 м от стенки на глубине 40 см обнаружены крупные камни, которые встречались на этом участке и глубже. Видимо, камни принадлежали развалившемуся очагу. Под камнями обнаружен толстый слой прокаленной красной глины. Ещё ниже под развалом очага обнаружен толстый слой истлевшего дерева в 80 см. Вероятно, очаг был установлен на деревянной подушке. В восточной части жилища обнаружен развал второго очага из камней, сложенных полукругом.

В чернозёме, заполнявшем котлован постоянно встречались куски обгоревшего дерева, угли и зола, представляющие собой, видимо, остатки перекрытия, обрушившегося во время пожара.

Стенки котлована в верхней части вертикальные, плавно закруглённые, переходили ко дну. Глубина котлована в центральной части его достигала 2,9 м, никаких ступеней не было обнаружено.

Жилище представляло собой глубокую прямоугольную землянку, наземная часть которой, состояла из перекрытия, вероятно двухскатного, а концы кровли упирались в землю у краев котлована (Матвеева, 1965, с. 7-8).

Таким образом, известно о 9 (100%) постройках. Все они встречены в материалах укреплённых поселений (раскопки селищ большими площадями практически не проводились, либо не давали результата). Жилища имеют подпрямоугольную (6 случаев, 66,67%) или овальную (3 случая, 33,33%) в плане форму. Размеры длинных сторон находятся в пределах от 500 до 870 см, ширина от 200 до 450 см. Площадь объектов от 13 до 36,5 кв.м. Чаще всего стенки жилищ имеют чашевидную форму (5 случаев, 55,55%), в двух случаях (22,22%) они вертикальны, ещё в двух случаях точная информация отсутствует. Вполне возможно, что покатость стенок сооружений, связана с их сохранностью. Почти во всех жилищах встречены ямы (7 случаев, 77,77%) и очаги (7 случаев, 77,77%), в жилищном котловане Кансиярского городища, вдоль длинных стен обнаружено три ниши, там же зафиксирован вход (Мажитов, 1959, с. 99-100). Ориентировка всех сооружений тоже довольна сходная: 6 (66,67%) объектов ориентированы по линии северо-запад–юго-восток, два (22,22%) север-юг, одно (11,11%) северо-северо-восток–юго-юго-запад.

Глубина фиксации, а также углублённость сооружений в материк позволяет выделить три типа сооружений (табл. 26):

Тип 1. Наземная конструкция (2 объекта, 22,22%). Эти конструкции имеют углубление от уровня современной поверхности (от 29 до 75 см) и практически не углублены в материк (5-10 см, 10-19 см). Для подобных жилищ, подготовка к строительству, вероятно, заключалась лишь в подрезке и выравнивании площадки.

Тип 2. Углублённая (полуземлянки) (6 объектов, 66,67%). Эти сооружения углублены в материк от 20 до 55 см и на 40-110 см от современной поверхности. Очевидно, что при устройстве данных конструкций, проводились значительные работы по подготовке площадки и рытья котлована жилища.

Тип 3. Землянка. Единственное (11,11%) жилище этого типа исследовано Г.И. Матвеевой на площадке Кувыковского городища (Матвеева, 1965, с. 7-8). Общая глубина конструкции достигала 290 см, углубление в материк более чем на 150 см.

Таким образом, домостроительные традиции бахмутинского населения предполагали функционирование различных типов построек, вполне возможно, что они могли иметь и различный характер использования. Наиболее вероятным является бревенчатая конструкция стен жилищ, притом, что непосредственных остатков срубов пока не обнаружено.

В результате именно углублённые в материк постройки (тип 2) были наиболее распространены в Уфимско-Бельском междуречье. Интересным наблюдением является сходство описанных объектов, с объектами, изученными в своё время Н.А. Мажитовым на площадке Ново-Турбаслинского-2 поселения (Мажитов, 1962а, с. 151-162). Несмотря на наличие в культурном слое селища керамики различных культурных типов, основные признаки – площадь, глубина, очертания на плане, форма в профиле, ориентировка по сторонам света, наличие и сходное расположение очагов, ям и ниш, а также рядная локализация самих объектов на площадке памятника (как на Казакларовском-1 городище) аналогичны, что, вероятно, является доказательством их «бахмутинской» принадлежности.

Похожая ситуация складывается с жилищем исследованным В.А. Ивановым на площадке Старонагаевского (Тра-Тау) городища в 1971-1972 гг. (Иванов, 1972, с. 7). По данным исследователя, в заполнении котлована встречена керамика приемущественно пьяноборского типа. Несмотря на это, сооружение зафиксировано на глубине 85 см, имеет углубление в материк на

60 см, плоский пол и отвесные стенки, углы закруглены. Ориентированно с севера на юг, с небольшим отклонением на восток, размеры 330 на 400 см (13,2 кв.м.). В 15 см от северной стенки зафиксирован очаг типа 1. Таким образом, она вполне аналогична описанным выше бахмутинским, углублённым в материк постройкам.

Обратная ситуация наблюдается при попытке сопоставления жилищ бахмутинской культуры с жилищами мазунинского населения Удмуртского Прикамья (Останина, 1997, с. 94-98, таб. 28). Бахмутинские постройки имеют значительно меньшую площадь. Площадь жилищ Сосновского и Постольского городищ, соответственно, равна 121,5 и 118,4 кв.м (и более 42,9 кв.м на Чужьяловском городище), в то время как среднее арифметическое для объектов в Уфимско-Бельском междуречье не превышает 22 кв.м (площадь наименьшего жилища – 13 кв. м, наибольшего – 36,5 кв.м).

То же самое касается специфики конструкции построек. В Удмуртском Прикамье все они наземные, в Уфимско-Бельском междуречье чаще углублённые в материк (полуземлянки). Вероятно, поэтому, котлованы бахмутинских жилищ не имеют следов основания, мазунинские, наоборот, устанавливались на поверхности и, вероятно, требовали глиняной «подушки» (фундамента). Несмотря на то, что существует иная интерпретация зафиксированным слоям глины по периметру жилищ (Черных, 2008, с. 74-75), в материалах поселений Уфимско-Бельского междуречья эти структуры не фиксируются.

В жилищах Уфимско-Бельского междуречья практически неизвестны столбовые ямы, это значит, что их кровля устанавливалась прямо на стены, без каких-либо подпорок. Крыши больших по площади мазунинских жилищ, нуждались в дополнительной поддержке, поэтому в них фиксируются многочисленные столбовые ямы (от 1 до 74 ям в одном жилище).

Таким образом, нет никаких оснований полагать, что между домостроительными традициями поселений Уфимско-Бельского междуречья

(бахмутинская культура) и Удмуртского Прикамья (мазунинская культура) имеются какие-либо сходства.

Как и в случае с хозяйственными ямами, нередко в жилищах встречены фрагменты бахмутинской керамики разных типов и орнамента, что очередной раз может быть подтверждением вероятной одновременности их бытования.

3.2. Фортификация

Фортификационные традиции бахмутинского населения до настоящего времени оставались практически не изучены. Стационарные раскопки валов и рвов проводились либо на многослойных поселениях (Старомуштинское, Какры-Куль, Старонагаевское (Тра-Тау), Юлдашевское (Петр-Тау), Камышинское-1, Уфа-2), либо сооружения исследовались не полностью (Сорвихинское, Сандияк, Казакларово-1, Варьязское городища). В последние годы автором проведены разведочные работы на большинстве укреплённых поселений, на четырёх городищах (Исхаковское, Бустанаевское, Баразинское, Уразгильдинское) исследованы основные и дополнительные фортификационные сооружения, что позволило значительно пополнить источниковую базу, получить новые данные о локализации, специфике и конструктивных особенностях укреплений городищ бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье.

В настоящее время имеются данные о конструкциях фортификационных сооружений девяти укрепленных поселений (табл. 27). При этом на городище Сандияк раскопом исследована небольшая часть оборонительной конструкции, на городище Варьяз и Казакларово-1 исследован фрагмент внешнего вала. В остальных случаях линии укреплений изучены на всю глубину.

Городище Сандияк

По краю раскопа (раскоп 1, 1963 г.) было обнаружено много углистых полос и остатков древесных углей, расположенных в направлении с севера на юг или с запада на восток. Все они уходят в стенку раскопа. По-видимому, это остатки сгоревших деревянных укреплений, бывших на краю площадки городища. Может быть, здесь был частокол из брёвен или горбыля или же накат по краю площадки для укрепления склона мыса от осыпания, тем более что искусственная подсыпка края площадки городища галечником,

смешанным с культурным слоем, была довольно мощной (до 1 м) (Поносова, 1963, с. 27-28).

При исследовании данного поселения И.С. Поносовой и О.А. Казанцевой (Поносова, 1964, с. 100-101; Казанцева, 1988, с. 24), вал и ров не были обнаружены, при этом исследователи упоминают о наличии на склонах небольших плоских уступов, расположенных с трёх сторон ниже площадки. Описанные уступы – ни что иное, как террасированные участки склонов, сложности с фиксацией вала и рва, вероятно, связаны со спецификой их конструкции (вал-эскарп). В результате самостоятельных исследований, автора выявлены основные и дополнительные формы фортификации (Колонских, 2021б, с. 59-60, рис. 5).

Опираясь на описания выявленных И.С. Поносовой на городище (тип IIБа1В1в) конструкций, можно предположить, что они представляли собой внутреннюю часть стены, установленной на краю вала-эскарпа, в северной части площадки памятника, представляющую собой деревянную конструкцию (столбовые ямы, углистые полосы, скопление сгоревшего дерева) каркасно-столбового, либо «перекладного» или «крюкового» сооружения (Моргунов, 2009, с. 44-45).

Городище Варьяз (Варьязское)

Один из раскопов (раскоп IV, площадью 32 кв.м.) заложен на внешней линии укреплений (из двух). Западная стенка раскопа прорезала часть вала и рва (рис. 57).

Мощность культурного слоя на участке от 25 см (в северной части) до 75 см (в южной части). Тонкий слой дёрна (3-5 см) покрывает слой чёрного гумуса, насыщенного находками. Материк – щебень, известняк. На профиле западной стенки раскопа в толще культурного слоя прослежено скопление булыжников. Под камнями и между ними встречен культурный слой (Иванов, 1974, с. 2, рис. 2-4).

В.А. Иванов указывает, что раскоп заложен на въезде, на городище (тип IIВа2В4а). Так как площадка между внешним и внутренним валом

использовалась в ходе сельскохозяйственной деятельности (пашня, сенокос), вероятно, въезд современный, разрушивший часть укреплений. Кроме скопления камней, никаких конструкций не зафиксировано. При этом внешняя линия фортификации в современном состоянии, значительно уступает внутренней по габаритам – 1,5 м и 5 м (от основания рва) соответственно.

Бажинское (Каменная гора) городище

На поселении заложен раскоп, в виде траншеи шириной 2 м (раскоп III, 68 кв.м.), прорезавший внутреннюю линию укреплений – вал и прилегающую площадку перед ним (Сунгатов, 1998, с. 7, рис. 63) (рис. 58). В соответствии с данными стратиграфии южной стенки вала, под 10-15 см слоем дёрна залегает гумусовый слой. Мощность его в прилегающих к насыпи вала квадратах не превышает 40 см. Ниже идёт материковая глина. В квадратах 16-17 на уровне материка зафиксирована каменная вымостка. Стратиграфия насыпи вала представляет достаточно пёструю картину. Под дерновым слоем в слое гумуса чётко фиксировались линзы, которые представлены почвой золотистого оттенка, глиной, углями и мелкими камнями, крупные камни зафиксированы в основании вала. Мощность их от 10-15 см до 100 см. Общая высота вала в наивысшей точке насыпи от уровня материка составила 330 см. Ров не зафиксирован (Сунгатов, 1998, с. 8).

Первоначально исследователем было дано предположение о том, что вал был насыпан в один приём (Сунгатов, 1998, с. 8), при публикации материалов городища высказывается точка зрения двухэтапного устройства укрепления в бахмутинское время и позднее в X-XII вв. (Овсянников, Сунгатов, 2004, с. 228).

Отсутствие следов столбовых или деревянных конструкций не позволяет реконструировать тип укреплений городища (тип IIВа2В5в). Зафиксированные в толще вала включения материкового грунта, супеси, а также камни различных размеров, вероятно, являются ничем иным, как забутовкой конструкции. Наличие прокалов, угля и пепла могут служить подтверждением существования каких-либо сооружений из дерева.

Казакларовское-1 городище

В 1980 г. В.А. Ивановым сплошной траншеей шириной 2 м, длиной 18 м, произведён разрез внутреннего вала городища (тип IAa1B5a) (рис. 59). По мнению исследователя, первоначально на материке была возведена небольшая насыпь из суглинка, взятого при рытье рва. По внешнему склону прослежена тонкая полоса (5-10 см) древнего дёрна, тёмно-бурого цвета, шириной 2,2 м. Ров перед валом представлял собой неглубокую (не более 50 см), но широкую (5 м) канаву с ровным дном. У внутреннего подножия вала вырыты две параллельные канавы неизвестного назначения: у основания насыпи, шириной 55 см, глубиной в материк 65 см с вертикальными стенками и ровным дном, вторая в 1,75 м к югу от первой, шириной 50 см, глубиной в материк 40 см, стенки вертикальные, дно ровное. Позже насыпь была увеличена за счёт присыпки внешнего склона суглинком (мощность 90 см, ширина 4 м), частично засыпавшем ров, а внутренний склон вала был засыпан слоем гумуса и супеси, вероятно, происходящих с площадки городища (с находками), шириной 8 м, мощностью до 60 см. По внутреннему склону вала, на расстоянии 1 м от условной вершины вала, на глубине 25 см от современной поверхности выявлены две прослойки сажи и мелких кусочков угля, мощностью до 35 см, шириной 2,25 м и 1,15 м. На вершине вала, сразу же под дёрном идёт слой светло-серой супеси, мощностью 15-35 см. Общая высота насыпи над уровнем материка – 1 м, ширина по основанию 12 м (Иванов, 1980, с. 4-5, рис. 10).

Полученные В.А. Ивановым данные позволили ему прийти к выводу, что валы раннесредневековых городищ представлены в виде простых земляных насыпей, без дополнительных усиливающих конструкций (Иванов, 1984, с. 67).

Новые данные, полученные в результате исследований последних лет, не подтверждают выводы исследователя о простоте укреплений и отсутствии каких-либо сооружений, кроме грунтовых насыпей. Вполне вероятно, что канавки в основании вала, заполненные гумусом, такой же грунт с прослойками сажи и примесью угля на внутреннем склоне, являются именно

остатками конструкции, а суглинок, засыпавший внешний склон вала – её забутовка.

Какры-Куль (Старомуштинское) городище

Раскоп (раскоп III, 84 кв.м) разбит на месте прохода и ориентирован перпендикулярно линии вала и рва (рис. 60). Под слоем дёрна (0,1-0,15 м на валу и до 0,6 во рву) зафиксированы мощные следы пожара в виде линзы обожжённой глины, перемешанной с гумусом, красного песка и углей мощностью до 1 м. В этом слое на глубине 0,2-0,4 м от современной поверхности залегали сгоревшие брёвна, лежащие горизонтально, параллельно линии вала в два слоя, в виде помоста под насыпью вала. В этом слое встречена керамика чандарского типа. Под линзами золы и обожжённого грунта находилась прослойка супеси серого цвета, содержащая обломки керамики пьяноборского и мазунинского типа и кости животных. Под супесью залегал слой серого гумуса со значительной примесью песка, распространённый по всей площади раскопа, его мощность от 0,2 м до 0,75 м во рву. В этом слое встречена керамика позднеананьинского типа (Овсянников, Тагиров, 2000, с. 166, рис. 1, 4).

Анализ стратиграфии позволил исследователям сделать вывод о двух горизонтах в слое вала и рва городища. Нижний слой – снивелированные остатки вала мощностью до 1,15, м от уровня материка, отнесённый к позднеананьинскому времени. Этот горизонт перекрыт культурным слоем мощностью 0,25 м (пьяноборско-мазунинское время). Верхний слой – оборонительные сооружения бахмутинского времени, конструкцию которых удалось проследить. В выровненную и частично снивелированную древнюю насыпь, на глубину 0,5-0,6 м были вбиты вертикальные столбы (диаметром 0,5 м), расположенные в два ряда. С внутренней стороны столбов были уложены горизонтальные брёвна диаметром 0,2-0,25 м, пространство между столбами и брёвнами было забутовано грунтом (Овсянников, Тагиров, 2000, с. 169).

Таким образом, исследование укреплений городища Какры-Куль (тип IVAa1B6б), стало первым примером реконструкции фортификационных

сооружений бахмутинской культуры. Эта конструкция, по классификации Ю.Ю. Моргунова, имеет тип двухрядного каркасно-столбового сооружения с внутренней забутовкой (Моргунов, 2009, с. 43).

Новые исследования, проведённые автором в последние годы, позволили получить более детальные данные о специфике фортификационного строительства в Уфимско-Бельском междуречье.

Исхаковское городище

Поселение расположено на мысовидном выступе коренной террасы (тип IБа1Ва). Поверхность памятника представлена небольшой пологой возвышенностью в центре мыса. Локальный рельеф местности на городище представляется подобием «седловины» между склоном коренной террасы и возвышенностью мыса. Фортификация представлена одной линией, состоящей из вала и рва. Ров, имеет гласисообразную насыпь с напольной стороны. Вал представлен эскарпированным участком естественной возвышенности (вал-эскарп), на вершине которого организована невысокая насыпь. Длина вала 15 м, общая высота вала со дна рва 3,5 м, высота насыпи вала со стороны площадки городища 0,8 м, глубина рва от вершины гласосообразной насыпи 0,6 м, ширина рва 3 м (Колонских, 2018а, с. 32-33; Колонских, 2018б, с. 26-31, рис. 46-56).

На городище, перпендикулярно валу и рву заложена траншея шириной 2 м и длиной 14 м (площадь 28 кв.м), позволившая полностью исследовать линию укреплений (рис. 61).

Под слоем дёрна (5-10 см, до 25 см во рву) на вершине и внутреннем склоне вала в кв. 2-4 зафиксирован слой гумуса с примесью песка и включениями камней различных размеров и форм, остатков дерева и древесного тлена и угля мощностью до 30 см он же встречен и в заполнении рва. Во рву, на этом горизонте, на границе кв. 14 и 13, обнаружена не догоревшая деревянная плаха (бревно). Описанный слой подстилала линза прокала (до 15 см) с примесью гумусированного грунта и супеси, в которой также встречены скопления угля, древесного тлена и камней. Перечисленные

слои, на всём протяжении (почти от площадки городища и до рва) подстилал слой светло-желтого суглинка с примесью гумуса и мелкого гравия (до 70 см). В нём также встречались фрагменты дерева, уголь и редкие камни. На внешнем склоне вала, на границе этого слоя и подстилающего его слоя перемешанного суглинка с включениями гумусированного грунта и угля (мощность 110 см), в кв. 10, 9, 8, прослежено вытянутое пятно древесного тлена. Два последних слоя, вероятно, являются заполнением стены. На вершине насыпи вала вновь встречена линза прокала (до 25 см) аналогичная описанной выше. Ниже располагался слой супеси ярко-жёлтого оттенка, вероятно, служившего подсыпкой («фундаментом») конструкции. Далее следовала тонкая прослойка гумусированного грунта с белёсыми золистыми включениями, являющаяся ничем иным, как слоем погребённой почвы. Предматериковый слой представлен светло-жёлтым суглинком с примесью мелкого гравия, материк представлен ярко-жёлтой супесью с редким включением гальки.

Планиграфическая ситуация на раскопе показала, что для устройства укрепления часть грунта взята с площадки городища и рва. Под линией фортификации сохранился слой погребенной почвы и предматериковый грунт шириной 270-300 см, на который был подсыпан слой супеси перед началом сооружения конструкции. Под внешней частью вала, у склона ко рву была вырыта канава, у внешней части которой зафиксирована столбовая яма, на её дне обнаружен крупный камень. Фрагменты данного столба, зафиксированы на внешнем сколе вала и во рву. Вероятно, это часть внешней столбовой конструкции стены. Внутренний столб обнаружен не был, что может быть объяснено небольшой шириной раскопа, при этом внутренняя часть стены зафиксирована в кв. 3 и 4.

Обобщение полученных в результате исследований данных, позволяет реконструировать сооружение, как двухрядную каркасно-столбовую конструкцию с забутовкой внутренней части грунтом, изъятым из рва, площадки поселения и камнями песчаника, часто встречающимися на площадке городища

и в обнажениях склона памятника. Линия укрепления была построена с использованием естественного возвышения площадки городища, подобный тип фортификации, автор предлагает называть «валом-эскарпом», который объединяет классическую конструкцию вала и традицию террасирования склонов в одном сооружении. Ширина стены, вероятно не превышала 3 м, хотя точно установить этот показатель, по данным раскопа, не удалось. Ров представлял собой обычную траншею с округлым дном и покатыми стенками. Так называемый гласис, или «гласисообразная насыпь» (Губайдуллин, 2019, с. 44, рис. 22) перед рвом, устроена также с использованием первоначального рельефа и вырезана в материке, а не насыпана.

Бустанаевское городище

Расположено на мысовидном отроге-выступе водораздела рек Быстрый Танып и Гарейка. Городище (тип IБа1В5б) имеет одну линию укреплений. Вал представлен эскарпированным участком естественной возвышенности (вал-эскарп), на вершине которого организовано основная линия укреплений. Длина вала 25 м, общая высота вала со дна рва 6,5 м, высота насыпи вала со стороны площадки городища 1,2 м, глубина рва от 1,8 м, ширина рва 5 м.

Фортификационные сооружения исследованы на всей протяжённости (от площадки до контрэскарпа рва) траншеей шириной 2 м и длиной 37 м (74 кв. м) (рис. 62).

Под слоем дёрна и лесного опада (10-20 см) от площадки памятника до рва обнаружен слой гумусированного суглинка (до 60 см), его подстилал схожий горизонт суглинка и гумуса, насыщенный мелкими фрагментами угля и керамики (мощностью до 70 см). В напольной части под слоем суглинка обнаружена линза (до 40 см) прокала ярко-оранжевого оттенка. Этот прокал аналогичен по локализации и форме тому, что был встречен при исследовании Исхаковского городища.

Далее, исследован мощный слой до 120 см сгоревшего дерева с включением суглинка. В напольной части, этот горизонт был достаточно однородным и плотно насыщенным углями мелких и крупных фракций. От

вершины и до внешнего склона вала слой имел тонкие, но чёткие прослойки сгоревшего дерева (мощностью до 180 см), чередующиеся прослойками суглинистого грунта. Местами сохранилось до 14 таких прослоек. Вероятно, данный горизонт представляет собой руинированную часть стены. Описанный слой также имел на небольшом участке две линзы прокала мощностью от 25 до 60 см. Ниже в кв. 11 и 12 обнаружена сохранившаяся часть деревянной конструкции стены, представленной обгоревшими брёвнами, лежащими в три слоя перпендикулярно друг другу. Высота конструкции достигала 60 см. Под слоем обгоревшего дерева обнаружено 4 столбовые ямки шириной до 50 см, глубиной 40-50 см. В профиле стенки над ямками обнаружены небольшие воронки, выраженные затёками суглинка. С напольной стороны к стене прилегал развал каменной кладки мощностью 30-40 см. Каменные выкладки также зафиксированы на склоне вала и контрэскарпе рва. Горизонт погребённой почвы мощностью от 3 до 15 см встречен в напольной части конструкции и под чередующимися слоями суглинка и древесного тлена вплоть до склона вала. Подстилающим слоем выступал материк суглинка жёлтого оттенка с небольшим включением мелкого гравия.

Таким образом, конструкция укреплений Бустанаевского городища представляла собой перекладную конструкцию из брёвен, усиленную мощными столбами с промежутками 2 м в перпендикулярной и 3 м в параллельной плоскости фортификационной линии. Всё сооружение было просыпано и забутовано суглинком, изъятым при строительстве эскарпа и рва. Учитывая количество слоев сгоревшего дерева и габариты сохранившейся части стены, можно предположить, что высота конструкции (от уровня погребённой почвы) превышала 2,8-3 м. Каменные выкладки на склонах вала и рва, вероятно, служили для защиты конструкции от сползания.

Уразгильдинское городище

Является единственным укреплённым поселением в Уфимско-Бельском междуречье, расположенным на краю коренной террасы без каких-либо ограничителей (тип VAa1B2a). Фортификация имеет классическую схему с

валом и рвом, с высотой 1,2 м и глубиной 0,4 м соответственно. Также уникальным является тот факт, что линия вала и рва имеет два поворота, организованные практически под прямым углом. Участок укреплений изучен по всей протяжённости раскопом 6 на 12 метров (72 кв.м) (рис. 63).

Под слоем дёрна и лесного опада (мощностью до 0,25 м), в центре насыпи вала обнаружена мощная линза прокалённой и запёкшейся глины с небольшой примесью угля, глубиной до 80 см. С напольной и внешней части насыпи к линзе прилегал слой глины с включениеми угля и гумусированного грунта, сменявшийся в сторону площадки городища слоем гумусированного суглинка. Под этими двумя горизонтами встречена линза с составом, аналогичным описанной выше.

Между двумя линзами зафиксирован слой гумусированного суглинка с включениями угля и древесного тлена мощностью до 1 м, в котором просматривались следы бревенчатой конструкции (сохранившаяся конструкция стены). В описанный слой вклинивалась небольшая прослойка супеси светло-жёлтого оттенка. Далее на площади всех насыпи был зафиксирован слой стерильной, плотно утрамбованной глины, мощностью до 35-40 см. Указанный слой подстилал материк в виде глины коричневого оттенка.

В результате проведённые исследования позволяют реконструировать перекладную конструкцию из брёвен, фиксируемую мощными столбами. Столбовые ямы углублены в материк на 20-30 см. Перед началом строительства площадка была выровнена и укреплена слоем глины, вероятно, изъятым при прокопке рва и с площадки городища, так как слой погребённой почвы не был зафиксирован. Далее были установлены столбовые конструкции, между которыми были уложены и забутованы (гумусом, глиной и песком) брёвна, вероятно, имелись и поперечные перекладины.

Уразгильдинское городище, в настоящее время является единственным поселением в регионе, на котором изучена конструкция угловой фортификации.

Баразинское (Кала-Тау) городище

Расположено на мысообразном отроге коренной террасы (тип IAa1B2a). Фортификация представлена эшелонированной системой из двух рядов валов и рвов перед ними, дополнительная линия укрепления в виде эскарпа окружает площадку памятника по всему периметру. На площадке городища у склона выявлено небольшое возвышение в виде вала, у основания эскарпа зафиксирован ров с гласисом. Высота конструкции от дна рва 6,5 м.

Исследования проведены на участке террасированного склона в южной части городища траншеей 2 на 25 м (50 кв. м) (рис. 64).

Под слоем дёрна и лесного опада, почти на протяжении всего раскопа залегал горизонт гумусированного грунта с включением камня и угля (до 20 см). В начале склона под указанным слоем обнаружена линза ярко-охристого прокала шириной 300 см, мощностью 20 см. Далее был зафиксирован слой гумусированного суглинка с большим количеством камней различной формы и размеров (до 40 см). Наиболее крупные камни залегали в нижней части слоя, на материке. Этот горизонт, вероятно, является ничем иным как следствием разрушения основной конструкции стены на вершине эскарпа. Во рву, а также на внешнем склоне гласиса зафиксирован внушительный слой стерильной глины охристого оттенка. Можно предположить, что глиной укреплялись склоны эскарпа, а также внешний склон гласиса, для увеличения фортификационных свойств. Следы погребённой почвы зафиксированы на площадке, а также на внешнем склоне гласиса.

Во всех слоях, за исключением слоя глины, встречены фрагменты керамики и угля. Развал сосуда обнаружен на краю склона в слое гумусированного суглинка. В кв. 10-11 обнаружен фрагмент обгоревшего бревна. В кв. 4 и кв. 8 зафиксированы столбовые ямки, которые, вероятно, являлись элементом конструкции стены.

Полевые исследования эскарпа Баразинского городища позволили провести реконструкцию сооружения. Вероятно, сначала строителями укреплений был подрезан склон городища, для усиления его крутизны. В

основании конструкции был вырыт ров, с выраженным контрэскарпом, то есть гласисом. Как и на Исхаковском городище, гласис не был насыпан, а вырезан в материковом грунте. Внешний склон эскарпа и гласиса укреплялся глиной. На вершине терасированного склона, на площадке городища, вероятно, была сооружена каркасно-столбовая конструкция, забутованная грунтом (гумус, суглинок) и камнем.

Таким образом, эскарп Баразинского городища стал первым в регионе примером изучения дополнительной фортификационной конструкции.

Имеющаяся база данных по укреплениям бахмутинской культуры (табл. 27) позволяет выделить два основных типа конструкций фортификационных сооружений:

Тип 1. Двухрядные каркасно-столбовые сооружения с внутренней забутовкой, грунтом и камнем;

Тип 2. Перекладные конструкции, укреплённые столбами и усиленные засыпкой грунта.

Фиксация линз и прокалов, расположенных на вершине или с небольшим отклонениям в сторону площадки городища, вероятно, свидетельствуют об укреплении или обмазке конструкции материковой глиной, для их лучшей сохранности и изоляции дерева от осадков и влаги.

Исследования фортификационных сооружений, показали, что фиксируемые на современной поверхности валы, рвы и эскарпы, являются руинами полноценных деревоземляных конструкций в виде мощных стен высотой 2,5-3,5 м. Подобные конструкции в регионе неизвестны как ранее, так и в более позднее время.

В результате обобщение имеющегося археологического материала, а также самостоятельные полевые исследования автора, позволили дать характеристику домостроительных и фортификационных сооружений бахмутинского населения в Уфимско-Бельском междуречье. Слабая изученность поселенческих памятников, не позволяет провести полное сопоставление имеющихся данных с данными поселений предшествующего и

последующего периода. Проведенные исследования позволили выявить типы конструкций, на бахмутинских поселениях, в их числе: ямы 3 и 4 типов, жилища, сооружения и фортификация, характерные исключительно для этого населения.

Специфика конструкций бытового и фортификационного назначения, наряду со спецификой локализации и топографии, позволяют уверенно отделять поселения Удмуртского Прикамья (мазунинская культура), от поселений исследуемого региона (бахмутинская культура), анализируя имеющиеся данные, получается, что общего между ними значительно меньше, чем особенного.

Полученные данные позволяют значительно расширить имеющиеся представления о быте оседлого населения эпохи раннего средневековья в Уфимско-Бельском междуречье. При этом, степень археологической изученность всё ещё не достаточна для более детальной реконструкции хозяйства, планировки поселений, специфики военного дела.

ГЛАВА 4. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

4.1. Керамика поселений

Наиболее массовым археологическим материалом поселений Уфимско-Бельского междуречья является керамика. Поэтому фрагменты сосудов, обнаруженные в культурном слое памятников, являются основным маркером принадлежности городищ и селищ к тем или иным культурно-хронологическим типам и горизонтам. Низкая степень изученности керамики в регионе характерна не только для поселений бахмутинской культуры, но и для большинства гончарных традиций, что нередко является большой проблемой в ходе идентификации отдельных памятников, объектов и комплексов раннего железного века – раннего средневековья.

Специализированных исследований, посвящённых непосредственно керамике поселений бахмутинской культуры, также немного. В большинстве случаев гончарные традиции изучены в ходе решения вопросов бахмутинско-мазунинской проблематики (Иванов, Останина, 1983), либо вопросов взаимодействия культурных групп населения в эпоху раннего железного века и раннего средневековья, когда материалом служили сосуды из погребений (Генинг, 1972, с. 244, рис. 6, 252-254, рис. 7; Мажитов, 1977, с. 41-45).

Керамика бахмутинской культуры, введена в научный оборот в начале XX в., в ходе наблюдений А.В. Шмидта, проведённых, в ходе полевых исследований Бахмутинского могильника, Чандарского селища и городища (Соколиный камень) (Шмидт, 1929, с. 24-25). Изученные объекты позволили выделить так называемый чандарский тип керамики, представленный круглодонными сосудами, часть из которых имеет вид чашек, другие, более крупные обладают невысокой шейкой. Состав глины чандарской керамики очень ярко характеризуется примесью песка и камешков. Цвет керамики обычно красный или жёлто-красный. Толщина стенок от 5 до 8 мм. Вторым, наиболее характерным признаком чандарской посуды, А.В. Шмидт выделяет

её орнаментацию. Подавляющий вид орнамент состоит из небольших, круглых ямок (иногда четырёхугольных), покрывающих всю поверхность сосуда. Другие виды орнамента редки, при этом автор выделяет пояски насечек ёлочкой, гребенчатые зигзаги, пояски штампованных уголков. По верхнему краю нередко бывает орнаментация рубчиками.

Приведённое выше описание А.В. Шмидта, является классическим и по сей день актуальным для керамического комплекса поселений бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье. Отдельно хотелось бы отметить, что в состав «чандарского типа», как описано выше, А.В. Шмидт включает и керамику с «ёлочным орнаментом» и сосуды, украшенные гребенчатым узором (рис. 65).

Подобная характеристика керамики поселений бахмутинской культуры, в последующем встречается у Н.А. Мажитова (Мажитов, 1968, с. 46). Однако исследователь, основываясь на результаты собственных раскопок Бирского, Кансияровского и Юмакаевского городищ, вносит в некоторые корректировки. Во-первых, Н.А. Мажитов, уточняет, что в отличие от наблюдений А.В. Шмидта, наряду с примесью дресвы, в нескольких сосудах обнаружена примесь раковины. Во-вторых, автор замечает, что характерной чертой керамики из верхнего слоя Бирского городища, как и для ряда других поселений бахмутинской культуры, являются следы волос или тонкого волокна, которые обычно располагаются на шейке или верхней части тулова.

Кроме того, Н.А. Мажитов уточняет, что небольшие сосуды чашевидной формы и сосуды средних размеров с широко открытым горлом, несколько вытянутым округлым туловом полуяйцевидной формы (тип 2 – *А.К.*) украшенные мелкими круглыми ямками по наружной поверхности, с примесью дресвы в глине, а также менее распространённые небольшие сосуды чашевидной формы, украшенные круглоямочным наколом по шейке и насечками по верхней части тулова (тип 1 – *А.К.*), существовали одновременно и являются разновидностью керамической посуды одного и того же населения (Мажитов, 1968, с. 47; Мажитов, 1977, с. 44).

К настоящему времени накоплен внушительный объём керамического материала с поселений бахмутинской культуры. Одной из ключевых задач исследования, стала необходимость обобщения имеющихся данных и их систематизация.

Выбор методики исследования в первую очередь связан со слабой степенью изученности поселенческой керамики бахмутинской культуры. В такой ситуации, применение наиболее современного и объективного историко-культурного подхода невозможно, ввиду многочисленности керамики, её фрагментированности, а также высокой трудоёмкости метода (Цетлин, 2012). Формально-классификационный подход, предложенный в В.Ф. Генингом, является наиболее объективным для погребальной керамики, то есть целых форм сосудов, которые в ходе раскопок поселений практически не встречаются (Генинг, 1973, с. 114-136). Применение метода геометрической морфометрии, как и предыдущий инструментарий, сложно применим в случае отсутствия целых форм, кроме того, имеет свои недостатки (Волкова, Суханов, 2017, с. 249-261).

В данном случае приходится ограничиться применением эмоционально-описательного подхода. С учётом всех негативных моментов, эта методика наиболее удачно подходит для решения задач характеристики и попытки обобщения источника в наиболее общих чертах, используя при этом максимальные объёмы имеющегося массива информации.

Находки керамики с поселений бахмутинской культуры сильно фрагментированы. Основная часть представлена стенками, реже верхними частями сосудов, примеры обнаружения целых форм, в культурном слое городищ и селищ, практически не известны.

Обработка керамики производилась путём визуального фиксирования и реконструкции форм, орнамента, проведения замеров габаритов, диаметра горловин и толщины стенок. Исследование формовочных масс и примесей выполнено посредством использования стереоскопического микроскопа МБС-10, по свежим сколам.

Исследование основано на обработке 28 керамических коллекций, происходящих с площадок 19 поселенческих объектов – Юмакаевское, Афанасьевское, Бирское, Юлдашевское (Петер-Тау), Барьязинское, Варьязское, Кансияровское, Бадряш-Актау, Казакларовское 1 и 3, Кардагушево-2, Краснохолмское (Красный Холм), Кудашево-1 (Кудашевское), Ново-Петровское, Новоянтузовское, Сараштыбашевское, Тра-Тау (Старонагаевское), городища, Тибельское (Тибелевское, Тибиль), Алтаевское-3 селища. Для сравнительного анализа также были привлечены коллекции Имендяшевского, Уфа-2, Кара-Абызского, Старо-Муштинского (Какры-Куль), Бажинского (Каменная гора), Юг-Хуторского, Югамашевского (Кала-Тау), Исхаковского, Кудашевское-2, Вотикеево-2 укреплённых и Удельно-Дуваней-3, Уфа-3, Исхаковского, Вотикеево-1 неукреплённых поселений. В общей сложности автором осмотрено 7961 фрагментов керамики, 6569 которых относятся к бахмутинской культуре, количество обработанных фрагментов, позволяющих реконструировать форму, составило 818 сосудов (табл. 28).

Все изученные сосуды лепные. Среди 23 обнаруженных днищ, 16 (69,57%) округлые, уплощённую форму имеют 7 (30,43%) экземпляров (табл. 29). Толщина стенок сосудов бахмутинской культуры варьируется в пределах 0,3-1,3 мм, 69,32% стенок имеют толщину 0,5-0,6 мм. Данный показатель интересен тем, что в сравнении с керамикой раннего железного века (АКИО, пьяноборская, кара-абызская культуры), бахмутинская керамика более тонкостенная (табл. 30).

В 390 случаях удалось проследить (реконструировать) диаметр горловин сосудов. Наименьшие показатели (4-10 см) встречены у миниатюрных форм сосудов, которые, вероятно, не выполняли основных функций в быту поселений. Наибольшие показатели (23-30 см) представлены также единичными экземплярами, которые вероятно могли использоваться в целях хранения продуктов. Самые распространённые (76,67%) размеры горловин укладываются в пределы 16-22 см (табл. 31).

Характер внешней обработки сосудов установлен на основании изучения 963 фрагментов, происходящих из материалов Юмакаевского и Бирского городищ (табл. 32). В результате хорошо заглаженную поверхность и с внешней, и с внутренней стороны имеют 398 (41,33%) экземпляр. Заглаженными по внешней части, при этом имеющие следы расчёсов по внутренней имеют 211 (21,91%) фрагментов. Обратная картина, с расчёсами по внешней поверхности и гладко обработанные внутри, встречена в меньшей степени, у 16 (1,66%) сосудов. Грубую обработку в виде расчёсов как с внешней, так и с внутренней стороны имеют 322 (33,44%) всех фрагментов. Встречены также экземпляры, имеющие бугристую поверхность с внешней и внутренней стороны – 11 (1,14%), только с внешней и заглажены изнутри – 2 (0,21%), заглажены снаружи и бугристы внутри – 3 (0,31%) фрагментов. Следы расчёсов, встреченные более чем на половине изученных фрагментов, вероятно, оставлены в процессе заглаживания грубой тканью, чему имеются реальные подтверждения в виде «застывших» отпечатков, а не травой или щепой, как предполагалось прежде (рис. 66).

Бугристая поверхность сосудов в Уфимско-Бельском междуречье, связана в большинстве случаев с поселениями, в материалах которых встречается керамика турбаслинского и романовского типов. Особенно ярко данный признак проявляется в южной части ареала распространения памятников бахмутинской культуры (округа «Уфимского полуострова»: Ново-Турбаслинское-2, Романовское-2 и 3 селища, Уфа-2 и Уфа-3, Уфимское «Чертово» городища), отображая взаимодействие местного и пришлого населения, в виде появления шамота в формовочных массах наряду с традиционным песком.

Определить отпечатки тонких волокон (встречаемых чаще по венчику и шейке, реже по плечу), удалось у 924 фрагментов, что составляет 78,37% от общего числа экземпляров верхних частей сосудов – 1179 (100%). Наличие подобных оттисков не зафиксировано в 255 (21,63%) случаях. Таким образом, данный признак вполне может считаться маркером бахмутинских гончарных

традиций. Важным наблюдением является то, что следы волокон в единичных случаях встречаются также и на сосудах эпохи раннего железного века (АКИО, пьяноборье) (Колонских, 2019, с. 43; Колонских, 2021, с. 101). Вероятно, эти отпечатки, являются признаками специфики изготовления (наносятся на готовую посуду перед её высушиванием и обжигом), при этом в более ранние периоды данные следы заглаживались, а в бахмутинское время оставлялись и, возможно, использовались как одна из форм украшения керамики.

Фиксирование примесей производилось визуально, по имеющимся сколам. В случаях, когда установить их было затруднительно, фиксация производилась по свежим сколам, с применением бинокуляра МБС-10. Подсчёт концентрации фракций и их размеров, производился в единичных случаях, по методике А.А. Бобринского (Бобринский, 1978, с. 81-82).

Основной примесью в формовочных массах поселенческой керамики является песок (98,66%), в сочетании с другими веществами. Чаще всего встречается песок различных фракций, от пылевидного и мелкого (до 0,5 мм), до крупного и очень крупного (2-2,9 мм), иногда единичные включения до (5-9 мм). Песок встречается в окатанном (крупные его части получили в литературе названия «галька», «примесь гальки», «песок с галькой») и не окатанном виде (в литературе чаще встречается как примесь «дресвы», «песка и дресвы»).

Выявление естественной или искусственной природы появления песка в бахмутинской керамике является вопросом нерешённым даже в ходе специализированных исследований (Бахшиева, 2017; Колонских, Бахшиева, 2015; Мухаметдинов, Фахрахманова, 2013). А.А. Бобринский указывал, также на тот факт, что идентификация искусственных примесей остроугольного песка и дресвы вызывает наибольшие затруднения (Бобринский, 1978, с. 102). С подобными проблемами столкнулся и автор данного исследования, это вероятно указывает на то, что подробное изучение формовочных масс и технологии бахмутинской керамики, является делом будущих исследований.

В данном случае, используя возможности эмоционально-описательного подхода, с применением других доступных методов и будет дана общая характеристика примесей.

В ходе изучения керамики бахмутинских поселений выделено 12 рецептов формовочных масс, при этом в 9 из них основной или сопутствующей является песок. Самым распространенным является рецепт «песок+крупный песок» зафиксированный в 3813 (81,13%) случаях. Это сочетание представлено мелким и пылевидным песком, а также крупными окатанными и не окатанными (очень похожими на дресву) песчинками (гравий?). Данный рецепт имеет и включения среднего песка, однако включения среднего и крупного песка не являются калиброванными, поэтому их фракции в общем имеют размеры от 0,5 до 5-9 мм. Неоднородно и их количество. В некоторых случаях соотношение среднего и крупного песка равно 1:5 и 1:6, при этом чаще встречаются фрагменты с единичными, но обязательными включениями кварцевого песка и средней и крупной фракций. Такая примесь, отлично фиксируется не только на свежих сколах, но и на поверхности фрагментов.

Сочетание «песок+крупный песок+раковина» встречено 89 (1,89%) раз, «песок+крупный песок+органика» 2 (0,04%) раза, «песок+крупный песок+шамот» 8 (0,17%) раз. Мелкий и пылевидный песок (рецепт «песок»), без средних и крупных включений, зафиксирован в 536 (11,98%) случаях, он же в сочетании «песок+органика» в 44 (0,94%) случаях, «песок+шамот» в 10 (0,21%) случаях, «песок+раковина» в 107 (2,28%), однажды (0,02%) в виде «песок+раковина+органика». Примесь в виде раковины встречена у 59 (1,26%) фрагментов, «раковина+шамот» – 2 (0,04%), шамот без каких-либо других включений зафиксирован дважды (0,04%). (табл. 33).

Существует некая локализация различных примесей внутри бахмутинского ареала. Так примесь шамота чаще всего обнаруживается в южной части, на поселениях у г. Уфы и в его округе, там, где бахмутинская керамика залегает в одном слое с романовской и турбаслинской, для которых

шамот является основной примесью формовочных масс (Колонских, 2017г; Колонских, 2018б).

Примесь раковины встречается чаще всего на Нижней Белой и в нижнем течении р. Быстрый Танып. Это, в свою очередь, связано с территорией формирования керамической традиции на месте бытующих ранее ананьинских и пьяноборских поселений, а также в непосредственной близости с памятниками мазунинской культуры (Колонских, 2019б, с. 45-46). В результате примесь песка, превалирует абсолютно и на всех памятниках, следовательно, может считаться культурным и хронологическим маркером.

Орнамент поселенческой керамики произведён в ходе визуального осмотра имеющегося материала. Общее количество составило 4772 фрагментов керамики. В ходе изучения, наличие орнамента или его отсутствие, а также его характеристика, производилась как по стенкам, так и по верхним частям сосудов. В результате 3955 фрагментов (82,88%) имеют орнамент, на 817 (17,12%) орнамент отсутствует.

В соответствии с методикой Ю.Б. Цетлина, была принята попытка обобщения «орнаментальной стилистики» керамики поселений Уфимско-Бельского междуречья (Цетлин, 2008, с. 19-23).

На изученной керамике были выявлены следующие виды элементов: ямочный, ямчатый, гладкий статический, гребенчатый, без орнамента. В результате наиболее распространённым элементом оказался ямочный – 3825 (80,16%), остальные элементы значительно уступают по частоте встречаемости.

Далее, описанные элементы были объединены в узоры, которые представляют собой сочетание одинаковых элементов орнамента.

Ямочный – в данный вид узора, объединены 1233 (25,84%) фрагментов, украшенных ямочными наколами круглой формы. Эти экземпляры, теоретически являются частями иных узоров и, вероятно, композиций (в большей степени бессистемного ямочного, в меньшей степени рядов, поясков

ямок, либо более сложных композиций) реконструкция которых невозможна в виду плохой сохранности источника.

Бессистемный ямочный (бесп.ямка) –2374 (49,75%) фрагментов, орнамент которых описан в литературе как «хаотичный ямочный», либо «бессистемный ямочный», и представляет собой геометрические ряды или беспорядочные круглые ямочные наколы, располагающийся по всей поверхности сосудов. Такой вид узора встречается со всеми иными видами, в большинстве же случаев не дополняется ничем.

Пояс ямок – данный узор встречен 9 (0,19%) раз и представлен круглыми ямочными наколами, расположенными по шейке, горизонтально, в один ряд. Такой узор широко распространен в эпоху раннего железного века, в керамической традиции ананьинцев, пьяноборцев и кара-абызцев. Чаще всего дополняется гребенкой, ёлочным, вдавлениями и т.д.

Ёлочный – представляет собой горизонтальный ряд разнонаправленных ямчатых наколов, подовальной, либо подтреугольной формы, расположенных чаще всего по плечику или ребру. Этот узор зафиксирован 101 (2,12%) раз. Обычно сопровождается бессистемным ямочным, поясом ямок, насечками, либо гребенчатым, реже не дополняется другими узорами.

Вдавления – чаще всего это горизонтальный ряд ямчатых наколов некруглой формы (овал, треугольник, прямоугольный). Определены для 161 (3,48%) фрагментов. Очень схож с ёлочным, с той лишь разницей, что наколы имеют одинаковую направленность. Сочетания с другими узорами, аналогичны ёлочному.

Насечки – узор, который чаще всего наносился на венчик, либо по срезу устья, остриём, уплощённым или плоским орнаментиром. Встречается у 212 (4,44%) фрагментов, с различными комбинациями всех имеющихся узоров.

Линейный – зафиксирован у 3 (0,06%) фрагментов и представляет собой гладкий динамический след от острия орнаментира.

Гребенчатый – оттиск гребенчатого прямоугольного орнаментира, встреченного у 38 (0,91%) фрагментов. Чаще встречается в месте с ямочным, бессистемным ямочным, ёлочным узором и вдавлениями.

Без орнамента – встречается у 797 (19,01%) фрагментов и, вероятно, ввиду распространённости является элементом орнаментальной традиции. Стоит также отметить, что часть неорнаментированных фрагментов может являться и неорнаментированной нижней частью сосуда, эта точка зрения подтверждается наличием большого количества стенок с ямочными наколами.

Сочетание описанных узоров приведено в таблице (табл. 34) и насчитывает 31 вариацию, встреченную в ходе исследования. Невзирая на многочисленность мотивов, среди них выделяется бессистемный ямочный, который в «чистом» виде, зафиксирован у 2242 (46,98%) фрагментов и является основным типом орнамента сосудов на поселениях Уфимско-Бельского междуречья (рис. 65). Круглоямочный орнамент, зафиксированный на мелких фрагментах стенок, встреченный на 1233 (25,84%) экземплярах, с большой долей вероятности принадлежит сосудам, украшенным бессистемными вдавлениями по тулову. Это предположение подтверждают данные по фрагментам, позволяющим реконструкцию форм, где бессистемный ямочный орнамент встречен в 62,96% случаях. Значительно реже встречаются сосуды с ёлочным, гребенчатым узором, насечками по венчику и вдавлениями. Однако важным является наблюдение, что все указанные элементы и узоры, встречаются в различных комбинациях друг с другом, и также являются традиционными для описываемой керамики.

Морфология сосудов с поселений Уфимско-Бельского междуречья проанализирована по 818 (100%) фрагментам их верхних частей, позволяющих реконструкцию форм (табл. 35).

Основным признаком для создания типологии поселенческой керамики поселений Уфимско-Бельского междуречья выбрана характеристика их общих пропорций. Этот показатель, на наш взгляд, имеет непосредственное отношение к бытовому назначению сосудов. Исследуемые фрагменты

керамики чаще всего не имеют каких-либо индивидуальных признаков или следов их использования, в подавляющем большинстве обладают схожими размерами. Следовательно, именно особенности форм могут являться показателем специфики их исходного функционального назначения (Цетлин, 2012, с. 167-168). Керамический материал поселений сильно фрагментирован, однако опираясь на наблюдения Ю.Б. Цетлина, можно полагать, что пять из семи выделенных им функциональных частей, находятся именно в верхней части сосудов (Цетлин, 2012, с. 158-159), а значит, их отличия, вероятно, являются и отличиями функциональности в быту.

В ходе изучения морфологии форм сосудов поселений Уфимско-Бельского междуречья выделены сосуды следующих пропорций: закрытые, высоких пропорций, низких пропорций, чаши и миниатюрные. Отличие высоких и низких пропорций непосредственно связано с высотой шейки: высокие шейки чаще превышают абсолютный показатель в 2 см, низкие шейки не достигают этого показателя. Этот абсолютный показатель имеет выраженную корреляцию с общими пропорциями сосудов, так у низких сосудов, чаще диаметр горла сравним с высотой сосуда, у высоких, общая высота сосуда обычно превышает диаметр их горла. Сосуды закрытых, высоких и низких пропорций имеют подтипы и варианты, выраженные в характере отгиба шейки (сильно отогнутые, отогнутые, слабо отогнутые, либо прямые) и формы перехода в тулово (слабо профилированный переход, плечо, либо ребро).

Тип 1. Закрытые. Представляют собой сосуды горшечных форм, с шейками, имеющими наклон во внутреннюю часть. В общей сложности выделено 127 (15,53%) экземпляров (рис. 67).

Подтип 1. С высокой шейкой встречено 83 (10,15%) сосуда.

Вариант 1. Переход к тулову в виде плеча оформлен у 80 (9,78%) экземпляров.

Вариант 2. Ребро в месте перехода зафиксировано у 3 (0,73%) сосудов данного подтипа.

Подтип 2. Характеризуется короткой шейкой имеющую наклон внутрь, встреченной у 44 (5,38%) фрагментов.

Вариант 1. Плечо зафиксировано в 42 (5,13%) случаях.

Вариант 2. Ребро характерно для 2 (0,24%).

Тип 2. Сосуды высоких пропорций составляют 281 (34,35%) экземпляр из всей выборки (рис. 68).

Подтип 1. Слабо отогнутую шейку имеют 85 (10,39%) сосудов.

Вариант 1. Представлен слабо профилированным переходом шейки в тулово и насчитывает всего 1 (0,24%) пример.

Вариант 2. Плечо встречено у 80 (9,78%) сосудов данного подтипа.

Вариант 3. Ребро распространено в 4 (0,49%) случаев.

Подтип 2. В общей сложности 86 (10,51%) сосудов типа имеют отогнутую шейку.

Вариант 1. Переход к тулову в виде плеча, оформлен у 82 (10,02%) сосудов.

Вариант 2. Ребро, в месте перехода к тулову, зафиксировано 4 (0,49%) раза.

Подтип 3. Сильно отогнутая шейка зафиксирована на 26 (3,18%) сосудах данного типа.

Вариант 1. Переход к тулову в виде плеча, встречен 25 (3,06%) раз.

Вариант 2. Ребро зафиксировано лишь у 1 (0,12%) сосуда данного подтипа.

Подтип 4. Прямая форма шейки в данном типе встречена у 84 (10,27%) экземпляров.

Вариант 1. В 81 (9,90%) случае, переход в тулово оформлен в виде плеча.

Вариант 2. В виде ребра, переход к тулову выполнен в 3 (0,37%) случаях.

Тип 3. Сосуды низких пропорций наиболее распространены среди исследуемой керамики – 388 (47,43%) экземпляров (рис. 69).

Подтип 1. Слабо отогнутую шейку имеют 94 (11,49%) сосуда.

Вариант 1. Слабо профилированный переход в тулово имеют 49 (5,99%) встреченных фрагментов.

Вариант 2. Плечо фиксируется у 39 (4,77%) экземпляров.

Вариант 3. Ребро имеют 6 (0,73%) сосуда.

Подтип 2. Отогнутая шейка встречена в 238 (29,10%) случаях.

Вариант 1. Три (0,37%) сосуда не имеют выраженного перехода в тулово.

Вариант 2. Сосуды данного подтипа с плечом, имеют наибольшее распространение и насчитывают 195 (23,84%) единиц.

Вариант 3. Ребро имеют 40 (4,89%) экземпляров.

Подтип 3. Сильно отогнутые шейки встречены у 18 (2,20%) сосудов.

Вариант 1. Плечо зафиксировано в 17 (2,08%) случаях.

Вариант 2. Ребро имеет лишь один (0,12%) сосуд данного подтипа.

Подтип 4. Объединяет 3 (0,37%) сосуда, шейка которых имеет перегиб (в виде тупого угла, а не дуги) в месте перехода в плечо.

Подтип 5. Прямая форма шейки встречается в 35 (4,28%) случаях.

Вариант 1. Слабо профилирован переход к тулову у 6 (0,73%) экземпляров.

Вариант 2. В 24 (2,93%) случаях имеется плечо.

Вариант 3. У 5 (0,61%) сосудов, плечо, очень раздутое (профилированное, но не в виде ребра, а в виде выпуклости дугообразной формы), чем значительно отличается от предыдущего варианта.

Тип 4. Сосуды чашевидной формы, вероятно, были не характерными для поселений в Уфимско-Бельском междуречье и встречены в 7 (0,86%) случаях (рис. 70, 1-2).

Тип 5. Сосуды миниатюрных пропорций тоже встречаются не часто – 15 (1,83%) экземпляров. Они представляют собой посуду, диаметр горловин которой не превышает 10 см, как и общие габариты. Их формы в большинстве случаев повторяют сосуды стандартных размеров: тип 3.2.2 – 4 фрагмента; тип

2.4.1 – 3 фрагмента; тип 3.5.2 – 2 фрагмента, тип 2.2.1 – 2 фрагмента; по одному экземпляру – закрытых форм, низкие слабо отогнутые, высокие слабо отогнутые и отогнутые с плечом и ребром (рис. 70, 3-8).

В результате значительный процент (15,53%) имеют горшки с закрытым горлом, среди которых более половины имеют высокую шейку (65,35%), и всего лишь треть (34,65%) низкую. Переход в тулово большинства сосудов этого типа, оформлен в виде плеча (96,06%), ребро характерно для 5 сосудов (3,94%).

Почти половина исследованных сосудов низкогорлы (47,43%), более высокие пропорции характерны для третьей части выборки (34,35%).

Для высоких сосудов характерны слабо отогнутые, отогнутые, либо прямые шейки, сильно профилированные составляют лишь десятую часть (9,25%) данного типа. Среди высокогорлых сосудов абсолютное большинство – 268 (95,37%) имеет плечо, как вариант оформления перехода к тулову, ребро встречено лишь 12 (4,27%) раз.

Для сосудов невысоких пропорций наиболее характерной является отогнутая форма шейки (60,82%), четверть имеют слабо отогнутую шейку (24,23%). Прямое, сильно отогнутое горло, либо перегиб в месте перехода к плечику, в общем, насчитывают не более 14,43% сосудов данного типа. Вариант оформления перехода к тулову, среди указанной группы сосудов в большинстве случаев выражен в виде округлого плеча (71,65%), ребро встречено значительно реже (12,11%), чаще сосуды имеют слабопрофилированное плечо (14,95%).

Таким образом, наиболее характерными для керамической традиции поселений Уфимско-Бельского междуречья являются сосуды с невысокой отогнутой или слабо отогнутой шейкой с плечом в месте перехода к тулову, несколько реже встречаются сосуды с относительно высокой, отогнутой, слабо отогнутой, либо прямой шейкой и плечом, закрытые сосуды с высокой шейкой и плечом, обнаружены ещё реже, при этом их относительный процент является существенным в сравнении с чашами и сосудами миниатюрных

форм, которые, вероятно, не имели широкого распространения в быту. Диаметр горловин в среднем равен 18-19 см, толщина стенок 0,5-0,6 мм. Корреляция ведущих типов форм и орнамента указывает на то, что эти два признака не имеют какой-либо зависимости, то есть, относительные показатели видов узора, на сосудах разных типах одинаковы. Это может говорить о сформировавшейся орнаментальной традиции, которая транслировалась на все изготовляемые сосуды, не зависимо от их форм, а, следовательно, и функций.

В плане морфологии форм сосудов, полученные данные по поселениям бахмутинской культуры находят как некоторые сходства, так и отличия от керамики иных культурных групп исследуемого региона. Например, круглоямочный орнамент встречен как в бахмутинской, так и в пьяноборской, ананьинской и кара-абызской традиции, при этом отличия связаны с локализацией и характером подобного узора. На сосудах раннего железного века он традиционно располагается в верхней части сосудов в виде горизонтального ряда, одиночных, сдвоенных или строенных, в бахмутино, такой ряд одиночный и почти всегда дополняется одиночным же орнаментом по всему тулову, либо в виде ёлочки или оттисков гребенчатого штампа, иногда вместе с бессистемным по всей поверхности (рис. 65).

Большая часть форм сосудов бахмутинских поселений, находит полные аналогии в керамике поселений ананьинского, пьяноборского и мазунинского типа, при очевидных различиях в их соотношении. Закрытые формы, единично встречены в керамики раннего железа, и наоборот, чаши в бахмутино это редкость, тогда как в керамической традиции пьяноборского населения они насчитывают порядка 15% всех форм.

Относительное сходство форм мазунинской и бахмутинской керамики также не вызывают сомнения, при том, что в Удмуртском Прикамье шейки при переходе к плечику имеют перегиб (угол), в Уфимско-Бельском междуречье чаще всего это очень плавные переходы, в виде покатой дуги.

Основные отличия в большей степени касаются узора и состава формовочных масс. Для керамики АКИО, пьяноборской, кара-абызской и мазунинской основной примесью к глине является раковина, при том, что в керамике раннего железа, она имеет большую концентрацию и подчас калибрована. Мазунинская керамика тоже имеет раковинную примесь, но чаще всего не калиброванную, именно поэтому в ней, как на свежем сколе, так и на поверхности фиксируются крупные белые фрагменты, либо полости и «кратеры» от её выгорания или выщелачивания. По той же причине, поверхность керамики мазунинских поселений чаще неровная, шероховатая с многочисленными щербинами (рис. 71).

Бахмутинская керамика имеет примесь песка: пылевидного, мелкого, среднего и крупного, как окатанного в виде гальки, так и не окатанного, больше похожего на дресву (гравий). Крупные песчинки также нередко хорошо фиксируются на поверхности, при этом не создают впечатления плохой обработки или шероховатость.

Встречается в бахмутинской керамике и раковина, однако чаще всего в примеси с песком. Вообще, раковинная примесь фиксируется лишь на бахмутинских поселениях в устье р. Белой и практически отсутствует в её среднем течении, на рр. Буй, Быстрый Танып и Уфа. Проведённые наблюдения за керамикой Старонагаевского (Тра-Тау) городища, позволили проследить, как с течением времени раковина пропадает из керамики местных культурных групп. В керамике ананьинского типа раковины много, и она всегда калибрована, пьяноборская керамика, очень схожа с керамикой АКИО, однако её концентрация снижается, в мазунинской керамике, как было сказано выше, раковина уже не калибруется и нередко сопровождается органикой, либо растительностью, а в бахмутинской представлена лишь в виде примеси с песком, либо в абсолютном большинстве случаев вообще отсутствует (рис. 72).

Керамика раннего железного века отличается более качественной обработкой поверхности, порой до лощения. Керамика бахмутинских

поселений Уфимско-Бельского междуречья, чаще всего имеет на поверхности следы в виде неглубоких расчёсов, вероятно, оставленных при заглаживании. В литературе можно встретить мнения, что заглаживание производилось пучком травы или щепой. Проведённые наблюдения позволяют предположить, что поверхность обрабатывалась грубой тканью, оставившей после себя эти расчёсы.

Ярким маркером бахмутинской керамики также являются отпечатки тонких волокон в верхней части сосудов (вероятно, шкура или шерстяная ткань/нить). Подобные отпечатки в единичных случаях зафиксированы и на керамике АКИО и пьяноборской, однако там они чаще заглажены. Возможно, следы этой традиционной процедуры изготовления посуды в бахмутинское время перестали затираться и явились органичным дополнением к узору.

Керамика бахмутинских поселений более тонкостенна, среднее арифметическое, по этому показателю для неё равно – 0,57 мм, для АКИО – 0,67 мм, для пьяноборской – 0,68 мм, для мазунинской – 0,58 мм.

Средний арифметический показатель такого признака, как диаметр горловин имеет следующее распределение: бахмутинская – 18,7 см; АКИО – 17,3 см; пьяноборская – 19,9 см; мазунинская – 19,9 см (для мазунино данные по Сосновскому, Чужьяловскому и Постольскому городищам).

Основной проблемой изучения керамики поселений бахмутинской культуры остаётся отсутствие её хронологии. Разделение на раннебехмутинскую и позднебахмутинскую керамику, в соответствии с результатами проведённого исследования не так очевидно. Во-первых, потому, что самые ранние образцы классической посуды, орнаментированной круглоямочными вдавлениями по всему тулову, ёлочным и гребенчатым орнаментом, обнаруживаются уже в погребениях Старо-Муштинского (Сунгатов и др., 2004, с. 14-16, 40-41; рис. 15-16,19), керамика с ёлочным узором в комплексах Ангасякского, Югамашевского, Мало-Качакского могильников (Всюткин, 1975, с. 68, рис. 173; Васюткин, 1980, с. 196, табл. 8; Тагиров, 2007, с. 108. рис. 13.*3,9*), датированных III-IV вв. (рис. 73). Во-

вторых, самые поздние образцы аналогичной посуде поселений бахмутинской культуры, встречаются в могилах второй половины VIII в. (Мажитов, 1987, с. 117; рис. 1).

Другим важным моментом является то, что так называемая раннебахмутинская (в ряде работ «мазунинская») и позднебахмутинская («чандарская») керамика, как показывают наблюдения, почти всегда встречается в материалах одних и тех же памятников, в одних и тех же слоях, вплоть до одних комплексов. Это может означать не хронологические, а функциональные различия отдельных типов посуды. Так, к примеру, низкогорлая керамика с ёлочным орнаментом и ребром по тулову, чаще встречается в погребениях III-V вв., в то время как в поздних могилах чаще обнаруживается крупная широкогорлая посуда с высокими шейками, украшенная бессистемным ямочным орнаментом и/или гребенчатым штампом, что, вероятно, может говорить о ритуальном характере использования сосудов.

Очевидны сходства низкогорлых сосудов, с узором в виде ёлочного орнамента с керамикой имендяшевского типа (рис. 74). Собственно ёлочный узор, на посуде поселений среднего течения р. Белой не встречается и представлен подтреугольными вдавлениями с вершинами, устремленными вверх. Вторым важным сходством, является примесь песка в обоих гончарных традициях, однако с той разницей, что на имендяшевских поселениях примесь песка мелкая и пылевидная и часто сопровождается включениями шамота, на бахмутинских это песок различных фракций. Третье, и менее очевидное сходство, это линейный орнамент в виде крупного зигзага на некоторых сосудах среднебельского региона и его аналог, но выполненный в виде оттисков гребенчатого штампа, чаще в сочетании с ямочным и ёлочным, на бахмутинских поселениях. Заслуживает изучения и проверки гипотеза о появлении ёлочного орнамента (а, вероятно, и гребенчатого) на поселениях Уфимско-Бельского междуречья, с территории Зауральского региона, центра

формирования саргатских и бакальских культурных стереотипов (Колонских, 2022) (рис. 75).

Проведённое исследование очередной раз позволяет чётко отделить мазунинскую керамику от бахмутинской. Ошибочным является наименование «мазунинской», керамики поселений Уфимско-Бельского междуречья, украшенной ёлочным орнаментом. Такая керамика не встречается в Удмуртском Прикамье, ни на поселениях, ни в могильниках. Для памятников правобережья р. Камы, характерны иные сосуды, встреченные и на бытовых, и на погребальных объектах. Некорректным для материалов городищ и селищ является термин так называемой «чандарской» посуды, введённый В.Ф. Генингом на материалах погребений Бирского могильника. Во-первых, ввиду того, что А.В. Шмидтом, на Чандарском селище, городище Соколиный камень и в Бахмутинском могильнике, были выявлены все известные нам вариации бахмутинского орнамента (бессистемный, ёлочный, насечки по венчику и гребенчатый). Во-вторых, отождествление «чандарского» типа с позднебахмутинской керамикой неверно, в виду того, что мы располагаем ранними погребениями III-V вв. Старо-Муштинского могильника, где этот тип керамики уже встречается (Сунгатов и др., 2004, с. 14-16, 40-41; рис. 15-16,19). В-третьих, в культурном слое большинства исследованных поселений Уфимско-Бельского междуречья, так называемая чандарская (по В.Ф. Генингу) посуда, всегда сопровождается бахмутинскими сосудами иных орнаментов, форм и вариантов примесей в формовочных массах. Более того, известны комплексы (ямы, постройки), где также обнаружена керамика различных типов (Мажитов, 1959а, с. 99-100).

4.2. Орудия труда, оружие, украшения

Индивидуальные находки на поселениях бахмутинской культуры большая редкость. Из 365 объектов, за исключением фрагментов керамики, они обнаружены на 37 (10%) поселениях. В большинстве своём представлены следующими вещами и их фрагментами – пряслица, зернотёрки, подвески, элементы ременной гарнитуры, ножи и наконечники стрел (табл. 36).

В данном разделе учитывались лишь вещи с поселений, в культурном слое которых встречена исключительно керамика бахмутинской культуры (однослойные), либо памятники и комплексы, бахмутинская принадлежность которых была установлена автором полевых работ или автором настоящего исследования. Примером не вошедших комплексов служат такие объекты, как Серенкино и Трикольское городища, бахмутинская керамика в которых представлена единичными находками и на исследованных площадках слоя не составляет (Иванов, 1978, с. 7-8; Иванов, 1979, с. 3-9). Материалы городища Уфа-2, также представляются здесь лишь в качестве примеров и аналогий, потому как культурная принадлежность некоторых комплексов и слоёв на городище, является предметом научных дискуссий. Ко всему прочему, для примера, из раскопок городища Уфа-2 проведённых в 2012-2017 гг., происходит 205 пряслиц, что почти в два с половиной раза больше, чем со всех имеющихся памятников бахмутинской культуры, вместе взятых (Сафуанов, Проценко, 2021, с. 91). Подобная картина актуальна и для прочих типов комплексов, вещей и находок. Обобщение данных городища Уфа-2 требует отдельного исследования, чем в настоящее время, занимается исследователь Ф.А. Сунгатов с коллегами (Сунгатов и др, 2018).

Орудия труда и оружие.

Пряслица

Пряслица и их фрагменты встречены на 21 (5,5%) объекте, в количестве 85 штук. Данный тип находок обнаружен исключительно на поселениях бахмутинской культуры и не встречается в некрополях. Большая часть

пряслиц – 76 (88,8%) глиняные, девять (11,2%) изготовлено из стенок сосудов, одно из них представляет собой заготовку. Классификация глиняных пряслиц произведена по форме сечения профиля (в двух случаях ввиду плохой сохранности, установить форму не удалось):

Тип 1. Прямоугольные – 24 (28,9%) представляют собой диски с подпрямоугольной формой сечения, то есть плоской приканальной площадкой и прямоугольным, реже округлым краем (рис. 76);

Тип. 2. Овальные – 23 (27,7%) предметов с подовальным сечением профиял (рис. 77);

Тип 3. Биконические (битрапециевидные) – 15 (18,1%) пряслиц с плоской приканальной площадкой и изломом (ребром) по краю. В литературе встречаются описания форм, как двух усечённых конусов либо трапеций (рис. 78);

Тип 4. Полусферические – 8 (9,6%) предметов, одна приканальная площадка которых плоская с выраженным краем, другая в сечении имеет форму сегмента круга, без краёв (рис. 79, 1-7);

Тип 5. Конические (трапециевидные) – 3 (3,6%) пряслица. Имеют в профиле форму усеченного конуса, либо трапеции (рис. 79, 8-9);

Тип 6. Цилиндрические – представлены единственным экземпляром (1,3%), цилиндрической формы, прямоугольным в сечении (рис. 79, 10);

Тип 7. Керамические – 9 (10,8%) изготовлены из фрагментов стенок сосудов, чаще имеют выпукло-вогнутую форму сечения в профиле (рис. 79, 11-15).

Среди пряслиц встречено 6 орнаментированных. На биконическом пряслице происходящим с городища Сандияк узор представлен тройными ямочными наколами по краю. Цилиндрическое пряслице с этого же памятника украшено ногтевыми вдавлениями по внешнему краю. Овальное пряслице с городища Какры-Куль (Старомуштинское) имеет ямочный орнамент. Полусферическое пряслице городища Петр-Тау (Юлдашевское) украшено двумя линиями вокруг центрального канала, внутри данного кольца нанесён

орнамент в виде секторов окружности, обращённых вершинами к центру. Два орнаментированных пряслица происходят с Барьязинского городище. Первое, прямоугольного типа, имеет беспорядочный ямочный орнамент (аналогичен характеру орнаментации сосудов бахмутинской культуры), нанесённый на одну из приканальных площадок. Второе пряслице овальное, украшено ямками и концентрическими насечками на всех плоскостях.

Состав формовочных масс определён визуально для 37 пряслиц. Из них 36 сделаны из глиняного вещества с примесью мелкого и пылевидного песка, в 6 случаях состав дополняет включение мелких фрагментов выгоревшей органики. С большой долей вероятности можно говорить о естественном происхождении примесей, однако точные данные может дать лишь изучение свежих сколов с применением микроскопа.

В одном случае это относится к керамическому пряслицу, в составе обнаружено включение раковины.

Данный вид находок является наиболее многочисленным среди прочих, происходящих с площадок поселений бахмутинской культуры. Однако информативность пряслиц, в плане культурной или хронологической идентификации очень ограничена. Можно лишь заметить, что биконические пряслица, появляются именно в бахмутинское время и не использовались в эпоху раннего железа. Самые многочисленные – прямоугольные и овальные, активно использовались и в более раннее время.

Зернотёрки, жернова

Каменные орудия труда, непосредственно связанные с земледелием обнаружены на 10 объектах и представлены 23 зернотёрками и их фрагментами, а также 4 жерновами и их фрагментами (рис. 80).

Каменные зернотёрки имеют подовальную, подпрямоугольную либо округлую форму. Их грани чаще всего грубо обработаны, а одна из поверхностей (рабочая поверхность) представляет собой сглаженную отшлифованную плоскость. Их размеры варьируются в интервале от 13 до 24 см.

Более совершенными орудиями выглядят каменные жернова. Вероятно, они, как и в этнографическое время, использовались непосредственно для размола зерновых культур и изготовления хлеба. Это отчасти подтверждается тем, что на Казакларовском-1 городище, обломок жёрнова обнаружен в так называемой яме, продовольственного типа (Останина, 2020, с. 82). На городище Сандияк, обнаружены два каменных жернова и две каменные зернотёрки. Можно предположить, что эти орудия, могли использоваться для различных работ.

Серпы

Два небольших серпа встречено лишь в материалах раскопок Юмакаевского городища (Матвеева, 1970, с. 11).

Оселки, точильные камни

На поселениях бахмутинской культуры встречено 9 каменных оселков (точильных камней). Реконструируемые размеры (3 экземпляра) находятся в интервале от 7,5 до 13 см (рис. 81). Данный вид находок обычно имеет шлифованную поверхность. В двух случаях, точильные бруски сохранили сквозные отверстия, два других имеют следы недосверленных отверстий. Встреченные формы представлены тремя вариантами форм:

Вариант 1. Подовально-вытянутой формы – 3 экземпляра (33,3%);

Вариант 2. 4 подпрямоугольных образца (44,4%);

Вариант 3. Один подтреугольный (11,1%).

Данные о форме ещё одного оселка отсутствуют. Находки оселков, значительно реже встречены в материалах некрополей.

Проколки, шилья

Данная категория вещей наряду с материалами поселений не редко встречается и в погребениях (Останина, 1997, с. 69, Султанов, 2000, с. 50).

Известно о 6 костяных проколках, которые представляют собой костяные стержни, округлого, либо ромбовидного сечения с одним зауженным концом. На двух проколках с Кувыковского городища, встречены сквозные отверстия, в тупой части. Именно эти иглы имеют ромбовидное сечение (рис. 82).

В материалах Юмакаевского городища встречено железное шило (Матвеева, 1970, с. 11).

Каменный молот

Встречен в материалах Какры-Куль (Старомуштинского) городище (Овсянников, Тагиров, 2000, с. 167). Молот имеет подтреугольную форму, сохранился в обломе длиной 15 см, его высота до 11 см. В сечении: у основания – подтреугольный, у вершины – округлый. На всех гранях имеются нарезки шириной около 3,5 см. глубиной до 0,5 см, служащие для крепления рукоятки. У основания орудия имеется скошенная подтреугольная площадка, служащая ударной частью. Края её сбиры в работе, а на площадке заметны мелкие щербины.

Мотыги

На поселениях бахмутинской культуры встречено две железные мотыги (рис. 83). Данные орудия труда непосредственно связаны с земледелием. Подобные находки нередко интерпретируются как втульчатые топоры, что, вероятно, не совсем корректно. Хотя многие орудия труда в изучаемую эпоху, могли носить универсальный характер (Сарапулов, 2015, с. 49). Размеры их 8-10 см в длину, 3-4 см в ширину. Представляют собой железные подпрямоугольные пластины толщиной 4-5 мм, с несомкнутой трубицей из загнутых концов в верхней части. Оба орудия имеют мощные сработанные следы на лезвиях. Перо, вероятно, имело подовальную, либо листовидную форму. Обе мотыги, типологически представляют собой орудия, соотношение втулки (трубицы) и рабочей части которых приблизительно составляет 1:2 (Сарапулов, 2015, с. 49). По мнению А.Н. Сарапулова, подобные орудия появляются на Средней Волге, Прикамье и Волго-Окском междуречье начиная с VI в. Также автор упоминает, что подобные мотыги очень удобны в условиях подсечно-огневой системы земледелия, которая, вероятно, господствовала в регионе в исследуемое время.

Указанная дата появления подобных орудий труда, отчасти подтверждается наблюдениями за их фиксацией в погребениях Бирского

могильника. По данным А.Н. Султановой, они входят КСП-5 (комплекс сопряжённых предметов), которые датируются автором VII-VIII в. (Султанова, 2000, с. 79).

Кочедыки

Нечастой находкой является приспособление необходимое для плетения сетей, сумок и других вещей из лыка и бересты, в том числе для обдирания лыка (рис. 84). Данные предметы изготавливались из рёбер и расколотых трубчатых костей крупных животных. Позже, во втором тысячелетии нашей эры, появляются металлические кочедыки (Смертин, 2022, с. 93).

Обнаружены четыре кочедыка, во фрагментах. У кочедыка с Сандиякского городища, обломан рабочий край, при этом его длина достигает 13,5 см. Такие же повреждения обнаруживаются на предмете с городища Тра-Тау (Старонагаевское), обнаруженное в ходе исследований В.А. Иванова в 1972-1973 гг. (Иванов, 1972, с. 9). Его размер 9 х 1,7 см. Другой экземпляр, происходящий с Кувыковского городища, сохранился лишь в виде обломка размерами 1,2 х 5,5 см (Шокуров, 1956, с. 68-72). Аналогичным по форме, как и по характеру повреждений является фрагмент кочедыка из городища Тра-Тау (Старонагаевское) (Иванов, 1972, с. 9). Все орудия изготовлены из кости и отполированы.

Грузила

Обнаружено в количестве одного экземпляра, в материалах раскопок Какры-Куль (Старомуштинского) городища (Овсянников, Тагиров, 2000, с. 168). Обломок грузила обнаружен в яме № 28. Находка имела подтреугольную форму, материалом для изготовления являлся красный песчаник. На сохранившейся грани зафиксированы следы нарезки.

Тесло

Тесло – плотницкий инструмент с поперечным лезвием (рис. 85). Встречено в виде обломка, при раскопках городища Тра-Тау (Старонагаевское) (Мажитов, 1982, с. 15).

Ножи

Эта категория вещей встречается не только на поселениях, но и в могильниках бахмутинской культуры. Ножи встречены в материалах 7 поселений, в количестве 11 экземпляров. Все указанные образцы подходят под описание ножей варианта 2 и варианта 3, по классификации Т.И. Останиной, как ножи средних размеров, с длиной клинка от 7,5 до 12 см (Останина, 1997, с. 69). По мнению исследователя, подобные экземпляры использовались в повседневной жизни, быту, наиболее мелкие из них могли применяться для более точных работ, например, при раскройке кожи.

Все образцы черешковые и представлены клинками вытянуто-треугольной формы с прямой спинкой. Условная группировка проведена по форме перехода клинка к черешку, а также наличию дола, и применима к 9 экземплярам (100%) соответствующей сохранности (рис. 86).

Тип 1. С уступом при переходе к черешку, как со стороны лезвия, так и со спинки – 5 (55,6%) экземпляра (рис. 86. 1-2, 5-7).

Подтип 1. Бездольные ножи – 4 (44,5%);

Подтип 2. Дольные ножи – 1 (11,1%).

Тип 2. С уступом только со стороны лезвия и без уступа по спинке – 4 (44,4%) экземпляра (рис. 86. 8-9).

Подтип 1. Бездольные ножи – 3 (33,3%);

Подтип 2. Дольные ножи – 1 (11,1%).

Два ножа представлены во фрагментах, сохранность которых не позволяет уточнить специфику устройства их черешков.

Наибольшего внимания здесь заслуживают так называемые ножи «харинского типа» или «дольные ножи». Они широко распространены на территории всего Среднего Прикамья и датируются V-VII вв. (Генинг, Голдина, 1973, с. 76, 87, табл. 8; Мингалев, 2006, с. 119; Перескоков, 2017, с. 86).

Наконечники стрел

Вторая по количеству категория вещей, происходящих с поселений бахмутинской культуры представлена наконечниками стрел. В общей сложности известно о 16 объектах, на которых выявлена подобная категория

находок. Настоящую классификацию составили 52 образца. Все они сделаны из кости и представляют собой черешковый способ крепления к древку. Группировка произведена по форме профиля сечения наконечников.

Тип 1. Ромбовидные (четырёхгранные) наконечники составляют 34 (65,4%) образца, 23 (44,2%) из них сохранили информацию о виде крепления к древку. Данный тип дифференцируется по наличию и отсутствию паза вдоль плоскости (рис. 87).

Подтип 1. Без паза. Объединяет 23 (44,2%) наконечника. Среди образцов данного подтипа встречено 17 (32,7%) наконечников у которых сохранился черешок, по форме которого выделены классы.

Вариант 1. С плоским черешком. Составляют 15 (28,8%) наконечников.

Вариант 2. С округлым черешком, встречено 2 (3,8%) наконечников стрел.

Остальные образцы не сохранили фрагментов черешков.

Описанный выше паз, является не чем иным, как естественной внутренней полостью трубчатых костей, а не результатом обработки или искусственного технологического решения.

Подтип 2. Наконечники с пазом вдоль плоскости насчитывают 11 (21,2%) образцов. Среди них выделяется пять, сохранность которых не позволяет установить форму черешков. Наконечники с плоским черешком составляют 6 (11,5%) образцов и встречены лишь в одном варианте данного подтипа.

Тип 2. Черешковые, трёхгранные наконечники представлены 12 (23,1%) образцами (рис. 88, 1-12).

Подтип 1. Проникатели без паза составляют 8 (15,4%) образцов.

Вариант 1. Среди них 4 (7,7%) имеют трёхгранный черешок и в продольном профиле напоминают ланцетовидные.

Вариант 2. Представлен единственным (ок. 2%%) примером наконечника с четырёхгранным профилем сечения черешка.

Вариант 3. Включил два (3,8%) наконечника с плоским черешком.

Три наконечника не имеющие паза, не сохранили следов способа креплению к древку.

Подтип 2. Представлен двумя (3,8%) наконечниками стрел трёхгранного сечения с пазом вдоль плоскости. При этом ни один из них не имеет сохранившегося черешка.

Тип 3. Объединяет 4 (7,7%) шестигранных наконечника стрел. Их сохранность не позволяет более дробную дифференциацию типа (рис. 88, 13-16).

Кроме описанных, имеется фрагмент одного плоского черешка и заготовки наконечника.

Описанная коллекция насчитывает два орнаментированных наконечника. Первый из них (Бирское городище) черешковый ромбовидный с пазом и плоским черешком (Тип 1.2.1) имеет орнамент в виде латинской буквы «V». Второй (городище Сандияк), трёхгранный, без паза с трёхгранным черешком (Тип 2.1.1), украшен узором в виде нарезной ёлочки.

В результате можно отметить, что в коллекции не встречены втульчатые наконечники. Наиболее распространёнными являются плоские (ромбовидные) наконечники стрел (тип 1), размеры которых превышают показатели длины в 4-5 см. Крупными являются и наконечники типа 2 и 3. Специфика бахмутинских наконечников стрел была замечена Т.И. Останиной, в ходе сравнения с мазунинскими материалами правобережья р. Кама (Останина, 1997, с. 77). Для мазунинских более характерна тщательная обработка, малые размеры и трёхгранная форма.

Украшения.

Подвески. Обнаружены на семи поселенческих объектах, в количестве 8 экземпляров, представлены лапчатыми, зооморфными (фигурка медведя), подвеской-колокольчиком, коньковой, кольцеобразной с четырьмя выпуклинами и костяной подвеской.

Лапчатая подвеска (рис. 89, 1), плоская с тремя круглыми выступами по краю. Обнаружены фрагменты двух экземпляров. Обычно подобные украшения встречаются в относительно поздних погребениях могильников пьяноборской культуры в Прикамье и устье р. Белой, а также на р. Вятке

(Агеев, 1992, с. 39; Лещинская, 2014, с. 65, 189, табл. 92, 17). Подвеска такого типа известна и в материалах Мазунинского могильника (Останина, 1997, с. 53). География распространения этих вещей очень широка – одна из них обнаружена в материалах городища Уфа-5 (что, вероятно, является в настоящее время одной из самых южных находок такого типа), тогда как наиболее отдалённая северо-западная находка – Суворовский могильник (Овсянников, 2003, с. 23; Лещинская, 2014, рис. 1). Вторая подвеска встречена в культурном слое городища Сандияк, в материалах которого не известно вещей эпохи раннего железного века, автор раскопок датирует её VI-VII вв. н.э. (Поносова, 1963, с. 33).

Зооморфные подвески-пронизи в виде фигурок медведя (рис. 89, 5-6). Материал изготовления – бронза. На поселениях обнаружены дважды. Фигурки медведя обнаружены в материалах Бажинского (Каменная гора) и Вотикеево-2, городищах (Сунгатов, Овсянников, с. 224; Колонских, 2018а, с. 93, Колонских, 2018б, рис. 264).

На территории Южного Предуралья подвески данного типа широко распространены в материалах могильников Уфимско-Бельского междуречья (Бирского, Бахмутинского, Югамашевского, Старо-Кабановского, Старо-Муштинского), среди материалов городищ Уфа-II (Султанова, 2000, с. 26; Мажитов, 1960, табл. 63; Васюткин, Калинин, 1975, рис. 37; Васюткин, Останина, 1986, с. 68; Сунгатов и др, 2004, рис. 60).

Аналогичные подвески в виде единичных находок, зафиксированы в Нивском и Тарасовском могильниках (Среднее Прикамье), в Первомайском (Вятка), Красноярском и Кудашевском могильниках, на Гляденовском костище (Верхнее Прикамье), а также в бескурганной части Тураевского могильника, среди материалов Именьковского I городища (Нижнее Прикамье, Среднее Поволжье) (Голдина, Бернц, 2016. С. 40), а также в Зауралье на объектах в погребениях всех культурных групп – бакальской, карымской и потчевашской (Зеленков, 2022, с. 92, рис. 45. 1-2, 4). Появление подобных подвесок одни исследователи относят к IV в. н.э. (Сунгатов и др., 2004. С. 45),

другие датируют данные изделия концом IV–V вв. (Голдина, Бернц, 2017, с. 62, рис. 9, 64) либо V в. (Останина, 1997. С. 105).

Подвеска-колокольчик пирамидальная полая четырёхгранная с валиком-утолщением и петлей для подвешивания (рис. 89, 3). Материал изготовления – бронза. Обнаружена в единственном экземпляре, происходит из культурного слоя Барьязинского городища (Иванов, 1975, с. 2-5; Колонских, 2021, с. 109).

Подобные подвески также хорошо известны в материалах Бирского, Бахмутинского, Югамашевского и Старо-Кабановского могильников Уфимско-Бельского междуречья, датируются V в. н.э. и могут быть соотнесены со слоем бахмутинского времени (Васюткин, 1975, с. 30-31, 47-48, 70, рис. 71, 128, 179; Васюткин, Останина, 1986, с. 67, 90, таб. 16, 11, 12; Султанова, 2000, с. 25, рис. 7, 15; Останина, 1997, с. 282-283).

Коньковая подвеска (рис. 89, 7). Материал изготовления – бронза. Происходит с территории Чандарского селища (Шмидт, 1929, с. 23). Коньковые подвески хорошо известны по многочисленным погребальным комплексам территории Южного Приуралья также, как и подвески-уточки, некоторыми исследователями они связываются контактами с носителями азелинской культуры (Останина, 1997. С. 51–52). При этом наиболее типологически близкий образец происходит из погребений Бирского могильника и датируется значительно позже – VI-VII вв. (Султанов, 2000, с. 27).

Кольцеобразная подвеска с четырьмя выступами по ободу кольца (рис. 89, 8). Бронза. Обнаружена в материалах Кувыковского городища (Матвеева, 1965, с. 15, рис. 48). Данные изделия имеют многочисленные аналогии на территории Верхнего Прикамья в комплексах неволинской культуры, где они характерны для конца VI–VII вв. (Голдина, Водолаго, 1990. С. 164, табл. LXVII). Известны они и по материалам Бирского могильника, где датируются тем же временем (Султанова, 2000, с. 26, рис. 8, 12). Схожими по форме, стилю и хронологии являются подвески-застёжки с четырьмя выпуклинами (бляхи с

игольчатой застёжкой), также встреченные в погребениях Бирска (Султанов, 2000, с. 27-28, рис. 10, 6).

Костяная подвеска (рис. 89, 4). Изготовлена из ребра животного, обнаружена в материалах городища Сандияк (Казанцева, 1988, с. 28-29). Аналогий подобной вещи не обнаружено. Точная идентификация предмета осложнена его плохой сохранностью, вполне вероятно, что данный экземпляр может представлять собой рукоятку или фрагмент орудия труда, либо амулета.

Ременная гарнитура

Костяная подпружная пряжка (рис. 90, 1). Обнаружена во фрагментированном виде в ходе исследования городища Сандияк, И.С. Поносовой в 1963 г. (Поносова, 1963, с. 32). Находки подобного типа являются относительно поздними для исследуемых памятников и хорошо известны в материалах городища Уфа-2 (тип 1, вариант 1б), Кушнаренковском, Бирском могильниках (Русланов, 2016; Акимова, Генинг, 1959, с. 75, табл. XII, рис. 2; Султанова, 2000, с. 34). На территории Уфимско-Бельского междуречья появление костяных подпружных пряжек могло быть связано с поздней миграционной волной носителей турбаслинской культуры, хронология хождения подобных типов устанавливается в широком диапазоне – VII-IX вв. (Русланов, 2016. С. 284–285).

Наконечник ремня (рис. 90, 2). Бронзовый, прямоугольной формы из согнутой пополам пластины с цилиндрическим расширением на месте сгиба. Размер – 42х11х7 мм. Имеет крепление в виде двух клёпок. По верхнему краю наконечник украшен подтреугольными насечками. Обнаружен в материалах Кардагушево-2, городища (Колонских, 2021б, с. 56-60).

По мнению Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц, данный тип характерен для погребений Тарасовского могильника 2-ой половины IV–V вв. (Голдина, Бернц, 2017б, С. 62, рис. 9, 68).

На территории Уфимско-Бельского междуречья, подобные наконечники продолжают бытовать и в более позднее время – VI–VII вв. (Мажитов, 1968. С. 36-37; Султанова, 2000. С. 66–67).

Бронзовая пряжка (рис. 90, 3). Из круглой, утолщённой спереди рамки; длинного хоботковидного язычка с тремя насечками у основания, щиток из согнутой пополам пластины подтреугольной формы; крепление пряжки к ремню происходило при помощи трёх шпеньков с шляпками-полугорошинами.

Пряжка была обнаружена местным жителем на площадке Кувыковвского городища, впервые опубликована О.С. Белявской (Белявская, 2019, с. 186-201). Автор относит данную находку к относительно позднему времени – V-VII вв., основываясь на аналогии в Бирском могильнике (Белявская, 2019, с. 193-194).

Накладка ременная (рис. 90, 4), фигурно-геометрическая, в виде двух овалов, соединённых короткой прямоугольной перемычкой, фасетированная. Материал изготовления – бронза. Обнаружена на площадке городища Уфа-5. Подобные накладки, по мнению автора находки, позднесарматского типа характерны для памятников IV в. (Овсянников, 2003, с. 23, рис. 114, 18). Тем же временем их датируют Р.Д. Голдина и В.А. Бернц, основываясь на материалы Тарасовского могильника (Голдина, Бернц, 2016, с. 36, рис. 6, 53).

Бесщитковая круглая пряжка (рис. 90, 5), овальная в сечении, с утолщённой спереди рамкой, с язычком, заходящим за рамку с уступчиком у основания язычка. Обнаружена в материалах раскопок Уфа-1 (Уфимского Чертова) городища (Морозов, 1973, рис. 125, 2; Морозов, 2000, с. 147). Пряжки типа 1, варианта 2 по Т.И. Останиной датируются V в., по аналогиям, широко представленным в материалах Югамашевского могильника (Останина, 1997, с. 64, рис. 36, 7, 21). Следовательно, соотносятся именно со слоем бахмутинского времени.

Наконечник ремня (рис. 90, 6). Бронзовый, подквадратной (широкий) формы из согнутой пополам пластины с цилиндрическим расширением на месте сгиба, креплением в виде трёх шпеньков. Обнаружен в ходе исследования Варьязского городища В.А. Ивановым (Иванов, 1974, с. 3). Т.И. Останина подобные вещи датирует IV в., по мнению А.Н. Султановой,

аналогичные наконечники использовались в IV-V вв. н.э. (Останина, 1997, с. 108; Султанова, 2000, с. 77).

Обойма (щиток) пряжки (рис. 90, 7). Прямоугольной формы, выполненный из бронзовой пластины, согнутой пополам, с креплением в виде одного шпенька. Обнаружена в ходе исследования Бажинского (Каменная гора) городища (Сунгатов, Овсянников, с. 224, рис. 5, 2). По мнению авторов раскопок и публикации, находка датируется IV-V вв. н.э.

Бесщитковая круглая пряжка (рис. 90, 8), овальная в сечении, с утолщённой спереди рамкой, с язычком, заходящим за рамку. Обнаружена в ходе раскопок на территории селища Вестар, под руководством Н.С. Савельева. Материал не был опубликован ранее, информация получена из личного архива автора раскопок. Схожа с предыдущей пряжкой и может быть датирована аналогичным временем.

Бабочковидная застёжка-фибула (рис. 90, 9), бронзовая, эллипсовидной формы средних размеров, тип 1, вариант 2 (по Т.И. Останиной) (Останина, 1997, с. 43, рис 6). Наиболее близкие аналогии происходят из Мазунинского и Боярского (Арай), Тарасовского могильников в Удмуртском Прикамье и датируются IV в н.э. (Сабирова, 2015, с. 91-93, рис. 13-16).

Таким образом, материал поселений бахмутинской культуры в значительной степени находит аналогии в материалах некрополей. Есть незначительный ассортимент предметов, нахождение которого в могилах не является традиционным. Однако слабая изученность городищ и селищ, выявляет скудность имеющегося материала, при сопоставлении с могильниками. Многие типы вещей не встречены в культурном слое поселений.

Анализ типов вещей, в общих чертах подтверждает сложившуюся к настоящему времени картину специфики материальной культуры и быта бахмутинских племён. Хронология находок укладывается в широкий диапазон – середины-второй половины IV в. – конец VII-начало VIII вв. н.э., что в свою очередь коррелируется с данными о бытовании керамики бахмутинского типа

в широком промежутке III/IV – VIII вв. Внутренняя хронология бытования поселений, вероятно, остаётся прежней, двухэтапной (1 – III-V вв.; 2 – V-VIII вв.), и основывается на изменения погребального обряда в V в. н.э. (Бирский и Бахмутинский могильники), а также прекращения использования могильников с погребениями раннего типа. Процессы проникновения инокультурного населения прослеживаются и на поселенческом материале, в первую очередь в виде появления керамики романовского, турбаслинского, кушнаренковского и кара-якуповского типов, а также примеси шамота в бахмутинских сосудах памятников «Уфимского полуострова» и его округи, синкретичных типах посуды (бахмутинско-турбаслинской) (Колонских, 2017, с. 16, 19, рис. 5. 1-3,5).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование является первой работой, посвящённой систематическому изучению поселений бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье. Источниковой базой диссертации стали материалы 365 поселенческих памятников. В ходе архивно-библиографических, лабораторных и полевых работ автора, создана обширная база данных, включающая в себя географическую информацию, сведения о топографии, фортификации, количестве и характере находок, комплексов и сооружений, исследованных к настоящему времени.

Полученные данные позволяют максимально близко подойти к решению «бахмутинско-мазунинской» проблемы. Несмотря на то, что градус дискуссии по этому вопросу давно понижен, многие факты и гипотезы, использованные исследователями в ходе научной полемики, стали традиционными, и до настоящего момента влияют на объективное восприятие археологического материала.

Результаты исследования чётко разграничивают памятники бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье, с присущими ей характерными особенностями, спецификой топографии, фортификации, домостроительных и гончарных традиций, хронологии, от расположенной на территории Удмуртского Прикамья мазунинской культуры.

Проделанная работа дала возможность выявить наиболее широко распространённые традиции бахмутиснкой культуры по материалам городищ и селищ.

Анализ керамики поселений, позволил подробно охарактеризовать гончарные традиции. Специфика посуды бахмутинской культуры, выраженная самобытность, является основной причиной простоты её идентификации, среди иных материалов региона, как предыдущего, так и последующего хронологических периодов. Изучение морфологии форм сосудов указывает на то, что гончарство бахмутинских племён близко связано

с предшествующим местным населением (пьяноборье, кара-абыз). В эпоху раннего средневековья количественный состав типов керамики трансформируется, что выражается в увеличении количества сосудов закрытых (15,53%) и низких пропорций (47,43%), и в уменьшении чашевидных форм (0,86%).

Об этих же процессах говорит своеобразие орнамента и устойчивое применение состава формовочных масс. Для керамики бахмутинской культуры превалирующим является применение в качестве непластичного сырья песка и гравия (98,66% – вместе с иными примесями, 81,13% – исключительно песок и гравий). Раковина встречается очень редко (1,26%), в примеси с другими отощителями ненамного чаще (5,49%). Шамот фиксируется исключительно на южной периферии ареала и, вероятно, является следствием влияния гончарных традиций турбаслинского и романовского типов керамики. Ямочный орнамент встречен на более чем 80% всех фрагментов, круглоямочные наколы по всему тулову зафиксированы на 47% всей изученной керамики, не смотря на сильную фрагментацию материала.

Примесь раковины чаще встречена в районе нижнего течения р. Белая, именно там, где бахмутинские поселения занимают более ранние памятники АКИО, пьяноборской и кара-абызской культур. На этой же территории бытуют типы городищ и селищ, характерные и для эпохи раннего железного века, и для эпохи Великого переселения, аналогичная ситуация с типами фортификационных сооружений. Здесь же, на памятниках бахмутинской культуры встречается керамика мазунинского типа. Всё это, наряду с данными полученными в ходе картографии, очередной раз показывает направление вектора освоения региона.

Характеристика находок орудий труда и оружия, на площадках поселений подтверждает специфику традиционных занятий населения, проявляющихся в значительной роли земледелия, скотоводства, охоты и рыболовства. Изученные личные вещи и украшения, во-первых, позволяют подтвердить общую хронологию бытования городищ и селищ бахмутинской

культуры в широком диапазоне IV–VIII вв., во-вторых, очертить область их использования. Некоторые категории находок, как, например подвески-колокольчики, встречаются исключительно в регионе Уфимско-Бельского междуречья и, вероятно, являются узкой по территории, модной тенденцией, а, следовательно, и культурным маркером. В то же время такие виды находок как бабочковидные фибулы распространены в материалах Поволжья и Приуралья, а зооморфные подвески-пронизи, ременные накладки, в том числе и в Западной Сибири. Это, в свою очередь, может говорить о существовании широкого пространства с определёнными стандартами предпочтений и моды, в которое было включено и Уфимско-Бельское междуречье. Аналогии некоторых категорий находок, а вместе с тем и элементов гончарных традиций позволяют более пристально рассматривать гипотезу о зауральских импульсах в становлении бахмутинских культурных стереотипов, которые, вероятно, связаны с позднесаргатским и бакальским населением.

В отличие от могильников, на поселениях не встречены предметы импорта.

Довольно ярко проявляется и специфика в конструкции различных сооружений бытового характера. Вполне самобытными и выразительными являются типы очагов, хозяйственных ям и жилищ. Некоторые типы сооружений существовали в более раннее время и встречены в материалах пьянобрских и кара-абызских поселений, ярким примером этому являются простые ямы и очаги (тип 1). При этом выделены конструкции, присущие именно бахмутинским поселениям: очаги типа 2, и ямы типа 3 и 4. Ямы второго типа, встречаются также в материалах турбаслинских и романовских поселений, наряду с аналогичными керамикой и вещами.

До настоящего времени отсутствовала информация о жилищах бахмутинской культуры. Обобщение имеющихся данных, позволило выявит 9 построек: наземного (1 объект), углублённого в материк или полуземляночного типа (7 объектов), одной землянки. Площадь известных построек находится в пределах 13-36,5 кв.м. Отсутствие следов ямок от

столбов в жилищах, вероятно, предполагают срубный характер наземных и углублённых конструкций (полуземлянок) и организацию кровли непосредственно на стены.

Особенно чётко выступает традиция возведения фортификационных сооружений. Наряду с классическими конструкциями валов и рвов, именно в среде бахмутинского населения появляются разнообразные виды основных и дополнительных оборонительных сооружений представленные валами-эскарпами, эскарпами, террасированными участками склонов городищ, а также гласисы. Указанные конструкции не фиксируются в регионе ни в более ранние периоды, ни в последующие эпохи. Источник их появления не вполне ясен, однако специфика указанных сооружений коррелирует с особым типом топографического характера самих площадок. Вероятно, подобный подход мог быть сформирован в ходе освоения территории региона носителями бахмутинских культурных стереотипов самостоятельно.

Исследования фортификационных сооружений, проведённые автором, позволили не только выявить специфику, но и изучить различные типы конструкций используемых при возведении укреплений. Фиксируемые на современной поверхности земли руины валов и рвов, в древности представляли собой довольно мощные и относительно технологичные сооружения, позволяющие выполнять функции полноценной обороны. Наличие последних может говорить лишь об острой необходимости в тех объёмах ресурсов, которые затрачивались при их возведении.

Укрепления бахмутинских городищ, представляли собой деревоземляные конструкции двух типов: 1) двухрядные каркасно-столбовые сооружения с внутренней забутовкой, грунтом и камнем; 2) перекладные конструкции, укрепленные столбами и усиленные засыпкой грунта. Наличие линз и прокалов, вероятно свидетельствуют об укреплении или обмазке конструкции материковой глиной, для их лучшей сохранности и изоляции дерева от осадков и влаги.

Важным наблюдением является то, что все изученные автором конструкции, вероятно, были одномоментными и не имели следов ремонта, следовательно, не могли существовать протяженное время. Большинство известных сооружений разрушены и имеют следы термического воздействия, при этом выявить следы военных столкновений пока не удалось.

При рассмотрении специфики топографического расположения объектов и планировочных особенностей удалось создать типологию укреплённых и неукреплённых поселений. Полученные результаты позволяют говорить о том, что выделенные типы городищ, имеют чёткую привязку к окружающему ландшафту. Для однослойных бахмутинских укреплённых поселений характерным является расположение на отрогах коренных террас, водоразделах и отдельно стоящих возвышенностях, отчего формируется специфический вид основной фортификации – вал-эскарп. Указанные особенности выражаются и в активном использовании террасирования склонов городищ, как дополнительной формы укреплений. Важным наблюдением является фиксируемая мощность сохранившихся сооружений, на порядок превосходящая имеющиеся аналоги предшествующих и последующих эпох.

Данные по неукреплённым поселениям, демонстрируют специфику функционального использования площадок селищ, как полноценных населённых объектов, расположенных на краях коренных и надпойменных террас, так и объектов ведения хозяйственной деятельности, занимающих мысовидные выступы террас и останцы в поймах водотоков.

Методы электронного картографирования и использование геоинформационных систем, позволили проанализировать и реконструировать модели расселения и освоения жизненного пространства носителями бахмутинских культурных стереотипов. В соответствии с полученными данными заселение региона происходило от основной речной артерии (р. Белая), по направлению вглубь территории с запада на восток и с севера на юг, по притокам, вплоть до истоков мельчайших водотоков.

Освоенные территории, надолго становились местом обитания как до вторжения пришлого населения, так и далее, в ходе плотного взаимодействия с иноплеменниками.

Выявленные микрорегионы являются административными центрами в поселенческой структуре, которая имеет и более дробную дифференциацию на кусты памятников. Выделение подобных категорий основано не только на анализе концентрации объектов, но и на иерархии долговременных и кратковременных поселений, удалённости, центральности и наиболее эффективном расположении отдельных памятников в условиях местного ландшафта. Полученные данные характеризуют выраженный оседлый характер населения, с глубокими традициями, уходящими своими истоками в эпоху раннего железного века (АКИО, пьяноборская и кара-абызская культуры).

Применение инструментов пространственного анализа и ГИС-систем, позволило определить, что крупные микрорегионы вполне могли существовать одновременно довольно протяжённое время. Более мелкие скопления – кусты памятников, представляли собой внутренние административные центры. Особенно это касается «центральных» поселений, которые имеют наибольшие показатели площади и мощности культурного слоя, располагаются в зонах взаимной видимости и имеют наиболее эффективные пути сообщения. Низший таксон в этой системе – отдельные небольшие поселения, которые, вероятно, являлись недолговременными, либо непостоянными населёнными пунктами или местами хозяйственного освоения территории.

Начиная с V в н.э. бахмутинцы вынуждены было существовать в условиях постоянного притока пришлых групп населения (романовский тип, турбаслинская, кушнаренковская, кара-якуповская культуры). При этом проникновение инокультурного компонента, вероятно, не стало основной причиной прекращения функционирования поселений и могильников. Даже наоборот, начиная с V в н.э. можно говорить о наступлении второго этапа бытования культуры. Подтверждением этому служат находки разных типов

керамики, появление синкретичных составов формовочных масс и смешанных форм сосудов. Однако устойчивых локальных вариантов культуры в это время, не появляется. Подобная картина фиксируется и в материалах могильников, где традиции гончарства бахмутинцев, обнаруживаются в погребениях начала VIII в. н.э., синхронные вещи встречены и на поселениях. Решение вопроса исторической судьбы бахмутинской культуры, в настоящее время может иметь лишь гипотетический характер, потому что материалы поселений недостаточно информативны для решения этих задач, а данные некрополей единичны.

Таким образом, проведённое исследование обобщает результаты работы исследователей за последние несколько десятилетий, а также вводит в научный оборот большой пласт источника, полученный собственно автором. Имеющиеся данные, уже в настоящее время позволяют сформировать представления о быте бахмутинских племён и специфике их материальной культуры, основываясь на данные поселений. Многие вопросы остаются слабо изученными, а их решение возможно лишь при получении новых данных, проведении широких полевых исследований и привлечении современных и естественно-научных методов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические коллекции

1. Афанасьевское городище (Мажитов Н.А., 1956, 1957 гг.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

2. Алтаевское селище (Иванов В.А., 1974 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

3. Барьязинское городище (Морозов Ю.А., 1964 г.; Иванов В.А., 1974 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

4. Барьязинское селище (Морозов Ю.А., 1964 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

5. Бирское городище (Мажитов Н.А., 1959, 1962 гг.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

6. Варьязское городище (Иванов В.А., 1974 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

7. Вестар селище (Савельев Н.С., 2007) // Фонды НМ РБ

8. Имендяшевское городище (Матвеева Г.И., 1963 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

9. Казаклорово - 1 городище (Иванов В.А., 1980 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

10. Казаклорово - 3 городище (Иванов В.А., 1980 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

11. Кансияровское городище (Мажитов Н.А., 1957 г.; Морозов Ю.А., 1965 г.; Акбулатов И.М., 2003 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

12. Кансияровское селище (Акбулатов И.М., 2003) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

13. Кувыковское городище (Матвеева Г.И., 1969) // Фонды НМ РБ

14. Постольское городище (Останина Т.И., 1974) // Фонды НМ УР

15. Сосновское городище (Останина Т.И., 1973, 1975 гг.) // Фонды НМ УР

16. Тибельское селище (Мажитов Н.А., 1956 г.; Стоколос В.С., 1967 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

17. Уфа-2, городище (Мажитов Н.А. 1958 г.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

18. Уфа-3, городище (Садыкова М.Х., 1969 г.; Рутто Н.Г., 1974) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

19. Уфимское (Чертово) городище (Морозов Ю.А., 1973) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

20. Чужьяловское городище (Останина Т.И., 1978) // Фонды НМ УР

21. Юлдашевское (Петер-Тау) городище (Агеев Б.Б., 1969; Пшеничнюк А.Х., 1970; Иванов В.А., 1978, 1980 гг.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

22. Юмакаевское городище (Мажитов Н.А., 1956, 1957 гг.) // Фонды МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН

Научные отчёты

23. Агеев Б.Б. Научный отчёт о раскопках Камышинского городища в Бирском районе БАССР // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).

24. Агеев Б.Б. Научный отчёт об итогах полевых исследований в 1988 г. Уфа, 1989 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Р-1. №13575.

25. Акбулатов И.М. Научный отчёт об археологических исследованиях в Бирском районе Республики Башкортостан в 2005 году. Бирск, 2005 // Научный архив ГБУ НПЦ РБ (без номера).

26. Акбулатов И.М. О проведении инвентаризации памятников археологии Краснокамского района Республики Башкортостан. Уфа, 2010. // Архив ГБУ НПЦ РБ (без номера)

27. Бахшиев И.И. Научный отчёт об итогах инвентаризации памятников археологии регионального и федерального значения в

Кушнаренковском, Нуримановском и Дуванском районах Республики Башкортостан в 2010 году. Уфа, 2013 // Архив ГБУ НПЦ РБ (без номера)

28. Васильев И.Б., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Отчет о раскопках в низовьях р. Белой в 1972 г. Уфа, 1972 // Архив археологической лаборатории БашГУ.

29. Васюткин С.М. Отчёт об археологических исследованиях в БАССР в 1967 году. Уфа, 1967 // Архив археологической лаборатории БашГУ.

30. Васюткин С.М. Отчёт об археологических исследованиях в БАССР в 1969 году. Уфа. 1969 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф.6. Д. 4.

31. Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1970 г. Уфа, 1970 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф. 1. Р. 1. Д. 4164.

32. Васюткин С.М. Отчет об археологических исследованиях в Башкирской АССР в 1971 г. Уфа, 1971 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).

33. Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчёт об исследованиях первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1974 году. Уфа, 1975 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 12.

34. Васюткин С.М., Калинин В.К. Отчёт о работе первого отряда археологической экспедиции Башгосуниверситета в 1975 году. Уфа, 1976 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 15.

35. Галиев А.Н. Научный отчёт об археологических разведках в северных районах БАССР и южных районах Пермской области. Аксаитово, 1986 // Архив археологической лаборатории БашГУ. Ф.6. Д. 30.

36. Гарустович Г.Н. Отчёт об археологических разведках в зоне строительства Башкирской атомной электростанции в 1981 году по открытому листу № 601 формы №3. Уфа, 1982 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 98.

37. Гарустович Г.Н. Отчёт об археологических работах в Чишминском, Дуванском, Уфимском, Иглинском районах Башкирской АССР в 1985 г. Уфа, 1986// Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 125.

38. Гарустович Г.Н. Научный отчет об археологических работах экспедиционного отряда ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР на Старо-Муштинском могильнике в Краснокамском районе БАССР в 1988 г. Уфа, 1989. // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).

39. Гарустович Г.Н. Научный отчёт об археологических работах в Бураевском и Дуванском районах Башкирской АССР в 1990 г. Уфа, 1991 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).

40. Генинг В.Ф. Отчёт об археологических разведках в низовьях левобережья р. Белой, произведенных II отрядом археологической экспедиции КФ АН СССР летом 1958. Казань, 1959 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 1771.

41. Гольмстен В.В. Отчёты о произведенных археологических раскопках 1910, 1911 и 1912 гг. На Чортовом городище (близ г. Уфы), на могильнике близ него и на месте Вознесенского монастыря на р. Усолке (В Гафурийском районе). Уфа, 1913 // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32.

42. Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Отчёт о раскопках Юкаликулевского поселения и разведочных работах на территории БАССР в 1978 году // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 1. Д. 2.

43. Гундерова Н.В., Исмагилов С.Р. Об археологических разведках летом 1975 г. в Янаульском и Чишминском районах БАССР. Уфа, 1976 // Архив археологической лаборатории БашГУ (без номера).

44. Иванов В.А. Отчёт о раскопках в составе московского отряда нижнекамской археологической экспедиции. Уфа, 1972 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 7.

45. Иванов В.А. Отчёт о раскопках памятников расположенных в бассейне рек Белой и Уфы, по открытому листу № 327 1974 год. Уфа, 1974 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 13.

46. Иванов В.А. Отчёт об исследовании памятников 1 тыс. н.э. на севере Башкирской АССР, по Открытому листу № 356. Уфа, 1975 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 14.

47. Иванов В.А. Научный отчёт о результатах археологических исследований за 1977 г. Уфа, 1977 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).

48. Иванов В.А. Научный отчёт о результатах археологических исследований в 1978 году. Уфа, 1978 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).

49. Иванов В.А. Научный отчёт о работе археологического отряда БФ АН СССР за 1979 год. Уфа, 1979 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).

50. Иванов В.А. Отчёт о разведке и раскопках в Башкирской АССР // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН (без номера).

51. Ищериков П.Ф. Отчёт об археологических раскопках на территории городища Уфа-2 в 1957 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 375.

52. Казанцева О.А. Отчёт о работах в Бардымском и Куединском районах Пермской области в 1987 году. Ижевск, 1988 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Р-1. №12210.

53. Карпачёва О.С. Научный отчёт об итогах проведения разведочных археологических полевых работ на территории Благовещенского района Республики Башкортостан в 2016 году. Уфа, 2017 // Архив ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа» (без номера).

54. Кинжабаев А.Н. Научный отчет об археологических разведках, проведенных отрядом БГУ в Чекмагушевском, Илишевском и Калтасинском

районах летом 1964 г. Уфа, 1965 // Архив Археологической лаборатории БашГУ (без номера).

55. Колонских А.Г. Научный отчёт об итогах разведочных археологических исследований на территории Дюртюлинского, Калтасинского, Янаульского и Бураевского районов Республики Башкортостан в 2015 г. Уфа, 2017 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 51808.

56. Колонсих А.Г. Научный отчёт об итогах археологической разведки на территории Бураевского, Татышлинского, Калтасинского, Янаульского, Краснокамского, Благовещенского Районов, ГО город Уфа Республики Башкортостан в 2017 г. Т. 1 Уфа, 2018а // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 57299.

57. Колонсих А.Г. Научный отчёт об итогах археологической разведки на территории Бураевского, Татышлинского, Калтасинского, Янаульского, Краснокамского, Благовещенского Районов, ГО город Уфа Республики Башкортостан в 2017 г. Т. 2 Уфа, 2018б // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 57300

58. Мажитов Н.А. Научный отчёт об археологической экспедиции в Бураевский и Балтачевский районы Башкирской АССР за 1957 г. Уфа, 1957 // Научный архив УФИЦ РАН. Ф 3.Оп. 2. Д. 377.

59. Мажитов Н.А. Научный отчёт об археологических исследованиях в зоне Черниковского нефтеперерабатывающего завода г. Уфы. Уфа, 1958 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 2. Д. 1.

60. Мажитов Н.А. Научный отчёт о результатах экспедиции в Бирский, Бураевский, Балтачевский и Калтасинский района БАССР за 1959 г. по теме: «Древняя история Башкирии», раздел «Археологические памятники I тыс. н.э. в северо-западных районах Башкирии. Уфа, 1959а // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 429.

61. Мажитов Н.А. Научный отчёт об археологических исследованиях в Бирском, Покровском и Нуримановском районах Башкирской АССР. Уфа,

1960 // Научно отраслевой Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф. 1. Р. 1. Д. 2105.

62. Мажитов Н.А. Научный отчёт о результатах археологических исследований за 1967 год. Археологическая карта Южного Урала // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 717.

63. Мажитов Н.А. Отчет об археологических исследованиях 1984 г. в Северной Башкирии. Уфа, 1984 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 2. Д. 18.

64. Мажитов Н.А. Отчет о раскопках 1987 г. на городище Тра-Тау в БАССР. Уфа, 1988 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 2. Д. 32

65. Мажитов Н.А. Отчет об итогах раскопок 1989 г. на городище Тра-Тау в БАССР. Уфа, 1989 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 2. Д. 37.

66. Мажитов Н.А. Отчёт об итогах археологических раскопок на Бирском могильнике в 1991 г. Уфа, 1992 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф. 1. Р. 1. Д. 166133.

67. Матвеева Г.И. Отчёт археологической экспедиции Башкирского университета за 1963 год. Уфа, 1963 // Архив Археологической лаборатории БашГУ Ф. 3. Д. 2.

68. Матвеева Г.И. Отчёт археологической экспедиции Башкирского государственного университета за 1964 год. Уфа, 1965 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 3. Д. 3.

69. Матвеева Г.И. Отчёт археологической экспедиции Башкирского университета за 1965 год. Уфа, 1966 // Архив Археологической лаборатории БашГУ Ф. 3. Д. 4.

70. Матвеева Г.И. Отчёт археологической экспедиции. Уфа, 1970 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф. 1. Оп. 1. Кн. 7. Д. 3951.

71. Морозов Ю.А. Научный отчёт о работе разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции в 1964 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 2887.

72. Морозов Ю.А. Научный отчет о работе разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции в 1965 году // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 3053.

73. Морозов Ю.А. Отчет о работе разведочного отряда Башкирской археологической экспедиции в 1966 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 692.

74. Морозов Ю.А. Научный отчёт о работе отряда археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР в 1973 г. «Памятники эпохи бронзы и раннего железа на Южном Урале». Уфа, 1973 / Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3, ОП. 2а, Д. 27. - 25 л.

75. Овсянников В. В. Научный отчёт об археологических разведках в Уфимском районе Республики Башкортостан в 1991 г. Уфа, 1992 // Научный архив УФИЦ РАН. Ф.3. Оп. 2а. Д. 52.

76. Овсянников В.В. Раскопки городища Уфа II в 1990 году // Башкирский край. Вып. 2. Уфа, 1992.

77. Овсянников В.В. Научный отчёт об археологических работах в Иглинском районе и на территории г. Уфы РБ в 2005 г. Уфа, 2005 // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1037.

78. Овсянников В.В. Научный отчёт о результатах инвентаризации памятников археологии в Дюртюлинском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2010 // Архив ГБУ НПЦ РБ.

79. Обыденнова Г.Т., Обыденнов М.Ф. Научный отчет Нижнекамской экспедиции БГПИ о раскопках стоянки Сауз 1 в Краснокамском районе БАССР. Уфа, 1981 // Архив Археологической лаборатории БашГУ.

80. Останина Т.И. Отчёт об археологических исследованиях Удмуртского республиканского музея летом 1979 года // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 7490.

81. Останина Т.И. Отчёт об археологических работах Удмуртского республиканского музея проведенных летом 1988 г. // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 12691.

82. Останина Т.И. Об археологических исследованиях Удмуртского республиканского краеведческого музея проведенных летом 1989 года // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 14560.

83. Останина Т.И. Отчёт научной экспедиции НМ РБ. Том III. Уфа, 1990 // Национальный музей РБ. Оп. 1. Д. 372.

84. Пастушенко И.Ю. Отчёт о разведочных работах, проведенных летом 1992 года в Каракулинском районе Удмуртсткой Республики. Ижевск, 1996 // Архив УдГУ. Ф. 2. Д. 325.

85. Поносова И.С. Отчет об археологических работах в Кунгурском и Куединском районах Пермской области в 1963 г. // Научно отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 2668.

86. Пшеничнюк А.Х. Научный отчет о результатах археологической экспедиции за 1964 г. Уфа, 1964 // Научный архив ИЭИ УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 639.

87. Пшеничнюк А.Х. Научный отчёт об археологических исследованиях в центральных районах башкирской АССР за 1965 год по теме «Археологическая карта Южного Урала». Уфа, 1966 // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3.Оп. 2. Д. 662.

88. Пшеничнюк А.Х. Научный отчёт о результатах археологических исследований за 1967 год. «Археологическая карта Южного Урала». Уфа, 1968 // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 720.

89. Румянцев М.М. Научный отчет об итогах проведения археологического наблюдения и охранных мероприятий на участке строительства «многоэтажного жилого дома по ул. Заки Валиди, в зоне реконструкции квартала №648 в кировском районе городского округа город Уфа Республики Башкортостан». Уфа, 2011 // Научный архив ГБУ НПЦ РБ (без номера).

90. Рутто Н. Г. Научный отчёт и альбом иллюстраций о результатах археологических работ на территории г. Уфы в 1974 г. // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 829.

91. Сальников К.В. Научный отчёт археологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР за 1961 год. Уфа, 1961 // Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 540.

92. Стоколос В.С. Научный отчёт о результатах археологических исследований за 1967 год. Уфа, 1967 // Архив Археологической лаборатории БашГУ. Ф. 6. Д. 2.

93. Сунгатов Ф.А. Научный отчёт о раскопках Бажинского (Каменная гора) городища в 1998 г. Уфа, 2000 // Научный архив УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2а. Д. 58.

94. Тагиров Ф.М. Научный отчёт о проведении мониторинга памятников археологии в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Уфа, 2009 // Архив ГБУ НПЦ РБ (без номера).

95. Шокуров А.П. Отчет об археологической работе летом 1956 г. 3-го отряда БАЭ ИИМК АН СССР. Уфа, 1956. / Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 1245а.

96. Шокуров А.П. Отчет об археологической работе летом 1957 г. Третьего разведотряда Башкирской археологической экспедиции ИИМК АН СССР. Ч.1. Уфа, 1957. // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 1507.

97. Федоров В.К. Отчет об археологических разведках в Уфимском и Краснокамском районах БАССР в 1988 г. Уфа, 1989. // Научно-отраслевой архив ИА РАН

98. Халиков А.Х., Генинг В.Ф., Хлебникова Т.А. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР за 1958 г. Казань, 1959 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 1771.

99. Щербаков Н.Б. Шутелева И. А. Научный отчет о проведении археологической разведки в г. Уфе в 2011 году по Открытому листу № 996. Уфа, 2011 // Научный архив ГБУ НПЦ РБ (Без номера).

Диссертации и авторефераты

100. Бугров Д.Г. Поселения Пьяноборской культуры в Икско-Бельском междуречье: дис. канд. ист. наук. – Казань, 2006. – 350 с.

101. Зеленков А.С. Культурогенез лесостепного и подтаежного населения Тоболо-Иртышья эпоху раннего средневековья: дис. канд. ист. наук. – Тюмень, 2022. – 414 с.

102. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины): дис. д-ра. ист. наук. Том 1. – Москва, 2014. – 473 с.

103. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура (Население Северной Башкирии в середине I тысячелетия нашей эры): автореф. канд. ист. наук. М., 1963. 22 с.

104. Матвеева Г.И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III-VIII вв. н.э: дис. канд. ист. наук. – Уфа, 1968 // Научно-отраслевой архив ИА РАН Ф-1. Р-1. № 2044.

105. Овсянников В.В. Вооружение и военное дело населения лесостепного Урала в эпоху средневековья: автореф. дис. канд. ист. наук. – Уфа, 1997. 19 с.

106. Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье XVIII в. - конец XX в.: автореф. дис. д-ра. ист. наук. – Уфа, 2002. – 39 с.

107. Русланова Р.Р. Бусы могильников Уфимско-Бельского междуречья III-VIII вв.: дис. канд. ист. наук. – Уфа, 2014. Т.1. – 218 с.

108. Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н.э.: дис. канд. ист. наук – Ижевск, 2015 – 328 с.

109. Султанова А.Н. Бирский могильник: историко-археологическое исследование: дис. канд. ист. наук. – Уфа, 2000. – 225 с.

Литература

110. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – 142 с.

111. Абдулгалеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н.э. – Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1997. – 147 с.

112. Академик. Историк-археолог. Мажитов Нияз Абдулхакович. Библиография / сост. А.Н. Султанова. – Уфа, 2013. 50 с.

113. Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. // Средневековые древности евразийских степей / отв. ред. С.А. Плетнева. – М., 1980. – С. 3-56.

114. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О.Н. Бадер. – М.: Наука, 1976. – 264 с.

115. Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения VI – VIII веков нашей эры // КСИИМК. – № 40. – 1951. – С. 125-136.

116. Ахмеров Р.Б. Некоторые вопросы этногенеза башкир по археологическим данным // Советская этнография. – М., 1952. № 3. – С. 36-49.

117. Ахмеров Р.Б. Уфимские погребения IV – VII вв. н.э. и их место в древней истории Башкирии // Древности Башкирии. – М., 1970. – С. 161-193.

118. Афанасьев Г.Е. Археологическая разведка на новостройках и пространственный анализ // Археологические исследования на новостройках. – М.: Наука, 1989. – С. 3-12

119. Афанасьев Г.Е. Донские аланы: социальные структуры алано-асса-буртасского населения Среднего Дона. – М.: Наука, 1993. – 184 с.

120. Афанасьев Г.Е., Савенко С.Н., Коробов Д.С. Древности Кисловодской котловины. – М.: Научный мир, 2004. – 240 с.

121. Бадер О.Н. Итоги работ Нижнекамской экспедиции // Вопросы археологии Урала. Вып. 15. – Свердловск, 1981. – С. 3-6.

122. Барынина Т.В. Иванов В.А. Военно-политическая история евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала I тыс. н.э. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия (Вопросы хронологии). – Самара, 1998. – С. 232-241.

123. Бахшиев И.И., Колонских А.Г. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология. – № 3 (17). – 2016. – С. 59-82.

124. Бахшиева А.К. Приспособительные гончарные традиции населения бахмутинской культуры городища Уфа-II // Международная археологическая школа в Болгаре. Материалы. Вып. 4. – Казань –Болгар, 2017. С. 24-29.

125. Белявская О.С. Ременная гарнитура с раннесредневековых поселенческих памятников Республики Башкортостан // Проблемы истории, филологии, культуры. – № 1. 2019. – С. 186-201.

126. Белявская О.С., Проценко А.С., Курманов Р.Г. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2017 года. – Уфа: Первая типография, 2022. – 293 с.

127. Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

128. Борзунов В.А., Стоянов В.Е. Некоторые черты развития представлений о раннем железном веке Урала (к методике анализа памятников на примере гамаюнских городищ) // Вопросы археологии Урала. – Свердловск, 1981. – С. 27-40.

129. Борзунов В.А. Новиченков Н.Н. Ранние укрепленные поселения финно-угров Урала // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири / отв. ред. М.Ф. Косарев. – Свердловск: УрГУ, 1988. – С. 88-103.

130. Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей». – 2016. – С. 188–318.

131. Васюткин С.М. Вопросы периодизации археологических памятников I тысячилетия нашей эры // V Уральское археологическое совещание. – Сыктывкар, 1967. – С. 61-64.

132. Васюткин С.М. Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен // Учёные записки БГУ. – Уфа, 1970. – С. 163-178.

133. Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре // Советская археология. – 1971. – №. 3. – С 91-105.

134. Васюткин С.М. О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III – XIII вв.) // Археология и этнография Башкирии / отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1971. – Т 4. – С.135-138.

135. Васюткин С.М. История археологического изучения Башкирии в дореволюционное время // Очерки истории дореволюционной России. – 1975 – №2 – С. 167-175.

136. Васюткин С.М. Ангасякский могильник – ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи раннего средневековья в Верхнем Прикамье / Отв. ред. В.Ф. Генинг. – Ижевск: Издательство Удмуртского государственного университета, 1980. С. 72–91.

137. Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV-V в. в Башкирии // Советская археология. – 1986 – №2 – С. 180-192.

138. Васюткин С.М. История изучения эпохи раннего средневековья Южного Приуралья: Учебное пособие. – Элиста: Калмыцкий университет, 1994. – 114 с.

139. Вахрушев Г.В. Памятники природы и искусства Башкирии // Башкирский краеведческий сборник / под ред. Ш.Х. Сюнчелей. – Уфа: Башкнига, № 1. –1926. – С. 40–50.

140. Волкова Е.В., Суханов Е.В. Возможности и пределы применения метода геометрической морфометрии для анализа форм глиняных сосудов // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 248 / Гл. ред. Н.А. Макаров. – М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. – С. 249-261.

141. Воробьева С.Л. История отдела археологии национального музея Республики Башкортостан: от момента создания до сегодняшних дней // Вопросы музеологии. – 2015. – № 2(12). – С. 131–141.

142. Гарустович Г.Н. Начало археологического изучения Башкортостана в советское время (экспедиционные работы М.С. Смирнова) // Уфимский археологический вестник. – 2003 – № 4 – С. 59-62.

143. Гарустович Г.Н., Минеева И. М. Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. – 2003 – №4 – С. 6-11.

144. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. – Вып. 15. – 2015. – С. 181-198.

145. Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I - начале II тыс. н.э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. – Ижевск, 1992. – С. 17-31.

146. Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье в I тыс. н.э. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. В.И. Дулов. – Новосибирск, 1961. – С. 329-335.

147. Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В. Ф. Генинг. – Свердловск, 1962. – Вып. 4. – С. 5-51.

148. Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии / ред. Р.Г. Кузеев и К.В. Сальников. Т. 2. Уфа, 1964. – Т.4 – С. 111-129.

149. Генинг. В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В. Ф. Генинг. – 1967. – №7. – С. 7-84.

150. Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // Археология и этнография Башкирии / отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. Т. 4., Уфа. – 1971. – С. 44-54.

151. Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождение) // Проблемы археологии и древней истории угров / отв. ред. А.П. Смирнов, В.Н. Чернецов, И.Ф. Эрдели. – М., 1972. – С. 221-295.

152. Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // Советская археология. – 1973. – №. 1. – С. 114-136.

153. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). – М, 1988. – 240 с.

154. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В.Ф. Генинг. – Вып. 12. – 1973. С. 58-121.

155. Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов / отв. ред. М.Г. Атаманов. – Устинов, 1987. С.6-37.

156. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. – Ижевск: Удмуртский университет, 1999. – 464 с.

157. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. – №3 (17). – 2016. – С. 17-58.

158. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология женских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. – 2017б. – № 2 (20). – С. 47-72.

159. Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Голдина Е.В., Перевощиков С.Е. Городище Лобач и его окрестности в эпоху средневековья. – Ижевск, 2012. – 264 с.

160. Губайдуллин А.М. Фортификация городищ Волжской Булгарии. – Казань: Институт истории АН РТ, 2002. – 232 с.

161. Губайдуллин А.М. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. – Казань, 2019. – 323 с.

162. Губайдуллин А.М. О городищах раннего средневековья на территории Среднего Поволжья // Археология евразийских степей. – 2022. – № 1. – С. 136-140.

163. Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. – Курск: Учитель, 2005. – 352 с.

164. Зобов С.Ю. Научное изучение оренбургского края в дореволюционное время (1773–1917 гг.) // Исследователи Оренбургского края. Указатель литературы / Сост. Г. П. Березина. – Оренбург, 1980. – С. 3-6.

165. Иванов В.А. Городище Петер-Тау (Юлдашевское) // Советская Археология. – 1982. – №3. – С. 199-209.

166. Иванов В.А., Останина Т.И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме // Поселения и жилища древних племен Южного Урала / ред. А.Х. Пшеничнюк и В.А. Иванов. – Уфа, 1983. – С. 104-127.

167. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху Раннего железа (I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э.). – М.: Наука, 1984. – 84 с.

168. Иванов В.А. Древние угро-мадьяры в Восточной Европе. – Уфа, 1999. – 123 с.

169. Иванов В.А. Население «Уфимского полуострова» в эпоху раннего средневековья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / общ. ред. А.М. Белавин.– Пермь. 2007. – Вып. 4. – С. 64-70.

170. Иванов В.А. Иванова Е.В. Становление археологии эпохи средневековья на Южном Урале (к 75-летию Н. А. Мажитова) // Уфимский археологический вестник. – 2008. – № 8. – С. 4-7.

171. Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В. Южный Урал в эпоху Средневековья (V-XVI века н.э.) / под ред. В.А. Иванова; ГБОУ ВПО Башкирский педагогический университет им. М. Акмуллы. – Уфа, 2013. – 280 с.

172. Иванов В.А. Южное Предуралье в эпоху великого переселения народов – археолого-географический контекст // Поволжская археология. – № 4 (22). – 2017. – С. 8-23.

173. Иванова Е.В. Первые научно-исследовательские археологические темы ИИЯЛ БФ АН СССР и результаты их выполнения (1950-е годы) // Уфимский археологический вестник. – 2007. – №6-7. – С. 191-194.

174. Иванова Е.В. Научные связи О.Н. Бадера с археологами Башкирии // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / общ. ред. А.М. Белавин. – 2008. – № 5. – С. 16-21.

175. История Культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). – Вып. 6. Археологические памятники Башкортостана / отв. ред. Ю.А. Морозов. – Уфа, 1996. – 280 с.

176. Игнатьев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / составитель М.И. Роднов. Т. VIII: 1882-1883 годы. – Уфа [электронный ресурс], 2013. – 308 с.

177. Ищериков П.Ф. Мажитов Н.А. Городище Уфа-II // Археология и этнография Башкирии / ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. – Уфа, 1962. – Т 1. – С. 140-150.

178. Колонских А.Г. Динамика накопления данных и история изучения археологических памятников бахмутинской культуры // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 7. Том 1. – С. 353-360.

179. Колонских А.Г. Пространственный анализ раннесредневековых поселений бахмутинской культуры «Бирского микрорайона» // Археология и геоинформатика. Третья Международная конференция / ред. Д.С. Коробов. – М.: ИА РАН, 2017а. – С. 26-27.

180. Каталог коллекций эпохи раннего средневековья археологических фондов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (Музей археологии и этнографии). Бахмутинская культура. Часть 1 / сост. Э.В. Камалеев; А.Г. Колонских. Отв. ред. Э.В. Камалеев. – Уфа: ООО «Издательство «Диалог», 2017б. – 134 с.

181. Колонских А.Г. Укрепленные поселения Уфимско-Бельского междуречья // Вестник Вятского государственного университета. – № 12. – 2017в. – С. 62-67.

182. Колонских А. Г. Коллекция керамики городища Уфа-II из раскопок Н.А. Мажитова 1958 года // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2017г. – № 10. – С. 9-24

183. Колонских А.Г. Поселенческие памятники бахмутинской культуры низовьев р. Белая: опыт создания коммуникативных и гравитационных связей // Археология и геоинформатика [Электронный ресурс] / ред. Д.С. Коробов. Вып. 8. – М.: ИА РАН, 2017д.

184. Колонских А.Г., Тузбеков А.И. К проблеме локализации Андреевского городища в Илишевском районе Республики Башкортостан // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2017. – № 4. – С. 95-99.

185. Колонских А. Г. Археологический комплекс на Курочкиной горе // АрхЛаб. Археология Урала: время, памятники, люди: сборник научных статей. Вып. 3. / Отв. ред. Р.Р. Русланова. – Уфа, 2018а. – С. 71-80

186. Колонских А.Г. Средневековые материалы городища Уфа-III (по данным раскопок М.Х. Садыковой 1969 г.). // Genesis: исторические исследования. – 2018б. – № 10. – С.72-83.

187. Колонских А.Г. Городища Уфимско-Бельского междуречья: историография и археологические реалии // Уфимский археологический вестник. – № 19. – 2019а. – С. 82-94.

188. Колонских А.Г. Керамика городища Тра-Тау (по материалам раскопок В.А. Иванова в 1971-1972 гг.) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019б –. № 11. – С. 37-47.

189. Колонских А.Г. Анализ видимости городищ бахмутинской культуры: возможности ГИС и полевые исследования // Археология и геоинформатика. – Вып. 10 [Электронный ресурс] / Отв. ред. Д.С. Коробов. – М.: ИА РАН, 2021а. (DVD-ROM).

190. Колонских А.Г. Укрепленные поселения бахмутинской культуры: новые данные // История и педагогика естествознания. – 2021б. – № 3-4. – С. 56-60.

191. Колонских А.Г. К вопросу о зауральских аналогиях в керамике бахмутинской культуры // XXII Уральское археологическое совещание: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию первых археологических раскопок в Сибири и 85-летию со дня рождения Тамилы Михайловны Потемкиной (Курган, 21–25 ноября 2022 г.) / отв. ред. Д.Н. Маслюженко. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2022. – С. 184-186.

192. Коробов Д.С. Основы геоинформатики в археологии: Учебное пособие. – М.: Издательство Московского университета, 2011. – 224 с.

193. Коробов Д.С. ГИС-моделирование пахотных угодий эпохи раннего средневековья у алан кисловодской котловины // КСИА. – Вып. 226. – М.: Наука, 2012. – С. 17-27.

194. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). Том 1. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – 384 с.

195. Корякова Л. Н. Поселения саргатской культуры // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В.Е. Стоянов. – Вып. 17. – Свердловск, 1984. – С. 61-79.

196. Каталог памятников археологии Башкирии открытых в 1971–1980 гг. / Сост. М.Ф. Обыденнов, В.А. Банников. – Уфа, 1982. – 80 с.

197. Каталог археологических коллекций / Сост. Н.Г. Рутто. Вып. 1. – Уфа, 1994. – 130 с.

198. Красноперов А.А. К определению верхней границы и внутренней периодизации мазунинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историографии / Отв. ред. В.С. Горбунов, В.А. Иванов, Г.Т. Обыденнова, И.А. Шутелева, Н.Б. Щербаков. – Уфа, 2007. – С. 265-275.

199. Красноперов А.А. Контакты населения Прикамья и иранских народов древности (по данным костюма) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 24-26 марта 2009 г. / отв. ред. А.Н. Багашёв. – 2009 – №1. – С. 165-168.

200. Красноперов А.А. Погребальная керамика из пьяноборских и мазунинских могильников Прикамья // Уфимский археологический вестник. – 2010. – № 10. – С. 83-109.

201. Крижевская Л.Я. Поселения эпохи железа на северо-востоке Башкирии. // Археология и этнография Башкирии / отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. – Уфа, 1962. – Т.1. – С. 75-136.

202. Куза А.В. Древнерусские городища X-XIII вв. Свод археологических памятников. – М.: Христианское издательство, 1996. – 256 с.

203. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I-V вв. н.э.) // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. – Ижевск, 2014. – 472 с.

204. Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. // Башкирский археологический сборник / ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1959б. – С. 114-142.

205. Мажитов Н.А. Поселения бахмутинской культуры // Башкирский археологический сборник / ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1959в. – С. 143-151.

206. Мажитов Н.А. Поселение Ново-Турбаслинское II. // Археология и этнография Башкирии / ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. – Уфа, 1962а. – Т. 1 – С. 154-162.

207. Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры // Вопросы археологии Урала / отв. ред. В.Ф. Генинг. – 1962б – №2 – С. 65-71.

208. Мажитов Н.А. Новые материалы о ранней истории башкир // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1964а – Т. 2 – С. 148-157.

209. Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии в 1 тыс. н. э. // Археология и этнография Башкирии / ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. – Т 2. – Уфа, 1964б. – С. 101-110.

210. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. – М.: Наука, 1968. – 163 с.

211. Мажитов Н.А. Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // Археология и этнография Башкирии / отв. ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. – М., 1971. – Т. 4 – С. 11-16.

212. Мажитов Н.А. Тайны Древнего Урала. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1973. – 184 с.

213. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. – М, 1981. – С. 10-23.

214. Мажитов Н.А. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала / ред. А.Х. Пшеничнюк, В.А. Иванов. – Уфа: БФАН СССР, 1987. – С. 117-130.

215. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времён до XVI в. – Уфа. 1994. – 360 с.

216. Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А, Султанова А.Н., Исмагилов Р.Б., Бахшиева И.Р. Городище Уфа-II // Материалы раскопок 2008 года. – Уфа, 2009. – Т. 3. – 224 с.

217. Мажитов Н.А., Сунгатов Ф.А, Султанова А.Н., Мухаметдинов В.И. Городище Уфа-II // Материалы раскопок 2009 года. – Уфа, 2011. – Т.4. – 368 с.

218. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. – Уфа: Китап, 2010. – 496 с.

219. Мажитов Н.А. Башкортостан в IV-VIII вв. // История башкирского народа: в 7 т. / гл. ред. М.М. Кульшарипов; Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН. – Уфа: Гилем, 2012. – С. 123-146.

220. Матвеева Г.И. Памятники I тысячелетия новой эры левобережья р. Белой. // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1968. – Т. 3. – С. 113-121.

221. Матвеева Г.И. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии /ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1971. – Т. 4. – С. 129-134.

222. Матвеева Г.И. Улукулевское селище и Сахаевский могильник в Башкирии // Древняя история Поволжья отв. ред. С.Г. Басин. Т. 230. – Куйбышев, 1979. – С. 179-190.

223. Матвеева Г.И. Никитина А.В. Особенности памятников романовского типа эпохи Великого переселения народов в северо-западной Башкирии на примере материалов исследования селища Романовка-II 1989 года // Вояджер: мир и человек. – №6. – Самара: Изд-во СамГТУ, 2015. – С. 52–77.

224. Матюшин Г.Н. Археологические исследования в окрестностях города Уфы // Вопросы археологии Урала / отв. ред. В.Ф. Генинг. – Свердловск: Издательство УрГУ, 1962. – С. 58–64.

225. Мингалев В.В. Дольные ножи // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – Пермь: Изд-во ПГПУ, 2006. – С.112–119.

226. Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э. - I тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии / ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1971. – Т. 4 – С. 151-157.

227. Моргунов Ю.Ю. Дерево-земляные укрепления Южной Руси X-XIII веков. – М.: Наука, 2009. – 303 с.

228. Недашковский Л.Ф. Структура и внутренние связи округи золотоордынских городов Нижнего Поволжья // Российская археология. – 2014. – № 2. – С. 48-61.

229. Нефедов Ф.Д. Журнал раскопок, произведенных в Прикамье летом 1894 г. // МАВГР. Т. III / Под ред. Д.Н. Анучина. – М.: Тип. М.Н. Шарапова, 1899. – С. 55-74.

230. Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. – М.: Наука. – 296 с.

231. Обыденнов М.Ф. История археологического изучения Урала XVIII - начала XX веков. – Уфа, 1994. – 80 с.

232. Обыденнов М.Ф., Саватеева Г.Н. История изучения древней истории и археологии Урала. – Уфа, 2012. – 201 с.

233. Овсянников В.В., Тагиров Ф.М. Городища Какры-Куль (Старо-Муштинское) // Уфимский археологический вестник. – 2000. – № .2. – С. 165-178.

234. Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чёртового городища в Уфе. (1911-1912 годы). // Уфимский археологический вестник. – № 4 – 2003 – С. 16-30.

235. Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. – 2004. – №5. – С. 218–240.

236. Овсянников В.В., Савельев Н.С. Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. – Уфа: Гилем, 2007. – 166 с.

237. Овсянников В.В. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Том I. – Казань, 2014. – С. 375-377.

238. Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Археология евразийских степей. – Вып. 20. – Казань, 2014. – С. 303–313.

239. Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // Уфимский археологический вестник. – 2015. – Вып. 15. – С. 85-110.

240. Овсянников В.В. К вопросу об именьковском компоненте в материальной культуре городища Уфа II // Вояджер: мир и человек.

Теоретический и научно-методический журнал. – №9. – Самара: Изд-во СамГТУ, 2017. – С. 32–42.

241. Оруджов Э.И. Система расселения носителей ананьинской культурно-исторической области в бассейне рек Вятка и Ветлуга // Поволжская археология. – 2017. – №3(21). – С.117-140.

242. Останина Т.И. Два памятника мазунинской культуры в центральной Удмуртии. // Поиски, исследования, открытия / ред. Т.И. Останина. – Ижевск, 1984. – С. 26-92.

243. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 327 с.

244. Останина Т.И. Казакларовское I городище в бассейне Белой // Уфимский археологический вестник. – Вып. 20. – 2020. – С. 78–95.

245. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Часть вторая. Книга первая / пер. с нем. Ф. Томский. – СПб: Императорская академия наук, 1786. – 476 с.

246. Перескоков М.Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала-Урын // Вестник Пермского университета. – Вып. 1(36). – 2017. – С. 84-98.

247. Петров В.П. Подсечное земледелие. – Киев: Наукова думка, 1968. – 228 с.

248. Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчётной документации. – М.: ИА РАН, 2018. – 64 с.

249. Поносова И.С. Раскопки Сандиякского городища бахмутинской культуры в 1963-1964 гг. // Труды Камской археологической экспедиции / отв. ред. О.Н. Бадер. – Пермь, 1968. – Вып. 4. – С. 98-109.

250. Попов П.С. О городищах Осинского уезда // Пермский краеведческий сборник. Т.1. – Пермь, 1924. – С. 91-92.

251. Раппопорт П.А. Древние русские крепости. – М.: Наука, 1965. – 88с.

252. Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-восточной и северо-западной Руси X–XV вв. МИА. – № 105. – М. 1961. – 248 с.

253. Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. МИА. – № 140. – М. 1967. – 241 с.

254. Русланов Е.В. Роговые и костяные подпружные пряжки средневекового городища Уфа-II // Актуальные проблемы истории, этнологии, археологии и культуры Башкортостана / отв. ред. М.М. Кульшарипов, Б.В. Бурангулов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 282-288.

255. Русланова Р.Р., Русланов Е.В., Шамсутдинов М.Р., Проценко А.С. Городище Уфа-II. Материалы раскопок 2012 года. Том V. Часть II. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2020. – 432 с.

256. Русланова Р.Р. Погребальный обряд Бирского могильника по результатам раскопок 2017 года // XXI Уральское археологическое совещание. – Самара: Издательство СГСПУ, 2018. – С. 318-320.

257. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. – Уфа: «Китап», 1999. – 312 с.

258. Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году. – СПб., 1770. – 191 с.

259. Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым / Под ред. С.Б. Богданова. – Оренбург: Печатный дом «Димур», 2012. – 432 с.

260. Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Овсянников В.В., Лебедев А.И., Ахметова Е.А., Ахметова Э.С. Проект зон охраны объектов культурного наследия города Бирск. Т. 1. – Уфа, 2007. – 140 с.

261. Сарапулов А.Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным. – Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, – 2015. – 170 с.

262. Сафуанов Ф.Ф., Проценко А.С. Глиняные пряслица с городи ща Уфа-2 // Вестник Академии наук РБ. – Т. 41. – 2021. – № 4 (104). – С. 89-99.

263. Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987-2000 годах. Научно-справочное издание / отв. ред. В.А. Иванов. – Уфа: Информреклама, – 2004. – 183 с.

264. Сергеева О.В. Пространственные связи поселений эпохи поздней бронзы левобережных районов Нижнего Поволжья. // Археология Восточно-Европейской степи. – Самара, 2008. – С 39-57.

265. Смертин А.Р. Попытка реконструкции технологии изготовления железных кочедыков Пермского Предуралья // Археология Евразийских степей. № 5. 2022. С. 93–97.

266. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по Археологии СССР. – 1952 – №28. – 273 с.

267. Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1957 – №58 – С. 50-107.

268. Спицын А.А. Заметки из поездки 1898 года // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 60. – Петроград: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1916. – 128 с.

269. Старостин П.Н. О романовских и именьковских памятниках. // Археология и этнография Башкирии / ред. Ю.В. Бромлей, Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1971. – Т. 4 – С. 148-150.

270. Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура. – Уфа, 1998. – 169 с.

271. Сунгатов Ф.А. Волго-Уральский регион в эпоху тюркских каганатов // Древнетюркский мир: история и традиции. Материалы одноименной научной конференции / отв. ред. И.К. Загидуллин. – Казань, 2002. – С. 25-33.

272. Сунгатов Ф.А. Гарустович Г.Н. Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник). – Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. – 172 с.

273. Сунгатов Ф.А. Приуралье в гуннскую эпоху // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов / ред. Боталов С.Г., Крадин Н.Н., Любчанский И.Э. – Челябинск: ЮУрГУ. 2013. – С. 163-179.

274. Сунгатов Ф.А., Султанова А.Н., Бахшиева А.К., Мухаметдинов В.И. Русланова Р.Р., Русланов Е.В. К проблеме городов Южного Урала эпохи средневековья. – Уфа: Самрау, 2018. – 335 с.

275. Тагиров Ф.М. Новые исследования Ангасякского грунтового могильника // Уфимский археологический вестник. – № 6-7. – 2007. – С. 89–110.

276. Третьяков П.Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК. Т. XIV. – Вып. 1. – 1932. – 39 с.

277. Цетлин Ю.Б. Неолит Центра Русской равнины: орнаментация и методика периодизации культур. – Тула: Гриф и К., 2008. – 352 с.

278. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 430 с.

279. Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2008. – 272 с.

280. Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. №8-9. – Уфа: Издание Госплана Башкирской АССР. – 28 с.

281. Шмидт А.В. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет // Проблемы истории материальной культуры / ред. Н.Я. Марр. – №10. – 1933. – С. 20-30.

282. Шокуров А.П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии / отв. ред. А.П. Смирнов. – М.: Наука, 1970. – С. 131-160.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКБ – Археологическая карта Башкирии

АЛ БашГУ – Археологическая лаборатория Башкирского государственного университета

АН СССР – Академии наук СССР

АО – Археологические открытия

АПБ – Археологические памятники Башкортостана

АЭБ – Археология и этнография Башкирии

БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Академии наук СССР

БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР

ВАУ – Вопросы археологии Урала

ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры

ГИМ – Государственный исторический музей

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИИЯЛ БФАН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР

ИИЯЛ УФИЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

ИЭИ УФИЦ РАН – Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

КПАБ – каталог памятников археологии Башкирии

КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР

КСИИМК – Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР

МАЭ ИЭИ УФИЦ РАН – Музей археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук академии наук

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НМ РБ – Национальный музей Республики Башкортостан

НМ УР – Национальный музей имени К. Герда Удмуртской Республики

ПА – Поволжская археология

ПАБ – Памятники археологии Башкирской АССР

РА – Российская археология

СА – Советская археология

САП РБ – Свод археологических памятников Республики Башкортостан

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СЭ – Советская этнография

УАВ – Уфимский археологический вестник

УдГУ – Удмуртский государственный университет

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

УрО АН СССР – Уральское отделение Российской академии наук

УУНИТ – Уфимский университет науки и технологий

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

Приложение 1. Таблицы и диаграммы

Памятники бахмутинской культуры

Таблица 1

№ п/п	Наименование	Тип памятника	Год исследования	Культурная принадлежность	Площадь памятника	Характер исследования	Площадь исследования	Сохранность	Источник
1	Момылевское	городище	1997	ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	8500	раскопки	1865	хорошая	Пастушенко, 1997; Перевощиков, 2000
2	Бадряш-Актау	городище	1967	бахмутино	7500	разведка, шурф	1	хорошая	Мажитов, 1967; Агеев, 1989; Акбулатов, 2010; Колонских, 2021
3	Исхаковское	городище	1967	бахмутино	1600	раскопки	28	удовлетворительная	Мажитов, 1967; Агеев, 1989; Колонских, 2017
4	Ошья-Тау	селище	1967	бахмутино	2000	разведка ПМ	0	плохая	Мажитов, 1967
5	Таш-Елга-1	селище	1967	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Мажитов, 1967
6	Таш-Елга-2	селище	1967	бахмутино	800	разведка ПМ	0	плохая	Мажитов, 1967
7	Чертово	городище	1967	бахмутино	8000	разведка ПМ	0	хорошая	Мажитов, 1967
8	Сандияк	городище	1924	бахмутино, кушнаренково	8100	раскопки	288	хорошая	Попов, 1924; Поносова, 1963; Казанцева, 1987; Колонских, 2021
9	Арийское	селище	1983	бахмутино	0	разведка ПМ	0	плохая	Галиев, 1983
10	Аксаитово-1	селище	1983	бахмутино	20000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983
11	Аксаитово-5	селище	1983	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983
12	Аксаитово-2	селище	1983	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983
13	Аксаитово-3	селище	1983	бахмутино	1000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983
14	Аксаитово-4	селище	1983	бахмутино	20000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
15	Аксаитово-2	городище	1983	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
16	Старо-Чукуровское	селище	1983	бахмутино, новое время	10000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
17	Ильметьевское-1	селище	1983	бахмутино, новое время	1500	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
18	Ильметьевское-2	селище	1983	бахмутино	2000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
19	Ильметьевское-3	селище	1983	бахмутино	20000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
20	Кардагушево-2	городище	1983	бахмутино	6060	разведка, шурф	1	хорошая	Галиев, 1983; Колонских, 2021
21	Старый Кайпан	селище	1983	бахмутино	1000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
22	Верхне-Татышлинское	селище	1983	бахмутино	11000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
23	Арибашевское	селище	1983	бахмутино	20000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983
24	Уразгильдинское	селище	1983	бахмутино	10200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009; Бахшиев, 2011
25	Уразгильдинское	городище	1983	бахмутино	7125	разведка, шурф	1	хорошая	Галиев, 1983; Тагиров, 2009; Бахшиев, 2011
26	Кальтяевское	селище	1983	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
27	Кальтяевское	городище	1983	бахмутино	6150	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
28	Ново-Татышлинское	городище	1983	бахмутино	6150	разведка ПМ	0	уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009
29	Лагерное	селище	1967	бахмутино	5400	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967; Тагиров, 2009
30	Юг-Хуторское	городище	1967	бахмутино	4820	разведка, шурф	3	хорошая	Стоколос, 1967; Колонских, 2017

Продолжение. Таблица 1

31	Юг-Хутор-1	селище	1967	бахмутино	4500	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
32	Юг-Хутор-2	селище	1967	бахмутино	10000	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
33	Бальзуга	селище	1967	бахмутино	2400	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
34	Береговое	селище	1966	бахмутино	3600	разведка, шурф	0	плохая	Морозов, 1966
35	Ивановское	селище	1966	бахмутино	3000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1966
36	Старо-Кызыл-Яр-2	селище	1966	бахмутино	8000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1966
37	Русская Кара	селище	1966	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1966
38	Асафово	селище	1966	бахмутино	10800	разведка, шурф	1	плохая	Морозов, 1966
39	Ново-Карское	селище	1957	бахмутино	0	разведка ПМ	0	плохая	Мажитов, 1957
40	Афанасьевское	городище	1957	бахмутино	11960	разведка, шурф	16	хорошая	Мажитов, 1957
41	Сандугачское	городище	1957	бахмутино	6500	разведка ПМ	0	хорошая	Мажитов, 1957; Щербаков, 2011
42	Савкияз	селище	1967	бахмутино	6000	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
43	Манагаз-1	селище	1967	бахмутино	10000	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
44	Манагаз-2	селище	1967	бахмутино	5400	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
45	Магашлы-Алмандай-2	селище	1966	бахмутино	3000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1966; Тагиров, 2009
46	Магашлы-Алмандай-3	селище	1966	бахмутино	9600	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1966; Тагиров, 2009
47	Нижнесикиязовское	селище	1967	бахмутино	14300	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
48	Усакле-Елга	селище	1967	бахмутино	2100	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
49	Кирпичное	селище	1965	бахмутино	3600	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1965
50	Тибельское	селище	1956	бахмутино	150000	раскопки	110	хорошая	Мажитов, 1957; Матвеева, 1969
51	Юг	селище	1965	бахмутино	30000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1965; Стоколос, 1967
52	Ур	городище	1967	бахмутино	11440	разведка, шурф	3	удовлетворительная	Стоколос, 1967; Агеев, 1989; Тагиров, 2009; Акбулатов, 2010
53	Усть-Югское	селище	1969	бахмутино	800	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Матвеева, 1969
54	Мищерово	селище	1966	бахмутино	1600	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1966; Тагиров, 2009
55	Чип-Чип	селище	1966	бахмутино	7000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1966; Тагиров, 2009
56	Ново-Балтачево	селище	1966	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1966
57	Нижнеиванаевское	селище	1967	бахмутино	5400	разведка, шурф	1	хорошая	Стоколос, 1967;
58	Верхнеиванаевское-1	селище	1967	бахмутино	0	разведка ПМ	0	хорошая	Стоколос, 1967;
59	Верхнеиванаевское-2	селище	1967	бахмутино	10000	разведка, шурф	1	хорошая	Стоколос, 1967;
60	Верхнеиванаевское-3	селище	1967	бахмутино	3200	разведка ПМ	0	плохая	Стоколос, 1967;
61	Верхнеиванаевское-4	селище	2020	бахмутино	50000	разведка, шурф	0	плохая	Тузбеков, 2020
62	Кансиярское	городище	1957	ананьино, пьяноборье, бахмутино	22000	раскопки	132	удовлетворительная	Мажитов, 1957; Агеев, 1989; Тагиров, 2009; Щербаков, 2011

Продолжение. Таблица 1

63	Тучубаевское	городище	1959	бахмутино	9500	разведка, шурф	1	плохая	Мажитов, 1959; Агеев, 1989; Тагиров, 2009; Щербаков, 2011
64	Тучубаевское	селище	1957	бахмутино	0	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Мажитов, 1957
65	Ново-Дюртюкеевское	селище	1965	бахмутино	5000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1965
66	Имяново-1	городище	1959	бахмутино	13600	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Мажитов, 1959; Щербаков, 2011
67	Бакалинское-4	селище	1990	бахмутино	1925	разведка, шурф	1	плохая	Гарустович, 1990; Щербаков, 2011
68	Бакалинское-3	селище	1990	бахмутино	0	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Гарустович, 1990
69	Бакалинское-2	селище	1990	бахмутино	0	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Гарустович, 1990
70	Бакалинское-1	селище	1990	бахмутино	0	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Гарустович, 1990
71	Старо-Тазларовское-1	селище	1967	бахмутино	7800	разведка, шурф	2	удовлетворительная	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
72	Старо-Тазларовское-2	селище	1967	бахмутино	14000	разведка, шурф	1	удовлетворительная	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
73	Старо-Тазларовское-3	селище	1967	бахмутино	24400	разведка, шурф	2	удовлетворительная	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
74	Ново-Кизганское-1	селище	1967	бахмутино	8400	разведка, шурф	1	удовлетворительная	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
75	Ново-Кизганское-2	селище	1967	бахмутино	37600	разведка, шурф	5	удовлетворительная	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
76	Каргалинское	селище	1965	бахмутино	6000	разведка ПМ	0	плохая	Морозов, 1965
77	Юмакаевское	городище	1957	бахмутино	12200	раскопки	592	удовлетворительная	Мажитов, 1957; Матвеева, 1969; Агеев, 1989; Щербаков, 2011
78	Юмакаевские	селище	1969	бахмутино	0	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Матвеева, 1969
79	Чишма-Бураевкое	селище	1965	бахмутино	300	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Морозов, 1965
80	Варзинское-2	селище	1967	бахмутино	7500	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
81	Варзинское-1	селище	1967	бахмутино	7500	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
82	Больше-Шукшановское	селище	1967	бахмутино	11800	разведка, шурф	1	плохая	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
83	Кутлияровское	селище	1967	бахмутино	17300	разведка, шурф	1	плохая	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
84	Чиатавское	селище	1967	бахмутино	13400	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
85	Николаевское-1	селище	1967	бахмутино	11800	разведка, шурф	1	плохая	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
86	Николаевское-2	селище	1967	бахмутино, Новое время	20000	разведка, шурф	1	плохая	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
87	Николаевское-3	селище	1967	бахмутино	17500	разведка, шурф	1	плохая	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
88	Ардашевское	селище	1967	бахмутино	17000	разведка, шурф	1	удовлетворительная	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
89	Александровское	селище	1967	бахмутино	15000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
90	Ардашевское	городище	1967	бахмутино	29000	разведка, шурф	1	плохая	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
91	Чоркильдинское	городище	1967	бахмутино	3251	разведка ПМ	0	уничтожено	Мажитов, 1957; Тагиров, 2009
92	Шульгановское	городище	1967	бахмутино	9000	разведка ПМ	0	уничтожено	Мажитов, 1967; Матвеева, 1969; Агеев, 1989; Щербаков, 2011
93	Шульгановское	селище	1967	бахмутино	4800	разведка ПМ	0	уничтожено	Мажитов, 1967
94	Тау	городище	1967	бахмутино	7640	разведка ПМ	0	уничтожено	Мажитов, 1967; Акбулатов, 2010

Продолжение. Таблица 1

95	Месягутовское	городище	1967	бахмутино	36640	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Мажитов, 1967; Акбулатов, 2010
96	Югамашевское-1	городище	1967	бахмутино	6310	разведка, шурф	9	частично уничтожено	Мажитов, 1967; Васюткин, 1975; Агеев, 1989; Колонских, 2017
97	Югамаш-1	селище	1975	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	плохая	Гундерова, Исмагилов, 1975
98	Югамаш-2	селище	1975	бахмутино	11300	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Гундерова, Исмагилов, 1975
99	Югамаш-3	селище	1975	бахмутино	2200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Гундерова, Исмагилов, 1975
100	Югамашевское-3	городище	1975	бахмутино	2800	разведка ПМ	0	удовлетворительная	Гундерова, Исмагилов, 1975
101	Салиховское	селище	1983	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Галиев, 1983
102	Сараштыбашевское	селище	1983	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	хорошая	Галиев, 1983
103	Сараштыбашевское	городище	1983	бахмутино	21700	разведка, шурф	1	уничтожено	Галиев, 1983; Тагиров, 2009, Колонских, 2017
104	Алтаево-1	селище	1965	бахмутино	300	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Морозов Ю.А. 1965 1979. Останина Т.И. 0 0
105	Алтаево-2	селище	1965	бахмутино	300	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Морозов, 1965
106	Алтаево-3	селище	1965	бахмутино	7800	раскопки	700,5	частично уничтожено	Морозов, 1965; Иванов, 1975, Останина, 1979
107	Алтаево-4	селище	1979	бахмутино	8000	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Останина, 1979
108	Кузбаевское-2	селище	1979	бахмутино	1200	разведка ПМ	0	уничтожено	Останина, 1979; Колонских, 2018
109	Кузбаевское	селище	1965	бахмутино	200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Морозов, 1965
110	Кудашево-5	селище	1967	бахмутино	12100	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
111	Кудашево-4	селище	1967	бахмутино	20000	разведка, шурф	3	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
112	Кудашево-3	селище	1967	бахмутино	18400	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
113	Кудашево-2	селище	1967	бахмутино	10800	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
114	Кудашево-1	селище	1967	бахмутино	7200	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
115	Кушманакское-2	селище	1967	бахмутино	7900	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
116	Кушманакское-1	селище	1967	бахмутино	19100	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
117	Сибирганское	селище	1967	бахмутино	4800	разведка, шурф	2,25	хорошая	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
118	Шабаевское	селище	1967	бахмутино	29500	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
119	Шунякское	селище	1967	бахмутино	20700	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
120	Муллинское-1	селище	1967	бахмутино	16300	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
121	Муллинское-2	селище	1967	бахмутино	14500	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
122	Кудашевское-2	городище	2015	бахмутино	29725	разведка, шурф	5	частично уничтожено	Колонских, 2017, 2018
123	Кудашевское-1	городище	1959	бахмутино	16000	разведка, шурф	6	частично уничтожено	Васюткин, 1959; Агеев, 1989; Щербаков, 2011, Колонских, 2017
124	Мало-Качакское	селище	1967	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Мажитов, 1967
125	Большекачаково-1	селище	2011	бахмутино, новое время	5400	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Бахшиева, 2011
126	Старо-Тазларово-4	селище	2011	бахмутино	14375	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Бахшиева, 2011

Продолжение. Таблица 1

127	Бустанаево-1	селище	2014	бахмутино	10800	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Бахшиев, 2014
128	Абдуллинское-2	селище	1967	бахмутино	17900	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Мажитов, 1967
129	Бустанаевское	городище	1967	ржв, бахмутино	3800	раскопки	90	хорошая	Мажитов, 1967; Агеев, 1989; Щербаков, 2011
130	Каинлыковское-3	селище	1967	бахмутино	27000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
131	Каинлыковское-4	селище	1967	бахмутино	11100	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
132	Каинлыковское-5	селище	1967	бахмутино	17000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
133	Каинлыковское-6	селище	1967	бахмутино	13400	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
134	Каинлыковское-2	селище	1967	бахмутино	5000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
135	Каинлыковское-1	селище	1967	бахмутино	17000	разведка, шурф	2	уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
136	Карабаевское-1	селище	1967	бахмутино	8600	разведка, шурф	3	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
137	Карабаевское-2	селище	1967	бахмутино	31000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
138	Кугарчинское	селище	1959	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Васюткин, 1959
139	Куяновское-3	селище	1959	бахмутино	1000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Васюткин, 1959
140	Куяновское-2	селище	1959	бахмутино	7200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Васюткин, 1959; Бахшиева, 2011
141	Куяновское-1	селище	1959	бахмутино	31250	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Васюткин, 1959; Бахшиева, 2011
142	Тойкинское-2	селище	1959	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Васюткин, 1959
143	Тойкинское-1	селище	1959	бахмутино	0	разведка ПМ	0	хорошая	Васюткин, 1959
144	Краснохолмское	городище	1959	бахмутино	5770	разведка, шурф	3	хорошая	Васюткин, 1959; Агеев, 1989, Акбулатов, 2010, Колонских, 2017
145	Курзя-Саитовское	селище	1967	бахмутино	12600	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
146	Тугаряковское-1	селище	1967	бахмутино, новое время	6800	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
147	Тугаряковское-2	селище	1967	бахмутино	16700	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
148	Хазиевское	селище	1967	бахмутино	5600	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
149	Ташкубаровское	селище	1967	бахмутино	5900	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
150	Челкаковское-1	селище	1967	бахмутино	6800	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
151	Челкаковское-2	селище	1967	бахмутино	5000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
152	Аштияз-1	селище	1967	бахмутино	10200	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
153	Аштияз-2	селище	1967	бахмутино	9000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
154	Барьязинское	селище	1964	бахмутино	2500	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Морозов, 1964
155	Барьязинское	городище	1964	ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	24460	раскопки	138	плохая	Морозов, 1964; Иванов, 1975; Агеев, 1989; Акбулатов, 2010
156	Верхнемалиновское	городище	1888	ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	4500	раскопки	0	хорошая	Спицын, 1888; Генинг, 1954; Клюева, 1978; Пастушенко, 1992
157	Чеганда-1	городище	1954	ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	33000	раскопки	1402	хорошая	Генинг, 1954; Клюева, 1978; Пастушенко, 1992
158	Барановское	селище	1982	ананьино, бахмутино	4000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Гарустович, 1982

Продолжение. Таблица 1

159	Такталачукское	городище	1956	ананьино, бахмутино	26000	раскопки	50	уничтожено	Шокуров, 1956; Пшеничнюк, 1964; Васюткин, 1970; Мажитов, 1981
160	Тра-Тау	городище	1956	ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	20100	раскопки	3000	частично уничтожено	Шокуров, 1956; Иванов, 1972; Мажитов, 1982-1988, 1991
161	Бачки-Тау	селище	1956	пьяноборье, бахмутино	1530	разведка, шурф	4,5	частично уничтожено	Шокуров, 1956; Пшеничнюк, 1964; Акбулатов, 2010
162	Кунь-4	селище	1981	бахмутино	9000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Обыденнов, 1981
163	Старо-Янзигитовское-1	селище	1956	бахмутино	10000	разведка, шурф	4	частично уничтожено	Шокуров, 1956; Пшеничнюк, 1964; Акбулатов, 2010
164	Старо-Янзигитовское-2	селище	1981	бахмутино	450	разведка ПМ	0	уничтожено	Гарустович, 1981
165	Нижне-Татышевское	селище	1982	бахмутино	27000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Васильев, Горбунов, Обыденнов, 1982
166	Старая-Мушта-11	селище	1989	бахмутино, эпоха камня	250	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Фёдоров, 1989
167	Кыз-Кала-Тау-1	селище	1989	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Фёдоров, 1989
168	Старая-Мушта-9	селище	1989	бахмутино	800	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Фёдоров, 1989
169	Какры-Куль-5	селище	1981	бахмутино	3200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Гарустович, 1981
170	Какры-Куль-9	селище	1981	бахмутино	900	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Гарустович, 1981
171	Какры-Куль-15	селище	1989	бахмутино	200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Фёдоров, 1989
172	Какры-Куль	городище	1956	ананьино, пьяноборье, бахмутино	14300	раскопки	528	частично уничтожено	Шокуров, 1956; Пшеничнюк, 1964; Гарустович, 1982; Акбулатов, 2010
173	Киргизово-1	селище	1967	бахмутино	2000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Мажитов, 1989
174	Киргизово-3	селище	1998	бахмутино	6000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Зубов, 1998
175	Киргизово-2	селище	1989	бахмутино, эпоха камня	1750	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Фёдоров, 1989
176	Бурнюш-1	селище	1956	бахмутино, курман-тау	600	разведка, шурф	12	частично уничтожено	Шокуров, 1956; Пшеничнюк, 1964
177	Бурнюш-2	селище	1956	бахмутино, пьяноборье	8000	разведка, шурф	12	частично уничтожено	Шокуров, 1956; Пшеничнюк, 1964; Акбулатов, 2010
178	Янгизнарат	селище	1957	бахмутино	2100	раскопки	112	частично уничтожено	Шокуров, 1957; Иванов, 1972
179	Старо-Каинлык	селище	1956	бахмутино, курман-тау	10000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1956; Пшеничнюк, 1964
180	Старо-Буртюкское	селище	1964	бахмутино	300	разведка ПМ	0	уничтожено	Морозов, 1964
181	Юсупово	селище	1964	бахмутино	600	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Морозов, 1964
182	Маняк	селище	1964	бахмутино	18750	раскопки	0	частично уничтожено	Морозов, 1964; Мажитов, 1967; Акбулатов, 2010
183	Манякское	городище	1967	бахмутино	3877	разведка ПМ	0	уничтожено	Мажитов, 1967; Овсянников, 20102; Колонских, 2017
184	Петр-Тау	городище	1958	ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	20000	раскопки	450	уничтожено	Генинг, 1958; Матвеева, 1964; Пшеничнюк, 1970; Иванов, 1972
185	Юлдашевские	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Генинг, 1958
186	Ново-Медведевское-2	селище	1958	бахмутино	2100	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Генинг, 1958
187	Ново-Медведевское-4	селище	1958	бахмутино	2400	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Генинг, 1958
188	Андреевское	городище	1894	пьяноборье, бахмутино	8000	разведка ПМ	0	хорошая	Нефедов, 1894; Шокуров, 1957; Генинг, 1958

Продолжение. Таблица 1

189	Серенкино	городище	1972	ананьино, пьяноборье, бахмутино	34000	раскопки	300	хорошая	Иванов, 1972, 1978, 1979
190	Трикольское	городище	1972	ананьино, пьяноборье, бахмутино	5800	раскопки	70	хорошая	Иванов, 1972; Овсянников, 2010
191	Ново-Биктовское-1	селище	1957	бахмутино	6000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1957
192	Ново-Биктовское-3	селище	1957	бахмутино	11000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1957
193	Ново-Биктовское-4	селище	1972	бахмутино	1200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Рутто, 1972
194	Маядыкское	городище	1957	бахмутино	8400	разведка ПМ	1	частично уничтожено	Шокуров, 1957, Сунгатов, 1989; Овсянников, 2010
195	Ново-Кангышевское	селище	1957	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1957
196	Ишбулатовское	селище	1957	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1957
197	Казакларовское-1	городище	1980	бахмутино	5200	раскопки	736	хорошая	Иванов, 1980; Овсянников, 2010
198	Казакларовское-3	городище	1980	бахмутино	7700	раскопки	40	хорошая	Иванов, 1980; Овсянников, 2010
199	Казакларовское-2	городище	1970	бахмутино	5400	раскопки	40	хорошая	Горубнов, 1970; Овсянников, 2010
200	Казакларовское-4	селище	1970	бахмутино	11900	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Горубнов, 1970; Овсянников, 2010
201	Кулганское-1	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
202	Кулганское-2	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
203	Бишкураевское	городище	1958	бахмутино	5770	разведка ПМ	0	уничтожено	Шокуров, 1958
204	Казанцевское	селище	1957	бахмутино	20000	разведка ПМ	0	уничтожено	Шокуров, 1958
205	Ново-Ельдяковское	селище	1957	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
206	Камелевское-1	селище	1957	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
207	Камелевское-2	селище	1957	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
208	Ново-Янтузовское	городище	1958	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	хорошая	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005
209	Баишевское	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
210	Ново-Ляпустинское	селище	1958	бахмутино	2000	разведка ПМ	1	частично уничтожено	Шокуров, 1958
211	Ново-Уртаевское	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	1	частично уничтожено	Шокуров, 1958
212	Вознесенское	городище	1958	бахмутино	10000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005
213	Кусекеевское	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
214	Поповское	селище	1958	бахмутино	3000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005
215	Поповское	городище	1958	бахмутино	6600	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005
216	Шамсутдин-1	селище	2007	бахмутино	15000	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
217	Новокульчебаевское	городище	1958	бахмутино	23000	разведка ПМ	0	хорошая	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005
218	Самосадское-1	селище	2005	бахмутино	2000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Акбулатов, 2005
219	Самосадское-2	селище	2005	бахмутино	1000	разведка ПМ	0	хорошая	Акбулатов, 2005
220	Баразинское	городище	1967	бахмутино	6600	раскопки	99	хорошая	Мажитов, 1967
221	Шады-2	селище	0	бахмутино	0	0	0	частично уничтожено	Григорьев, 2011

Продолжение. Таблица 1

222	Шады-1	селище	0	бахмутино	0	0	0	частично уничтожено	Григорьев, 2011
223	Малые Шады-1	селище	0	бахмутино	0	0	0	частично уничтожено	Григорьев, 2011
224	Чебыковское	селище	1963	бахмутино	8000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1963; Григорьев, 2011
225	Баженово-1	селище	1963	бахмутино	4000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1963; Овсянников, 2010
226	Ярославское	селище	1963	бахмутино	12000	разведка, шурф	4	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1963; Овсянников, 2010
227	Десяткинское	селище	1958	бахмутино	0	разведка, шурф	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
228	Емашевское-1	селище	1963	бахмутино	7200	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1963; Овсянников, 2010
229	Емашевское-2	селище	1963	бахмутино	7500	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1963; Овсянников, 2010
230	Кочкильдинское	селище	1967	бахмутино	350	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Бахшиева, 2009, Григорьев, 2011
231	Сабаевское	селище	1967	бахмутино	1163	разведка ПМ	2	хорошая	Пшеничнюк, 1967; Бахшиева, 2009, Григорьев, 2011
232	Урьядинское	селище	1975	бахмутино	2000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Иванов, 1975; Бахшиева, 2009
233	Байбаковское	селище	1967	бахмутино	7900	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Бахшиева, 2009, Григорьев, 2011
234	Камеевское	селище	1959	бахмутино	3000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Мажитов, 1959; Бахшиева, 2009
235	Камеевское	городище	1959	бахмутино	19200	разведка, шурф	1	хорошая	Мажитов Н.А. 1959 1989. Агеев Б.Б. 2009. Бахшиева И.Р. 2011. Григорьев Н.Н.
236	Бабаевское	селище	1967	бахмутино, эпоха камня	23100	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Бахшиева, 2009, Григорьев, 2011
237	Унурское	селище	1967	бахмутино	125000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Бахшиева, 2009, Григорьев, 2011
238	Ново-Акбулатовское	селище	1967	бахмутино	0	разведка ПМ	0	уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Бахшиева, 2009,
239	Бирск-8	селище	2007	бахмутино	4000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
240	Бирск-7	селище	2007	бахмутино	10000	разведка ПМ	0	хорошая	Савельев и др, 2007
241	Балабановскоеозеро	селище	2007	бахмутино	5500	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
242	Ямурзина-1	селище	2007	бахмутино	800	разведка, шурф	1	хорошая	Савельев и др, 2007
243	Камешник-1	селище	2007	бахмутино	2400	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
244	Камешник-2	селище	2007	бахмутино	400	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
245	Бирск-6	селище	2007	бахмутино	2000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
246	Бирск-5	селище	1958	бахмутино	25000	раскопки	58	хорошая	Шокуров , 1958; Обыденнов, 1978; Агеев, 1989; Савельев и др. 2007
247	Бирское	городище	1959	ананьино, кара-абыз, бахмутино	14100	раскопки	186	частично уничтожено	Мажитов, 1959; Обыденнов, 1978; Агеев, 1989; Савельев и др. 2007
248	Телецентр-5	селище	2009	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Акбулатов, 2009
249	Телецентр-6	селище	2009	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Акбулатов, 2009
250	Телецентр-4	селище	2009	бахмутино	0	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Акбулатов, 2009
251	Телецентр-3	селище	2009	бахмутино	0	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Акбулатов, 2009

Продолжение. Таблица 1

252	Пономаревка-5	селище	2007	бахмутино	2000	разведка, шурф	1	хорошая	Савельев и др, 2007
253	Пономаревка-6	селище	2007	бахмутино	1600	разведка, шурф	0	хорошая	Савельев и др, 2007
254	Пономаревка-4	селище	2007	бахмутино	11500	разведка, шурф	2	хорошая	Савельев и др, 2007
255	Пономаревка-2	селище	2007	бахмутино	17000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
256	Пономаревка-7	городище	1762	бахмутино	2500	разведка ПМ	1	частично уничтожено	Рычков, 1762; Савельев и др, 2007
257	Пономаревка-3	селище	2007	бахмутино	2800	разведка, шурф	4	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
258	Телецентр-1	селище	2007	бахмутино	3000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
259	Телецентр-2	селище	2007	бахмутино	2500	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
260	Юланда-1	селище	2007	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	уничтожено	Савельев и др, 2007
261	Таловка-7	селище	2007	бахмутино	6000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
262	Таловка-6	селище	2007	бахмутино	10000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
263	Таловка-5	селище	2007	бахмутино	6000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
264	Березовый ручей	селище	2007	бахмутино	1200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
265	Таловка-3	селище	2007	бахмутино	6000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
266	Таловка-1	селище	2007	бахмутино	50000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
267	Таловка-4	селище	2007	бахмутино	6000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
268	Таловка-2	селище	2007	бахмутино	5000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
269	Улеевское	селище	1963	бахмутино	15000	разведка, шурф	4	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1963; Овсянников, 2010
270	Силантьевское	селище	1983	бахмутино	10000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Акбулатов, 1983; 2005
271	Михайло-Никольское-5	городище	2007	бахмутино	9000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
272	Михайло-Никольское-2	городище	2007	бахмутино	52000	разведка, шурф	4	уничтожено	Савельев и др, 2007
273	Михайло-Никольск-4	селище	2007	бахмутино	10000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
274	Михайло-Никольское-1	городище	1958	бахмутино	2500	разведка, шурф	2	хорошая	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005; Савельев и др. 2007
275	Михайло-Никольское-3	селище	2007	бахмутино	5000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Савельев и др, 2007
276	Костыревское-3	селище	1983	бахмутино	0	разведка ПМ	0	хорошая	Акбулатов, 1983; 2005
277	Костыревское-1	селище	1983	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Акбулатов, 1983; 2005
278	Камышинское-1	городище	1958	ананьино, пьяноборье, бахмутино	15000	раскопки	132	уничтожено	Шокуров, 1958; Акбулатов, 1983; Овсянников, 2011
279	Камышинское	селище	1983	бахмутино	0	разведка ПМ	0	уничтожено	Акбулатов, 1983
280	Симкинское-2	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005
281	Бекмурзинское	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005
282	Ново-Петровское	городище	1958	бахмутино	23000	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005; Овсянников, 2011; Колонских, 2017
283	Соловьевское	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958; Акбулатов, 2005

Продолжение. Таблица 1

284	Чишминское	селище	1967	бахмутино	9600	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Агеев, 1989; Акбулатов, 2005;
285	Горновское	городище	1955	бахмутино	15000	разведка, шурф	4	хорошая	Шокуров, 1955; Сунгатов, 2010
286	Акудинское	селище	2005	бахмутино	0	разведка ПМ	0	уничтожено	Акбулатов, 2005
287	Айбашевское	городище	2005	кара-абыз, бахмутино	0	разведка, шурф	1	уничтожено	Акбулатов, 2005
288	Айбашевсое	селище	2005	бахмутино	0	разведка ПМ	0	хорошая	Акбулатов, 2005
289	Матвеевское	селище	1957	бахмутино, эпоха бронзы	2000	разведка, шурф	3	хорошая	Шокуров, 1955; Збруева, 1957
290	Япарковское	селище	1955	бахмутино	350	разведка, шурф	1	уничтожено	Шокуров, 1955
291	Кушнаренковское	селище	1955	бахмутино, турбаслы, романовка,	46200	раскопки	118	уничтожено	Шокуров, 1955; Генинг, 1958; Бахшиев, 2013
292	Ахметовское-3	селище	1955	бахмутино	900	разведка ПМ	0	уничтожено	Шокуров, 1955; Бахшиев, 2013
293	Канлинское	селище	1965	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Матвеева, 1965
294	Ахлыстинское	селище	1955	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1955
295	Ахметовское-2	селище	1955	бахмутино, эпоха камня	800	разведка, шурф	12	уничтожено	Шокуров, 1955
296	Кувыковское	городище	1955	бахмутино, турбаслы, романовка, кушнаренково	35000	раскопки	396	частично уничтожено	Шокуров, 1955; Матвеева, 1965
297	Кувыковское-2	селище	1965	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Матвеева, 1965
298	Кувыковское-3	селище	1955	бахмутино	0	разведка, шурф	2	частично уничтожено	Шокуров, 1955
299	Сорвихинское	городище	1959	бахмутино	60000	раскопки	594	частично уничтожено	Мажитов, 1959; Агеев, 1989; Останина, 1990; Овсянников, 2010
300	Богородское	городище	1965	бахмутино	24000	раскопки	144	уничтожено	Матвеева, 1965; Агеев, 1989; Сунгатов, 1992
301	Удельно-Дуваней-1	селище	1958	неолит, бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
302	Удельно-Дуваней-3	селище	2017	бахмутино	6460	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Колонских, 2017
303	Удельно-Дуваней-2	селище	1958	бахмутино, курмантау, кара-	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
304	Ильинское	селище	1992	бахмутино	16800	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Сунгатов, 1992
305	Яболчкинское	селище	1962	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Мажитов, 1962
306	Николаевское	селище	1974	бахмутино	64000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Васюткин, 1974
307	Дмитриевское	селище	1955	бахмутино	10000	разведка, шурф	4	частично уничтожено	Шокуров, 1955; Васюткин, 1974; Сунгатов, 2010
308	Благовещенское-2	селище	1958	бахмутино	0	разведка, шурф	8	частично уничтожено	Шокуров , 1958; Пшеничнюк, 1965
309	Благовещенское	городище	1958	кара-абыз, бахмутино	7800	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1958
310	Благовещенское-1	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	уничтожено	Шокуров, 1958
311	Кара-Абызское	городище	1928	кара-абыз, бахмутино, чиялик	9600	раскопки	81	частично уничтожено	Шмидт, 1928; Шокуров, 1958; Сунгатов, 2010; Проценко, 2015
312	Ново-Турбаслинское-1	селище	1958	бахмутино	0	разведка, шурф	10	частично уничтожено	Мажитов, 1958
313	Ново-Турбаслинское-2	селище	1958	бахмутино, турбаслы, романовка,	11000	раскопки	200	уничтожено	Мажитов, 1958
314	Ново-Турбаслинское-3	селище	1958	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Мажитов, 1958

Продолжение. Таблица 1

315	Ручейное	селище	1985	бахмутино	2500	раскопки	16	хорошая	Гарустович, 1985; Овсянников, 1991
316	Уфа-5	городище	2005	кара-абыз, бахмутино	2150	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Овсянников, 2005
317	Затонское-4	селище	1984	бахмутино, новое время	0	разведка, шурф	24	частично уничтожено	Обыденнов, 1984
318	Романовка-3	селище	1959	бахмутино, романовка, турбаслы, кушнаренково	9000	раскопки	1050	частично уничтожено	Матюшин, 1959; Сальников, 1962; Матвеева, 1965, 1989
319	Михайловское	селище	1959	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шокуров, 1959
320	Уфа-2	городище	1953	бахмутино, имендяшево, романовка, турбаслы, кушнаренково, кара-якупово	25000	раскопки	1500	частично уничтожено	Ищериков, 1953; Мажитов, 1958; Овсянников, 1990
321	Охлебининское-3	городище	1983	бахмутино, гафурийский тип	7000	разведка, шурф	12	хорошая	Пшеничнюк, 1983; Акбулатов, 1989 Овсянников, 2005
322	Имендяшевское	городище	1956	бахмутино, имендяшево, романовка, турбаслы, кушнаренково, кара-якупово	4000	раскопки	1448	хорошая	Юсупов, 1956; Матвеева, 1965; Мажитов, 1989; Овсянников, 2010
323	Уфа-1	городище	1911	кара-абыз, бахмутино, чиялик	10250	раскопки	1400	частично уничтожено	Гольмстен, 1911; Морозов, 1973
324	Дудкинское-2	селище	1959	бахмутино, кара-абыз	7900	разведка, шурф	0	хорошая	Матюшин, 1959; Пшеничнюк, 1962; Рутто, 1974; Щербаков, 2011
325	Юнарское	селище	1959	бахмутино	600	разведка ПМ	0	хорошая	Матюшин, 1959;Рутто, 1974
326	Вотикеево-1	селище	2016	бахмутино	5000	разведка, шурф	2	хорошая	Русланов, 2016; Колонских, 2017
327	Вотикеево-2	городище	2017	бахмутино	10950	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Колонских, 2017
328	Кляшевское	селище	1928	бахмутино, турбаслы	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Шмидт, 1928
329	Ахметовское	селище	1965	бахмутино	16000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1965; Сунгатов, 2010
330	Турушлинское-1	селище	1988	бахмутино	600	разведка, шурф	0	уничтожено	Останина, 1988
331	Арамелевское	селище	1988	бахмутино	1500	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Останина, 1988
332	Старогилевское-1	селище	1988	бахмутино	2000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Останина, 1988
333	Старогилевское-2	селище	1988	бахмутино	3600	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Останина, 1988
334	Садовское-1	селище	1988	бахмутино	8000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Останина, 1988
335	Садовское-2	селище	1988	бахмутино	9000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Останина, 1988
336	Садовское-3	селище	1988	бахмутино	1200	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Останина, 1988
337	Трошкинское	селище	1988	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Останина, 1988
338	Орловское-2	селище	1965	бахмутино	24600	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1965; Останина, 1988; Сунгатов, 2010
339	Трудениковское	селище	1965	бахмутино	5400	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1965
340	Орловское-1	селище	1965	бахмутино	6400	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1965; Сунгатов, 2010
341	Орловское	селище	1965	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1965
342	Орловское-3	селище	1989	бахмутино	5000	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Василев, 1969
343	Каменная поляна	селище	2016	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Карпачева, 2016
344	Варьязское	селище	1928	бахмутино	0	разведка ПМ	0	хорошая	Шмидт , 1928; Иванов, 1974

Продолжение. Таблица 1

345	Варьязское	городище	1974	бахмутино	11500	раскопки	96	частично уничтожено	Иванов, 1974; Сунгатов, 2010
346	Ахлыстинское	селище	1969	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Василев, 1969
347	Дмитриевское	селище	1965	бахмутино	14400	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1965
348	Анненское	селище	1969	бахмутино	4500	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Васильев, 1969; Сунгатов, 1992, 2010
349	Казанковское	селище	1965	бахмутино	4000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1965; Сунгатов, 2010
350	Уса-Степановское	селище	1965	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1965
351	Бажинское	городище	1969	бахмутино, чиялик	10000	раскопки	500	хорошая	Васильев, 1969;Сунгатов, 1998
352	Ново-Бирючевское	селище	1969	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Василев, 1969
353	Стро-Бирючевское-1	селище	1969	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Василев, 1969
354	Старо-Бирючевское-2	селище	1969	бахмутино	0	разведка ПМ	0	частично уничтожено	Василев, 1969
355	Эманнинское-1	селище	1969	бахмутино	15000	разведка ПМ	0	хорошая	Васильев, 1969; Сунгатов, 1992, 2010
356	Эманнинское-2	селище	1969	бахмутино	6500	разведка ПМ	0	хорошая	Васильев, 1969; Сунгатов, 1992, 2010
357	Чандарское	городище	1928	бахмутино	1500	разведка ПМ	0	хорошая	Шмидт, 1928; Останина, 1989; Сунгатов, 1992, 2010
358	Чандарское	селище	1928	бахмутино	8000	раскопки	53	уничтожено	Шмидт, 1928; Останина, 1989
359	Барандайка	селище	1951	бахмутино	0	разведка ПМ	0	уничтожено	Гвоздовер, 1951
360	Вестар	селище	2000	бахмутино	0	раскопки	30	частично уничтожено	Савельев, 2000
361	Усть-Юрюзанское	селище	1951	бахмутино, ананьино	850	раскопки	0	хорошая	Гвоздовер, 1951
362	Айдос	селище	1951	бахмутино, ананьино, неолит	0	разведка, шурф	0	хорошая	Гвоздовер, 1951
363	Байкинское	городище	0	бахмутино	2500	разведка ПМ	0	уничтожено	Гвоздовер, 1951
364	Якуповское-1	селище	1967	бахмутино	13000	разведка, шурф	1	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
365	Якуповское-2	селище	1967	бахмутино	18750	разведка, шурф	0	частично уничтожено	Пшеничнюк, 1967; Щербаков, 2011
366	Старокабановский	могильник	1967		0	раскопки	1128	хорошая	Васюткин, 1967, 1968, 1969, 1971
367	Старая-Мушта	могильник	1982		0	раскопки	2000	хорошая	Гарустович, 1982, 1988, 1989, 1990
368	Ангасякский	могильник	1963		0	раскопки	1000	частично уничтожено	Мажитов, 1963, 1969; Васюткин, 1970; Тагиров, 1991
369	Югамашевский	могильник	1967		0	раскопки	646	частично уничтожено	Мажитов, 1967, 1968. Васюткин, 1969, 1970
370	Мало-Качаковский	могильник	1967		0	раскопки	174	частично уничтожено	Мажитов, 1967; Васюткин, 1970
371	Кара-Тамакский	могильник	1959		0	раскопки	0	частично уничтожено	Мажитов, 1959; Васюткин, 1966
372	Бирский	могильник	1959		0	раскопки	0	хорошая	Мажитов, 1959-1962, 1978, 1990, 1991,
373	Бахмутинский	могильник	1911		0	раскопки	0	хорошая	Гольмстен, 1911 Шмидт, 1928; Мажитов, 1960, Сунгатов, 2010

Таблица 2

Культурная принадлежность укрепленных поселений

Эпоха	**Количество**	**%**
бахмутино	51	67%
ржв+бахмутино	18	24%
бахмутино+ВПН	4	5%
ржв+бахмутино+Средневековье	2	3%
бахмутино+средневековье	1	1%
Общий итог	**76**	100%

Таблица 3

Показатели площади укрепленных поселений

Интервалы (кв.м)	**Количество**	**%**
1500-4000	11	15%
4500-7500	17	23%
7640-11500	18	24%
11960-20000	11	15%
20100-29000	10	14%
29725-60000	7	9%
Всего	**74**	100%

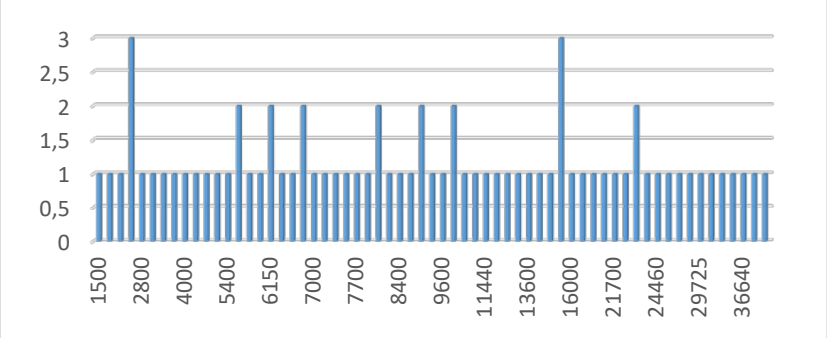

Таблица 4

Специфика расположения укрепленных поселений

Специфика расположения	**Количество**	**%**
долина	56	74%
в глубине террасы	20	26%
Общий итог	**76**	100%

Таблица 5

Естественные ограничители площадок укрепленных поселений

Ограничители	**Количество**	**%**
овраг+овраг	27	36%
река+овраг	23	30%
гора	9	12%
река+водоток	5	7%
река+река	3	4%
останец	3	4%
поворот реки	3	4%
терраса	2	3%
водоток+водоток	1	1%
Общий итог	**76**	100%

Таблица 6

Топографические условия площадок укрепленных поселений

Характер площадки	**Количество**	%
мыс-терраса	35	46%
мыс-отрог	19	25%
возвышенность	13	17%
водораздел	5	7%
терраса	4	5%
Общий итог	**76**	100%

Таблица 7

Форма площадок укрепленных поселений

Форма площадки	**Количество**	**%**
языковидная	36	47%
подтреугольная	18	24%
округлая	9	12%
подпрямоугольная	7	9%
овальная	6	8%
Общий итог	**76**	100%

Таблица 8

Высота площадок укрепленных поселений

Интервал (метры)	Количество	%	Категория
8-43	36	47%	низкие
44-64	24	32%	средние
65-147	16	21%	высокие
Всего	76	100%	

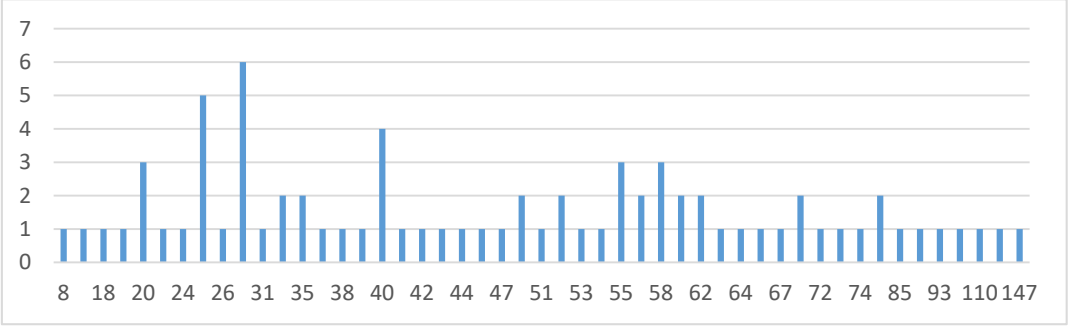

Таблица 9

Количество укрепленных линий

Количество укрепленных линий	Количество	%
1	40	60%
2	20	30%
3	3	4%
4	2	3%
6	1	1%
нет	1	1%
Общий итог	**67**	100%

Таблица 10

Соотношение количества линий укреплений и культурной принадлежности

Культурная принадлежность	К-во	% по	% общий
1 линия укреплений	40	100,0%	59,7%
бахмутино	31	77,5%	46,3%
ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	2	5,0%	3,0%
кара-абыз, бахмутино	2	5,0%	3,0%
бахмутино, кушнаренково	1	2,5%	1,5%
кара-абыз, бахмутино, чиялик	1	2,5%	1,5%
ржв, бахмутино	1	2,5%	1,5%
ананьино, бахмутино	1	2,5%	1,5%
бахмутино, гафурийский тип	1	2,5%	1,5%
2 линии укреплений	20	100,0%	29,9%
бахмутино	9	45,0%	13,4%
ананьино, пьяноборье, бахмутино	4	20,0%	6,0%
ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	2	10,0%	3,0%
бахмутино, чиялик	1	5,0%	1,5%

Продолжение. Таблица / .

кара-абыз, бахмутино, чиялик	1	5,0%	1,5%
пьяноборье, бахмутино	1	5,0%	1,5%
бахмутино, турбаслы, романовка, кушнаренково	1	5,0%	1,5%
бахмутино, имендяшево, романовка, туррбаслы, кушнаренково, кара-якупово	1	5,0%	1,5%
3 линии укреплений	3	100,0%	4,5%
бахмутино	2	66,7%	3,0%
ананьино, пьяноборье, бахмутино	1	33,3%	1,5%
4 линии укреплений	2	100,0%	3,0%
ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	1	50,0%	1,5%
ананьино, кара-абыз, бахмутино	1	50,0%	1,5%
нет	1	100,0%	1,5%
бахмутино	1	100,0%	1,5%
6 линийукреплений	1	100,0%	1,5%
ананьино, пьяноборье, мазунино, бахмутино	1	100,0%	1,5%
Общий итог	**67**	100,0%	100,0%

Таблица 11

Типы конструкций основной линии укреплений

Укрепления	**Количество**	**%**
ров+вал	44	65%
вал-эскарп	12	18%
ров+вал, вал-эскарп	8	12%
кольцевая	3	4%
без укреплений	1	1%
Общий итог	**68**	100%

Таблица 12

Типы конструкций дополнительных линий укреплений

Дополнительные укрепления	**Количество**	**%**
нет	40	58%
эскарп	21	30%
вал	5	7%
вал+эскарп	3	4%
Общий итог	**69**	100%

Таблица 13

Классификация неукрепленных поселений по площади

Группа	Площадь (кв.м)	Количество	%
очень малые	200-4199	74	33,6%
малые	4200-8199	50	22,7%
средние	8200-12199	35	15,9%
большие	12200-16199	22	10,0%
очень большие	16200-20199	21	9,5%
сверхбольшие	20200-150000	18	8,2%
	Всего	**220**	100,0%

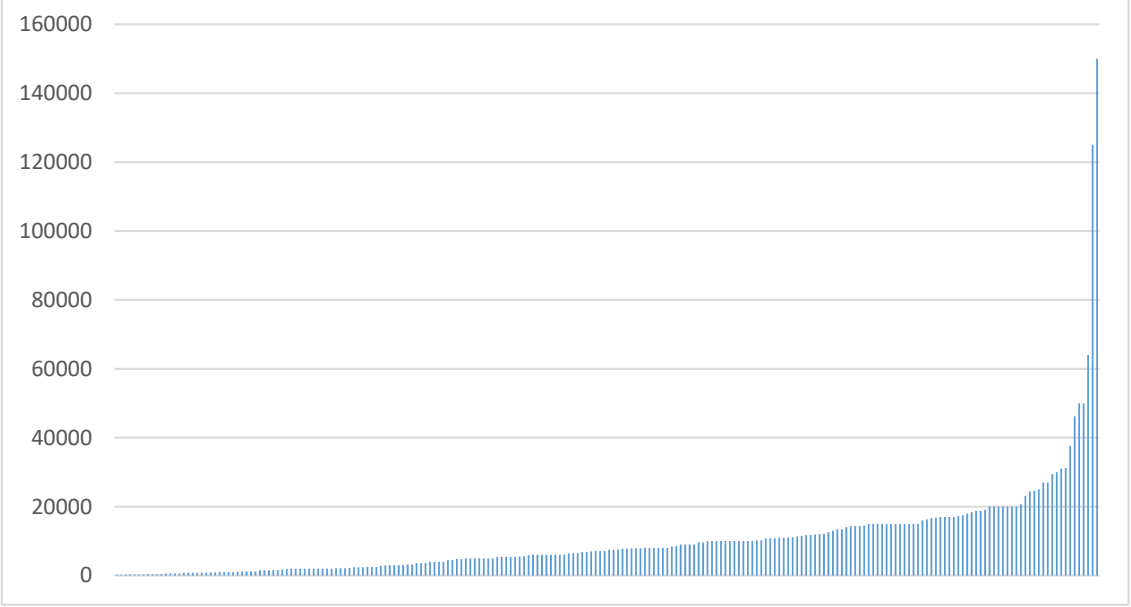

Таблица 14

Типы площадок неукрепленных поселений

Тип площадки	Количество	%
низкая (первая) надпойменная	157	54,3%
высокая (вторая-третья) надпойменная	105	36,3%
пойма	18	6,2%
коренная терраса	9	3,1%
Общий итог	**289**	100,0%

Таблица 15

Ограничители площадок неукрепленных поселений

Тип ограничителей	**Количество**	**%**
водоток+овраг	58	20,1%
овраг+овраг	55	19,0%
водоток+водоток	52	18,0%
нет	37	12,8%
терраса водотока	27	9,3%
старица	24	8,3%
возвышенность	21	7,3%
поворот реки	13	4,5%
карст	2	0,7%
Общий итог	**289**	100,0%

Таблица 16

Памятники Бирского микрорайона

№[1]	Наименование памятника	Тип памятника	Характер исследования	Культурная принадлежность	Источник информации	Площадь
225	Баженовское (Баженово-1)	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Пшенечнюк 1963; Акбулатов 2005; Овсянников, Каюмов 2011; АКБ № 648)	2500
269	Улеевское	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Пшеничнюк 1963; Акбулатов 2005; Овсянников, Каюмов 2011; АКБ № 647)	15000
218	Самосадовское-1	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Акбулатов 2005)	1750
219	Самосадовское-2	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Акбулатов 2005)	4600
217	Ново-Кульчебаевское	Городище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Шокуров 1958; Акбулатов 2005)	21600
270	Нижнеланчентауское	Городище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Акбулатов 2005)	0
210	Ново-Ляпустинское	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Шокуров 1957, 1970; АКБ № 287)	2000
211	Ново-Уртаевское	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Шокуров 1958, 1970; АКБ № 288)	2500
212	Вознесенское	Городище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Шокуров 1958, 1970; АКБ № 289)	12800
213	Кусекеевское	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Шокуров 1958, 1970; АКБ № 294)	3500
215	Поповское	Городище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Шокуров 1958, 1970; Акбулатов 2005; АКБ № 291)	9600
214	Поповское	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Шокуров 1958, 1970; Акбулатов 2005; АКБ № 293)	2000
216	Шамсутдин-1	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	15000
226	Ярославское (Ярославка-1)	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	Пшенечнюк 1963; Овсянников, Каюмов, 2011; АКБ № 650)	12000
240	Бирск-7	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	10000
239	Бирск-8	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	4000
241	Балабановское озеро-1	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	5500
242	Ямурзина-1	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	800
243	Камешник-1	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура, XIX в.	(Савельев и др. 2007)	2400
244	Камешник-2	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура, XVIII-XIX в.	(Савельев и др. 2007)	400
245	Бирск-6	Селище	Разведка (пм)	Мазунинский тип	(Савельев и др. 2007)	2000
372	Бирский II	Могильник	Раскопки	Бахмутинская, турбаслинская, кушнаренковская культуры	(Мажитов 1959, 1960, 1962, 1968, 1971, 1978, 1981, 1982, 1983, 1984, 1985, 1987, 1990, 1991; Савельев 2007; Овсянников, Каюмов 2011 АКБ № 670; АПБ № 42)	157000
247	Бирское (Чертово)	Городище	Раскопки	Межовская, ананьинская, кара-абызская, бахмутинская культуры	Рычков 1762; Рычков 1770; Игнатьев 1871; Спицын 1898; Вахрушев 1926; Мажитов, 1959, 1960, 1962, 1968; Пшенечнюк 1976; Обыденнов; Агеев 1988; Савельев 2007; Овсянников, Каюмов, 2011. АКБ № 665; АПБ № 43.	14100
246	Бирское (Бирск-5)	Селище	Раскопки	Межовская, ананьинская, бахмутинская, кара-якуповская культуры	(Шокуров 1958; Обыденнов, 1978; Савельев 2007; АКБ № 673)	25000

[1] Порядковые номера соответствуют номерам объектов из общей базы данных исследования

Продолжение. Таблица 16

274	Михайло-Никольское (Михайло-Никольск-1)	Городище	Разведка (шурф)	Ананьинская, бахмутинская культуры	(Шокуров 1958; Акбулатов 2005; Савельев 2007; АКБ № 676)	2500
272	Михайло-Никольск-2,	Городище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	52000
275	Михайло-Никольск-3,	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	5000
273	Михайло-Никольск-4,	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	10000
271	Михайло-Никольск-5,	Городище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	1700
255	Пономаревка-2	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	17000
257	Пономаревка-3	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	2800
254	Пономаревка-4	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	11500
252	Пономаревка-5	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	2000
253	Пономаревка-6	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	1600
256	Пономаревка-7	Городище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	2500
258	Телецентр-1	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	3000
259	Телецентр-2	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	2700
260	Юланда-1	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	15000
266	Таловка-1	Селище	Разведка (шурф)	Мазунинская, Бахмутинская культуры	(Савельев и др. 2007)	50000
268	Таловка-2	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	5000
265	Таловка-3	Селище	Разведка (шурф)	Эпоха камня, бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	6000
267	Таловка-4	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	7000
263	Таловка-5	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	6000
262	Таловка-6	Селище	Разведка (пм)	Эпоха камня, бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	10000
261	Таловка-7	Селище	Разведка (шурф)	Бахмутинская клтура	(Савельев и др. 2007)	6000
264	Березовый ручей	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Савельев и др. 2007)	1200
278	Костаревское	Городище	Разведка (пм)	Пьяноборская, бахмутинская культуры	(Спицын, 1916; Овсянников, Каюмов, 2011)	14300
277	Костаревское-1	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Акбулатов 2005; ПАБ №135)	4750
279	Костаревское-2	Селище	Разведка (пм)	Пьяноборская, бахмутинская культуры	(Акбулатов, 2005; ПАБ №136)	800
276	Костаревское-3	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Акбулатов 2005; ПАБ №137)	8000
218	Силантьевское-1	Селище	Разведка (пм)	Бахмутинская культура	(Акбулатов 1983; ПАБ №140)	10000
278	Камышинское I	Городище	Раскопки	Ананьинская, кара-абызская, бахмутинская культуры	Шокуров 1958, Агеев 1980, 1989; Акбулатов 2005; Овсянников, Каюмов 2011; АКБ № 682.	49300

Таблица 17

Типология и ранги поселенческих памятников Бирского микрорайона

Наименование памятника	Площадь (кв.м)	Модель"ранг-размер"	Ранг	Тип
Михайло-Никольск-2	52000	52000	1	
Таловка-1	50000	26000	2	**Тип 1**
Камышинское I	49300	17333	3	
Бирское (Бирск-5)	25000	13000	4	
Ново-Кульчебаевское	21600	10400	5	
Пономаревка-2	17000	8667	6	
Улеевское селище	15000	7429	7	
Шамсутдин-1	15000	6500	8	**Тип 2**
Юланда-1	15000	5778	9	
Костаревское	14300	5200	10	
Бирское (Чертово)	14100	4727	11	
Вознесенское	12800	4333	12	
Ярославское (Ярославка-1)	12000	4000	13	**Тип 3**
Пономаревка-4	11500	3714	14	
Бирск-7	10000	3467	15	
Михайло-Никольск-4	10000	3250	16	
Таловка-6	10000	3059	17	
Силантьевское-1	10000	2889	18	
Поповское	9600	2737	19	
Костаревское-3	8000	2600	20	
Таловка-4	7000	2476	21	
Таловка-3	6000	2364	22	**Тип 4**
Таловка-5	6000	2261	23	
Таловка-7	6000	2167	24	
Балабановское озеро-1	5500	2080	25	
Михайло-Никольск-3	5000	2000	26	
Таловка-2	5000	1926	27	
Костаревское-1	4750	1857	28	
Самосадовское-2	4600	1793	29	
Бирск-8	4000	1733	30	
Кусекеевское	3500	1677	31	
Телецентр-1	3000	1625	32	
Пономаревка-3	2800	1576	33	
Телецентр-2	2700	1529	34	**Тип 5**
Баженовское (Баженово-1)	2500	1486	35	
Ново-Уртаевское	2500	1444	36	
Михайло-Никольское	2500	1405	37	
Пономаревка-7	2500	1368	38	
Камешник-1	2400	1333	39	
Ново-Ляпустинское	2000	1300	40	
Поповское	2000	1268	41	
Бирск-6	2000	1238	42	
Пономаревка-5	2000	1209	43	**Тип 6**
Самосадовское-1	1750	1182	44	
Михайло-Никольск-5	1700	1156	45	
Пономаревка-6	1600	1130	46	
Березовый ручей	1200	1106	47	
Ямурзина-1	800	1083	48	**Тип 7**
Костаревское-2	800	1061	49	
Камешник-2	400	1040	50	**Тип 8**

Таблица 18

График полученного и теоретического распределения поселений Бирского микрорайона

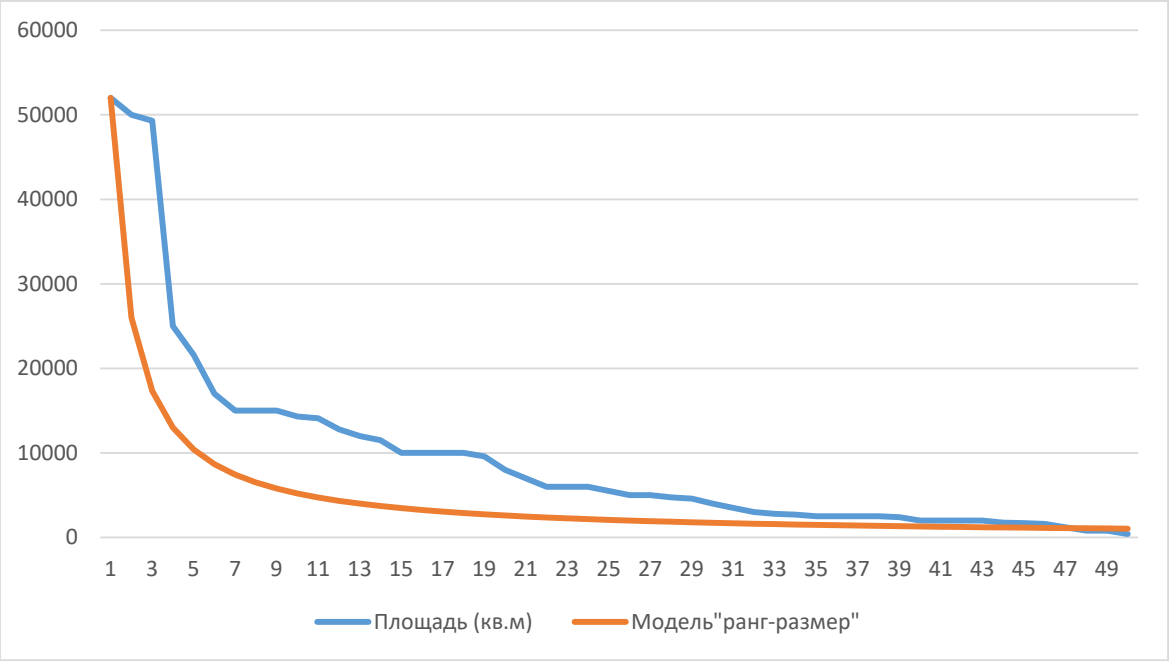

Таблица 19

Матрица расстояний памятников Бирского микрорайона

ID	Novo-Ly	Novo-Ur	Voznese	Kusekee	Popovsk	SHamsut	Novokul	Samosad	Samosad	Bazheno	YAroslav	Birsk-8	Birsk-7	Balaband	YAmurz	Kameshn	Kameshn	Birsk-6	Birsk-5	Birskoe	Telecent	Telecent	Telecent	Telecent	Ponomar	Ponomar
Novo-Ly	0	2167	5761	9732	11243	14739	15280	14883	22669	24177	23585	24316	20626	20226	21995	22700	18556	18666	18785	19018	18736	20054	20188	19721	19875	19634
Novo-Ur	2167	0	3631	7598	9403	13099	13338	13768	21347	22765	21957	22517	18823	18401	20088	20663	16540	16668	16717	16920	16633	17949	18079	17598	17748	17505
Voznese	5761	3631	0	3971	6184	10140	9876	11740	18776	20030	18893	19201	15521	15070	16638	17071	12972	13120	13105	13292	13005	14319	14449	13968	14119	13877
Kusekee	9732	7598	3971	0	3942	7843	6470	10826	16665	17642	16014	15888	12294	11797	13106	13234	9220	9415	9228	9357	9063	10372	10496	10002	10150	9907
Popovsk	11243	9403	6184	3942	0	4055	4159	6969	12869	13979	12710	13115	9421	9000	10764	11781	7630	7654	8176	8683	8474	9741	9916	9663	9885	9688
Popovsk	14739	13099	10140	7843	4055	0	3571	4486	8834	9928	8860	9751	6163	5883	8035	9991	6380	6178	7436	8255	8184	9155	9357	9405	9667	9552
SHamsut	15280	13338	9876	6470	4159	3571	0	8049	11104	11715	9682	9424	5830	5328	6762	7631	3509	3501	4244	4932	4802	5930	6123	6041	6294	6148
Novokul	14883	13768	11740	10826	6969	4486	8049	0	7962	9669	10121	12097	9139	9087	11377	13892	10698	10440	11831	12683	12633	13536	13739	13839	14103	14001
Samosad	22669	21347	18776	16665	12869	8834	11104	7962	0	1910	4396	7439	7147	7574	9016	12210	11388	10974	12624	13530	13672	13873	14044	14517	14755	14791
Samosad	24177	22765	20030	17642	13979	9928	11715	9669	1910	0	3303	6292	6944	7446	8439	11571	11419	10999	12593	13460	13641	13660	13814	14355	14576	14644
Bazheno	23585	21957	18893	16014	12710	8860	9682	10121	4396	3303	0	3056	4147	4692	5229	8303	8641	8229	9721	10533	10747	10609	10749	11337	11541	11634
YAroslav	24316	22517	19201	15888	13115	9751	9424	12097	7439	6292	3056	0	3694	4131	3198	5735	7326	6969	8141	8797	9066	8606	8707	9376	9537	9679
Birsk-8	20626	18823	15521	12294	9421	6163	5830	9139	7147	6944	4147	3694	0	548	2309	5320	4519	4102	5656	6516	6701	6753	6917	7427	7655	7712
Birsk-7	20226	18401	15070	11797	9000	5883	5328	9087	7574	7446	4692	4131	548	0	2291	5101	3990	3572	5148	6020	6195	6301	6470	6958	7190	7238
Balaband	21995	20088	16638	13106	10764	8035	6762	11377	9016	8439	5229	3198	2309	2291	0	3195	4187	3861	4943	5607	5871	5488	5607	6246	6425	6549
YAmurz	22700	20663	17071	13234	11781	9991	7631	13892	12210	11571	8303	5735	5320	5101	3195	0	4166	4130	4027	4161	4483	3472	3486	4209	4280	4488
Kameshn	18556	16540	12972	9220	7630	6380	3509	10698	11388	11419	8641	7326	4519	3990	4187	4166	0	420	1269	2199	2296	2865	3067	3306	3567	3536
Kameshn	18666	16668	13120	9415	7654	6178	3501	10440	10974	10999	8229	6969	4102	3572	3861	4130	420	0	1664	2590	2702	3188	3387	3674	3933	3914
Birsk-6	18785	16717	13105	9228	8176	7436	4244	11831	12624	12593	9721	8141	5656	5148	4943	4027	1269	1664	0	930	1050	1720	1921	2054	2319	2272
Birsk-5	19018	16920	13292	9357	8683	8255	4932	12683	13530	13460	10533	8797	6516	6020	5607	4161	2199	2590	930	0	322	1064	1233	1156	1421	1350
Birskoe	18736	16633	13005	9063	8474	8184	4802	12633	13672	13641	10747	9066	6701	6195	5871	4483	2296	2702	1050	322	0	1320	1469	1239	1493	1368
Telecent	20054	17949	14319	10372	9741	9155	5930	13536	13873	13660	10609	8606	6753	6301	5488	3472	2865	3188	1720	1064	1320	0	203	776	938	1077
Telecent	20188	18079	14449	10496	9916	9357	6123	13739	14044	13814	10749	8707	6917	6470	5607	3486	3067	3387	1921	1233	1469	203	0	723	833	1010
Telecent	19721	17598	13968	10002	9663	9405	6041	13839	14517	14355	11337	9376	7427	6958	6246	4209	3306	3674	2054	1156	1239	776	723	0	266	303
Telecent	19875	17748	14119	10150	9885	9667	6294	14103	14755	14576	11541	9537	7655	7190	6425	4280	3567	3933	2319	1421	1493	938	833	266	0	253
Ponomar	19634	17505	13877	9907	9688	9552	6148	14001	14791	14644	11634	9679	7712	7238	6549	4488	3536	3914	2272	1350	1368	1077	1010	303	253	0
Ponomar	19397	17252	13637	9668	9785	9978	6487	14453	15541	15434	12448	10513	8494	8010	7380	5276	4206	4603	2940	2016	1924	1910	1830	1137	1002	834
Ponomar	20107	17962	14347	10379	10450	10491	7048	14950	15714	15521	12467	10389	8608	8147	7317	4959	4505	4879	3244	2322	2322	1862	1718	1209	960	973
Ponomar	20362	18213	14603	10639	10773	10833	7389	15290	15994	15776	12700	10571	8876	8423	7528	5066	4825	5194	3568	2651	2661	2123	1962	1520	1262	1303
Ponomar	20631	18477	14877	10921	11157	11270	7817	15729	16401	16160	13065	10884	9274	8828	7875	5312	5262	5628	4007	3092	3102	2528	2358	1956	1696	1744
Ponomar	20190	18036	14437	10482	10770	10985	7503	15456	16329	16139	13081	10980	9226	8764	7923	5490	5092	5473	3826	2898	2865	2480	2332	1816	1574	1559
Telecent	21085	18945	15324	11353	11231	10965	7634	15376	15611	15294	12156	9894	8466	8046	6939	4277	4731	5056	3545	2716	2833	1868	1669	1596	1354	1543
Telecent	21018	18856	15281	11352	11817	12079	8598	16547	17248	16985	13869	11624	10115	9674	8661	5979	6120	6487	4862	3943	3937	3380	3205	2814	2555	2593
YUlanda	21616	19452	15888	11971	12482	12718	9250	17181	17722	17405	14254	11919	10578	10153	9029	6215	6694	7051	5449	4541	4555	3897	3711	3394	3130	3195
Talovka-	20543	18377	14831	10940	11675	12220	8686	16704	17760	17566	14493	12331	10656	10195	9314	6738	6493	6882	5224	4294	4228	3907	3753	3244	3005	2977
Talovka-	20287	18121	14577	10690	11462	12069	8525	16554	17720	17554	14502	12381	10633	10165	9340	6826	6418	6812	5150	4222	4137	3898	3753	3207	2979	2929
Talovka-	20016	17850	14306	10419	11214	11873	8322	16359	17631	17493	14462	12386	10562	10087	9321	6875	6298	6698	5034	4111	4008	3853	3718	3137	2922	2850
Berezovy	19802	17637	14095	10212	11045	11761	8203	16246	17614	17499	14487	12447	10563	10082	9365	6972	6261	6664	5001	4085	3966	3883	3758	3151	2947	2857
Talovka-	19464	17299	13750	9860	10680	11432	7870	15916	17392	17310	14326	12345	10368	9880	9237	6940	6019	6427	4769	3865	3724	3749	3639	2995	2812	2695
Talovka-	19316	17149	13629	9779	10802	11730	8159	16208	17858	17803	14837	12879	10860	10366	9763	7480	6473	6885	5236	4346	4186	4278	4172	3518	3343	3216
Talovka-	19502	17336	13815	9964	10965	11852	8284	16333	17908	17834	14851	12861	10891	10402	9759	7428	6529	6939	5284	4384	4237	4271	4157	3519	3333	3220
Talovka-	19400	17234	13761	9981	11248	12354	8783	16822	18600	18555	15590	13618	11611	11116	10510	8180	7213	7627	5982	5096	4932	5023	4912	4267	4086	3965
Uleevsko	21869	20670	18311	16525	12632	8709	11409	7001	1673	3527	5966	8965	8202	8566	10244	13428	12169	11766	13430	14353	14464	14797	14977	15396	15643	15656
Silant'ev	22217	20074	16772	13212	14857	16020	12449	20495	21873	21653	18542	16241	14761	14306	13329	10530	10583	10979	9316	8389	8297	8008	7846	7357	7118	7089
Mihajlo-	18156	16003	12401	8445	8902	9588	6021	14070	15858	15907	13054	11354	8982	8466	8167	6409	4492	4912	3334	2561	2315	2939	2928	2210	2192	1954
Mihajlo-	17977	15819	12234	8300	8990	9881	6310	14354	16319	16393	13557	11871	9476	8956	8684	6905	4974	5393	3836	3077	2826	3441	3420	2698	2658	2429
Mihajlo-	17848	15686	12118	8208	9071	10109	6542	14572	16665	16757	13935	12260	9847	9325	9072	7281	5338	5758	4215	3465	3211	3821	3795	3072	3021	2798
Mihajlo-	17551	15385	11853	7997	9170	10472	6925	14906	17250	17381	14590	12950	10488	9961	9759	7975	5971	6389	4879	4153	3892	4519	4490	3767	3707	3489
Mihajlo-	17842	15675	12165	8342	9608	10926	7376	15362	17645	17749	14927	13225	10840	10318	10043	8144	6331	6751	5206	4440	4195	4719	4671	3951	3863	3661
Kostyrev	17269	15103	11649	7924	9558	11208	7711	15590	18242	18416	15657	14041	11543	11013	10850	9038	7025	7441	5958	5245	4981	5595	5558	4835	4760	4551
Kostyrev	16909	14780	11587	8318	10793	13040	9686	17277	20491	20742	18040	16465	13912	13376	13272	11412	9400	9813	8369	7668	7402	7995	7947	7228	7134	6937
Kamyshi	17556	15632	13188	11021	14350	17219	14089	21198	25082	25416	22768	21202	18632	18092	18012	16043	14129	14539	13112	12405	12143	12683	12620	11909	11794	11612
Birskij	19068	16993	13377	9484	8500	7764	4581	12150	12810	12735	9818	8141	5792	5295	4944	3810	1527	1897	337	725	935	1391	1593	1779	2040	2018
Сумма	974328	871940	705540	540620	523093	518493	401400	704669	761034	765976	641133	580795	474141	455666	452864	410291	338743	348893	312686	299093	297445	305788	306479	294840	295714	292778

Продолжение. Таблица 19

Ponoman	Ponoman	Ponoman	Ponoman	Telecent	Telecent	YUlanda	Talovka-	Talovka-	Talovka-	Berezovy	Talovka-	Talovka-	Talovka-	Talovka-	Uleevsk	Silant'ev	Mihajlo-	Mihajlo-	Mihajlo-	Mihajlo-	Mihajlo-	Kostyrev	Kostyrev	Kamyshi	Birskij	Сумма
19397	20107	20362	20631	20190	21085	21018	21616	20543	20287	20016	19802	19464	19316	19502	19400	21869	22217	18156	17977	17848	17551	17842	17269	16909	17556	955260
17252	17962	18213	18477	18036	18945	18856	19452	18377	18121	17850	17637	17299	17149	17336	17234	20670	20074	16003	15819	15686	15385	15675	15103	14780	15632	854946
13637	14347	14603	14877	14437	15324	15281	15888	14831	14577	14306	14095	13750	13629	13815	13761	18311	16772	12401	12234	12118	11853	12165	11649	11587	13188	692163
9668	10379	10639	10921	10482	11353	11352	11971	10940	10690	10419	10212	9860	9779	9964	9981	16525	13212	8445	8300	8208	7997	8342	7924	8318	11021	531136
9785	10450	10773	11157	10770	11231	11817	12482	11675	11462	11214	11045	10680	10802	10965	11248	12632	14857	8902	8990	9071	9170	9608	9558	10793	14350	514593
9978	10491	10833	11270	10985	10965	12079	12718	12220	12069	11873	11761	11432	11730	11852	12354	8709	16020	9588	9881	10109	10472	10926	11208	13040	17219	510729
6487	7048	7389	7817	7503	7634	8598	9250	8686	8525	8322	8203	7870	8159	8284	8783	11409	12449	6021	6310	6542	6925	7376	7711	9686	14089	396819
14453	14950	15290	15729	15456	15376	16547	17181	16704	16554	16359	16246	15916	16208	16333	16822	7001	20495	14070	14354	14572	14906	15362	15590	17277	21198	692519
15541	15714	15994	16401	16329	15611	17248	17722	17760	17720	17631	17614	17392	17858	17908	18600	1673	21873	15858	16319	16665	17250	17645	18242	20491	25082	748224
15434	15521	15776	16160	16139	15294	16985	17405	17566	17554	17493	17499	17310	17803	17834	18555	3527	21653	15907	16393	16757	17381	17749	18416	20742	25416	753241
12448	12467	12700	13065	13081	12156	13869	14254	14493	14502	14462	14487	14326	14837	14851	15590	5966	18542	13054	13557	13935	14590	14927	15657	18040	22768	631315
10513	10389	10571	10884	10980	9894	11624	11919	12331	12381	12386	12447	12345	12879	12861	13618	8965	16241	11354	11871	12260	12950	13225	14041	16465	21202	572654
8494	8608	8876	9274	9226	8466	10115	10578	10656	10633	10562	10563	10368	10860	10891	11611	8202	14761	8982	9476	9847	10488	10840	11543	13912	18632	468349
8010	8147	8423	8828	8764	8046	9674	10153	10195	10165	10087	10082	9880	10366	10402	11116	8566	14306	8466	8956	9325	9961	10318	11013	13376	18092	450371
7380	7317	7528	7875	7923	6939	8661	9029	9314	9340	9321	9365	9237	9763	9759	10510	10244	13329	8167	8684	9072	9759	10043	10850	13272	18012	447920
5276	4959	5066	5312	5490	4277	5979	6215	6738	6826	6875	6972	6940	7480	7428	8180	13428	10530	6409	6905	7281	7975	8144	9038	11412	16043	406481
4206	4505	4825	5262	5092	4731	6120	6694	6493	6418	6298	6261	6019	6473	6529	7213	12169	10583	4492	4974	5338	5971	6331	7025	9400	14129	337215
4603	4879	5194	5628	5473	5056	6487	7051	6882	6812	6698	6664	6427	6885	6939	7627	11766	10979	4912	5393	5758	6389	6751	7441	9813	14539	346996
2940	3244	3568	4007	3826	3545	4862	5449	5224	5150	5034	5001	4769	5236	5284	5982	13430	9316	3334	3836	4215	4879	5206	5958	8369	13112	312349
2016	2322	2651	3092	2898	2716	3943	4541	4294	4222	4111	4085	3865	4346	4384	5096	14353	8389	2561	3077	3465	4153	4440	5245	7668	12405	298369
1924	2322	2661	3102	2865	2833	3937	4555	4228	4137	4008	3966	3724	4186	4237	4932	14464	8297	2315	2826	3211	3892	4195	4981	7402	12143	296509
1910	1862	2123	2528	2480	1868	3380	3897	3907	3898	3853	3883	3749	4278	4271	5023	14797	8008	2939	3441	3821	4519	4719	5595	7995	12683	304397
1830	1718	1962	2358	2332	1669	3205	3711	3753	3753	3718	3758	3639	4172	4157	4912	14977	7846	2928	3420	3795	4490	4671	5558	7947	12620	304886
1137	1209	1520	1956	1816	1596	2814	3394	3244	3207	3137	3151	2995	3518	3519	4267	15396	7357	2210	2698	3072	3767	3951	4835	7228	11909	293061
1002	960	1262	1696	1574	1354	2555	3130	3005	2979	2922	2947	2812	3343	3333	4086	15643	7118	2192	2658	3021	3707	3863	4760	7134	11794	293673
834	973	1303	1744	1559	1543	2593	3195	2977	2929	2850	2857	2695	3216	3220	3965	15656	7089	1954	2429	2798	3489	3661	4551	6937	11612	290760
0	711	999	1373	1017	1715	2111	2767	2306	2214	2095	2073	1880	2391	2405	3143	16369	6377	1338	1737	2074	2742	2871	3775	6135	10792	289569
711	0	342	780	618	1038	1621	2233	2049	2036	2004	2058	1985	2525	2486	3243	16603	6159	2009	2347	2642	3265	3317	4234	6517	11092	296762
999	342	0	442	424	929	1295	1895	1793	1814	1821	1906	1892	2427	2364	3114	16899	5885	2222	2508	2770	3355	3361	4275	6500	11022	302361
1373	780	442	0	443	1048	860	1454	1447	1514	1577	1704	1772	2281	2188	2913	17319	5493	2476	2692	2908	3433	3381	4280	6417	10860	311104
1017	618	424	443	0	1324	1095	1750	1431	1421	1406	1483	1471	2004	1940	2690	17211	5544	2037	2250	2473	3018	2991	3899	6093	10600	302340
1715	1038	929	1048	1324	0	1730	2115	2462	2554	2625	2747	2785	3309	3226	3959	16590	6389	3041	3384	3670	4274	4290	5204	7417	11901	319234
2111	1621	1295	860	1095	1730	0	666	839	1031	1228	1429	1666	2048	1900	2512	18175	4673	2968	3051	3172	3563	3400	4236	6158	10422	331449
2767	2233	1895	1454	1750	2115	666	0	1149	1403	1658	1875	2177	2460	2289	2773	18684	4322	3622	3677	3770	4104	3895	4680	6437	10525	355831
2306	2049	1793	1447	1431	2462	839	1149	0	259	528	744	1082	1311	1140	1683	18633	4113	2778	2718	2741	2997	2759	3531	5344	9583	332459
2214	2036	1814	1514	1421	2554	1031	1403	259	0	271	485	830	1058	892	1483	18574	4167	2577	2489	2496	2739	2500	3277	5128	9418	327542
2095	2004	1821	1577	1406	2625	1228	1658	528	271	0	218	560	822	672	1343	18464	4289	2344	2232	2229	2469	2238	3031	4942	9296	322166
2073	2058	1906	1704	1483	2747	1429	1875	744	485	218	0	366	621	491	1213	18429	4348	2201	2056	2032	2254	2020	2818	4763	9157	320093
1880	1985	1892	1772	1471	2785	1666	2177	1082	830	560	366	0	541	525	1274	18184	4637	1855	1691	1669	1928	1735	2578	4644	9129	313620
2391	2525	2427	2281	2004	3309	2048	2460	1311	1058	822	621	541	0	186	753	18626	4293	2152	1867	1731	1782	1478	2220	4151	8596	325903
2405	2486	2364	2188	1940	3226	1900	2289	1140	892	672	491	525	186	0	758	18691	4179	2266	2010	1894	1967	1664	2394	4274	8675	327333
3143	3243	3114	2913	2690	3959	2512	2773	1683	1483	1343	1213	1274	753	758	0	19356	3681	2829	2476	2256	2085	1670	2137	3667	7953	351428
16369	16603	16899	17319	17211	16590	18175	18684	18633	18574	18464	18429	18184	18626	18691	19356	0	22740	16565	17002	17331	17878	18292	18827	20996	25492	782279
6377	6159	5885	5493	5544	6389	4673	4322	4113	4167	4289	4348	4637	4293	4179	3681	22740	0	6443	6141	5938	5705	5258	5365	5351	7647	501450
1338	2009	2222	2476	2037	3041	2968	3622	2778	2577	2344	2201	1855	2152	2266	2829	16565	6443	0	518	907	1604	1881	2695	5117	9848	295911
1737	2347	2508	2692	2250	3384	3051	3677	2718	2489	2232	2056	1691	1867	2010	2476	17002	6141	518	0	389	1087	1371	2177	4599	9330	302575
2074	2642	2770	2908	2473	3670	3172	3770	2741	2496	2229	2032	1669	1731	1894	2256	17331	5938	907	389	0	700	994	1789	4210	8942	309514
2742	3265	3355	3433	3018	4274	3563	4104	2997	2739	2469	2254	1928	1782	1967	2085	17878	5705	1604	1087	700	0	457	1092	3516	8252	326136
2871	3317	3361	3381	2991	4290	3400	3895	2759	2500	2238	2020	1735	1478	1664	1670	18292	5258	1881	1371	994	457	0	916	3277	7983	331981
3775	4234	4275	4280	3899	5204	4236	4680	3531	3277	3031	2818	2578	2220	2394	2137	18827	5365	2695	2177	1789	1092	916	0	2424	7162	359774
6135	6517	6500	6417	6093	7417	6158	6437	5344	5128	4942	4763	4644	4151	4274	3667	20996	5351	5117	4599	4210	3516	3277	2424	0	4743	452816
10792	11092	11022	10860	10600	11901	10422	10525	9583	9418	9296	9157	9129	8596	8675	7953	25492	7647	9848	9330	8942	8252	7983	7162	4743	0	664866
2732	2983	3299	3735	3577	3231	4593	5167	4990	4928	4824	4804	4588	5070	5108	5821	13646	9094	3250	3762	4147	4825	5131	5913	8332	13075	310131
292300	299745	305660	314839	305917	322465	336043	360998	337448	332470	326990	324897	318208	330974	332442	357249	795925	510545	299161	306337	313661	330961	337111	365687	461148	677941	

Таблица 20

Выборка по сумме расстояний

Name	sum of distances
Ponomarevka-6	289569
Ponomarevka-5	290760
Telecentr-4	293061
Telecentr-3	293673
Mihajlo-Nikol'skoe-5	295911
Birskoe	296509
Ponomarevka-4	296762
Birsk-5	298369
Ponomarevka-3	302340
Ponomarevka-2	302361
Mihajlo-Nikol'skoe-2	302575
Telecentr-5	304397
Telecentr-6	304886
Mihajlo-Nikol'sk-4	309514
Birskij	310131
Ponomarevka-7	311104
Birsk-6	312349
Talovka-3	313620
Telecentr-1	319234
Berezovyj ruchej	320093
Talovka-5	322166
Talovka-1	325903
Mihajlo-Nikol'skoe-1	326136
Talovka-4	327333
Talovka-6	327542
Telecentr-2	331449
Mihajlo-Nikol'skoe-3	331981
Talovka-7	332459
Kameshnik-1	337215
Kameshnik-2	346996
Talovka-2	351428
YUlanda-1	355831
Kostyrevskoe-3	359774
SHamsutdin-1	396819
YAmurzina-1	406481
Balabanovskoeozero	447920
Birsk-7	450371
Kostyrevskoe-1	452816
Birsk-8	468349
Silant'evskoe	501450
Popovskoe	510729
Popovskoe	514593
Kusekeevskoe	531136
YAroslavskoe	572654
Bazhenovo-1	631315
Kamyshinskoe-1	664866
Voznesenskoe	692163
Novokul'chebaevskoe	692519
Samosadskoe-1	748224
Samosadskoe-2	753241
Uleevskoe	782279
Novo-Urtaevskoe	854946
Novo-Lyapustinskoe	955260

Name	sum of distances
Ponomarevka-4	292300
Ponomarevka-6	292778
Telecentr-3	294840
Ponomarevka-5	295714
Telecentr-5	297445
Birskoe	299093
Mihajlo-Nikol'skoe-2	299161
Ponomarevka-2	299745
Ponomarevka-7	305660
Telecentr-6	305788
Telecentr-1	305917
Mihajlo-Nikol'sk-4	306337
Telecentr-4	306479
Birsk-5	312686
Mihajlo-Nikol'skoe-1	313661
Ponomarevka-3	314839
Talovka-1	318208
Telecentr-2	322465
Talovka-3	324897
Berezovyj ruchej	326990
Mihajlo-Nikol'skoe-3	330961
Talovka-4	330974
Talovka-2	332442
Talovka-5	332470
YUlanda-1	336043
Kostyrevskoe-3	337111
Talovka-6	337448
Kameshnik-2	338743
Birsk-6	348893
Uleevskoe	357249
Talovka-7	360998
Kostyrevskoe-1	365687
Novokul'chebaevskoe	401400
Kameshnik-1	410291
YAmurzina-1	452864
Balabanovskoeozero	455666
Kamyshinskoe-1	461148
Birsk-7	474141
Mihajlo-Nikol'skoe-5	510545
SHamsutdin-1	518493
Popovskoe	523093
Kusekeevskoe	540620
Birsk-8	580795
YAroslavskoe	641133
Birskij	677941
Samosadskoe-1	704669
Voznesenskoe	705540
Samosadskoe-2	761034
Bazhenovo-1	765976
Silant'evskoe	795925
Novo-Urtaevskoe	871940
Novo-Lyapustinskoe	974328

Таблица 21

Матрица количества отрезков вероятной коммуникационной сети (число Кёнига)

Name	Novo-Lyapustinskoe	Novo-Urtaevskoe	Voznesenskoe	Kusekeevskoe	Popovskoe	Popovskoe	SHamsutdin-1	Novokul'chebaevskoe	Samosadskoe-1	Samosadskoe-2	Bazhenovo-1	YAroslavskoe	Birsk-8	Birsk-7	Balabanovskoeozero	YAmurzina-1	Kameshnik-1	Kameshnik-2	Birsk-6	Birsk-5	Birskoe	Telecentr-5	Telecentr-6	Telecentr-4	Telecentr-3	Ponomarevka-5
Novo-Lyapustinskoe	0	1	2	3	4	6	5	5	11	10	9	10	8	7	9	10	7	6	8	10	9	13	12	11	12	13
Novo-Urtaevskoe	1	0	1	2	3	5	4	4	10	9	8	9	7	6	8	9	6	5	7	9	8	12	11	10	11	12
Voznesenskoe	2	1	0	1	2	4	3	3	9	8	7	8	7	6	8	9	5	4	6	8	7	11	10	9	10	11
Kusekeevskoe	3	2	1	0	1	3	2	2	8	7	6	7	6	5	7	8	4	3	5	7	6	10	9	8	9	10
Popovskoe	4	3	2	1	0	2	1	1	7	6	5	6	4	3	5	7	3	2	4	6	5	9	8	7	8	9
Popovskoe	6	5	4	3	2	0	1	2	7	6	5	6	4	3	5	7	3	2	4	6	5	9	8	7	8	9
SHamsutdin-1	5	4	3	2	1	1	0	2	6	5	4	5	3	2	4	5	2	1	3	5	4	8	7	6	7	8
Novokul'chebaevskoe	7	6	5	4	3	1	2	0	8	7	6	7	5	4	6	7	4	3	5	7	6	10	9	8	9	10
Samosadskoe-1	11	10	9	8	7	7	6	9	0	1	2	3	3	4	4	5	6	5	7	9	8	12	11	10	11	12
Samosadskoe-2	10	9	8	7	6	6	5	8	1	0	1	2	2	3	3	4	5	4	6	8	7	11	10	9	10	11
Bazhenovo-1	9	8	7	6	5	5	4	7	2	1	0	1	1	2	2	3	4	3	5	7	6	10	9	8	9	10
YAroslavskoe	10	9	8	7	6	6	5	8	3	2	1	0	2	3	3	4	5	4	6	8	7	11	10	9	10	11
Birsk-8	8	7	6	5	4	4	3	6	3	2	1	2	0	1	1	2	3	2	4	6	5	9	8	7	8	9
Birsk-7	7	6	5	4	3	3	2	5	4	3	2	3	1	0	2	3	2	1	3	5	4	8	7	6	7	8
Balabanovskoeozero	9	8	7	6	5	5	4	7	4	3	2	3	1	2	0	3	4	3	5	7	6	10	9	8	9	10
YAmurzina-1	10	9	8	7	6	6	5	8	5	4	3	4	2	3	1	0	5	4	6	8	7	11	10	9	10	11
Kameshnik-1	7	6	5	4	3	3	2	7	6	5	4	5	3	2	4	5	0	1	1	3	2	6	5	4	5	6
Kameshnik-2	6	5	4	3	2	2	1	6	5	4	3	4	2	1	3	4	1	0	2	4	3	7	6	5	6	7
Birsk-6	8	7	6	5	4	4	3	8	7	6	5	6	4	3	5	6	1	2	0	2	1	5	4	3	4	5
Birsk-5	10	9	8	7	6	6	5	10	9	8	7	8	6	5	7	8	3	4	2	0	1	3	2	1	2	3
Birskoe	9	8	7	6	5	5	4	9	8	7	6	7	5	4	6	7	2	3	1	1	0	4	3	2	3	4
Telecentr-5	13	12	11	10	9	9	8	13	12	11	10	11	9	8	10	11	6	7	5	3	4	0	1	2	3	4
Telecentr-6	12	11	10	9	8	8	7	12	11	10	9	10	8	7	9	10	5	6	4	2	3	1	0	1	2	3
Telecentr-4	11	10	9	8	7	7	6	11	10	9	8	9	7	6	8	9	4	5	3	1	2	2	1	0	1	2
Telecentr-3	12	11	10	9	8	8	7	12	11	10	9	10	8	7	9	10	5	6	4	2	3	3	2	1	0	1
Ponomarevka-5	13	12	11	10	9	9	8	13	12	11	10	11	9	8	10	11	6	7	5	3	4	4	3	2	1	0
Ponomarevka-6	14	13	12	11	10	10	9	14	13	12	11	12	10	9	11	12	7	8	6	4	5	5	4	3	2	1
Ponomarevka-4	15	14	13	12	11	11	10	15	14	13	12	13	11	10	12	13	8	9	7	5	6	6	5	4	3	2
Ponomarevka-2	16	15	14	13	12	12	11	16	15	14	13	14	12	11	13	15	9	10	8	6	7	7	6	5	4	3
Ponomarevka-7	17	16	15	14	13	13	12	17	16	15	14	15	13	12	14	16	10	11	9	7	8	8	7	6	5	4
Ponomarevka-3	17	16	15	14	13	13	12	17	16	15	14	15	13	14	14	16	10	11	9	7	8	8	7	6	5	4
Telecentr-1	17	16	15	14	13	13	12	17	16	15	14	15	13	14	14	16	10	11	9	7	8	8	7	6	5	4
Telecentr-2	18	17	16	15	14	14	13	18	17	16	15	16	14	15	15	17	11	12	10	8	9	9	8	7	6	5
YUlanda-1	19	18	17	16	15	15	14	19	18	17	16	17	15	16	16	18	12	13	11	9	10	10	9	8	7	6
Talovka-7	19	18	17	16	15	15	14	19	18	17	16	17	15	16	16	18	12	13	11	9	10	10	9	8	7	6
Talovka-6	20	19	18	17	16	16	15	20	19	18	17	18	16	17	17	19	13	14	12	10	11	11	10	9	8	7
Talovka-5	21	20	19	18	17	17	16	21	20	19	18	19	17	18	18	20	14	15	13	11	12	12	11	10	9	8
Berezovyj ruchej	22	21	20	19	18	18	17	20	21	20	19	20	18	19	19	21	15	16	14	12	13	13	12	11	10	9
Talovka-3	23	22	21	20	19	19	18	21	22	21	20	21	19	20	20	22	16	17	15	13	14	14	13	12	11	10
Talovka-1	24	23	22	21	20	20	19	22	23	22	21	22	20	21	21	23	17	18	16	14	15	15	14	13	12	11
Talovka-4	23	22	21	20	19	19	18	21	22	21	20	21	19	20	20	22	16	17	15	13	14	14	13	12	11	10
Talovka-2	24	23	22	21	20	20	19	22	23	22	21	22	20	21	21	23	17	18	16	14	15	15	14	13	12	11
Uleevskoe	12	11	10	9	8	8	7	10	1	2	3	4	4	5	5	6	7	6	8	10	9	13	12	11	12	13
Silant'evskoe	25	24	23	22	21	21	20	23	24	23	22	23	21	22	22	24	18	19	17	15	16	16	15	14	12	12
Mihajlo-Nikol'skoe-5	10	9	8	7	6	6	5	10	9	8	7	8	6	5	7	8	3	4	2	2	1	5	4	3	4	5
Mihajlo-Nikol'skoe-2	11	10	9	8	7	7	6	11	10	9	8	9	7	6	8	9	4	5	3	3	2	6	5	4	5	6
Mihajlo-Nikol'sk-4	12	11	10	9	8	8	7	12	11	10	9	10	8	7	9	10	5	6	4	4	3	7	6	5	6	7
Mihajlo-Nikol'skoe-1	13	12	11	10	9	9	8	13	12	11	10	11	9	8	10	11	6	7	5	5	4	8	7	6	7	8
Mihajlo-Nikol'skoe-3	14	13	12	11	10	10	9	14	13	12	11	12	10	9	11	12	7	8	6	6	5	9	8	7	8	9
Kostyrevskoe-3	14	13	12	11	10	10	9	14	13	12	11	12	10	9	11	12	7	8	6	6	5	9	8	7	8	9
Kostyrevskoe-1	15	14	13	12	11	11	10	15	14	13	12	13	11	10	12	13	8	9	7	7	6	10	9	8	9	10
Kamyshinskoe-1	16	15	14	13	12	12	11	16	15	14	13	14	12	11	13	14	9	10	8	8	7	11	10	9	10	11
Birskij	9	8	7	6	5	5	4	9	8	7	6	7	5	4	6	7	2	3	1	3	2	6	5	4	5	6

Продолжение. Таблица 21

Ponomarevka-6	Ponomarevka-4	Ponomarevka-2	Ponomarevka-7	Ponomarevka-3	Telecentr-1	Telecentr-2	YUlanda-1	Talovka-7	Talovka-6	Talovka-5	Berezovyj ruchej	Talovka-3	Talovka-1	Talovka-4	Talovka-2	Uleevskoe	Silant'evskoe	Mihajlo-Nikol'skoe-5	Mihajlo-Nikol'skoe-2	Mihajlo-Nikol'sk-4	Mihajlo-Nikol'skoe-1	Mihajlo-Nikol'skoe-3	Kostyrevskoe-3	Kostyrevskoe-1	Kamyshinskoe-1	Birskij	Sum
14	15	16	17	17	17	18	19	19	20	21	22	23	24	23	24	12	25	10	11	12	13	14	15	16	17	10	665
13	14	15	16	16	16	17	18	18	19	20	21	22	23	24	23	11	24	9	10	11	12	13	14	15	16	9	616
12	13	14	15	15	15	16	17	17	18	19	20	21	22	23	22	10	23	8	9	10	11	12	13	14	15	8	571
11	12	13	14	14	14	15	16	16	17	18	19	20	21	22	21	9	22	7	8	9	10	11	12	13	14	7	524
10	11	12	13	13	13	14	15	15	16	17	18	19	20	21	20	8	21	6	7	8	9	10	10	11	12	5	472
10	11	12	13	13	13	14	15	15	16	17	18	19	20	21	20	8	21	6	7	8	9	10	10	11	12	5	481
9	10	11	12	12	12	13	14	14	15	16	17	18	19	20	19	7	20	5	6	7	8	9	9	10	11	4	430
11	12	13	14	14	14	15	16	16	17	18	19	20	21	22	21	9	22	7	8	9	10	11	11	12	13	6	530
13	14	15	16	16	16	17	18	18	19	20	21	22	24	22	23	1	24	9	10	11	12	13	13	14	15	8	604
12	13	14	15	15	15	16	17	17	18	19	20	21	23	21	22	2	23	8	9	10	11	12	12	13	14	7	555
11	12	13	14	14	14	15	16	16	17	18	19	20	21	20	21	3	22	7	8	9	10	11	11	12	13	6	507
12	13	14	15	15	15	16	17	17	18	19	20	21	23	21	22	4	23	8	9	10	11	12	12	13	14	7	559
10	11	12	13	13	13	14	15	15	16	17	18	19	20	19	20	4	21	6	7	8	9	10	10	11	12	5	464
9	10	11	12	12	12	13	14	14	15	16	17	18	19	18	19	5	20	5	6	7	8	9	9	10	11	4	427
11	12	13	14	14	14	15	16	16	17	18	19	20	21	20	21	5	22	7	8	9	10	11	11	12	13	6	515
12	13	14	15	15	15	16	17	17	18	19	20	21	22	21	21	6	23	8	9	10	11	12	12	13	14	7	563
7	8	9	10	10	10	11	12	12	13	14	15	16	17	16	17	7	18	3	4	5	6	7	7	8	9	2	377
8	9	10	11	11	11	12	13	13	14	15	16	17	18	17	18	6	19	4	5	6	7	8	8	9	10	3	394
6	7	8	9	9	9	10	11	11	12	13	14	15	16	15	16	8	17	2	3	4	5	6	6	7	8	1	362
4	5	6	7	7	7	8	9	9	10	11	12	13	14	13	14	10	15	2	3	4	5	6	6	7	8	3	358
5	6	7	8	8	8	9	10	10	11	12	13	14	15	14	15	9	16	1	2	3	4	5	5	6	7	2	351
5	6	7	8	8	8	9	10	10	11	12	13	14	15	14	15	13	16	5	6	7	8	9	9	10	11	6	467
4	5	6	7	7	7	8	9	9	10	11	12	13	14	13	14	12	15	4	5	6	7	8	8	9	10	5	416
3	4	5	6	6	6	7	8	8	9	10	11	12	13	12	13	11	14	3	4	5	6	7	7	8	9	4	367
2	3	4	5	5	5	6	7	7	8	9	10	11	12	11	12	10	13	4	5	6	7	8	8	9	10	5	380
1	2	3	4	4	4	5	6	6	7	8	9	10	11	10	11	11	12	5	6	7	8	9	9	10	11	6	397
0	1	2	3	3	3	4	5	5	6	7	8	9	10	9	10	12	11	6	7	8	9	10	10	11	12	7	416
1	0	1	2	2	2	3	4	4	5	6	7	8	9	8	9	13	10	7	8	9	10	11	11	12	13	8	437
2	1	0	1	1	1	2	3	3	4	5	6	7	8	7	8	14	9	8	9	10	11	12	12	13	14	9	461
3	2	1	0	1	2	1	2	2	3	4	5	6	7	6	7	15	8	9	10	11	12	13	13	14	15	10	489
3	2	1	2	0	2	3	4	4	5	6	7	8	9	8	9	13	10	7	8	9	10	11	11	12	13	8	494
3	2	1	2	2	0	3	4	4	5	6	7	8	9	8	9	13	10	7	8	9	10	11	11	12	13	8	494
4	3	2	1	3	3	0	1	1	2	3	4	5	6	5	6	16	7	10	11	12	13	14	14	15	16	11	523
5	4	3	2	4	4	1	0	2	3	4	5	6	7	6	7	17	8	11	12	13	14	15	15	16	17	12	574
5	4	3	2	4	4	1	2	0	1	2	3	4	5	4	5	17	6	11	12	13	14	15	15	16	17	12	558
6	5	4	3	5	5	2	3	1	0	1	2	3	4	3	4	18	5	12	13	14	15	16	16	17	18	13	595
7	6	5	4	6	6	3	4	2	1	0	1	2	3	2	3	19	4	13	14	15	16	17	17	18	19	14	634
8	7	6	5	7	7	4	5	3	2	1	0	1	2	1	2	20	3	14	15	16	17	18	18	19	20	15	673
9	8	7	6	8	8	5	6	4	3	2	1	0	3	2	3	21	4	15	16	17	18	19	19	20	21	16	724
10	9	8	7	9	9	6	7	5	4	3	2	3	0	1	2	22	3	16	17	18	19	20	20	21	22	17	769
9	8	7	6	8	8	5	6	4	3	2	1	2	1	0	1	21	2	15	16	17	18	19	19	20	21	16	718
10	9	8	7	9	9	6	7	5	4	3	2	3	2	1	0	22	1	16	17	18	19	20	20	21	22	17	767
14	15	16	17	17	17	18	19	19	20	21	22	23	25	23	24	0	25	10	11	12	13	14	14	15	16	9	655
11	10	9	8	10	10	7	8	6	5	4	3	4	3	2	1	23	0	17	18	19	20	21	21	22	23	18	817
6	7	8	9	9	9	10	11	11	12	13	14	15	16	15	16	10	17	0	1	2	3	4	4	5	6	3	388
7	8	9	10	10	10	11	12	12	13	14	15	16	17	16	17	11	18	1	0	1	2	3	3	4	5	4	427
8	9	10	11	11	11	12	13	13	14	15	16	17	18	17	18	12	19	2	1	0	1	2	2	3	4	5	468
9	10	11	12	12	12	13	14	14	15	16	17	18	19	18	19	13	20	3	2	1	0	1	1	2	3	6	511
10	11	12	13	13	13	14	15	15	16	17	18	19	20	19	20	14	21	4	3	2	1	0	2	3	4	7	562
10	11	12	13	13	13	14	15	15	16	17	18	19	20	19	20	14	21	4	3	2	1	2	0	1	2	7	558
11	12	13	14	14	14	15	16	16	17	18	19	20	21	20	21	15	22	5	4	3	2	3	1	0	1	8	607
12	13	14	15	15	15	16	17	17	18	19	20	21	22	21	22	16	22	6	5	4	3	4	2	1	0	9	657
7	8	9	10	10	10	11	12	12	13	14	15	16	17	16	17	9	18	3	4	5	6	7	7	8	9	0	413

Таблица 22

Результаты процедуры поиска центрального поселения

Name	Sum
Birskoe	351
Birsk-5	358
Birsk-6	362
Telecentr-4	367
Kameshnik-1	377
Telecentr-3	380
Mihajlo-Nikol'skoe-5	388
Kameshnik-2	394
Ponomarevka-5	397
Birskij	413
Telecentr-6	416
Ponomarevka-6	416
Birsk-7	427
Mihajlo-Nikol'skoe-2	427
SHamsutdin-1	430
Ponomarevka-4	437
Ponomarevka-2	461
Birsk-8	464
Telecentr-5	467
Mihajlo-Nikol'sk-4	468
Popovskoe	472
Popovskoe	481
Ponomarevka-7	489
Ponomarevka-3	494
Telecentr-1	494
Bazhenovo-1	507
Mihajlo-Nikol'skoe-1	511
Balabanovskoeozero	515
Telecentr-2	523
Kusekeevskoe	524
Novokul'chebaevskoe	530
Samosadskoe-2	555
Talovka-7	558
Kostyrevskoe-3	558
YAroslavskoe	559
Mihajlo-Nikol'skoe-3	562
YAmurzina-1	563
Voznesenskoe	571
YUlanda-1	574
Talovka-6	595
Samosadskoe-1	604
Kostyrevskoe-1	607
Novo-Urtaevskoe	616
Talovka-5	634
Uleevskoe	655
Kamyshinskoe-1	657
Novo-Lyapustinskoe	665
Berezovyj ruchej	673
Talovka-4	718
Talovka-3	724
Talovka-2	767
Talovka-1	769
Silant'evskoe	817

Таблица 23

Сооружения и постройки

Наименование	ямы	очаги	столбы	постройки	фортификация
Исхаковское	0	0	0	0	1
Сандияк	13	23	3	0	1
Тибельское	5	0	0	0	0
Кансиярское	1	6	1	1	0
Юмакаевское	59	0	0	2	0
Бустанаевское	1	0	0	0	1
Барьязинское	7	3	0	0	0
Тра-Тау	4	1	0	2	0
Какры-Куль	1	0	0	0	1
Казакларовское-1	27	6	0	4	1
Казакларовское-3	3	0	0	0	0
Баразинское	0	0	0	0	1
Бирское	2	0	0	0	0
Сорвихинское	3	3	10	0	0
Варьязское	0	0	0	0	1
Бажинское	2	1	0	0	1
Уразгильднское	0	0	0	0	1
Всего	**128**	**32**	**14**	**8**	**9**

Таблица 24

Очаги

№	Наименование	Год	Исследователь	№ по отчёту	Форма	Длина	Ширина	Глубина	Тип
1	Сандияк	1963	Поносова И.С.	1	Овал	130	90	38	1
2	Сандияк	1963	Поносова И.С.	2	Овал	67	35	20	1
3	Сандияк	1963	Поносова И.С.	3	Круг	170	75	15	1
4	Сандияк	1963	Поносова И.С.	4	Овал	220	110	24	1
5	Сандияк	1963	Поносова И.С.	5	Овал	30	20	15	1
6	Сандияк	1963	Поносова И.С.	6	Круг	170	140	22	1
7	Сандияк	1963	Поносова И.С.	8	Подпрямоугольная	220	140	50	2
8	Сандияк	1963	Поносова И.С.	9	Круг	110	100	18	2
9	Сандияк	1963	Поносова И.С.	10	Неправильная	120	60	18	1
10	Сандияк	1988	Казанцева О.А.	1	Круг	176	100	12	1
11	Сандияк	1988	Казанцева О.А.	2	Круг	80	72	8	1
12	Сандияк	1988	Казанцева О.А.	3	Овал	160	40	15	1
13	Кансиярово	1959	Мажитов Н.А.	1	Восьмеркообразный	150	75	50	1
14	Кансиярово	1959	Мажитов Н.А.	2	Овал	125	40	40	1
15	Кансиярово	1959	Мажитов Н.А.	3	Овал	450	60	50	1
16	Кансиярово	1959	Мажитов Н.А.	4	Овал	200	160	35	1
17	Кансиярово	1959	Мажитов Н.А.	5	Круг	650	650	40	1
18	Кансиярово	1959	Мажитов Н.А.	6	Овал	100	80	10	1
19	Барьяза	1974	Иванов В.А.	1	Неправильная	100	80	12	1
20	Барьяза	1974	Иванов В.А.	2	Овал	70	60	10	1
21	Барьяза	1974	Иванов В.А.	3	Овал	80	54	20	1
22	Тра-Тау	1985	Мажитов Н.А.	9	Круг	120	110	60	1
23	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	1	Овал	67	55	16	1
24	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	2	Овал	110	95	23	1
25	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	3	Подпрямоугольная	67	45	26	1
26	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	4	Круг	45	45	3	1
27	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	5	Овал	100	55	0	1
28	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	6	Овал	60	30	0	1
29	Сорвиха	1990	Останина Т.И.	1	Овал	84	54	16	1
30	Сорвиха	1990	Останина Т.И.	2	Круг	78	78	14	1
31	Сорвиха	1990	Останина Т.И.	3	Овал	60	42	12	1
32	Бажинское	1998	Сунгатов Ф.А.	1	Круг	80	80	10	1

Таблица 25

Хозяйственные ямы

№	Памятник	Год	Исследователь	№	Форма	Длина	Ширина	Глубина	Стенки	Находки	Назначение	Столбовые ямы	Перекрытие	Тип
1	Сандияк	1963	Поносова И.С.	1	Округлая	100	60	54	Вертикальная/ Наклонная	0				1
2	Сандияк	1963	Поносова И.С.	2	Овал	80	80	50	Вертикальные	0				1
3	Сандияк	1963	Поносова И.С.	3	Округлая	135	135	35	Вертикальные	Культ. слой	Хранение продуктов		Есть	1
4	Сандияк	1963	Поносова И.С.	4	Неправильная	120	60	18	Вертикальные	0				1
5	Сандияк	1963	Поносова И.С.	5	Овал	84	60	75	Вертикальные	Культ. слой				1
6	Сандияк	1963	Поносова И.С.	6	Округлая	80	80	40	Вертикальные	Культ. слой				1
7	Сандияк	1963	Поносова И.С.	7	Подпрямоугольная	125	80	65	Вертикальные	Культ. слой	Мусорка			1
8	Сандияк	1963	Поносова И.С.	8	Овал	204	148	66	Ступеньки	Культ. слой	Хранение продуктов	2	Есть	2
9	Сандияк	1963	Поносова И.С.	9	Округлая	110	110	40	Вертикальные	Культ. слой	Хранение продуктов		Есть	1
10	Сандияк	1963	Поносова И.С.	10	Подпрямоугольная	100	80	42	Наклонные	Культ. слой	Хранение продуктов			1
11	Сандияк	1988	Казанцева О.А.	11	Округлая	150	135	115	Вертикальные	Культ. Слой				1
12	Сандияк	1988	Казанцева О.А.	12	Овал	90	70	80	Наклонные	нет				4
13	Сандияк	1988	Казанцева О.А.	13	Овал	90	65	45	Наклонные	Культ. слой				4
14	Тибельское	1967	Стоколос В.С.	1	Округлая	100	100	100	Вертикальные	Культ. слой				1
15	Тибельское	1969	Матвеева Г.И.	1	Округлая	85	85	60	Вертикальные	Культ. Слой				1
16	Тибельское	1970	Матвеева Г.И.	2	Округлая	62	62	14	Вертикальные	Культ. Слой				1
17	Тибельское	1971	Матвеева Г.И.	3	Неправильная	73	73	20	Вертикальные	Культ. слой				1
18	Тибельское	1972	Матвеева Г.И.	4	Овал	70	70	20	Вертикальные	Культ. Слой				1
19	Кансиярово	1959	Мажитов Н.А.	1	Округлая	130	70	65	Наклонные	Культ. слой				1
20	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	1	Овал	50	40	50	Наклонные	Культ. слой				4
21	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	2	Округлая	70	70	50	Наклонные	Культ. слой				4
22	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	3	Овал	190	130	40	Вертикальные	Культ. слой				1
23	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	4	Округлая	130	100	50	Наклонные	Культ. слой				4
24	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	5	Неправильная	120	90	120	Наклонные	Культ. слой				4
25	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	6	Овал	120	60	40	Вертикальные	Культ. слой				1
26	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	7	Округлая	90	90	70	Вертикальные	Культ. слой				1
27	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	8	Неправильная	130	90	95	Наклонные	Культ. слой				4
28	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	9	Овал	160	105	70	Вертикальные	Культ. слой				1
29	Юмакаевское	1957	Мажитов Н.А.	10	Округлая	80	60	40	Вертикальные	нет				1
30	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	1	Округлая	80	80	15	Вертикальные	Чернозём				1
31	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	2	Овал	125	100	45	Вертикальные	Чернозём, уголь				1
32	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	3	Овал	125	100	70	Наклонные	Культ. слой				4
33	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	4	Овал	110	100	50	Вертикальные	0				1
34	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	5	Округлая	95	95	50	Вертикальные	Культ. слой				1
35	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	6	Округлая	90	90	35	Вертикальные	чернозём				1
36	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	7	Овал	70	60	30	Вертикальные	Культ. слой				1
37	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	8	Овал	70	50	20	Вертикальные	чернозём				1
38	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	9	Неправильная	120	110	60	Вертикальные	0				1
39	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	10	Овал	160	100	75	Наклонные	Культ. слой				1
40	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	11	Овал	190	60	40	Вертикальные	Культ. слой				1
41	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	12	Округлая	70	70	55	Вертикальные	Культ. слой				1
42	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	13	Овал	90	80	60	Вертикальные	Культ. слой				1
43	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	14	Округлая	50	50	20	Вертикальные	чернозём				1
44	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	15	Округлая	100	100	50	Вертикальные	чернозём				1

Продолжение. Таблица 25

45	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	16	Овал	80	60	25	Вертикальные	чернозём				1
46	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	17	Овал	130	100	115	Вертикальные	Культ. слой				1
47	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	18	Овал	140	60	80	Подбой	Культ. слой				3
48	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	19	Округлая	80	80	65	Вертикальные	чернозём				1
49	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	20	Округлая	90	90	67	Вертикальные	чернозём				1
50	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	21	Неправильная	200	150	35	Вертикальные	Культ. слой				1
51	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	22	Округлая	50	50	20	Вертикальные	0				1
52	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	23	Овал	80	70	105	Грушевидные	Культ. слой				3
53	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	24	Овал	105	90	50	Вертикальные	Культ. слой				1
54	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	25	Округлая	90	90	105	Уступ	Культ. слой				2
55	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	26	Овал	120	100	70	Уступ	чернозём				2
56	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	27	Округлая	90	90	75	Уступ	Культ. слой				2
57	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	28	Округлая	80	80	75	Уступ	Культ. слой				2
58	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	29	Округлая	80	80	60	Вертикальные	Культ. слой				1
59	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	30	Овал	120	50	20	Вертикальные	0				1
60	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	31	Округлая	70	70	70	Грушевидные	Культ. слой				3
61	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	32	Овал	90	70	50	Наклонные	Культ. слой				1
62	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	33	Овал	40	30	25	Наклонные	Культ. слой				4
63	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	34	Восьмеркообразная	45	30	15	Вертикальные	Культ. слой				1
64	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	35	Округлая	50	50	20	Вертикальные	0				1
65	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	36	Округлая	100	100	50	Подбой	0				3
66	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	37	Округлая	40	40	10	Вертикальные	0				1
67	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	38	Овал	100	80	45	Вертикальные	0				1
68	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	39	Округлая	120	120	35	Вертикальные	Культ. слой				1
69	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	40	Округлая	130	130	70	Уступ	Культ. слой				2
70	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	41	Округлая	60	60	75	Грушевидные	0				3
71	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	42	Овал	130	100	60	Вертикальные	Культ. слой				1
72	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	43	Неправильная	200	120	80	Вертикальные	Культ. слой				1
73	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	44	Восьмеркообразная	200	100	75	Подбой	0				3
74	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	45	Округлая	60	60	90	Вертикальные	0	В жилище			1
75	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	46	Округлая	80	80	150	Вертикальные	0	В жилище			1
76	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	47	Неправильная	100	100	70	Вертикальные	0				1
77	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	48	Округлая	95	95	75	Наклонные	чернозём				4
78	Юмакаевское	1970	Матвеева Г.И.	49	Округлая	140	140	105	Наклонные	нет				4
79	Бустанаевское	2019	Колонских А.Г.	1	Округлая	150	120	55	Вертикальные	Культ. слой				1
80	Барьяза	1974	Иванов В.А.	1	Овал	156	80	44	Наклонные	Культ. слой				1
81	Барьяза	1974	Иванов В.А.	2	Неправильная	200	116	30	Вертикальные	гумус, суглинок, песок				1
82	Барьяза	1974	Иванов В.А.	3	Округлая	118	118	26	Наклонные	гумус, суглинок, песок				1
83	Барьяза	1974	Иванов В.А.	4	Округлая	100	100	50	Вертикальные	Культ. слой				1
84	Барьяза	1974	Иванов В.А.	5	Неправильная	250	128	36	Вертикальные	Культ. слой				1
85	Барьяза	1974	Иванов В.А.	6	Овал	102	60	10	Вертикальные	Культ. слой				1
86	Барьяза	1974	Иванов В.А.	7	Округлая	160	160	120	Наклонные	Культ. слой				1
87	Тра-Тау	1982	Мажитов Н.А.	1	Овал	225	140	20	Вертикальные	Культ. слой				1
88	Тра-Тау	1982	Мажитов Н.А.	2	Неправильная	160	90	20	Вертикальные	Культ. слой				1
89	Тра-Тау	1985	Мажитов Н.А.	36	Округлая	140	140	150	Вертикальные	0	В жилище			1

Продолжение. Таблица 25

90	Тра-Тау	1988	Мажитов Н.А.	69	Округлая	60	55	30	Вертикальные	Культ. слой				1
91	Какры-Куль	2000	Овсянников В.В.	23	Округлая	18	16	12	Вертикальные	Культ. слой				1
92	Казакларово-1	1980	Иванов В.А.	1	Овал	80	50	25	Вертикальные	Культ. слой				1
93	Казакларово-1	1980	Иванов В.А.	2	Округлая	120	120	70	Вертикальные	Культ. слой	В жилище			1
94	Казакларово-1	1980	Иванов В.А.	3	Овал	130	100	60	Уступ	Культ. слой				2
95	Казакларово-1	1980	Иванов В.А.	4	Овал	130	110	90	Наклонные	Культ. слой				1
96	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	1	Подпрямоугольная	105	75	88	Грушевидные	Культ. слой				3
97	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	2	Овал	95	70	55	Вертикальная/ Наклонная	Культ. слой				1
98	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	3	Подтреугольная	90	90	42	Вертикальные	Культ. слой				1
99	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	4	Овал	65	57	31	Вертикальные	Культ. слой				1
100	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	5	Подпрямоугольная	125	115	17	Наклонные	Культ. слой	В жилище			1
101	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	6	Подпрямоугольная	90	54	100	Уступ	Культ. слой				2
102	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	7	Округлая	57	57	40	Уступ	Культ. слой				2
103	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	8	Трапециевидная	175	80	7	Наклонные	Гумус, супесь				1
104	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	9	Округлая	54	54	47	Вертикальные	Культ. слой				1
105	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	10	Округлая	60	60	17	Наклонные	Культ. слой				1
106	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	11	Округлая	115	115	198	Грушевидные	Культ. слой				3
107	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	12	Подтреугольная	145	135	150	Грушевидные	Культ. слой				3
108	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	13	Подпрямоугольная	145	90	26	Наклонные	Культ. слой				1
109	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	14	Подтреугольная	115	105	66	Уступ	Культ. слой	В постройке			2
110	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	15	Подпрямоугольная	77	60	140	Грушевидные	Культ. слой				3
111	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	16	Округлая	160	160	131	Грушевидные	Культ. Слой				3
112	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	17	Подпрямоугольная	125	53	49	Наклонные	Культ. Слой	В жилище			4
113	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	18	Подпрямоугольная	145	125	149	Наклонные	Культ. Слой				4
114	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	19	Подпрямоугольная	85	50	44	Вертикальные	Культ. слой	В жилище			1
115	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	20	Округлая	157	157	158	Подбой	Культ. слой				3
116	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	21	Подпрямоугольная	63	45	25	Вертикальные	Культ. Слой				1
117	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	22	Округлая	90	90	115	Грушевидные	Песок, супесь				3
118	Казакларово-1	1980	Останина Т.И.	23	Овал	60	35	14	Вертикальные	Супесь, гумус, прокаленная глина				1
119	Казакларово-3	1980	Иванов В.А.	1	Овал	135	85	55	Вертикальные	Культ. Слой				1
120	Казакларово-3	1980	Иванов В.А.	2	Округлая	130	130	60	Наклонные	Культ. слой				1
121	Казакларово-3	1980	Иванов В.А.	3	Неправильная	140	130	60	Уступ	Культ. слой				2
122	Бирское	1959	Мажитов Н.А.	1	Овал	110	100	20	Вертикальные	Гумус, зола				1
123	Бирское	1959	Мажитов Н.А.	4	Подпрямоугольная	140	70	17	Вертикальные	Культ. слой				1
124	Сорвиха	1990	Останина Т.И.	1	Подтреугольная	133	70	25	Наклонные	Культ. слой				1
125	Сорвиха	1990	Останина Т.И.	2	Овал	135	48	33	Наклонные	Культ. слой				1
126	Сорвиха	1990	Останина Т.И.	3	Подпрямоугольная	115	42	30	Наклонные	Гумус				1
127	Бажинское	1998	Сунгатов Ф.А.	1	Подпрямоугольная	133	95	35	Вертикальные	Культ. слой				1
128	Бажинское	1998	Сунгатов Ф.А.	2	Подтреугольная	540	460	70	Вертикальные	нет				1

Таблица 26

Постройки

№	Памятник	Год	Исследователь	№	Форма	Ориентировка	Длина, см	Ширина, см	Площадь, кв.м.	Глубина от поверхности, см	Глубина от материка, см	Стенки (профиль)	Ямы	Очаги	Ниши	Вход	Тип
1	**Кансиярское**	1959	Мажитов Н.А.	1	Прямоугольник	СЗ-ЮВ	500	400	20	75	10	0	1	1	3	есть	Наземное
2	**Юмакаевское**	1970	Матвеева Г.И.	1	Овал	СЗ-ЮВ	500	400	20	65	30	Чашевидный	2	0	нет	0	Углубленное
3	**Юмакаевское**	1970	Матвеева Г.И.	2	Овал	С-Ю	550	350	19,25	85	55	Чашевидный	2	1	нет	0	Углубленное
4	**Тра-Тау**	1984	Мажитов Н.А.	35	Прямоугольник	ССВ-ЮЮЗ	700	300	21	110	50	Вертикальные	1	1	нет	0	Углубленное
5	**Тра-Тау**	1988	Мажитов Н.А.	58	Прямоугольник	С-Ю	500	260	13	100	50	Вертикальные	0	0	нет	0	Углубленное
6	**Казакларово-1**	1980	Иванов В.А.	1	Прямоугольник	СЗ-ЮВ	650	300	19,5	45	25	Чашевидный	1	1	нет	нет	Углубленное
7	**Казакларово-1**	1980	Иванов В.А.	2	Овал	СЗ-ЮВ	650	200	13	40	20	Чашевидный	1	1	нет	нет	Углубленное
8	**Казакларово-1**	1980	Останина Т.И.	1	Прямоугольник	СЗ-ЮВ	870	420	36,5	29	19	0	2	1	нет	0	Наземное
9	**Кувыковское**	1965	Матвеева Г.И.	1	Прямоугольник	СЗ-ЮВ	800	450	36	290	150	Чашевидный	0	2	нет	0	Полуземлянка

Таблица 27

Фортификационные сооружения

Городище	Изученная линия укреплений	Конструкция вала	Мощность от материка, м	Высота сохранившихся конструкций, м	Общая реконструируемая высота конструкции,	Конструкция	Тип
Сандияк	одна	вал-эскарп	1	4,5	0	дерево-земляная	0
Варьяз	внешняя	вал+ров	0,75	1,5	0	0	0
Бажинское	внутреняя	вал	3,3	4,5	0	0	0
Казакларово-1	внутреняя	вал+ров	2,4	2	0	0	0
Какры-Куль	одна	вал+ров	2,75	2	4	дерево-земляная	двухрядное каркасно-столбовое сооружение с внутренней забутовкой
Исхаковское	одна	вал-эскарп	1,7	3,5	4	дерево-земляная	двухрядное каркасно-столбовое сооружение с внутренней забутовкой
Бустанаевское	одна	вал-эскарп	2,7	6,5	8	дерево-земляная	перекладная конструкция со столбами
Уразгильдинское	одна	вал+ров	1,1	1,2	3	дерево-земляная	перекладная конструкция со столбами
Баразинское	дополнительная	эскарп	0,7	6,5	0	дерево-земляная	двухрядное каркасно-столбовое сооружение с внутренней забутовкой

Таблица 28

Характеристика изученных керамических коллекций

№	Наименование объекта	Год исследования	Исследователь	Фонд	№ коллекции	Характер осмотра (вполный/формы)	К-во керамики общее	К-во керамики бахмутино	Орнаментировано (бахмутино)	Без орнамента (бахмутино)	Сопутствующие Культ. Группы	Формы (бахмутино)
1	Юмакаевское городище	1956	Мажитов Н.А.	МАЭ УФИЦ РАН	4	полный	161	159	144	12	пьяноборье	10
2	Юмакаевское городище	1957	Мажитов Н.А.	МАЭ УФИЦ РАН	17	полный	27	27	26	1		0
3	Афанасьевское городище	1957	Мажитов Н.А.	МАЭ УФИЦ РАН	18	полный	96	96	60	36		0
4	Бирское городище	1959	Мажитов Н.А.	МАЭ УФИЦ РАН	52	полный	869	603	563	40	акио, пьяноборье, кара-абыз, постмаклашеево, кушнаренково	74
5	Бирское городище	1962	Мажитов Н.А.	МАЭ УФИЦ РАН	101	полный	354	229	223	6	пьяноборье, кара-абыз, межовка, турбаслы, кушнаренково	49
6	Петер-Тау (Юлдашевское) городище	1978	Иванов В.А.	МАЭ УФИЦ РАН	242	полный	451	307	280	22	акио, пьяноборье, мазунино	25
7	Петер-Тау (Юлдашевское) городище	1969	Агеев Б.Б.	МАЭ УФИЦ РАН	449	полный	417	149	129	11	акио, пьяноборье, мазунино	23
8	Петер-Тау (Юлдашевское) городище	1970	Пшеничнюк А.Х.	МАЭ УФИЦ РАН	483	полный	221	144	137	6	акио, пьяноборье, мазунино	39
9	Петер-Тау (Юлдашевское) городище	1980	Иванов В.А.	МАЭ УФИЦ РАН	1010	полный	209	84	80	3	акио, пьяноборье, мазунино	28
10	Барьязинское городище	1965	Морозов Ю.А.	МАЭ УФИЦ РАН	429	полный	27	27	16	11	акио, пьяноборье, мазунино	0
11	Барьязинское городище	1980	Иванов В.А.	МАЭ УФИЦ РАН	770	полный	739	543	500	43	акио пьяноборье, мазунино	135
12	Казакларово-1 городище	1980	Иванов В.А.	МАЭ УФИЦ РАН	737	полный	439	439	258	178		28
13	Казакларово-3 городище	1980	Иванов В.А.	МАЭ УФИЦ РАН	542	полный	744	740	613	129		72
14	Кансияровское городище	2003	Акбулатов И.М.	МАЭ УФИЦ РАН	1065	формы	841	637	48	1	акио, пьяноборье	49
15	Кансияровское городище	1957	Мажитов Н.А.	МАЭ УФИЦ РАН	19	формы	115	113	9	0	акио	9
16	Кансияровское городище	1959	Мажитов Н.А.	МАЭ УФИЦ РАН	50	формы	1114	1108	97	4	акио	101
17	Кансияровское городище	1965	Морозов Ю.А.	МАЭ УФИЦ РАН	518	формы	74	63	0	0		0
18	Бадряш-Актау городище	2021	Колонских А.Г.	Камеральная обработка		полный	231	231	212	6		16
19	Варьязское городище	1974	Иванов В.А.	МАЭ УФИЦ РАН	1012	полный	87	87	83	4		13
20	Алтаево-3 селище	1974	Иванов В.А.	МАЭ УФИЦ РАН	1149	полный	50	50	39	11		14
21	Тибелевское селище	1956	Мажитов Н.А.	МАЭ УФИЦ РАН	5	полный	196	195	71	124		15
22	Кардагушево-2 городище	2021	Колонских А.Г.	Камеральная обработка		полный	93	93	47	46		0
23	Красный Холм городище	2017	Колонских А.Г.	ГБУ РИКМЗ «Древняя Уфа»		полный	63	63	33	30		1
24	Кудашево-1 городище	2021	Колонских А.Г.	Камеральная обработка		полный	75	75	51	24		7
25	Ново-Петрово городище	2021	Колонских А.Г.	Камеральная обработка		полный	111	111	64	45		3
26	Сараштыбашевское городище	2021	Колонских А.Г.	Камеральная обработка		полный	63	63	36	27		4
27	Новоянтузовское городище	2002	Акбулатов И.М.	МАЭ УФИЦ РАН	1046	формы	94	94	90	4		83
28	Тра-Тау (Старонагаевское) городище	1972	Иванов В.А.	МАЭ УФИЦ РАН	834	формы	186	39	39	0	акио, пьяноборье, мазунино	20
	Всего						7961	6569	3948	824		818

Таблица 29

Форма днищ сосудов

Коллекция	Округлое	Уплощенное
101. Бирское городище	1	0
242. Петер-Тау	0	1
449. Петер-Тау	1	1
770. Барьязинское	1	0
737. Казакларово 1	6	4
542. Казакларово 3	2	0
19. Кансиярово	1	0
Бадряш-Актау	1	0
1012. Варьязское	0	1
5. Тибелево	1	0
1046. Новоянтузово	2	0
Всего	**16**	**7**
%%	69,6%	30,4%

Таблица 30

Толщина стенок сосудов

Коллекция	**0,3**	**0,4**	**0,5**	**0,6**	**0,7**	**0,8**	**0,9**	**1**	**1,1**	**1,2**	**1,3**	**Всего**
4. Юмакаево		10	53	39	28	12	6	9	1			158
17. Юмакаево			10	5	1	7	4					27
18. Афанасьевское		6	38	37	15							96
52. Бирское		53	359	117	41	20	7	4				601
101. Бирское		25	115	44	16	9	6	3	2	1		221
242. Петер-Тау	4	29	119	111	33	9	1		1			307
449. Петер-Тау	1	6	51	55	25	9	1	1				149
483. Петер-Тау		14	50	51	22	5		1				143
1010. Петер-Тау		6	32	30	14	2						84
770. Барьязинское	11	108	252	111	39	8		1				530
737. Казакларово 1		16	105	190	84	20	12	4	4	1	2	438
542. Казакларово 3		8	230	319	150	20	11	4				742
Кансиярово	1	2	39	61	34	15	4	3				159
Бадряш-Актау		6	69	96	41	11	2	1	1			227
1012. Варьяз	2	7	16	21	25	6	4					81
1149. Алтаево		2	10	13	12	7	4	1				49
5. Тибелево		1	34	71	49	34	5	1				195
429. Барьязинское	3	5	12	3	2					1		26
Кардагушево-2		2	24	39	19	4	3	2				93
Красный Холм			16	24	18	4				1		63
Кудашево-1		3	21	21	22	6	2					75
Ново-Петрово	1	5	33	35	28	8	1					111
Сараштыбаш		2	10	20	20	8		1	2			63
Новоянтузово		3	27	42	15	6	1					94
Тра-Тау		3	6	5	5	1						20
Всего	23	322	1731	1560	758	231	74	36	11	4	2	4752
%%	0,48%	6,78%	36,43%	32,83%	15,95%	4,86%	1,56%	0,76%	0,23%	0,08%	0,04%	100,00%

Таблица 31

Диаметры горловин сосудов

Коллекции	4	7	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	30	Всего
4. Юмакаево								1		2		2	2	1	1	1	1			1	1		1	14
17. Юмакаево											1							2				1		4
52. Бирское	1	1			1	2	2	1	7	4	6	5	7	5	6	12	1	1	3	1	2			68
101. Бирское	1	1			2			2	1	3	7	5	4	7	5	9	4							51
242. Петер-Тау					1	1	1			2	2		3	5	2	2	2	1				1		23
449. Петер-Тау							1		1	5	1	3	1	3	4	3	1	1						24
483. Петер-Тау			1			3	2			5		2		6	2	5	2	2		1		1		32
1010. Петер-Тау						2		2		1	3	3	5	6	4	3	1			1				31
737. Казакларово 1				1		1		1	1	5	5	5	2	1	4									26
Бадряш-Актау										2	3	2	6	6										19
Красный Холм													1											1
Кудашево-1									1		1	1	2	1										6
Ново-Петрово									1									1	1					3
Сараштыбаш										1	1	1			1		1							5
Новоянтузово						2	3		2	6	16	11	4	14	8	13	2			1	1			83
Всего	2	2	1	1	4	11	9	7	14	36	46	40	37	55	37	48	15	8	4	5	4	3	1	390
%%	0,51%	0,51%	0,26%	0,26%	1,03%	2,82%	2,31%	1,79%	3,59%	9,23%	11,79%	10,26%	9,49%	14,10%	9,49%	12,31%	3,85%	2,05%	1,03%	1,28%	1,03%	0,77%	0,26%	100,00%

Таблица 32

Характер обработки поверхностей сосудов

Коллекции	заглажен/заглажен	заглажен/расчёсы	расчёсы/заглажен	расчёсы/расчёсы	бугристая/бугристая	бугристая/заглажен	заглажен/бугристая	
Юмакаевское	75	43	2	34	0	0	0	154
Бирское	323	168	14	288	11	2	3	809
Всего	**398**	**211**	**16**	**322**	**11**	**2**	**3**	963
%%	41,33%	21,91%	1,66%	33,44%	1,14%	0,21%	0,31%	100,00%

Таблица 33

Рецепты формовочных масс

Наименование объекта	песок+крупный песок	песок+крупный песок+раковина	песок+крупный песок+органика	песок+крупный песок+шамот	песок	песок+органика	песок+шамот	песок+раковина	песок+раковина+органика	раковина	раковина+шамот	шамот	Общее
Юмакаево	176				3					2			181
Афанасьевское	93			3									96
Бирское	744	23	1	2	35	1		11		9	2		828
Петер-Тау	558	46			26	13	1	33		3			680
Барьязинское	132				304		1	47		42			526
Казакларово 1	363				73								436
Казакларово 3	722					12		5	1	3			743
Кансиярово	137				21	1							159
Бадряш-Актау	164				57	1	1	8					231
Варьяз	86							1					87
Тибелево	182	1	1		6	5							195
Кардагушево-2	93												93
Красный Холм	62					1							63
Кудашево-1	59				6	10							75
Ново-Петрово	76			1	25		7	2					111
Сараштыбаш	63												63
Новоянтузово	85				7							2	94
834. Тра-Тау	18	19		2									39
Всего	**3813**	**89**	**2**	**8**	**563**	**44**	**10**	**107**	**1**	**59**	**2**	**2**	**4700**
%%	81,13%	1,89%	0,04%	0,17%	11,98%	0,94%	0,21%	2,28%	0,02%	1,26%	0,04%	0,04%	100,00%

Песок	81,13%
Песок+	98,66%
Раковина	1,26%
Раковина+	5,49%

Таблица 34

Элементы орнамента

Наименование объекта	бесп.ямка	бесп.ямка+ёлочка	насечки по венчику+бесп.ямка	ямка	ямка+вдавления	ямка+ёлочка	ямка+гребенка	пояс ямок	ёлочка	вдавления	вдавления+бесп.ямка	вдавления+ямка	вдавления+ёлочка	вдавления+ёлочка+ямка	насечки по венчику	насечки по венчику+бесп.ямка	насечки по венчику+бесп.ямка+вдав	насечки по венчику+ямка	насечки по венчику+ямка+вдавлени	насечки по венчику+ямка+ёлочка	насечки по венчику+ямка+гребенка	насечки по венчику+ёлочка	насечки по венчику+вдавления	насечки по венчику+вдавления+лине	гребенка	гребенка+бесп.ямка	гребенка по венчику	гребенка по венчику+бесп.ямка	гребенка+бесп.ямка+елочка	гребенка+ёлочка+ямка	без орнамента	Всего
Юмакаево	133			32				2					1			2														13	183
Афанасьевское	29			28					3																				36	96
Бирское	604	1		92	1			1	3	10	4	3	1		8	37		15		1		2	2	3	1		1	3			39	832
Петер-Тау	283			275	1	1		2	3	8	6	5			2	17	1	9		8			3		2						42	668
Барьязинское	282	2		120	10	15	4		9	1					2	28		36		2	1	1			2	1					54	570
Казакларово 1	87			139	9		1		2	19	1																				178	436
Казакларово 3	368			219		1			1	4	4	3			1	5			1						4	2					129	742
Кансиярово	93	1		38	1	10	3					2								1					1	3			1		5	159
Бадряш-Актау	130			62						1			1			3		9	4				1			1				6	218
Варьяз	62			17				1			3																				4	87
Алтаево 3	15			10		7	2	1	4																						11	50
Тибелево	14			42	1	3		2	3	5										1											124	195
Кардагушево-2	22			24																					1						46	93
Красный Холм	13			20																											30	63
Кудашево-1	21			28		1			1																						24	75
Ново-Петрово	27			31						3			1					1							1						45	109
Сараштыбаш	15			19		1							1																		27	63
Новоянтузово	11			37	29	1			3	2	2			1					1						2					1	4	94
Тра-Тау	33		4			1						1																			0	39
Всего	**2242**	**4**	**4**	**1233**	**52**	**41**	**10**	**9**	**32**	**53**	**20**	**14**	**5**	**1**	**13**	**92**	**1**	**70**	**6**	**13**	**1**	**3**	**6**	**3**	**14**	**7**	**1**	**3**	**1**	**1**	**817**	**4772**
%%	**47,0%**	**0,1%**	**0,1%**	**25,8%**	**1,1%**	**0,9%**	**0,2%**	**0,2%**	**0,7%**	**1,1%**	**0,4%**	**0,3%**	**0,1%**	**0,0%**	**0,3%**	**1,9%**	**0,0%**	**1,5%**	**0,1%**	**0,3%**	**0,0%**	**0,1%**	**0,1%**	**0,1%**	**0,3%**	**0,1%**	**0,0%**	**0,1%**	**0,0%**	**0,0%**	**17,1%**	**100,0%**

Таблица 35

Морфология форм сосудов

Пропорции	Закрытый				Высокие								Низкие												Чаша	Миниатюрный	Всего
Форма шейки	высокая		короткая		Слабоотогнутая			Отогнутая		Сильноотогнутая		Прямая	Слабоотогнутая			Отогнутая		Сильноотогнутая		Перегиб	Прямая						
Переход к тулову	плечо	ребро	плечо	ребро	Слабопрофилированное	Плечо	Ребро	Плечо	Ребро	Плечо	Ребро	Плечо	Ребро	Слабопрофилированное	Плечо	Ребро	Слабопрофилированное	Плечо	Ребро	Плечо	Ребро	Плечо	Слабопрофилированное	Плечо	Профилированное			
Юмакаево	3		1	1		1								1	1			1								1		**10**
Бирское	3		11		1	5		15	1		1	4	1		19			32		10		3	3	9	2	1	2	**123**
Петер-Тау			1			5		8	2	3		2		4	6	3	1	55	2	7	1		3	1	3	1	7	**115**
Барьязинское	13	1	17			26		3				22		35				4	9							2	3	**135**
Казакларово 1	3	2	1			3		6						3	3	2		1	1							1	2	**28**
Казакларово 3	20		6			2		12				3			2		1	17						8			1	**72**
Кансиярово	18		4							22		46						51	18									**159**
Бадряш-Актау								2	1			1					1	8						2		1		**16**
Варьяз	3							2										8										**13**
Алтаево 3	7					2		1								1		3										**14**
Тибелево	4			1				1				2			3			3						1				**15**
Красный Холм																		1										**1**
Кудашево-1	2		1												1			3										**7**
Ново-Петрово	1							1				1																**3**
Сараштыбаш	2												2															**4**
Новоянтузово						36	4	27						6				1	9									**83**
Тра-Тау	1							4							4			7	1					3				**20**
Всего	**80**	**3**	**42**	**2**	**1**	**80**	**4**	**82**	**4**	**25**	**1**	**81**	**3**	**49**	**39**	**6**	**3**	**195**	**40**	**17**	**1**	**3**	**6**	**24**	**5**	**7**	**15**	**818**
Всего по типам	**127**				**281**									**388**												**7**	**15**	818
% по типам	15,53%				34,35%									47,43%												0,86%	1,83%	100,00%

Таблица 36

База данных археологического материала поселений Уфимско-Бельского междуречья

	Поселение	Тип памятника	План	Керамика	Кости	Уголь	Шлак	Обожженная глина	Подвески	Пряжки	Наконечник ремня	Накладка	Бусы	Пронизка	Браслеты	Зернотерка	Пряслица	Наконечники стрел	Оселок	Серпы	Шило, проколка	Каменный молот	Нож	Мотыга	Кочедык	Грузило	Тесло
1	Момылевское	городище	1	1	1																						
2	Бадряш-Актау	городище	1	1	1																						
3	Исхаковское	городище	1	1																							
4	Ошья-Тау	селище	1	1	1	1																					
5	Таш-Елга-1	селище	1	1	1																						
6	Таш-Елга-2	селище	0	1																							
7	Чертово	городище	1	1																							
8	Сандияк	городище	1	1	1			1	1	1	1	1	1			1	1	1							1		
9	Арийское	селище	0	1																							
10	Аксаитово-1	селище	1	1																							
11	Аксаитово-5	селище	0	1																							
12	Аксаитово-2	селище	1	1																							
13	Аксаитово-3	селище	1	1																							
14	Аксаитово-4	селище	1	1																							
15	Аксаитово-2	городище	1	1																							
16	Старо-Чукуровское	селище	1	1																							
17	Ильметьевское-1	селище	1	1																							
18	Ильметьевское-2	селище	1	1													1										
19	Ильметьевское-3	селище	1	1																							
20	Кардагушево-2	городище	1	1							1	1															
21	Старый Кайпан	селище	1	1																							
22	Верхне-Татышлинское	селище	1	1	1																						
23	Арибашевское	селище	1	1	1			1									1										
24	Уразгильдинское	селище	1	1																							
25	Уразгильдинское	городище	1	1																							
26	Кальтяевское	селище	1	1																							
27	Кальтяевское	городище	1	1																							
28	Ново-Татышлинское	городище	1	1																							
29	Лагерное	селище	1	1																							
30	Юг-Хуторское	городище	1	1																							
31	Юг-Хутор-1	селище	1	1																							
32	Юг-Хутор-2	селище	1	1																							
33	Бальзуга	селище	1	1																							
34	Береговое	селище	0	1																							
35	Ивановское	селище	0	1																							
36	Старо-Кызыл-Яр-2	селище	1	1																							
37	Русская Кара	селище	1	1																							
38	Асафово	селище	0	1																							
39	Ново-Карское	селище	0	1																							
40	Афанасьевское	городище	1	1	1		1																				
41	Сандугачское	городище	1	1																							
42	Савкияз	селище	1	1																							
43	Манагаз-1	селище	1	1																							
44	Манагаз-2	селище	1	1																							
45	Магашлы-Алмандай-2	селище	0	1																							
46	Магашлы-Алмандай-3	селище	0	1																							
47	Нижнесикиязовское	селище	1	1																							
48	Усакле-Елга	селище	1	1																							
49	Кирпичное	селище	1	1																							
50	Тибельское	селище	1	1	1																						
51	Юг	селище	1	1																							
52	Ур	городище	1	1																							
53	Усть-Югское	селище	0	1																							
54	Мищерово	селище	1	1																							
55	Чип-Чип	селище	1	1																							
56	Ново-Балтачево	селище	1	1																							
57	Нижнеиванаевское	селище	1	1																							
58	Верхнеиванаевское-1	селище	1	1																							
59	Верхнеиванаевское-2	селище	1	1																							
60	Верхнеиванаевское-3	селище	1	1																							
61	Верхнеиванаевское-4	селище	1	1																							
62	Кансиярское	городище	1	1	1																						

Продолжение. Таблица 36

63	Тучубаевское	городище	1	1																					
64	Тучубаевское	селище	0	1																					
65	Ново-Дюртюкеевское	селище	1	1																					
66	Имяново-1	городище	1	1																					
67	Бакалинское-4	селище	1	1																					
68	Бакалинское-3	селище	1	1																					
69	Бакалинское-2	селище	1	1	1																				
70	Бакалинское-1	селище	1	1	1																				
71	Старо-Тазларовское-1	селище	1	1																					
72	Старо-Тазларовское-2	селище	1	1																					
73	Старо-Тазларовское-3	селище	1	1																					
74	Ново-Кизганское-1	селище	1	1																					
75	Ново-Кизганское-2	селище	1	1	1	1																			
76	Каргалинское	селище	1	1																					
77	Юмакаевское	городище	1	1	1										1	1	1	1	1	1					
78	Юмакаевские	селище		1																					
79	Чишма-Бураевкое	селище	1	1																					
80	Варзинское-2	селище	1	1																					
81	Варзинское-1	селище	1	1																					
82	Больше-Шукшановское	селище	1	1																					
83	Кутлияровское	селище	1	1																					
84	Чиатавское	селище	1	1																					
85	Николаевское-1	селище	1	1																					
86	Николаевское-2	селище	1	1																					
87	Николаевское-3	селище	1	1																					
88	Ардашевское	селище	1	1																					
89	Александровское	селище	1	1																					
90	Ардашевское	городище	1	1																					
91	Чоркильдинское	городище	1	1																					
92	Шульгановское	городище	1	1																					
93	Шульгановское	селище	1	1																					
94	Тау	городище	1	1																					
95	Месягутовское	городище	1	1																					
96	Югамашевское-1	городище	1	1																					
97	Югамаш-1	селище	1	1												1									
98	Югамаш-2	селище	1	1																					
99	Югамаш-3	селище	1	1																					
100	Югамашевское-3	городище	1	1																					
101	Салиховское	селище	0	1																					
102	Сараштыбашевское	селище	1	1																					
103	Сараштыбашевское	городище	1	1																					
104	Алтаево-1	селище	1	1																					
105	Алтаево-2	селище	1	1																					
106	Алтаево-3	селище	1	1																					
107	Алтаево-4	селище	1	1																					
108	Кузбаевское-2	селище	1	1																					
109	Кузбаевское	селище	1	1																					
110	Кудашево-5	селище	1	1																					
111	Кудашево-4	селище	1	1																					
112	Кудашево-3	селище	1	1																					
113	Кудашево-2	селище	1	1																					
114	Кудашево-1	селище	1	1																					
115	Кушманакское-2	селище	1	1																					
116	Кушманакское-1	селище	1	1																					
117	Сибирганское	селище	1	1																					
118	Шабаевское	селище	1	1																					
119	Шунякское	селище	1	1																					
120	Муллинское-1	селище	1	1																					
121	Муллинское-2	селище	1	1																					
122	Кудашевское-2	городище	1	1																					
123	Кудашевское-1	городище	1	1																					
124	Мало-Качакское	селище	1	1																					
125	Большекачаково-1	селище	1	1																					
126	Старо-Тазларово-4	селище	1	1																					
127	Бустанаево-1	селище	1	1																					
128	Абдуллинское-2	селище	1	1																					
129	Бустанаевское	городище	1	1																					
130	Каинлыковское-3	селище	1	1																					
131	Каинлыковское-4	селище	1	1																					
132	Каинлыковское-5	селище	1	1																					
133	Каинлыковское-6	селище	1	1																					
134	Каинлыковское-2	селище	1	1																					

Продолжение. Таблица 36

135	Каинлыковское-1	селище	1	1																					
136	Карабаевское-1	селище	1	1																					
137	Карабаевское-2	селище	1	1																					
138	Кугарчинское	селище	1	1																					
139	Куяновское-3	селище	1	1																					
140	Куяновское-2	селище	1	1																					
141	Куяновское-1	селище	1	1																					
142	Тойкинское-2	селище	1	1																					
143	Тойкинское-1	селище	1	1																					
144	Краснохолмское	городище	1	1																					
145	Курзя-Саитовское	селище	1	1																					
146	Тугаряковское-1	селище	1	1																					
147	Тугаряковское-2	селище	1	1																					
148	Хазиевское	селище	1	1																					
149	Ташкубаровское	селище	1	1																					
150	Челкаковское-1	селище	1	1																					
151	Челкаковское-2	селище	1	1																					
152	Аштияз-1	селище	1	1																					
153	Аштияз-2	селище	1	1																					
154	Барьязинское	селище	1	1																					
155	Барьязинское	городище	1	1	1				1									1	1						
156	Верхнемалиновское	городище	1	1																					
157	Чеганда-1	городище	1	1																					
158	Барановское	селище	1	1																					
159	Такталачукское	городище	1	1																					
160	Тра-Тау	городище	1	1	1											1	1		1		1				1
161	Бачки-Тау	селище	1	1																					
162	Кунь-4	селище	1	1																					
163	Старо-Янзигитовское-1	селище	1	1																					
164	Старо-Янзигитовское-2	селище		1																					
165	Нижне-Татышевское	селище	1	1												1									
166	Старая-Мушта-11	селище	0	1																					
167	Кыз-Кала-Тау-1	селище	1	1				1																	
168	Старая-Мушта-9	селище	0	1	1			1																	
169	Какры-Куль-5	селище	0	1	1			1																	
170	Какры-Куль-9	селище	0	1																					
171	Какры-Куль-15	селище	0	1																					
172	Какры-Куль	городище	1	1	1	1	1										1	1	1			1			1	
173	Киргизово-1	селище	1	1																					
174	Киргизово-3	селище	1	1	1																				
175	Киргизово-2	селище	0	1	1	1	1										1								
176	Бурнюш-1	селище	1	1																					
177	Бурнюш-2	селище	1	1																					
178	Янгизнарат	селище	1	1	1	1		1									1								
179	Старо-Каинлык	селище	0	1																					
180	Старо-Буртюкское	селище	1	1																					
181	Юсупово	селище	1	1																					
182	Маняк	селище	1	1																					
183	Манякское	городище	1	1																					
184	Петр-Тау	городище	1	1	1												1			1		1			
185	Юлдашевские	селище	1	1																					
186	Ново-Медведевское-2	селище	0	1																					
187	Ново-Медведевское-4	селище	0	1																					
188	Андреевское	городище	1	1																					
189	Серенкино	городище	1	1	1																				
190	Трикольское	городище	1	1																					
191	Ново-Биктовское-1	селище	1	1																					
192	Ново-Биктовское-3	селище	1	1																					
193	Ново-Биктовское-4	селище	1	1																					
194	Маядыкское	городище	1	1																					
195	Ново-Кангышевское	селище	0	1																					
196	Ишбулатовское	селище	0	1																					
197	Казакларовское-1	городище	1	1	1		1	1					1	1		1	1	1	1						
198	Казакларовское-3	городище	1	1	1			1								1						1			
199	Казакларовское-2	городище	1	1																					
200	Казакларовское-4	селище	1	1																					
201	Кулганское-1	селище	0	1																					
202	Кулганское-2	селище	0	1																					
203	Бишкураевское	городище	0	1																					
204	Казанцевское	селище	1	1																					
205	Ново-Ельдяковское	селище	0	1																					
206	Камелевское-1	селище	1	1																					

Продолжение. Таблица 36

207	Камелевское-2	селище	1	1																					
208	Ново-Янтузовское	городище	1	1																					
209	Баишевское	селище	0	1																					
210	Ново-Ляпустинское	селище	1	1																					
211	Ново-Уртаевское	селище	1	1																					
212	Вознесенское	городище	1	1																					
213	Кусекеевское	селище	1	1																					
214	Поповское	селище	1	1																					
215	Поповское	городище	1	1																					
216	Шамсутдин-1	селище	1	1																					
217	Новокульчебаевское	городище	1	1																					
218	Самосадское-1	селище	1	1																					
219	Самосадское-2	селище	1	1																					
220	Баразинское	городище	1	1																					
221	Шады-2	селище	1	1																					
222	Шады-1	селище	1	1																					
223	Малые Шады-1	селище	0	1																					
224	Чебыковское	селище	1	1																					
225	Баженово-1	селище	1	1																					
226	Ярославское	селище	1	1																					
227	Десяткинское	селище	0	1																					
228	Емашевское-1	селище	1	1																					
229	Емашевское-2	селище	1	1																					
230	Кочкильдинское	селище	1	1	1																				
231	Сабаевское	селище	1	1																					
232	Урьядинское	селище	1	1																					
233	Байбаковское	селище	1	1																					
234	Камеевское	селище	1	1																					
235	Камеевское	городище	1	1																					
236	Бабаевское	селище	1	1																					
237	Унурское	селище	1	1																					
238	Ново-Акбулатовское	селище	1	1																					
239	Бирск-8	селище	1	1																					
240	Бирск-7	селище	1	1																					
241	Балабановскоеозеро	селище	1	1																					
242	Ямурзина-1	селище	1	1																					
243	Камешник-1	селище	1	1																					
244	Камешник-2	селище	1	1																					
245	Бирск-6	селище	1	1																					
246	Бирск-5	селище	1	1	1																				
247	Бирское	городище	1	1	1										1	1	1					1			
248	Телецентр-5	селище	1	1	1																				
249	Телецентр-6	селище	1	1																					
250	Телецентр-4	селище	1	1																					
251	Телецентр-3	селище	1	1	1																				
252	Пономаревка-5	селище	1	1																					
253	Пономаревка-6	селище	1	1																					
254	Пономаревка-4	селище	1	1	1																				
255	Пономаревка-2	селище	1	1																					
256	Пономаревка-7	городище	1	1																					
257	Пономаревка-3	селище	1	1																					
258	Телецентр-1	селище	1	1																					
259	Телецентр-2	селище	1	1																					
260	Юланда-1	селище	1	1																					
261	Таловка-7	селище	1	1																					
262	Таловка-6	селище	1	1																					
263	Таловка-5	селище	1	1																					
264	Березовый ручей	селище	1	1																					
265	Таловка-3	селище	1	1																					
266	Таловка-1	селище	1	1																					
267	Таловка-4	селище	1	1																					
268	Таловка-2	селище	1	1																					
269	Улеевское	селище	1	1																					
270	Силантьевское	селище	1	1																					
271	Михайло-Никольское-5	городище	1	1	1	1	1	1																	
272	Михайло-Никольское-2	городище	1	1	1		1	1																	
273	Михайло-Никольск-4	селище	1	1																					
274	Михайло-Никольское-1	городище	1	1																					
275	Михайло-Никольское-3	селище	1	1																					
276	Костыревское-3	селище	1	1																					
277	Костыревское-1	селище	1	1				1																	
278	Камышинское-1	городище	1	1	1	1	1	1																	

Продолжение. Таблица 36

279	Камышинское	селище		1																					
280	Симкинское-2	селище	1	1																					
281	Бекмурзинское	селище	1	1																					
282	Ново-Петровское	городище	1	1	1	1																			
283	Соловьевское	селище	1	1																					
284	Чишминское	селище	1	1																					
285	Горновское	городище	1	1	1	1										1									
286	Акудинское	селище	1	1																					
287	Айбашевское	городище	1	1																					
288	Айбашевсое	селище	1	1																					
289	Матвеевское	селище	1	1	1										1										
290	Япарковское	селище	1	1																					
291	Кушнаренковское	селище	1	1	1			1								1				1					
292	Ахметовское-3	селище	1	1																					
293	Канлинское	селище	1	1																					
294	Ахлыстинское	селище	0	1																					
295	Ахметовское-2	селище	1	1	1	1	1	1																	
296	Кувыковское	городище	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1			1		1	1			1		1		1		
297	Кувыковское-2	селище	1	1																					
298	Кувыковское-3	селище	1	1	1																				
299	Сорвихинское	городище	1	1	1	1							1					1					1		
300	Богородское	городище	1	1					1	1	1												1		
301	Удельно-Дуваней-1	селище	0	1																					
302	Удельно-Дуваней-3	селище	1	1																					
303	Удельно-Дуваней-2	селище	0	1																					
304	Ильинское	селище	1	1																					
305	Яболчкинское	селище	0	1																					
306	Николаевское	селище	1	1	1											1		1							
307	Дмитриевское	селище	1	1																					
308	Благовещенское-2	селище	0	1																					
309	Благовещенское	городище	1	1																					
310	Благовещенское-1	селище	0	1																					
311	Кара-Абызское	городище	1	1	1	1				1	1	1	1			1		1					1		
312	Ново-Турбаслинское-1	селище	1	1																					
313	Ново-Турбаслинское-2	селище	1	1	1	1		1					1				1	1							
314	Ново-Турбаслинское-3	селище	1	1																					
315	Ручейное	селище	1	1	1																				
316	Уфа-5	городище	1	1	1			1			1														
317	Затонское-4	селище	0	1																					
318	Романовка-3	селище	1	1																					
319	Михайловское	селище	1	1																					
320	Уфа-2	городище	1	1													1								
321	Охлебининское-3	городище	1	1																					
322	Имендяшевское	городище	1	1	1	1											1								
323	Уфа-1	городище	1	1	1	1				1	1					1							1		
324	Дудкинское-2	селище	1	1																					
325	Юнарское	селище	1	1																					
326	Вотикеево-1	селище	1	1												1									
327	Вотикеево-2	городище	1	1				1								1				1					
328	Кляшевское	селище	1	1																					
329	Ахметовское	селище	1	1																					
330	Турушлинское-1	селище	1	1																					
331	Арамелевское	селище	1	1																					
332	Старогилевское-1	селище	1	1																					
333	Старогилевское-2	селище	1	1																					
334	Садовское-1	селище	1	1																					
335	Садовское-2	селище	1	1																					
336	Садовское-3	селище	1	1																					
337	Трошкинское	селище	1	1																					
338	Орловское-2	селище	1	1																					
339	Трудениковское	селище	1	1																					
340	Орловское-1	селище	1	1																					
341	Орловское	селище	1	1																					
342	Орловское-3	селище	1	1																					
343	Каменная поляна	селище	1	1																					
344	Варьязское	селище	1	1																					
345	Варьязское	городище	1	1	1					1	1						1								
346	Ахлыстинское	селище	0	1																					
347	Дмитриевское	селище	1	1																					
348	Анненское	селище	1	1																					
349	Казанковское	селище	1	1																					
350	Уса-Степановское	селище	0	1																					

Продолжение. Таблица 36

351	Бажинское	городище	1	1	1	1			1	1	1	1	1			1	1	1	1		1		1				
352	Ново-Бирючевское	селище	0	1																							
353	Стро-Бирючевское-1	селище	0	1																							
354	Старо-Бирючевское-2	селище	1	1																							
355	Эманнинское-1	селище	1	1																							
356	Эманнинское-2	селище	1	1																							
357	Чандарское	городище	1	1	1	1																					
358	Чандарское	селище	1	1	1	1		1	1																		
359	Барандайка	селище	0	1																							
360	Вестар	селище	1	1	1	1	1			1	1	1				1		1									
361	Усть-Юрюзанское	селище	1	1																							
362	Айдос	селище	1	1																							
363	Байкинское	городище	1	1																							
364	Якуповское-1	селище	1	1																							
365	Якуповское-2	селище	1	1																							
			320	365	55	20	10	16	8	6	9	10	6	1		10	21	16	7	1	5	1	9	2	2	1	1

Приложение 2. Иллюстрации

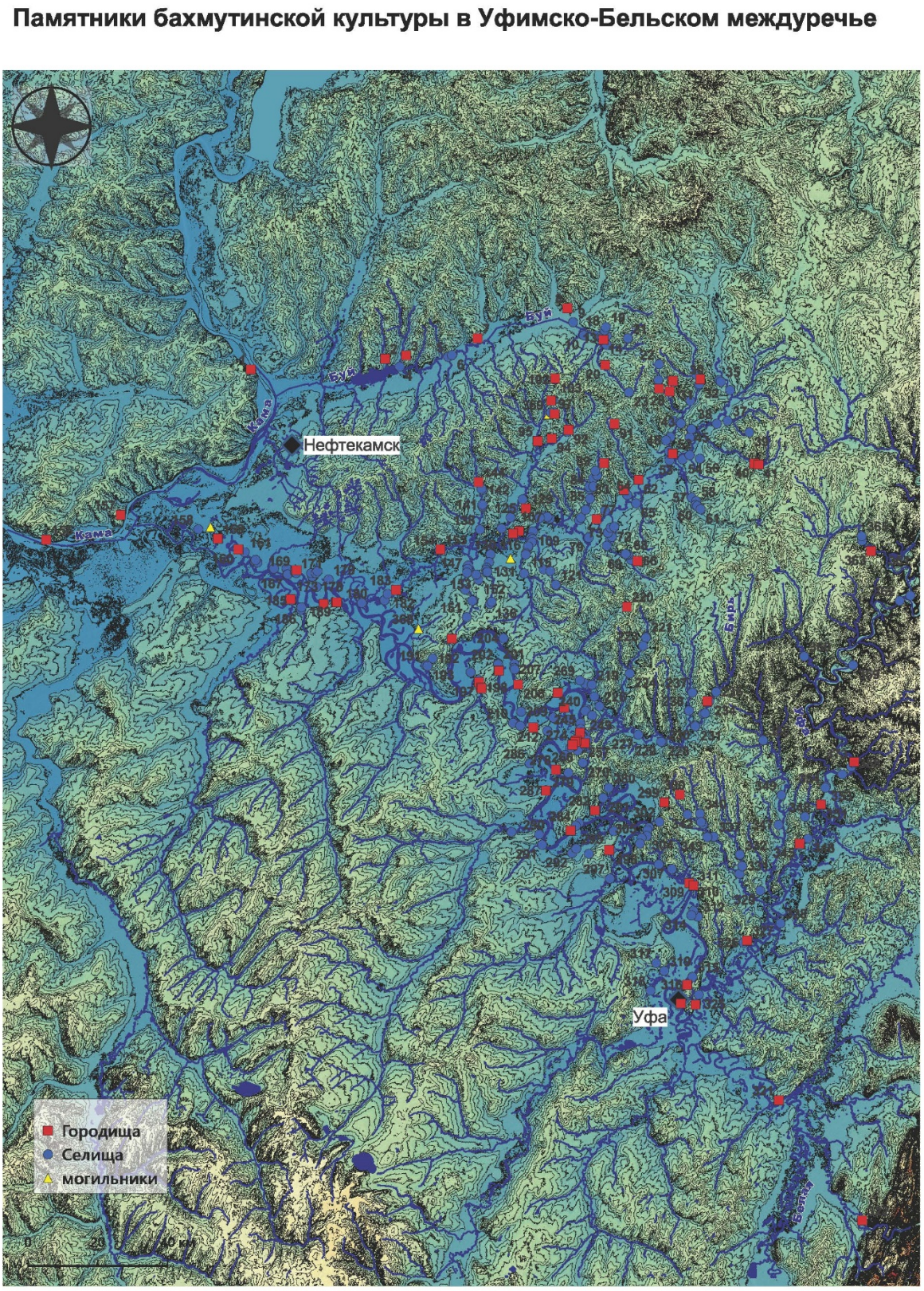

Рис. 1. Карта памятников бахмутинской культуры (нумерация соответствует базе данных, таб. 1)

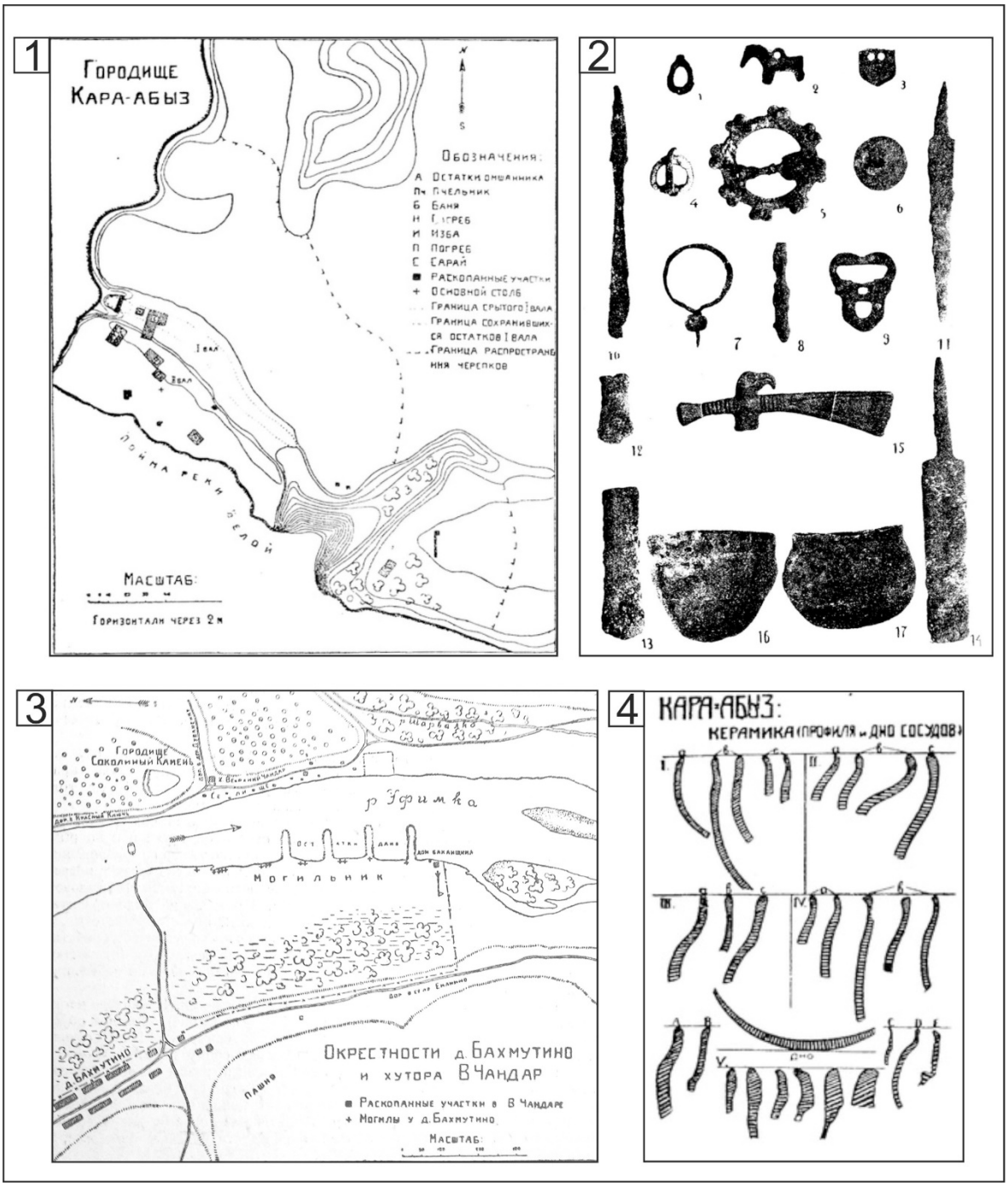

Рис. 2. Результаты исследований А.В. Шмидта (1928 г.). 1-план Кара-Абызского городища; 2-материалы Бахмутинского могильника; 3-план Бахмутинского могильника, городища Соколиный камень (Чандарское) и Чандарского селища; 4-типология профилей верхних частей и дна сосудов

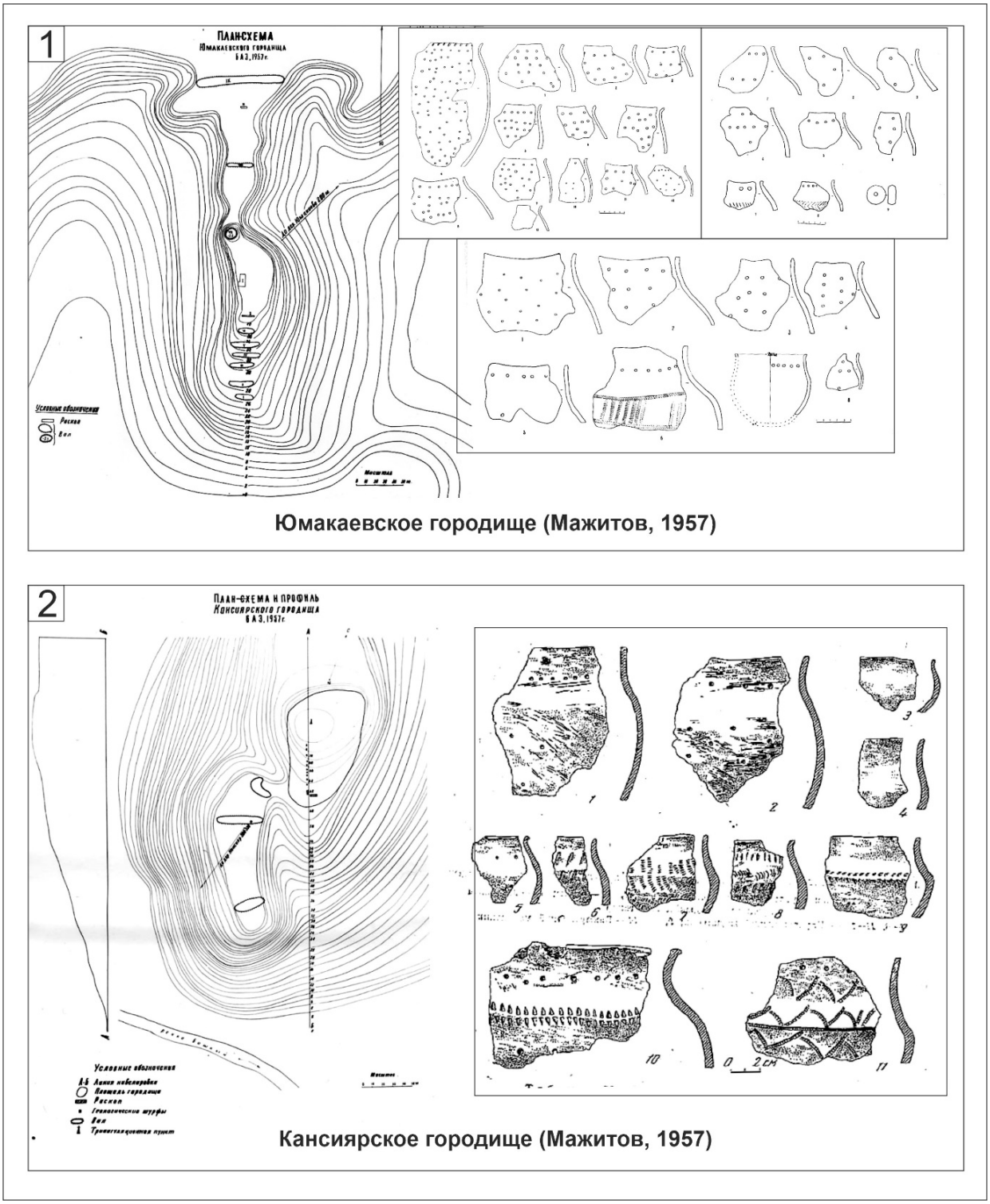

Рис. 3. Материалы Юмакаевского (1) и Кансияровского (2) городищ. Разведки Н.А. Мажитова 1957 г

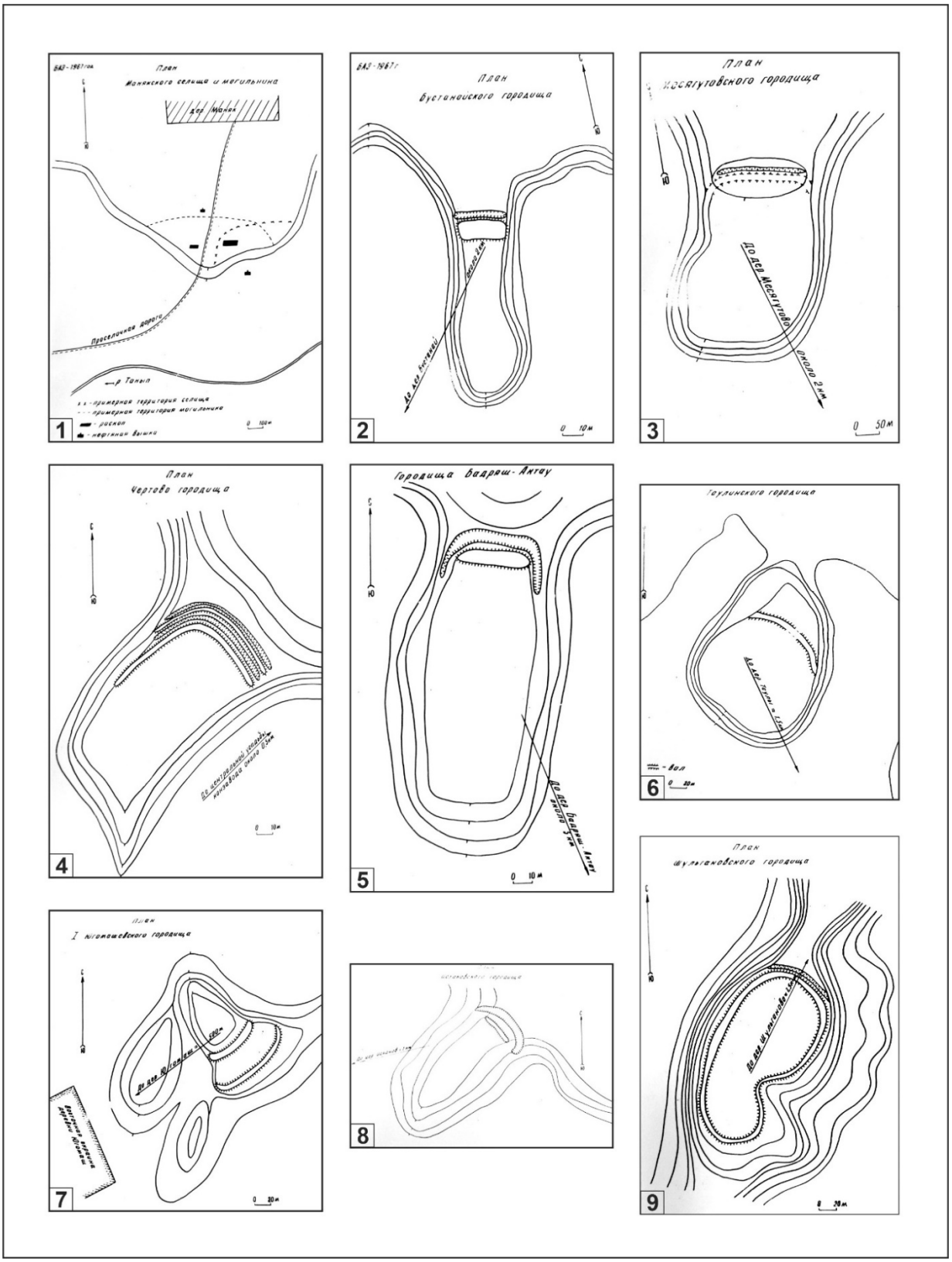

Рис. 4. Топографический планы памятников бахмутинской культуры по материалам разведок Н.А. Мажитова 1967 г. 1-Манякское селище, 2-Бустанаевское городище,3-Месягутовское городище, 4-Чертово городище, 5-городище Бадряш-Актау, 6-Таулинское (Тау) городище, 7-Югамашевское-1 (Кала-Тау) городище, 8-Исхаковское городище, 9-Шулгановское городище

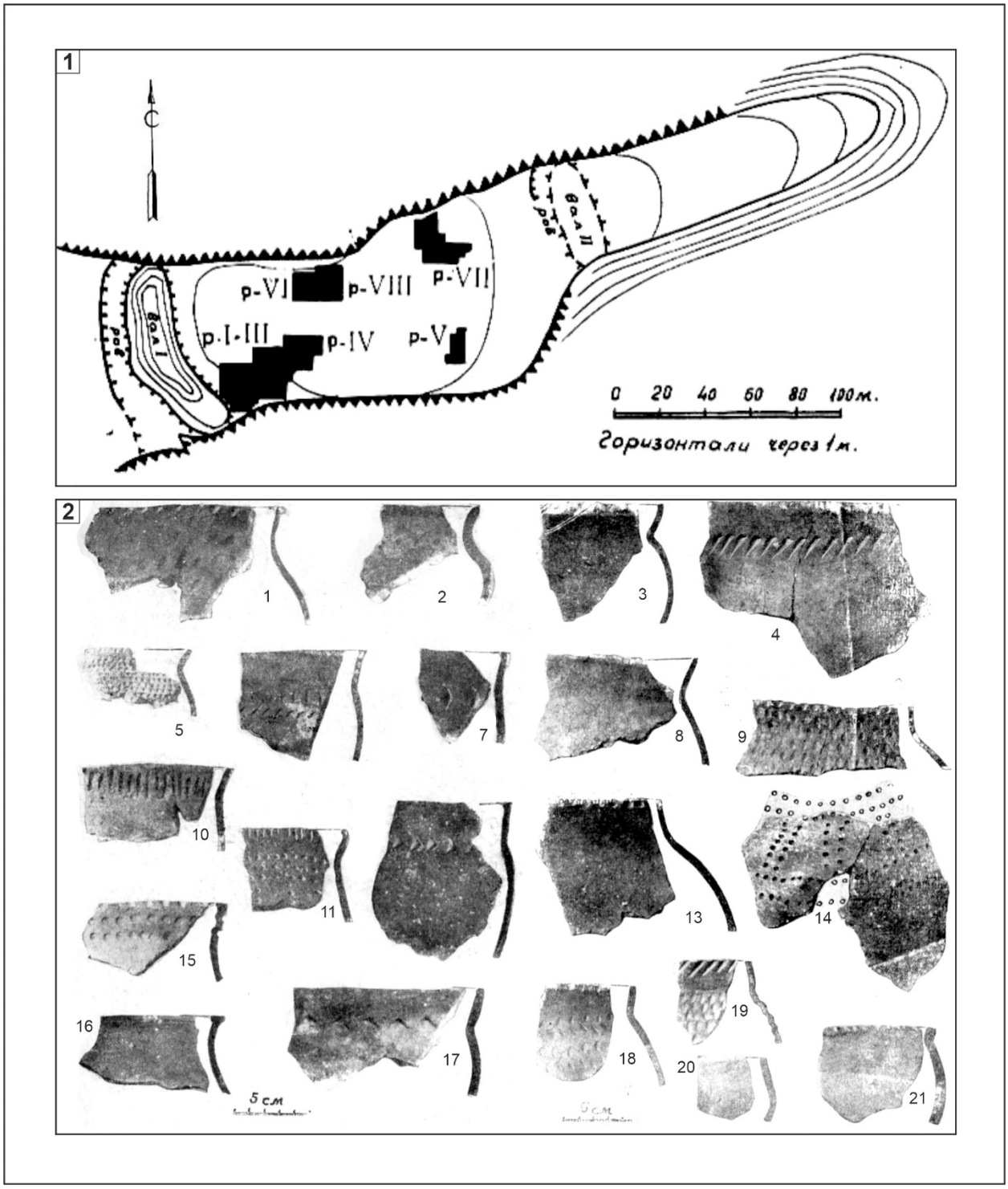

Рис. 5. Материалы городища Чеганда 1 (Генинг, 1971). 1-план городища, 2-керамика

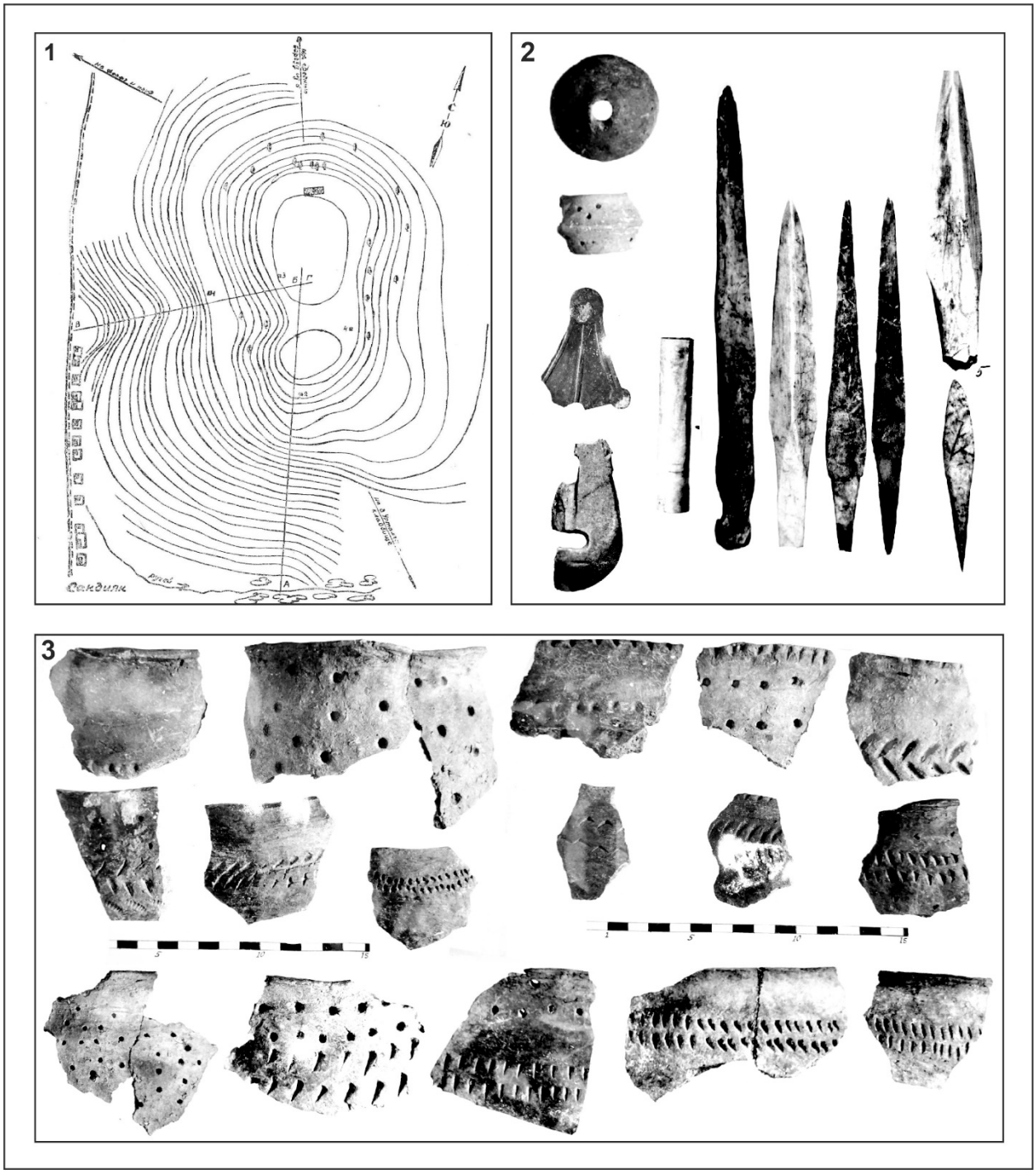

Рис. 6. Материалы городища Сандияк из раскопок И.С. Поносовой (1963 г.). 1-план городища Сандияк, 2-индивидуальные находки, 3-керамика

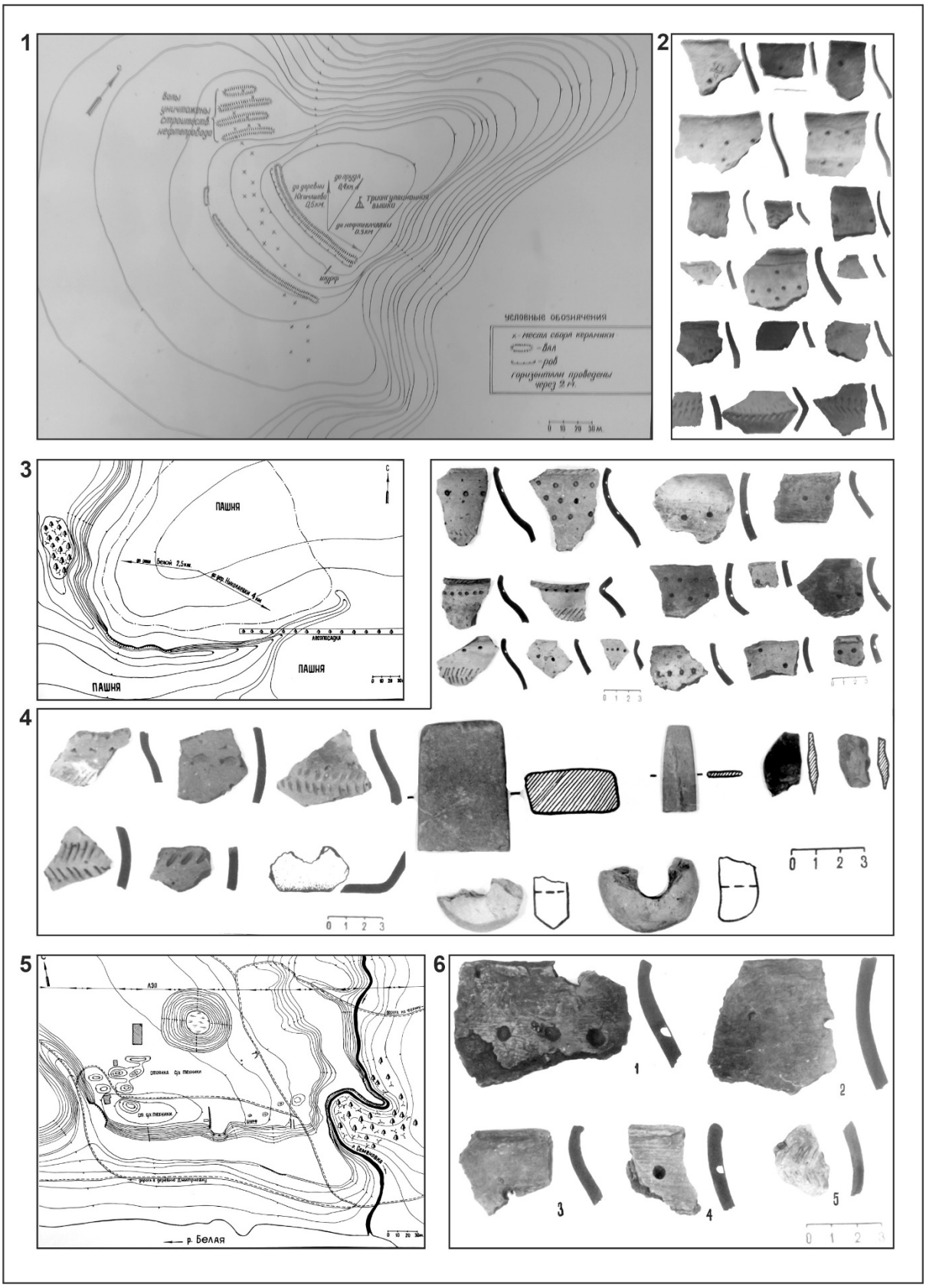

Рис. 7. Материалы исследований С.М. Васюткина. 1-план городища Югамаш (Кала-Тау), 2-керамика городища Югамаш (Кала-Тау), 3-план Николаевского селища, 4-археологический материал Николаевского селища, 5-план Дмитриевского селища, 6-керамика Дмитриевского селища

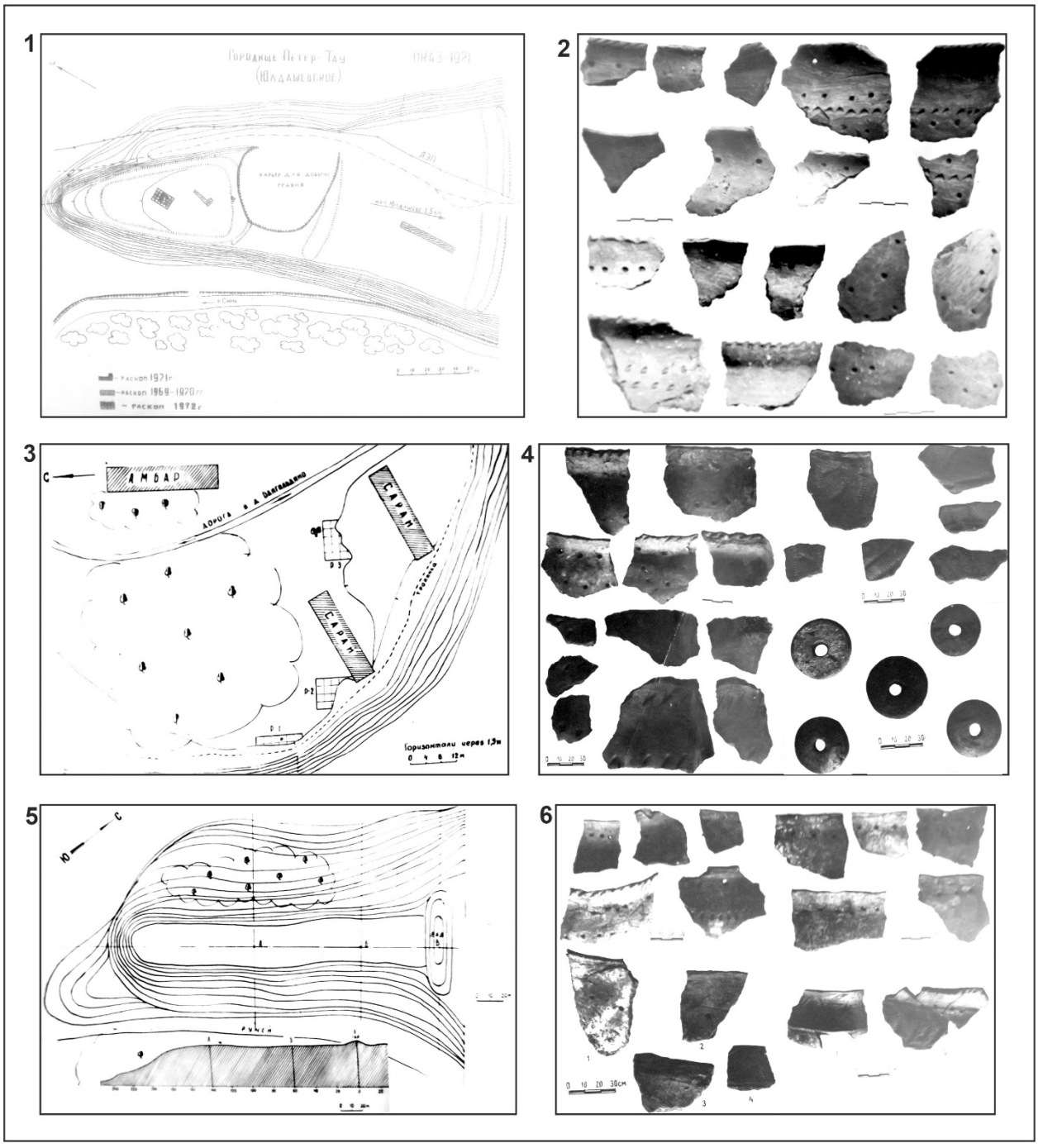

Рис. 8. Материалы исследований С.М. Васюткина. 1-план городища Петер-Тау (Юлдашевское), 2-керамика городища Петер-Тау (Юлдашевское), 3-план селища Байгильдино, 4-археологический материал селища Байгтльдино, 5-план городище Казакларово-2, 6-керамика городища Казакларово-2

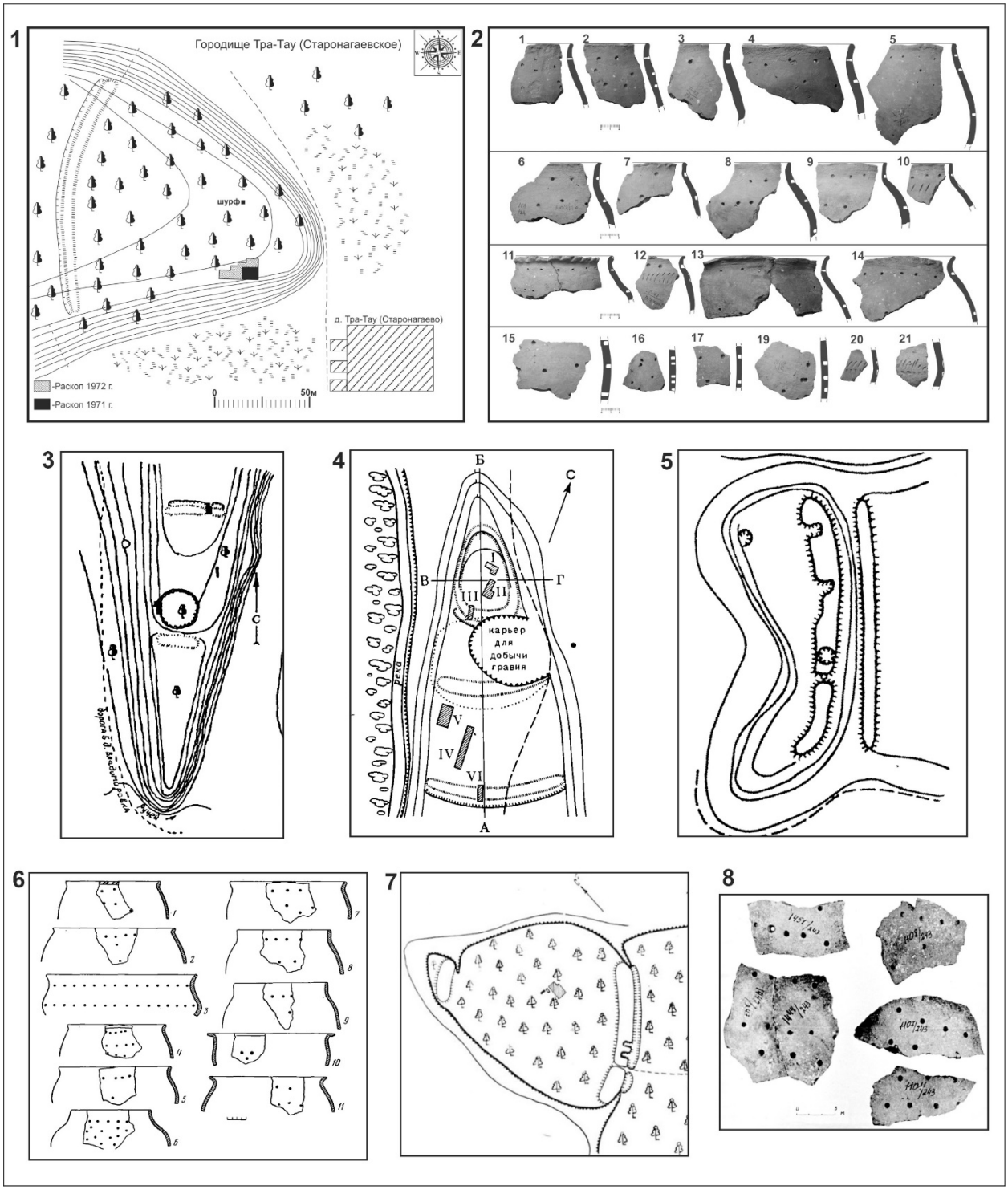

Рис. 9. Материалы исследований В.А. Иванова. 1-план городища Тра-Тау (Старонагаевское), 2-керамика бахмутинского типа городища Тра-Тау (Старонагаевское), 3-план городища Варьяз, 4-план городища Петер-Тау (Юлдашевское), 5-план городища Кара-Абыз, 6-керамика бахмутинского типа городища Петер-Тау (Юлдашевское), 7-план городища Серенкино, 8-кеарамика бахмутинского типа городища Серенкино

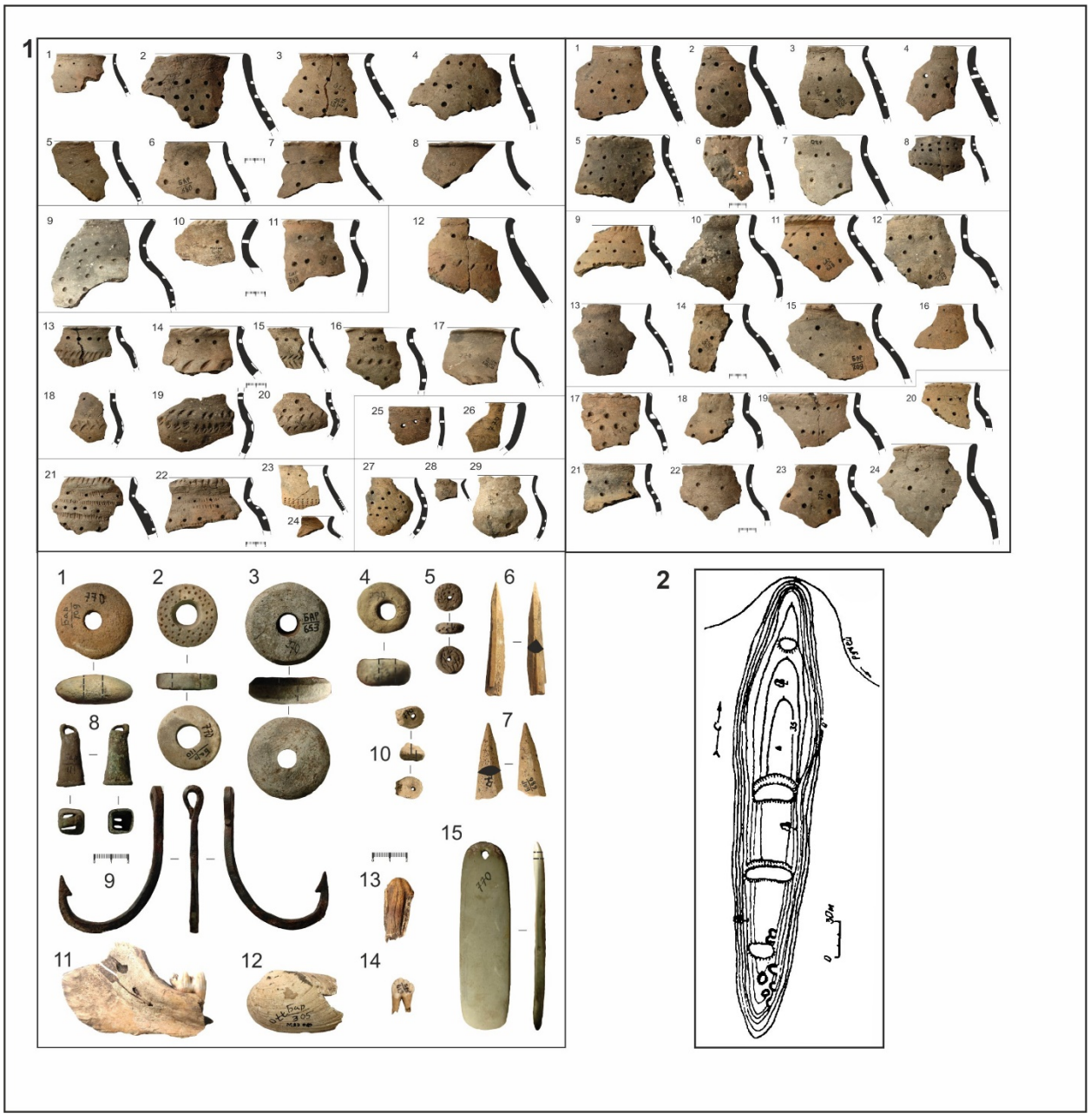

Рис. 10. Материалы исследований В.А. Иванова. 1-археологический материал городища Барьяза (по Колонских, 2021), 2-план городища Барьяза (Иванов, 1975)

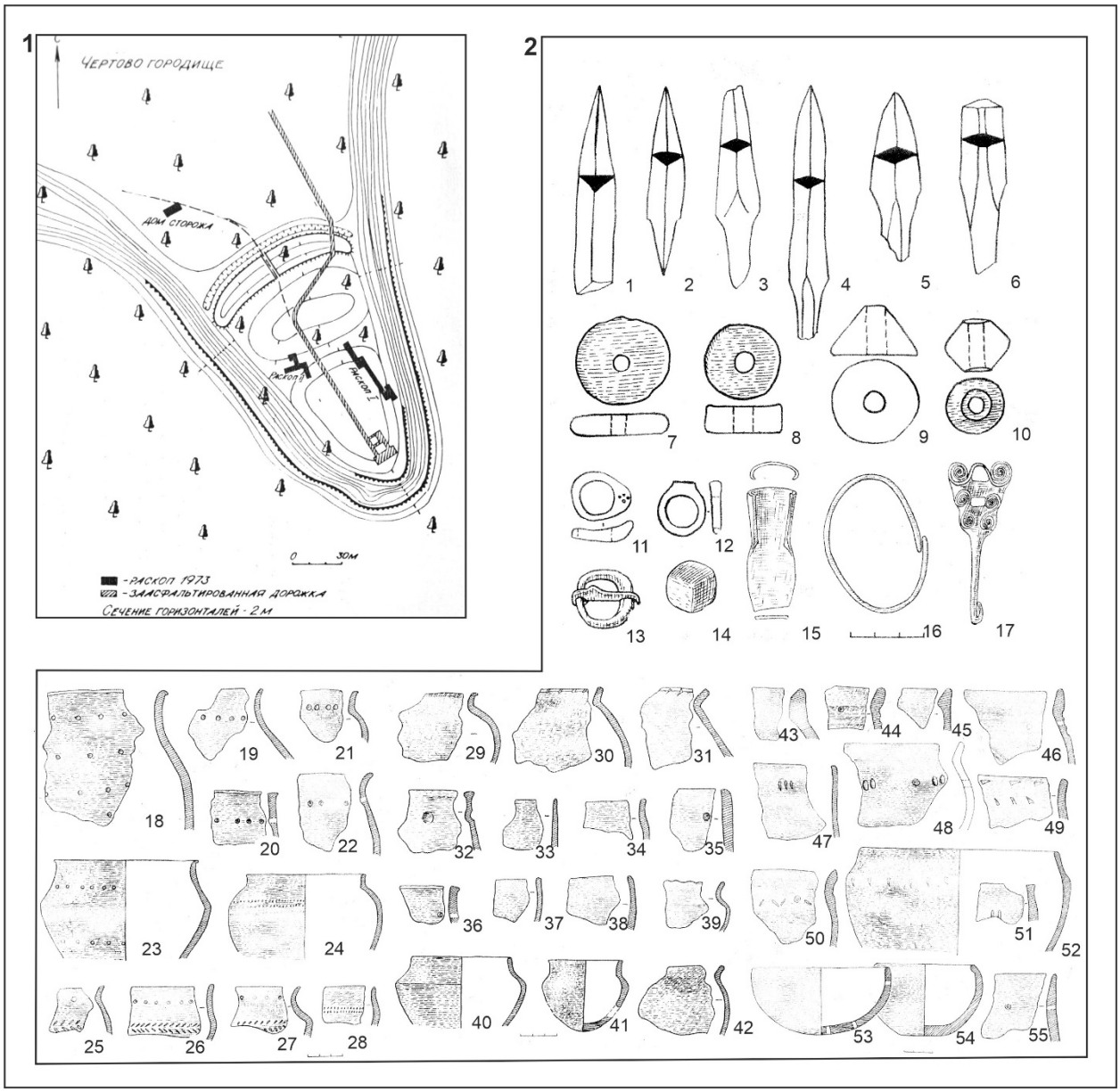

Рис. 11. Исследования Ю.А. Морозова Уфимского (Чёртово) городища (1973 г.). 1-план городища, 2-археологический материал

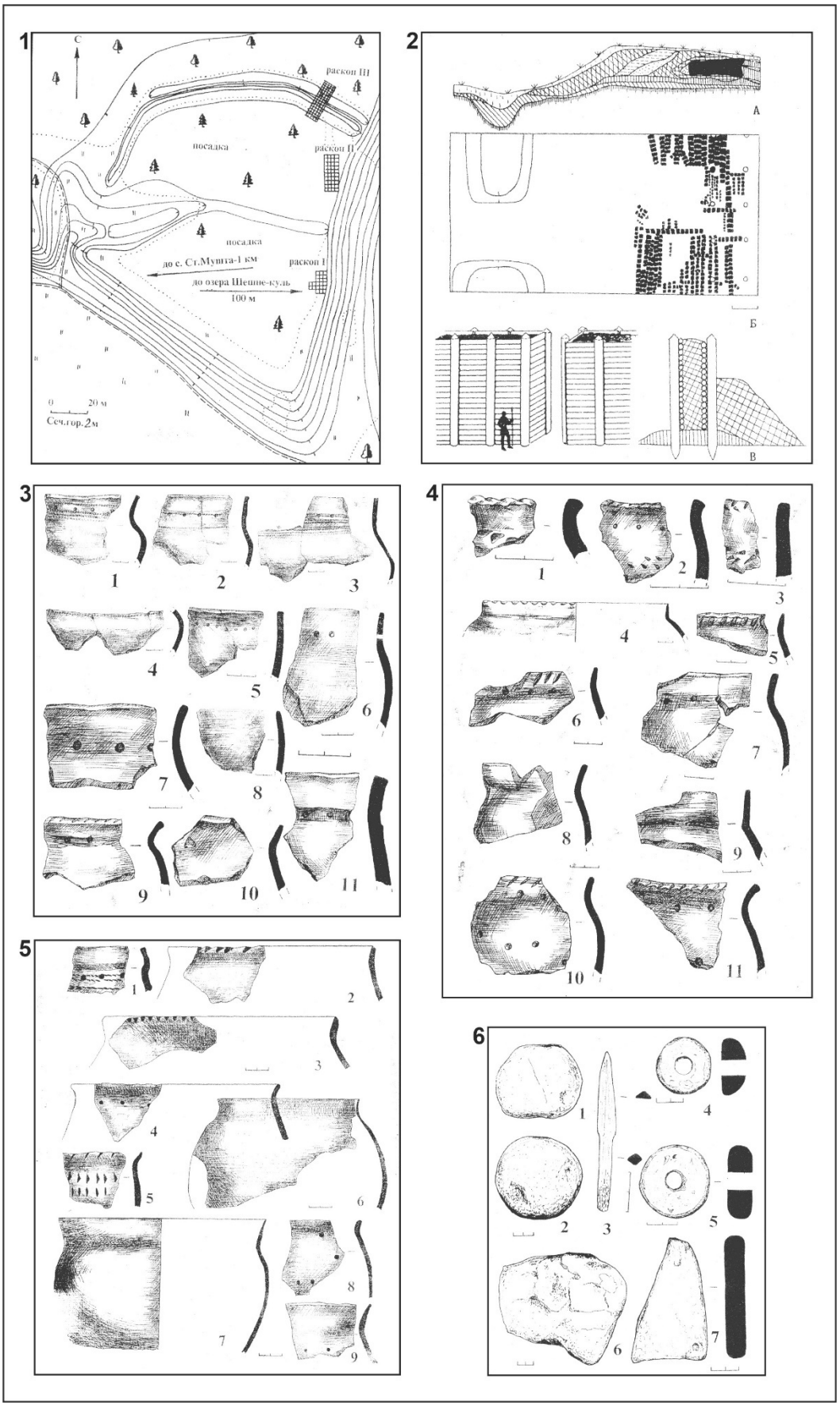

Рис. 12. Материалы исследования городища Какры-Куль (Старомуштинское) в 1988, 1993 гг. (по Овсянников, Тагиров, 2000). 1-план городища, 2-реконструкция оборонительных сооружений, 3-6-археологический материал

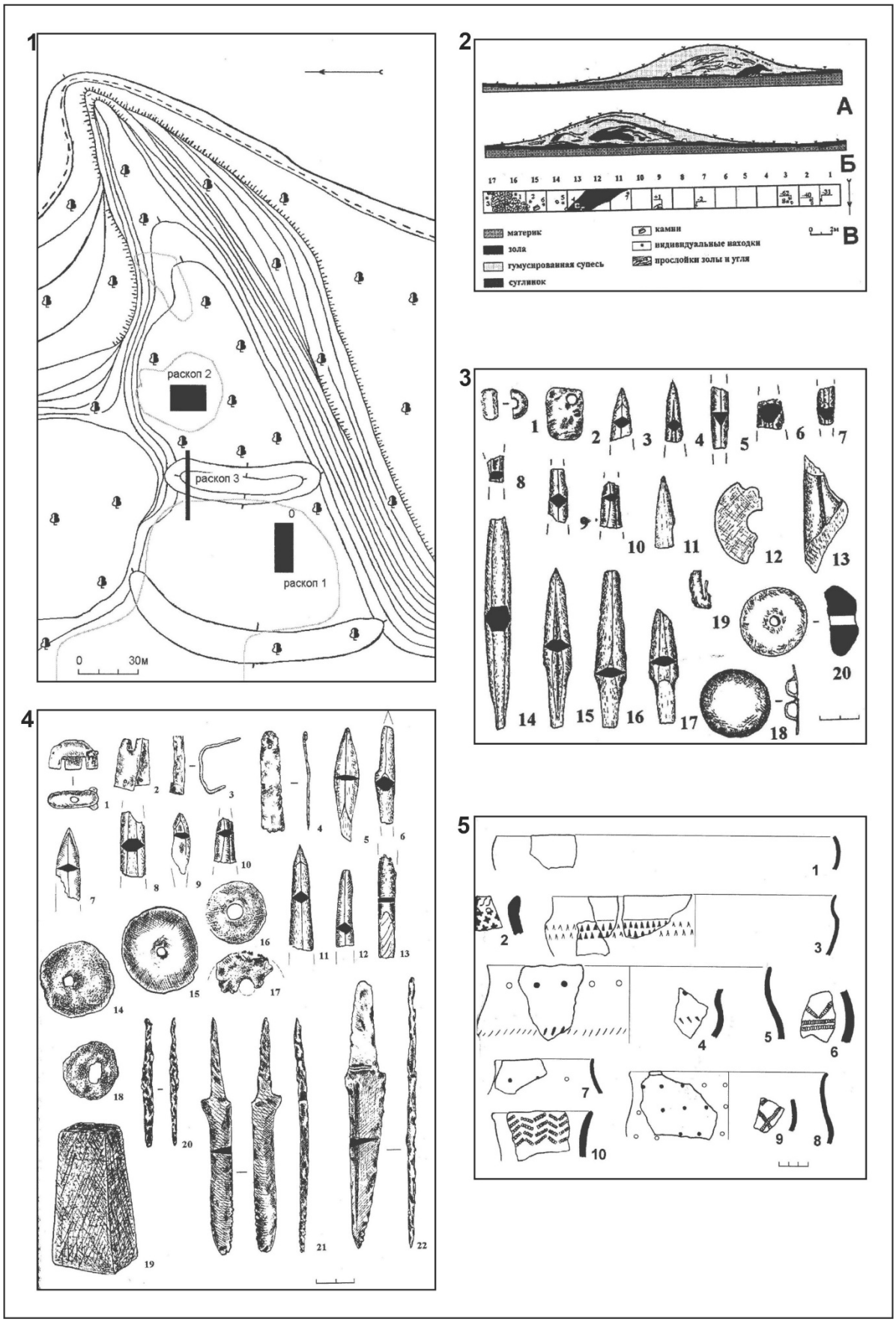

Рис. 13. Материалы исследования Бажинского (Каменная гора) городища в 1998 г. (по Овсянников, Сунгатов, 2004). 1-план городища, 2-профили раскопа III, 3-5-археологический материал

Рис. 14. Материалы исследования Бажинского (Каменная гора) городища в 1998 г. (по Овсянников, Сунгатов, 2004). 1-7-керамика

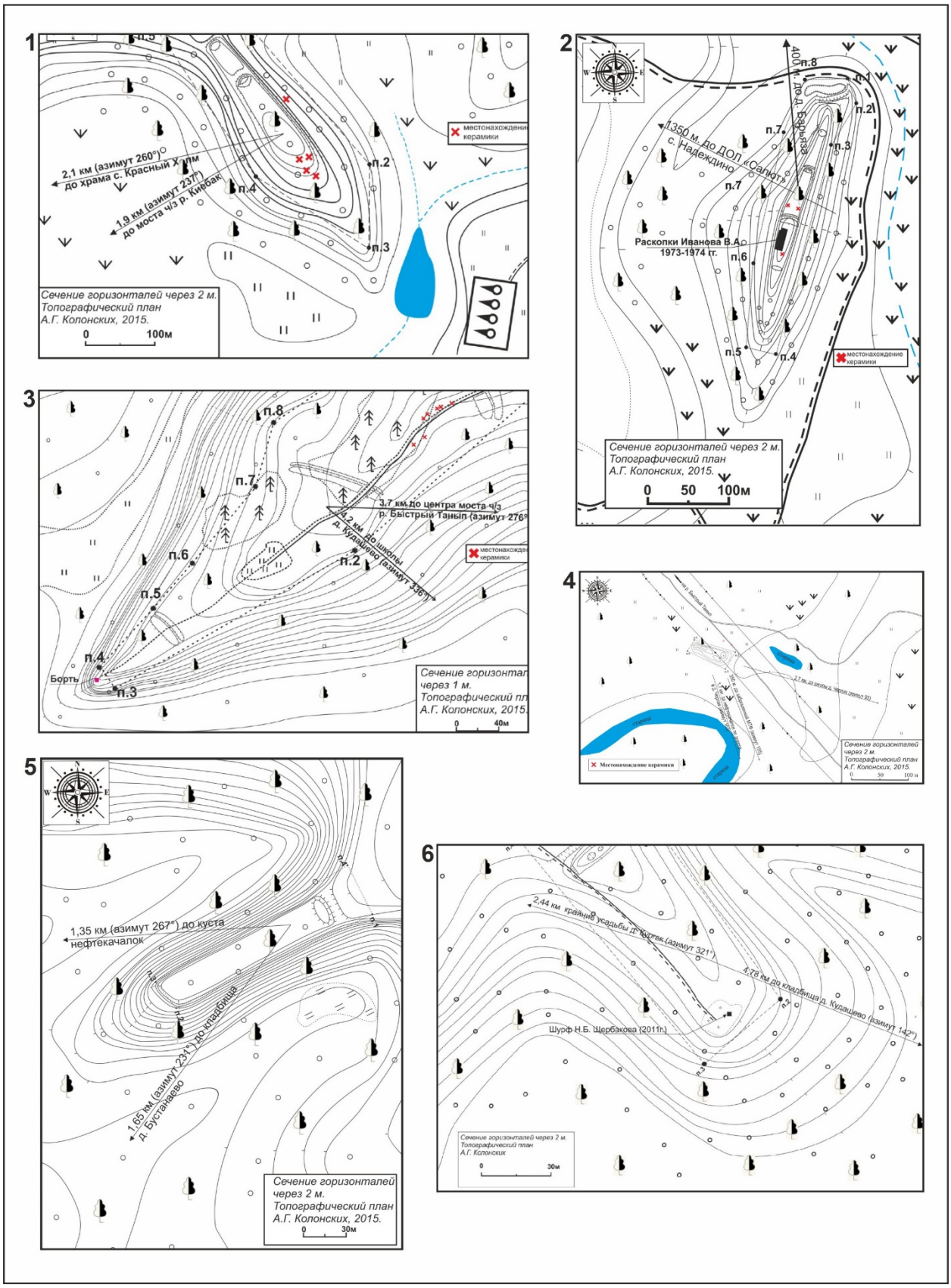

Рис. 15. Топографические планы поселений бахмутинской культуры обследованные А.Г. Колонских в 2015 г. 1-Краснохолмское городище, 2-Барьязинское городище, 3-Кудашево-2, городище, 4-Манякское-2, селище, 5-Бустанаевское городище, 6-Кудашевское городище

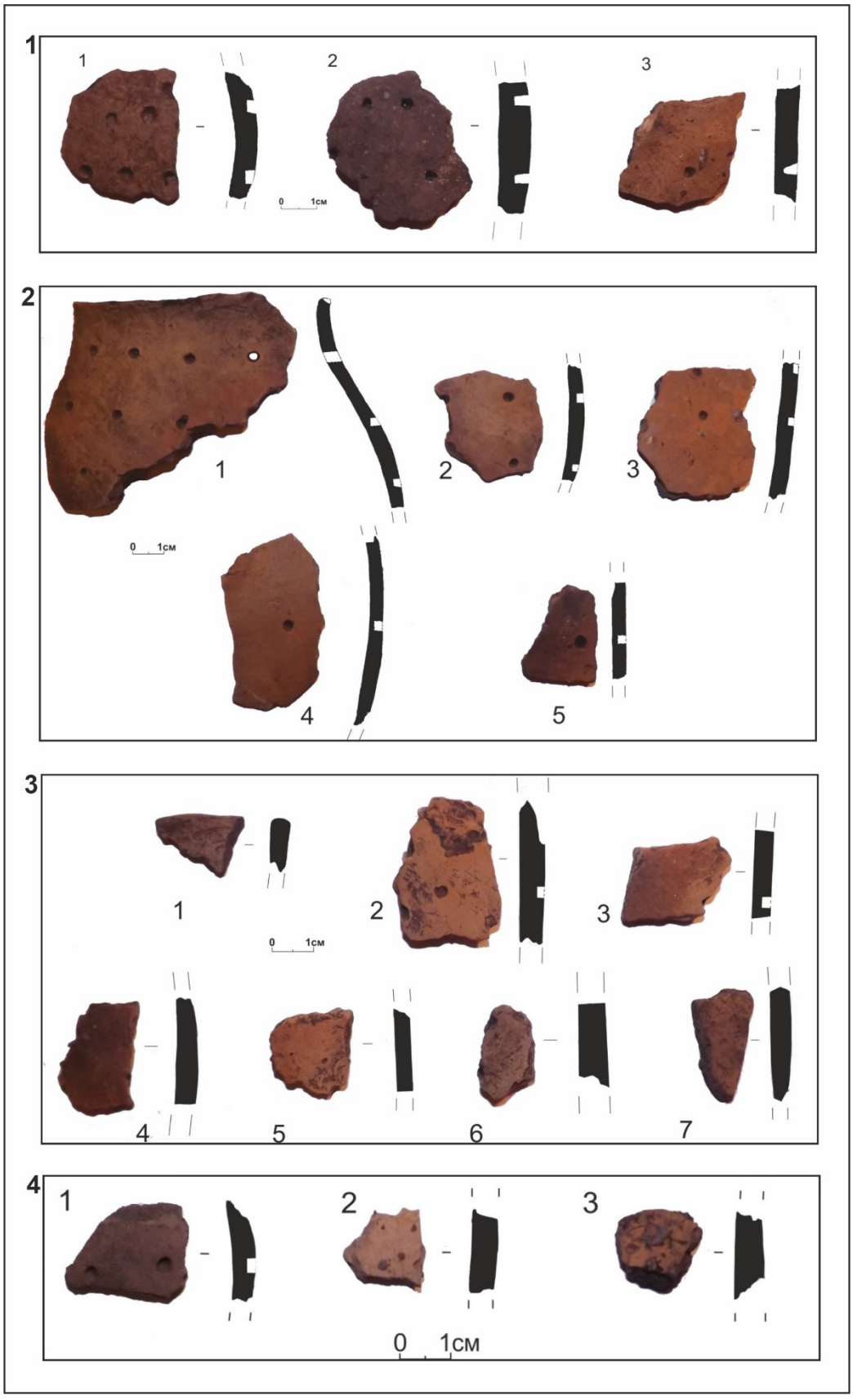

Рис. 16. Керамика поселений бахмутинской культуры обследованных А.Г. Колонских в 2015 г. 1- Барьязинское городище, 2-Краснохолмское городище, 3-Кудашево-2, городище, 4- Манякское-2, селище

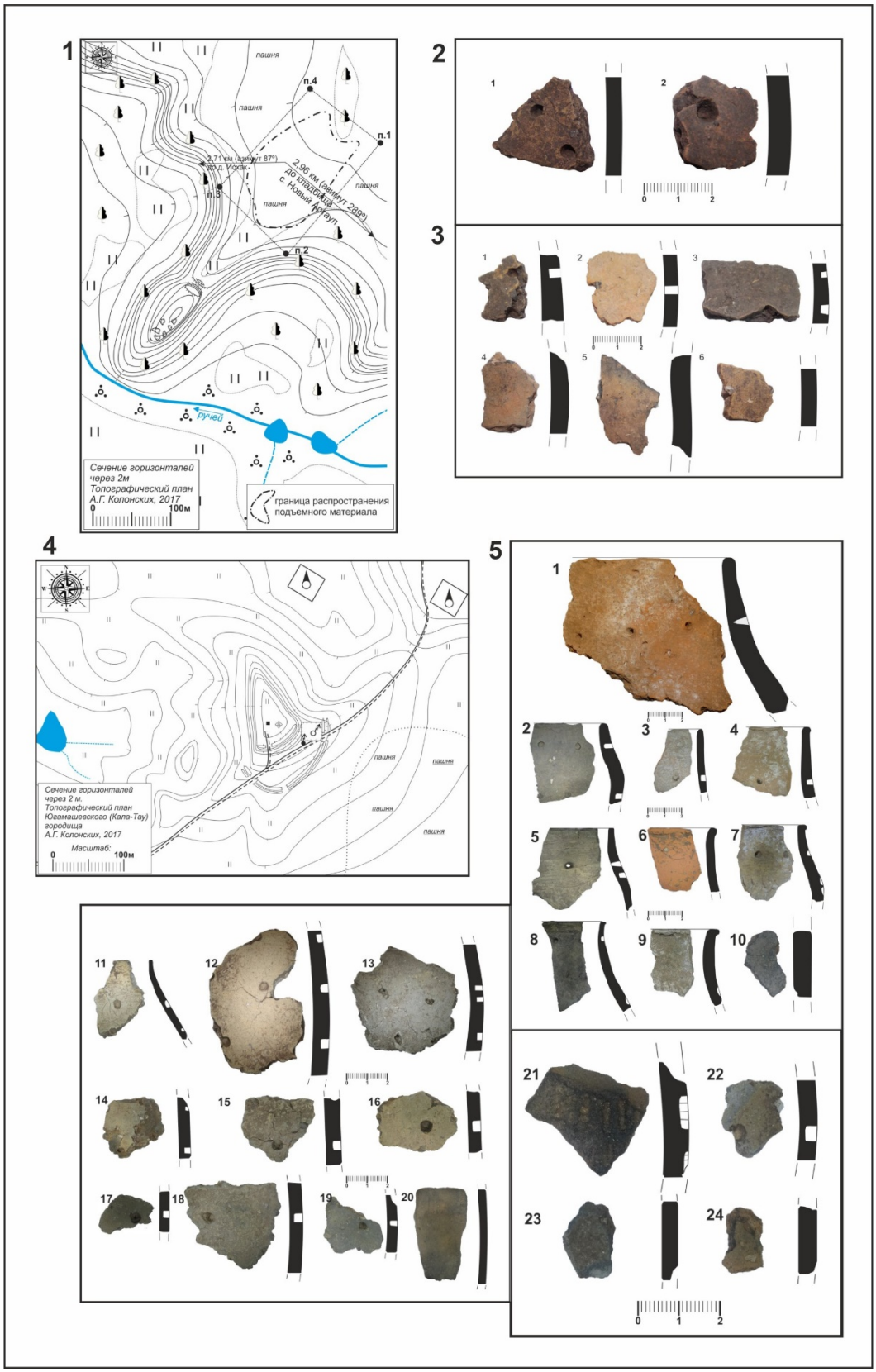

Рис. 17. Материалы поселений бахмутинской культуры обследованных А.Г. Колонских в 2017 г. 1- план Исхаковского городища и селища, 2-керамика Исхкаовского городища, 3-керамика Исхаковского селища, 4-план Югамашевского (Кала-Тау) городища, 5-керамика Югамашевского (Кала-Тау) городища

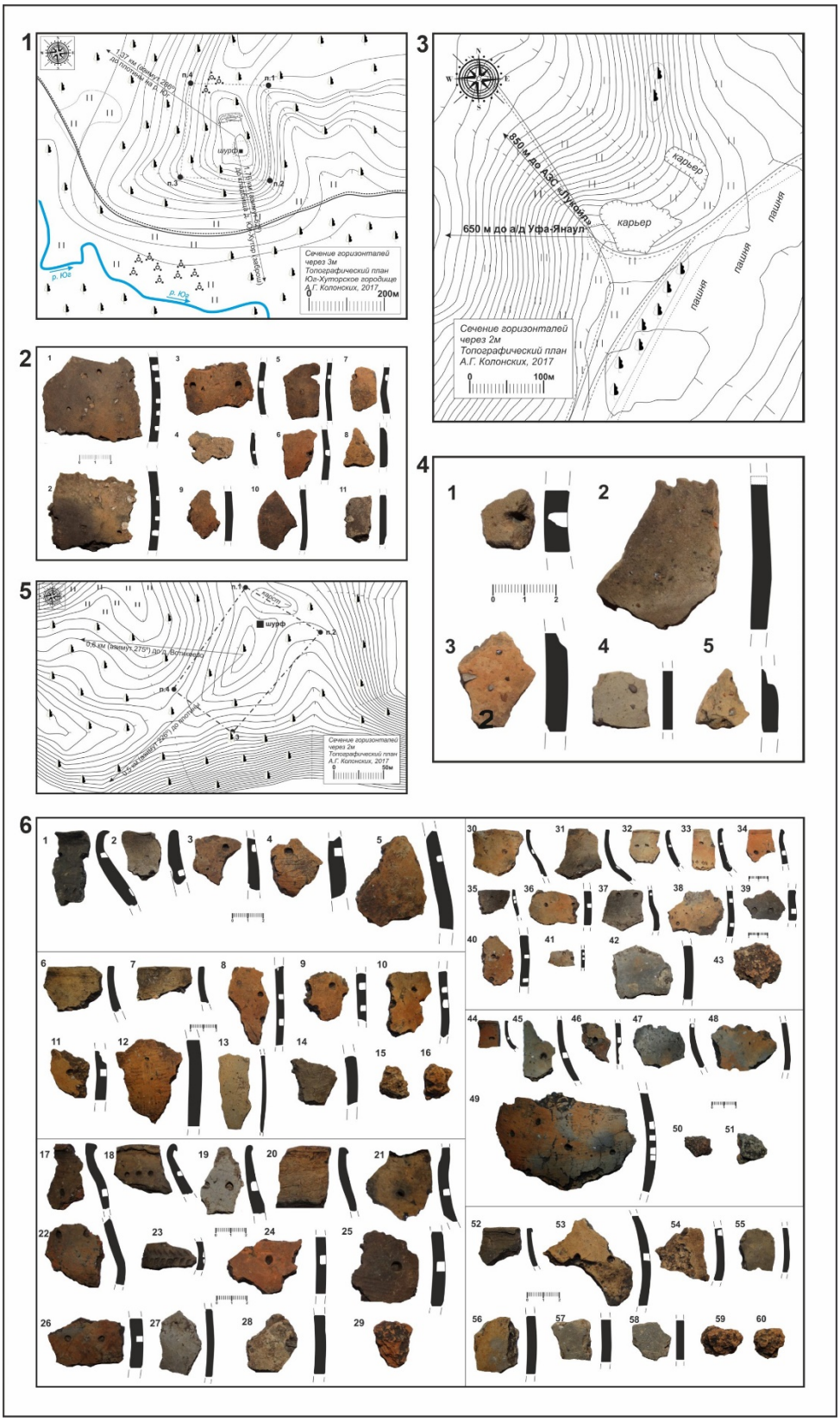

Рис. 18. Материалы поселений бахмутинской культуры обследованных А.Г. Колонских в 2017 г. 1-2-Юг-Хуторское городище, 3-4-Удельно-Дуваней-3, селище, 5-6-Вотикеево-1, селище

Рис. 19. Материалы обследования городища Вотикеево-2 А.Г. Колонских в 2017 г. 1-план городища, 2-археологический материал

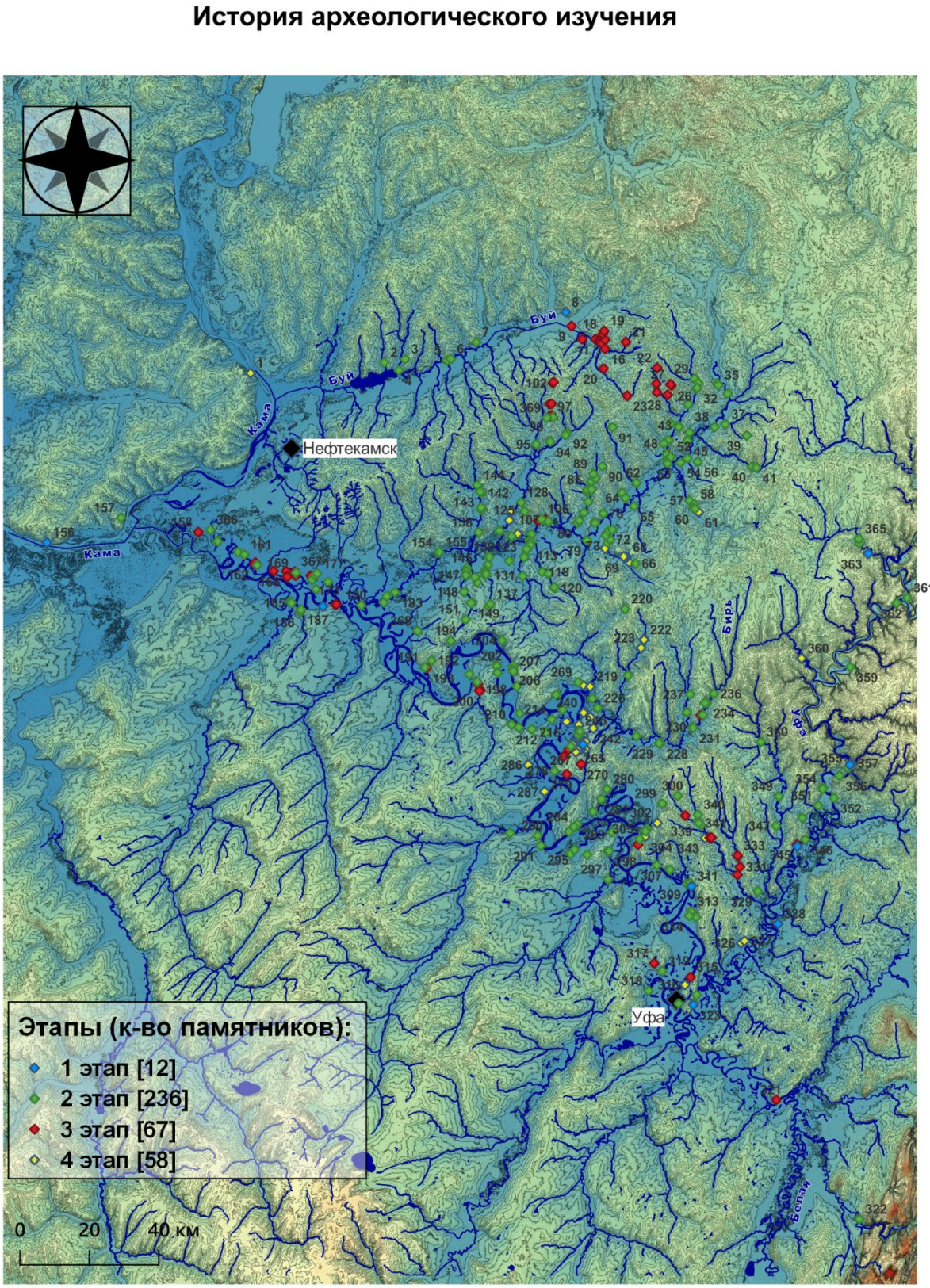

Рис. 20. Этапы выявления и археологического изучения поселений бахмутинской культуры

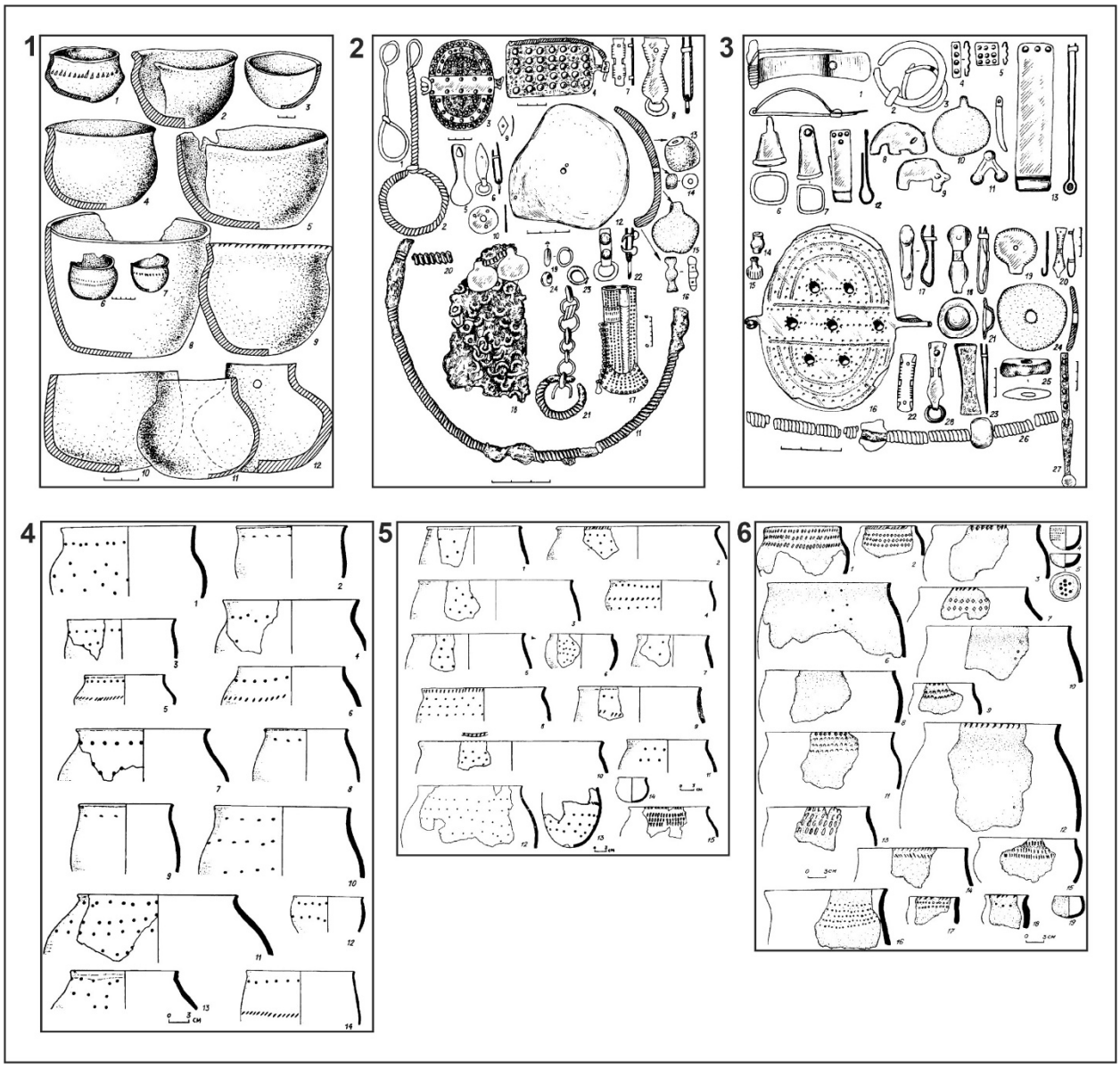

Рис. 21. Специфические комплексы вещей мазунинской культуры (по Останина, 1997). 1-типы ритуальных сосудов, 2- специфические комплексы вещей мазунинской культуры, 3-специфические вещи башкирского варианта мазунинской культуры, 4-сосуды Казакларовскоего 1 городища, 5-сосуды Барьязинского (1-11), Казакларовского (12-14) и Сосновского (15) городищ, 6-сосуды Чужьяловского городища

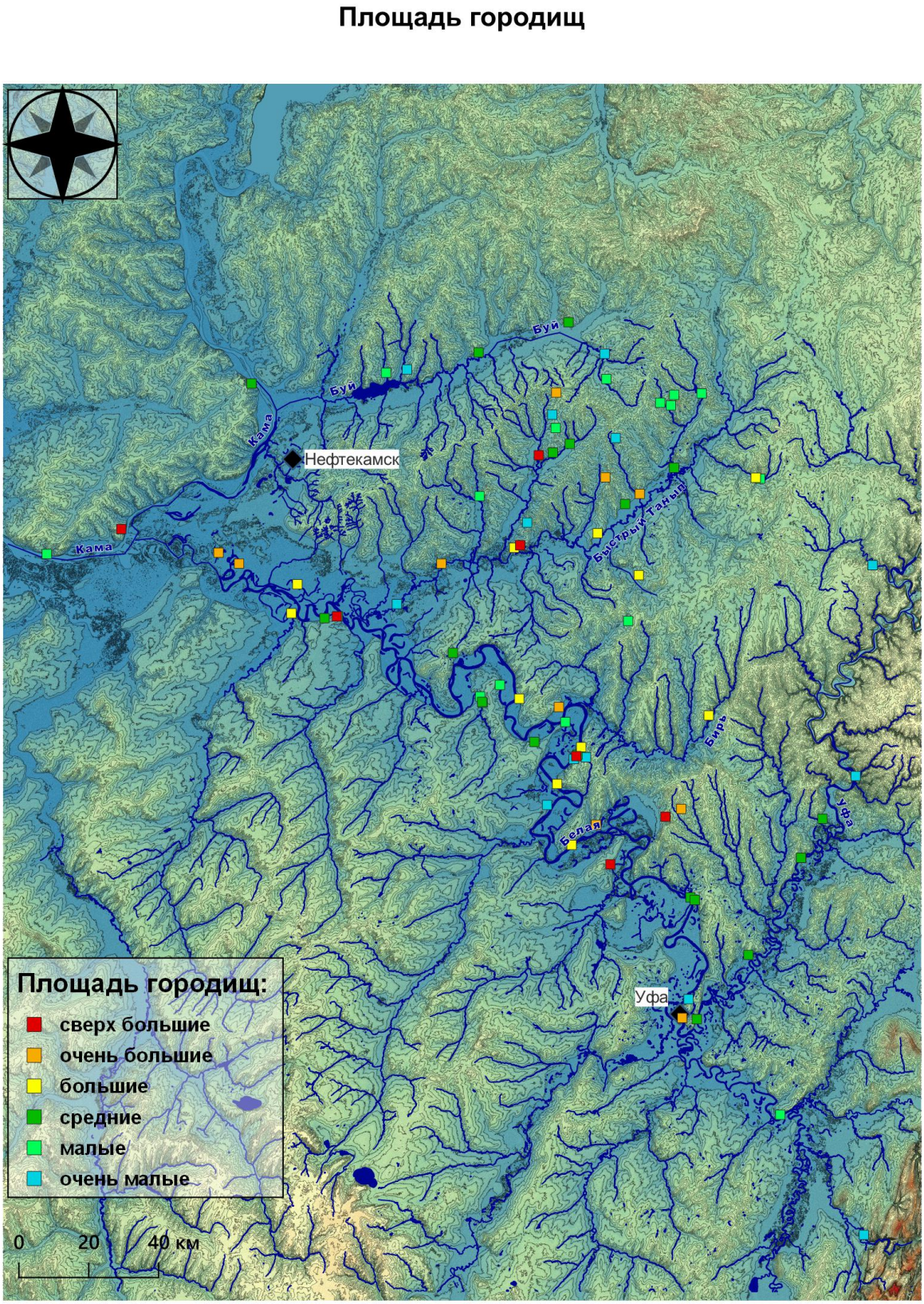

Рис. 22. Показатели площади укрепленных поселений

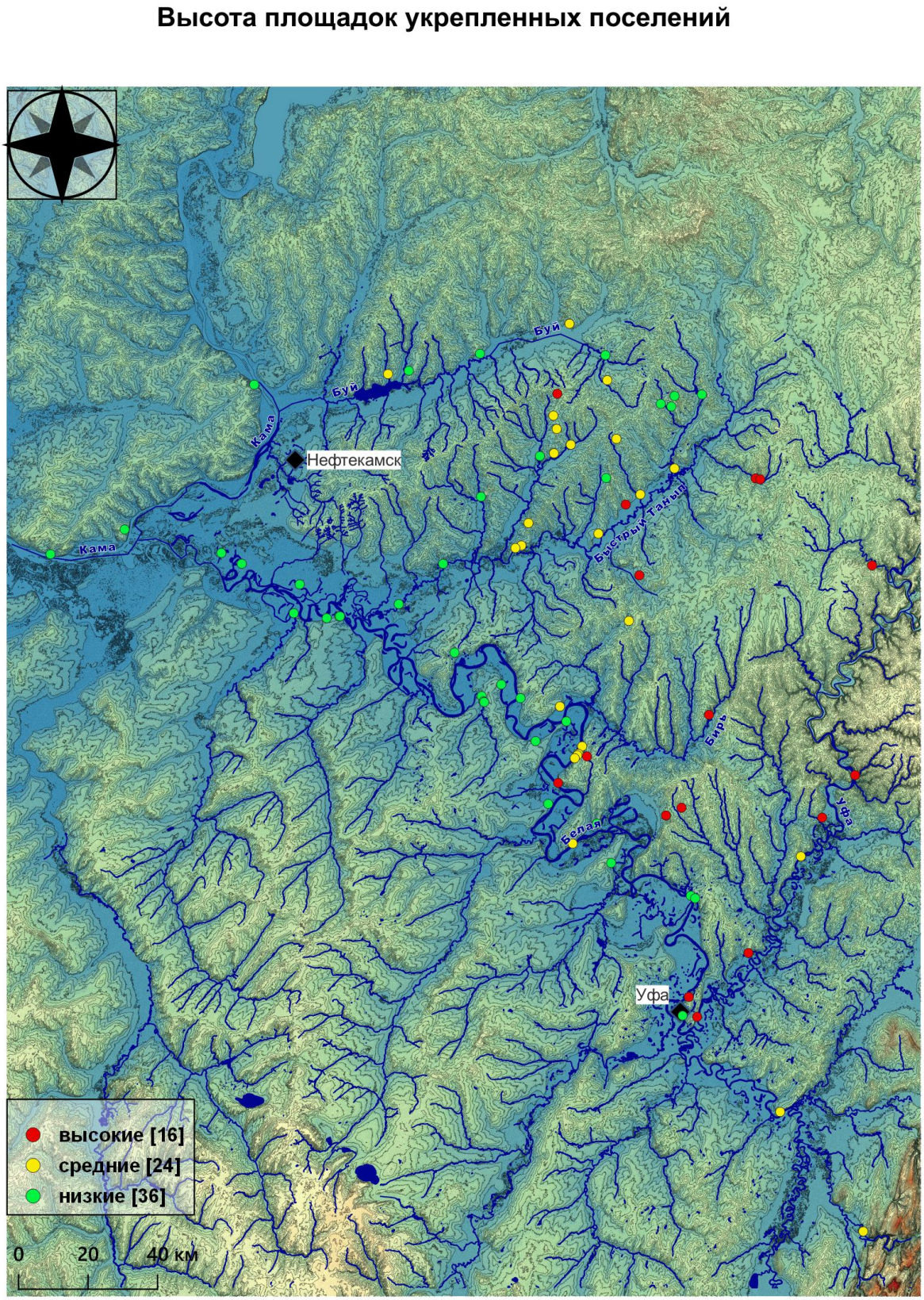

Рис. 23. Показатели высот площадок укрепленных поселений

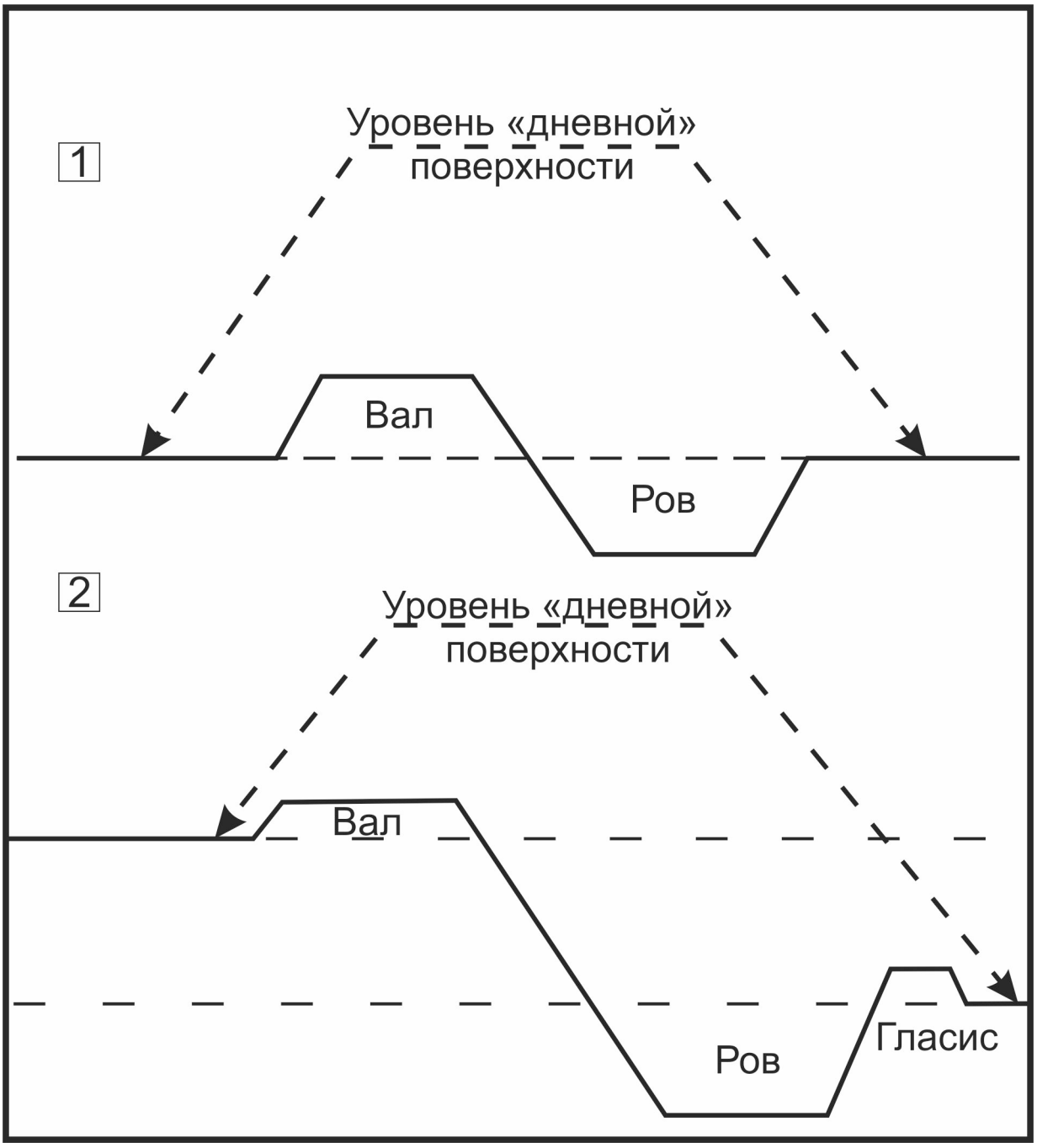

Рис. 24. Профиль «классической» конструкции вала и рва (1) и профиль «вала-эскарпа» (2)

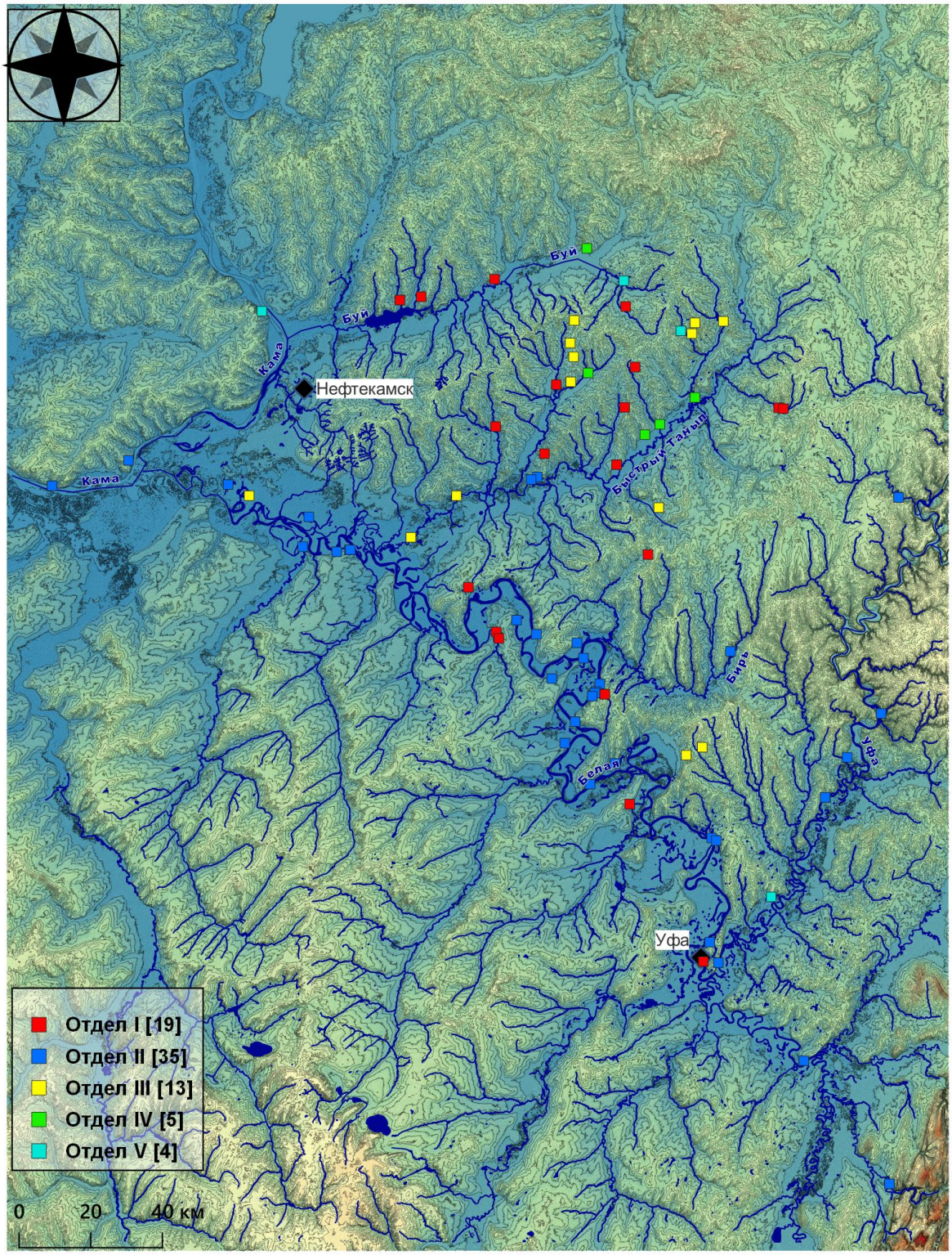

Рис. 25. Специфика площадок укрепленных поселений

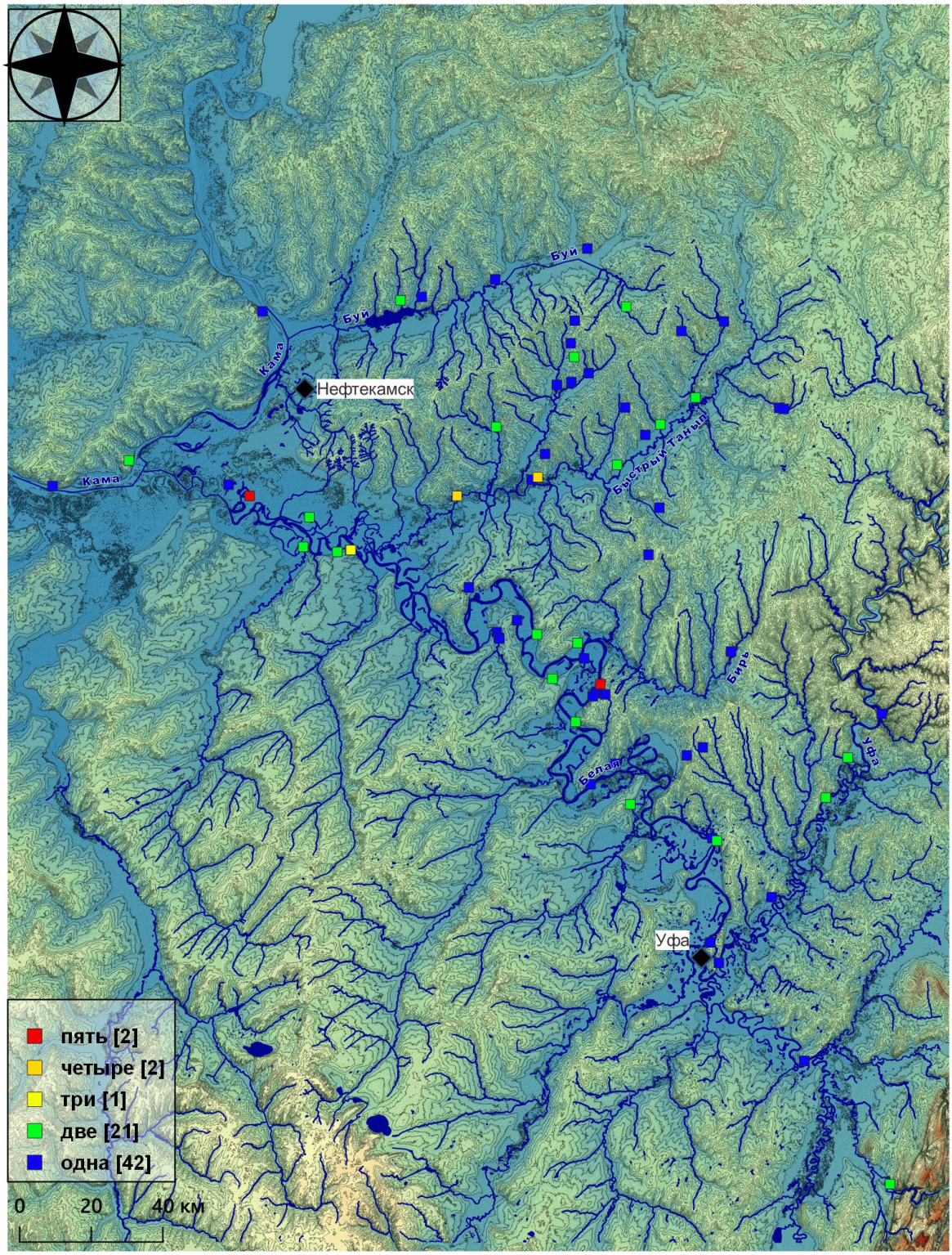

Рис. 26. Количество укрепленных площадок (линий укреплений) городищ

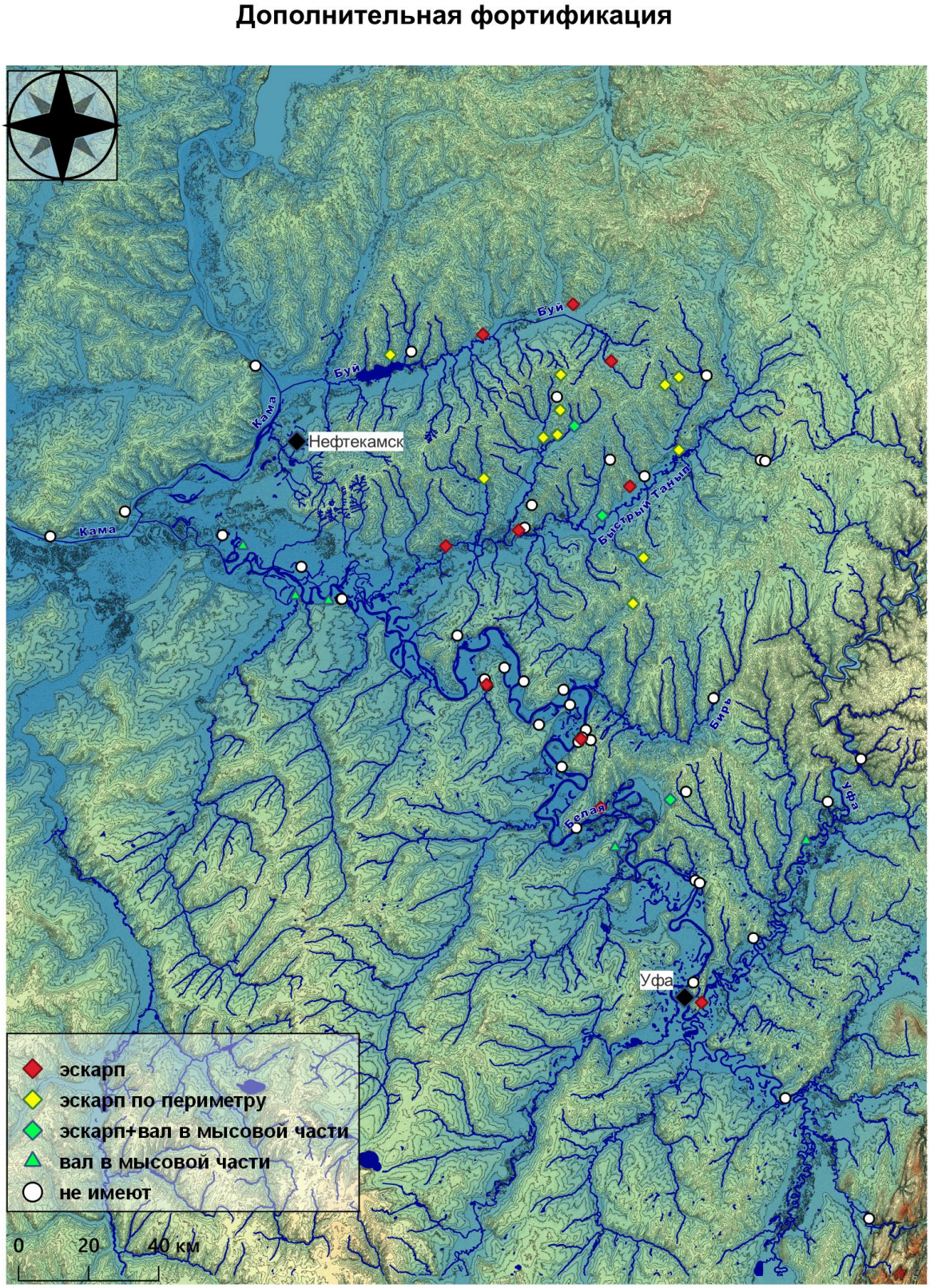

Рис. 27. Типы дополнительной фортификации

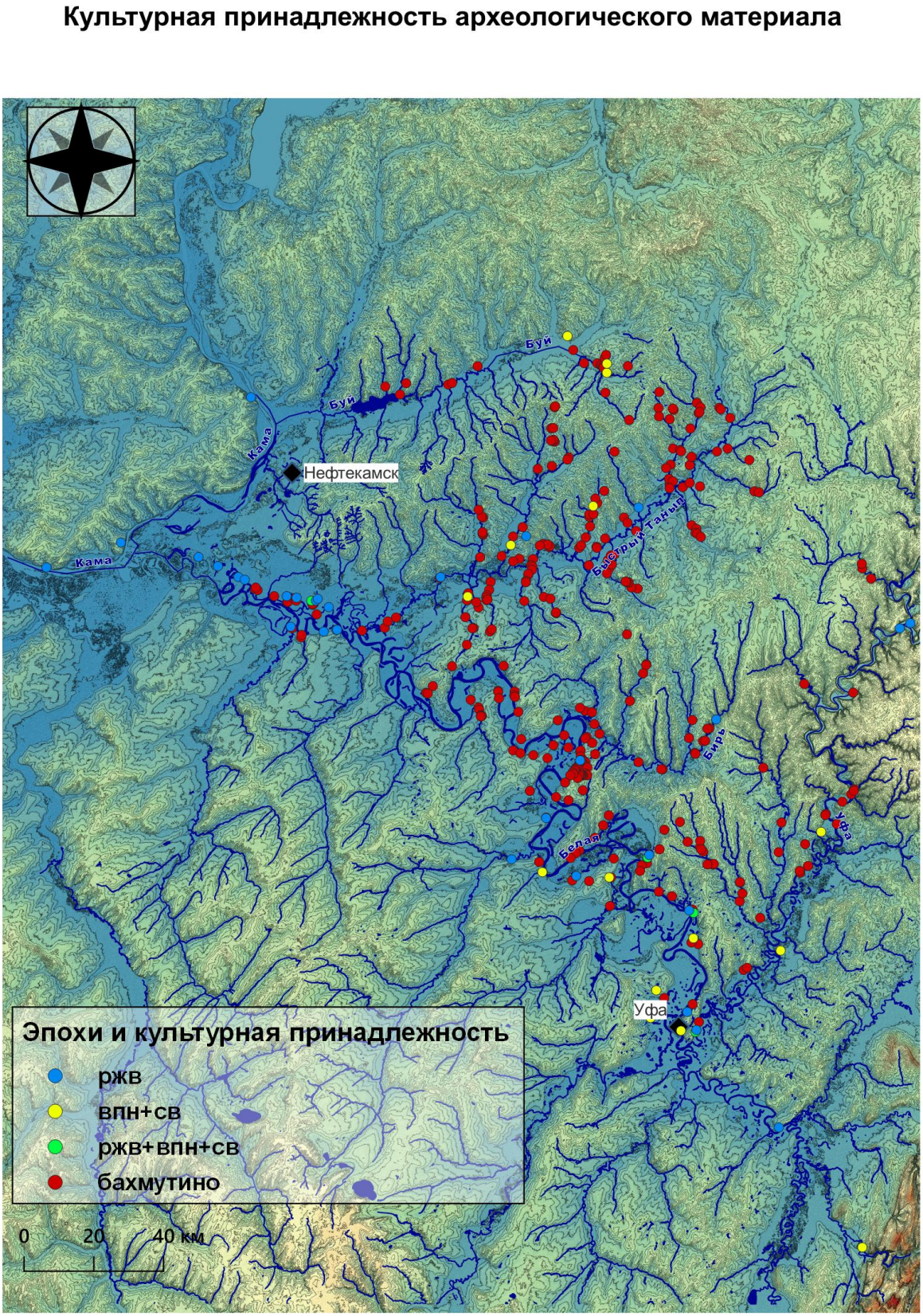

Рис. 28. Время функционирования площадок поселений

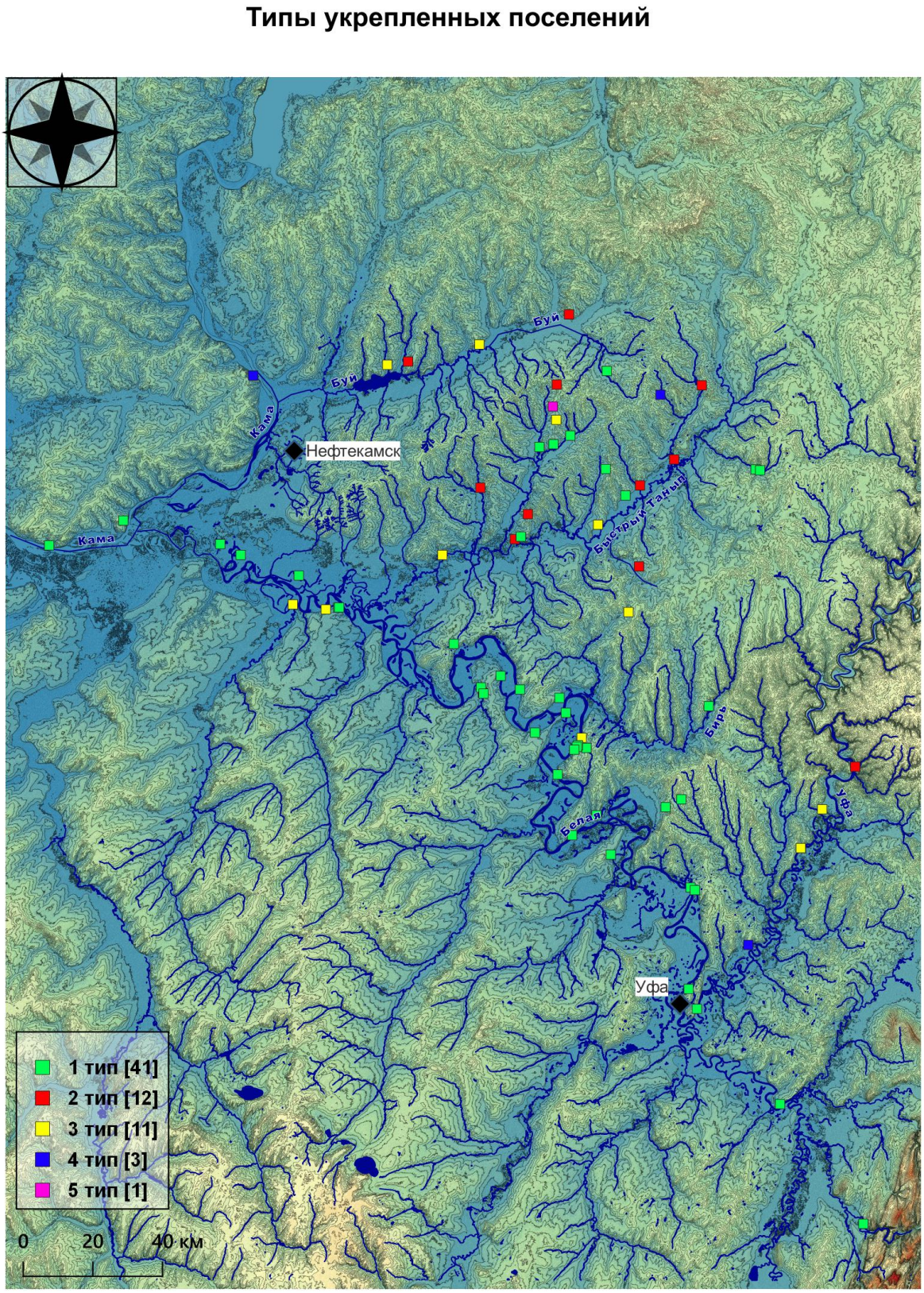

Рис. 29. Результаты картографирования типов укрепленных поселений

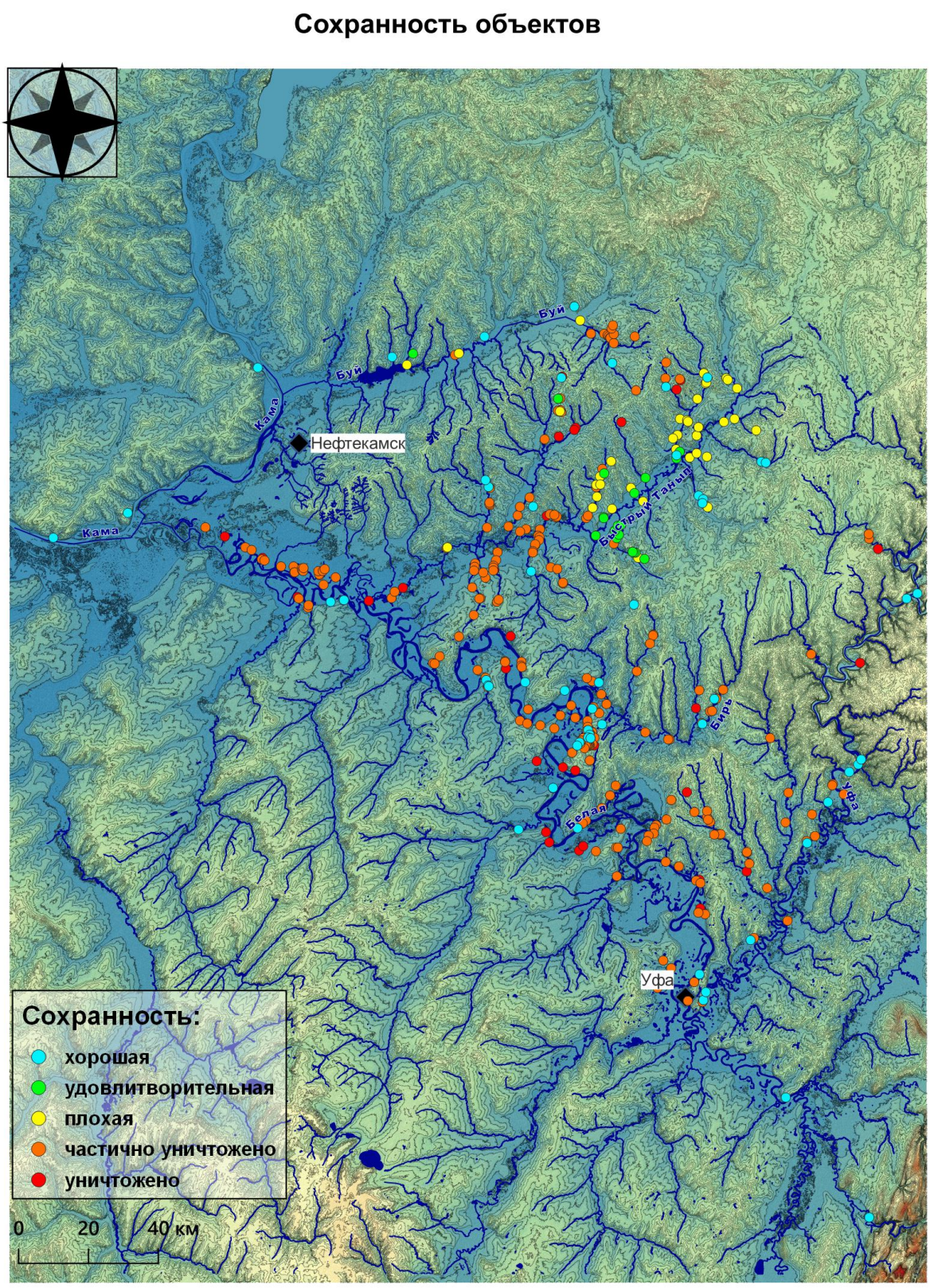

Рис. 30. Сохранность поселений

Характеристика площадок неукрепленных поселений

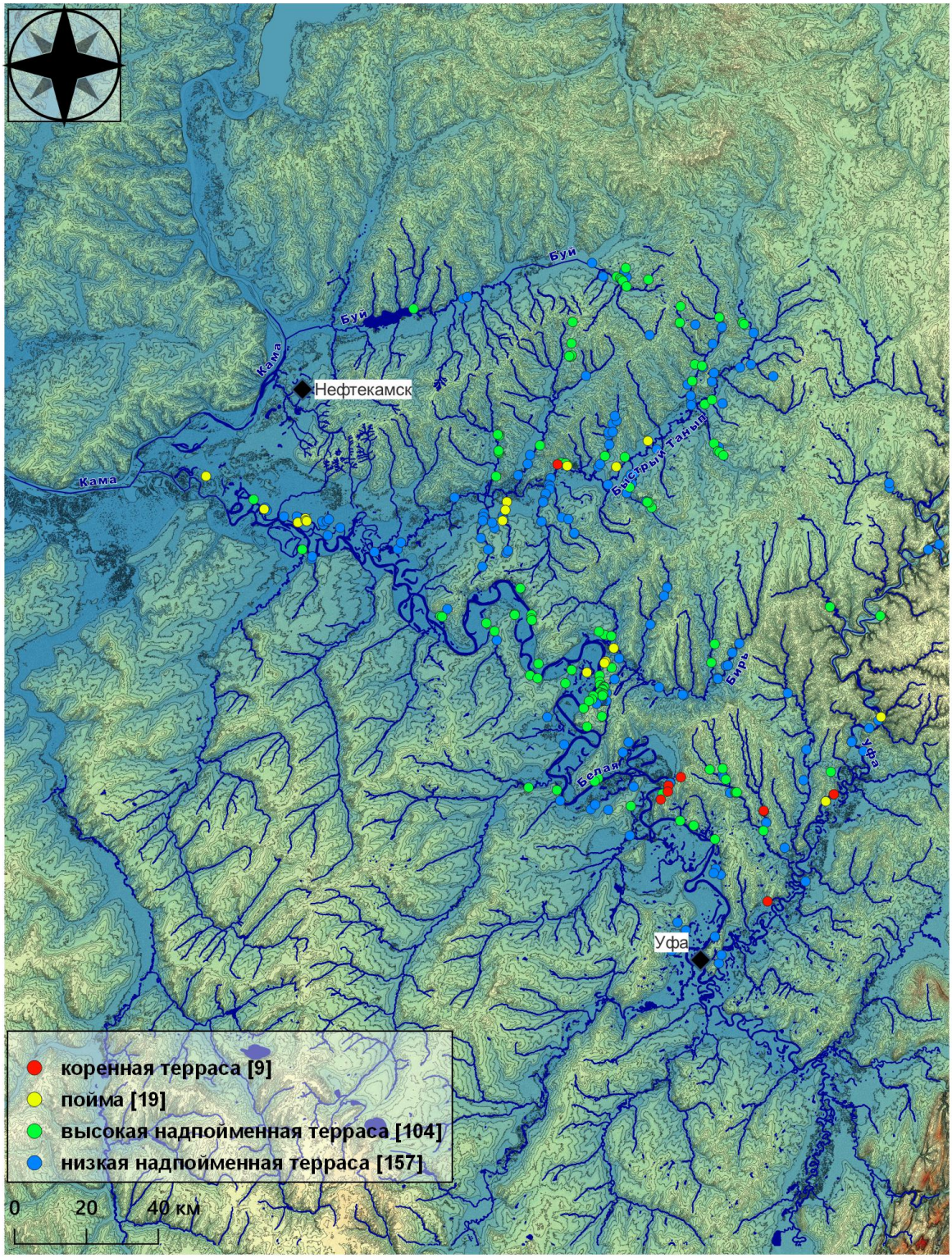

Рис. 31. Типы площадок неукрепленных поселений

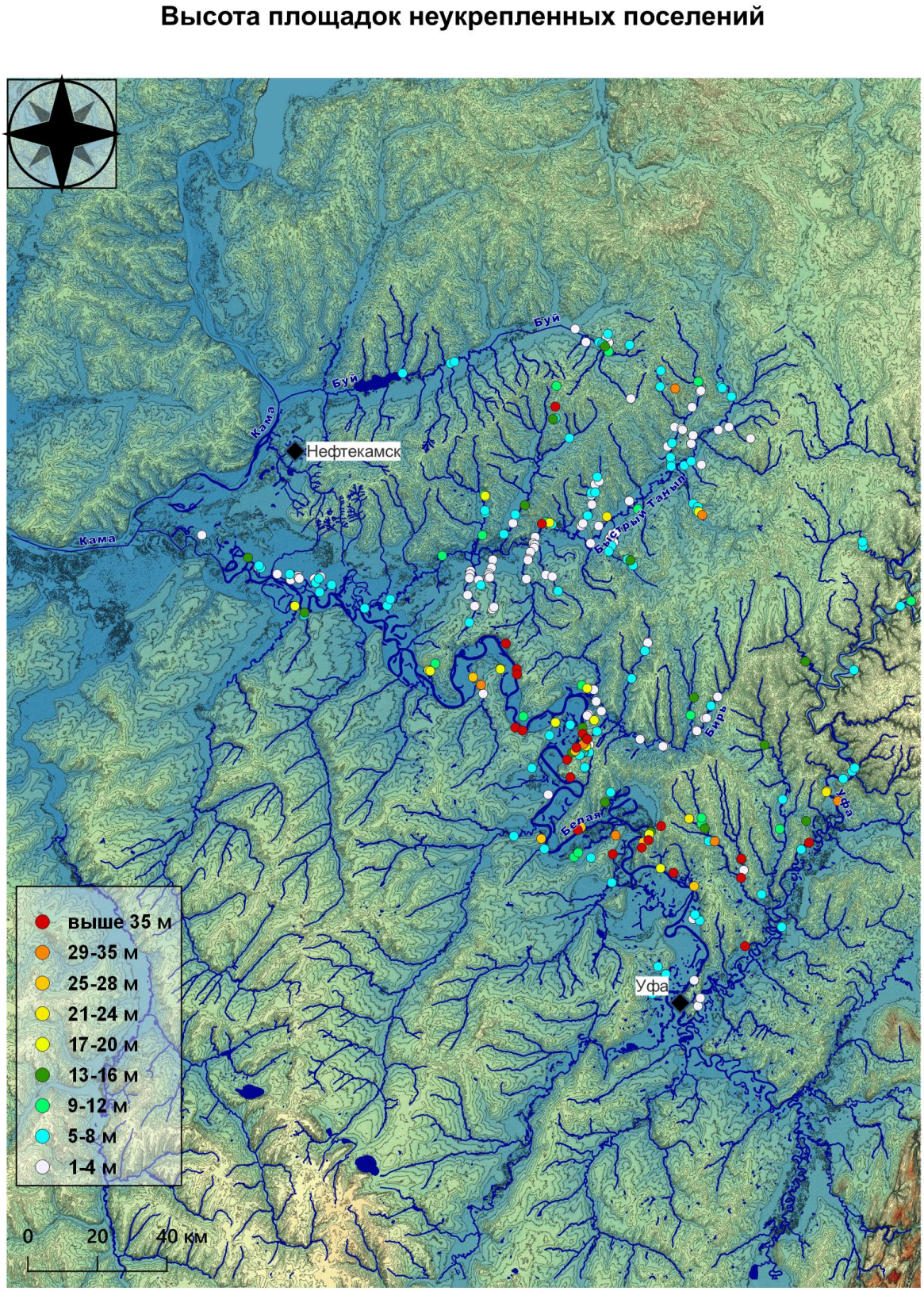

Рис. 32. Абсолютные показатели высот площадок неукрепленных поселений

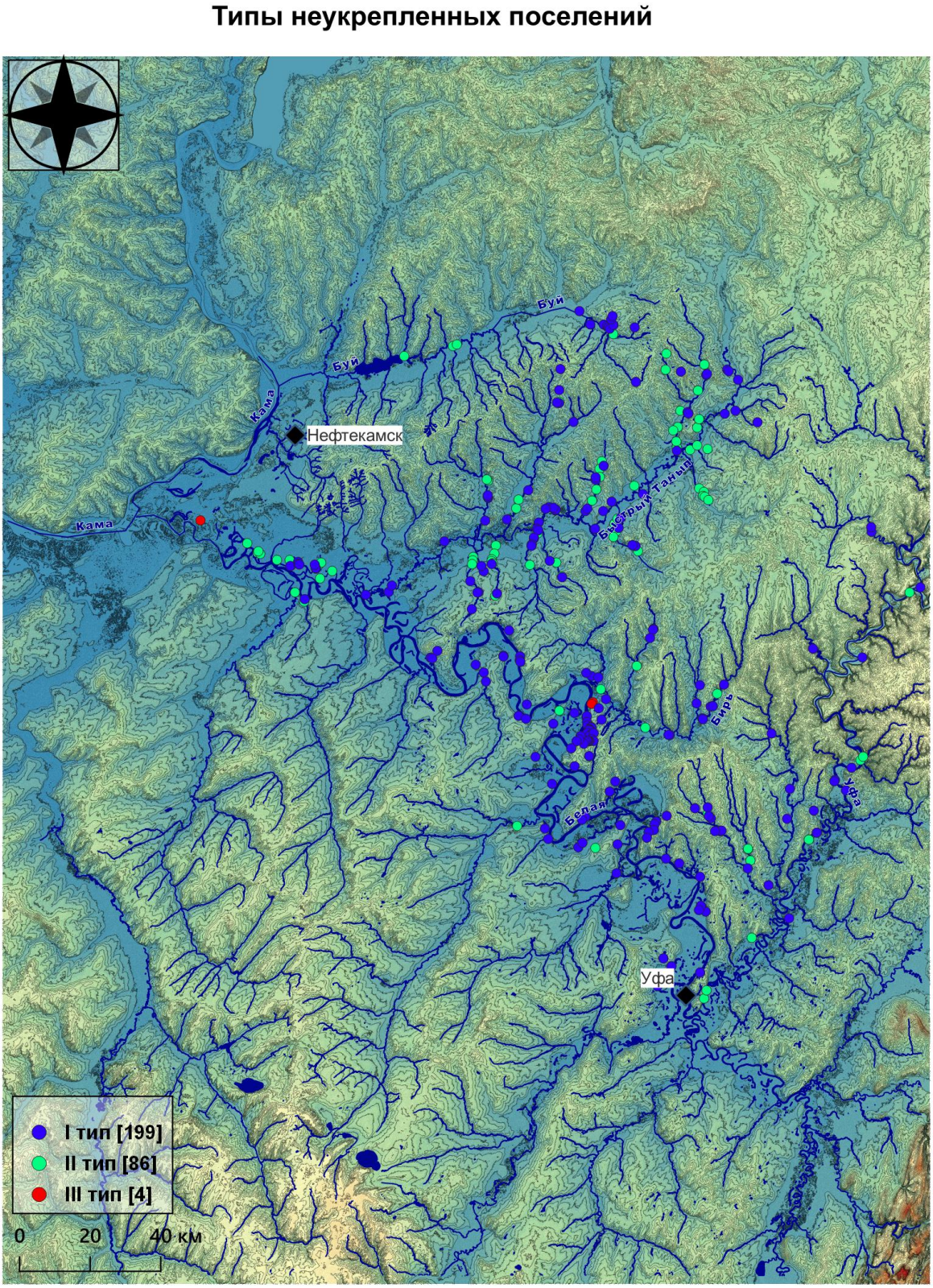

Рис. 33. Типы неукрепленных поселений

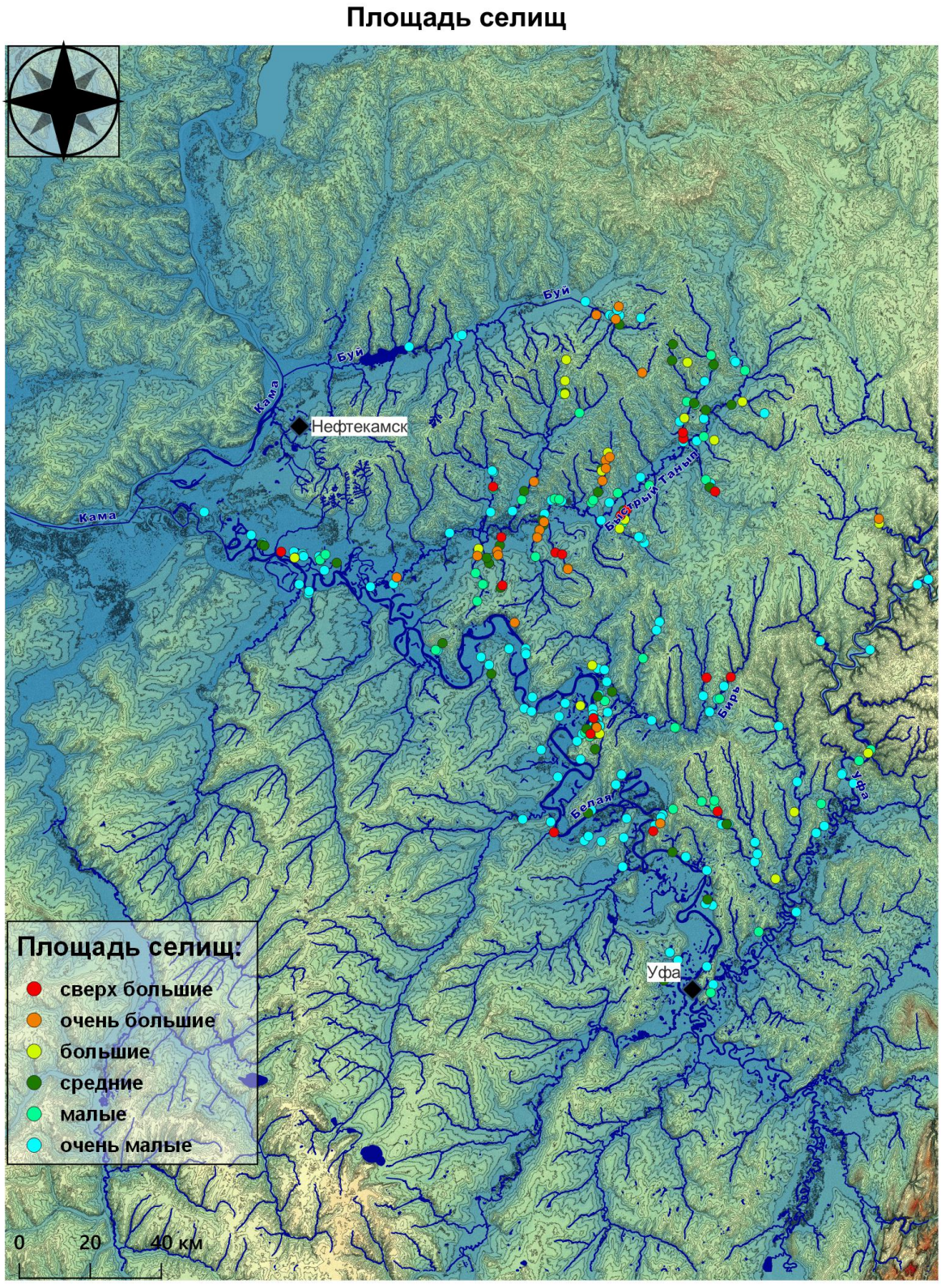

Рис. 34. Площадь неукрепленных поселений

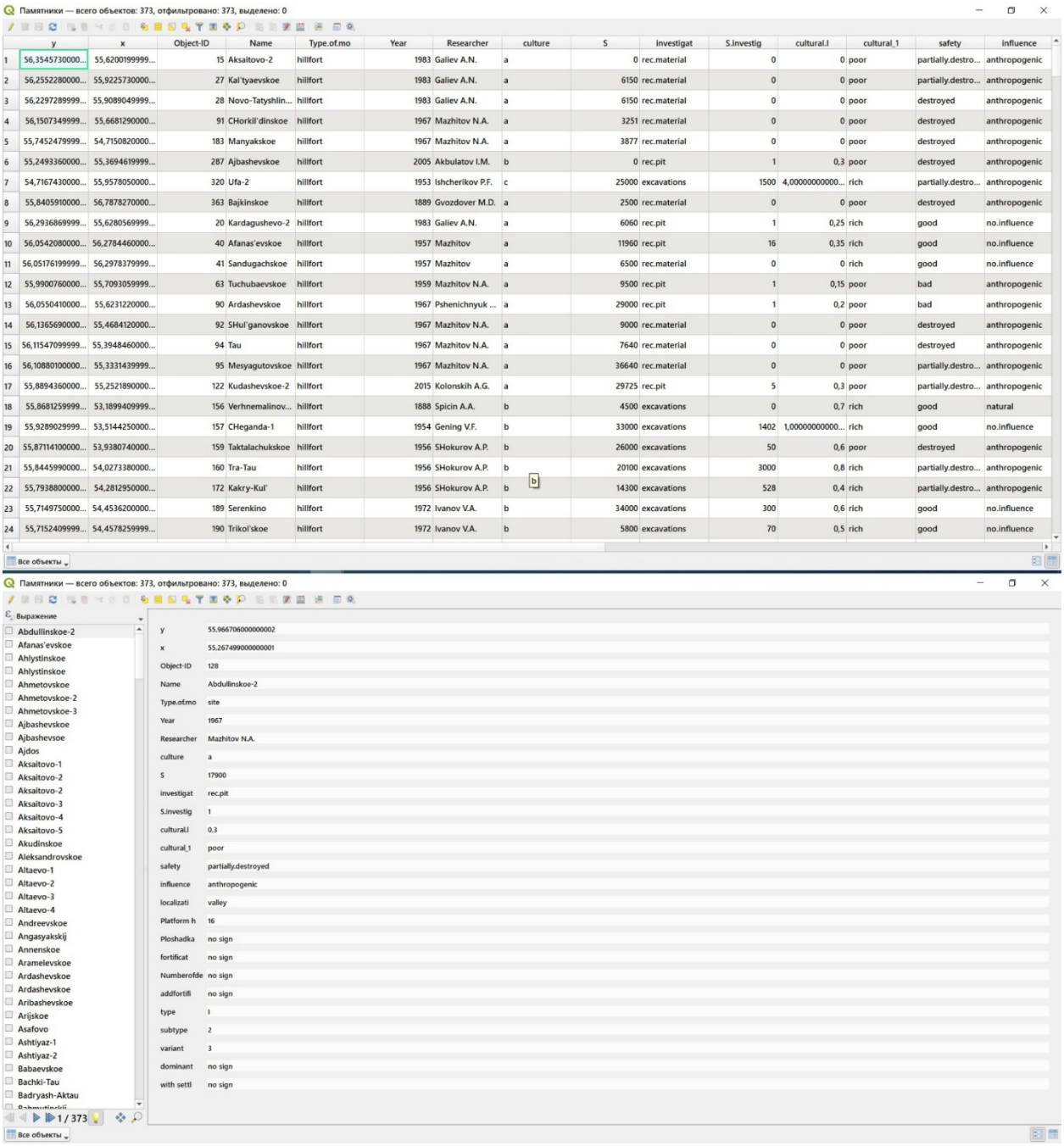

Рис. 35. Электронная база данных, интегрированная в ГИС

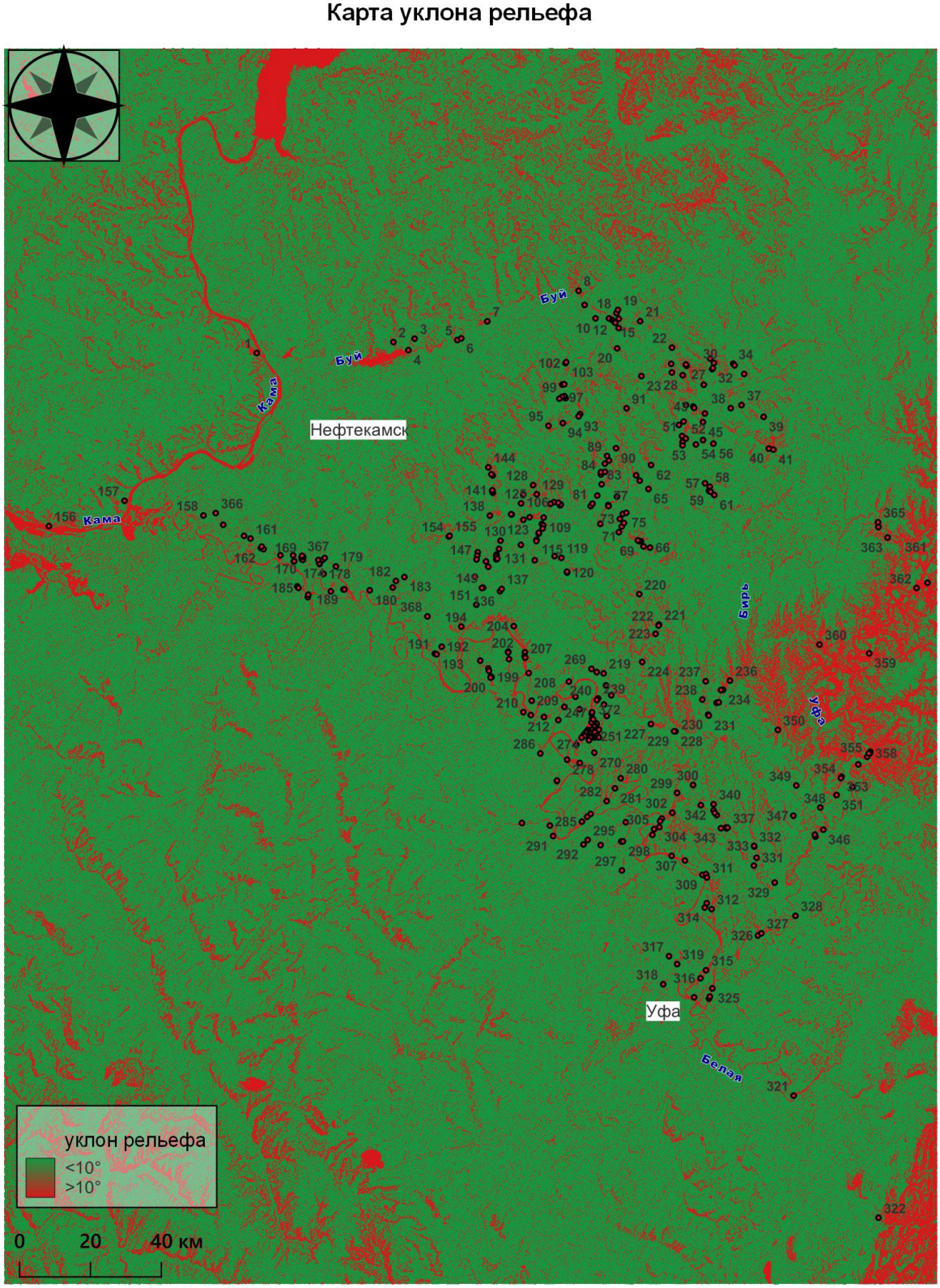

Рис. 36. Карта уклона рельефа

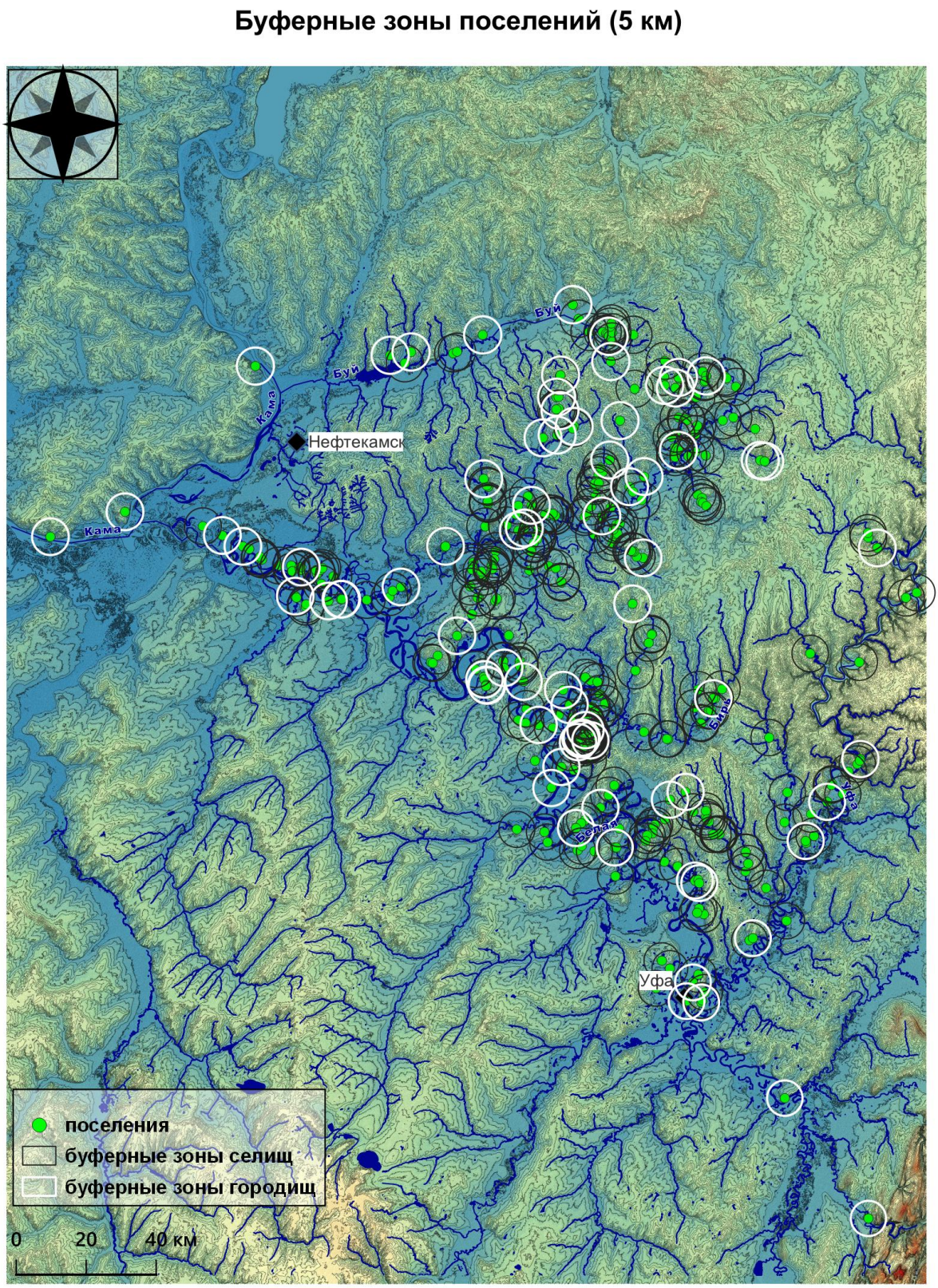

Рис. 37. Карта пятикилометровых буферных зон поселений

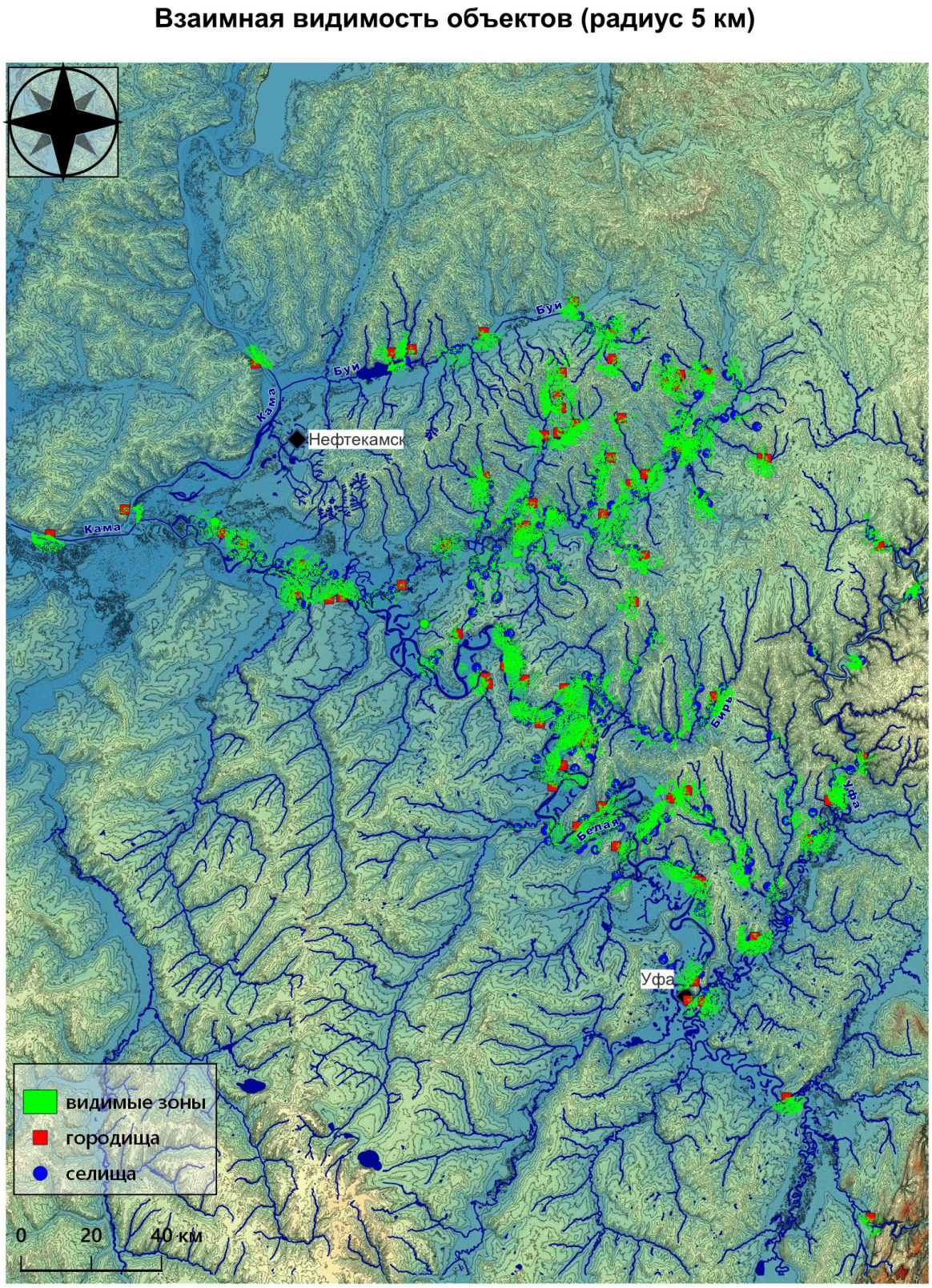

Рис. 38. Карта зон взаимной видимости

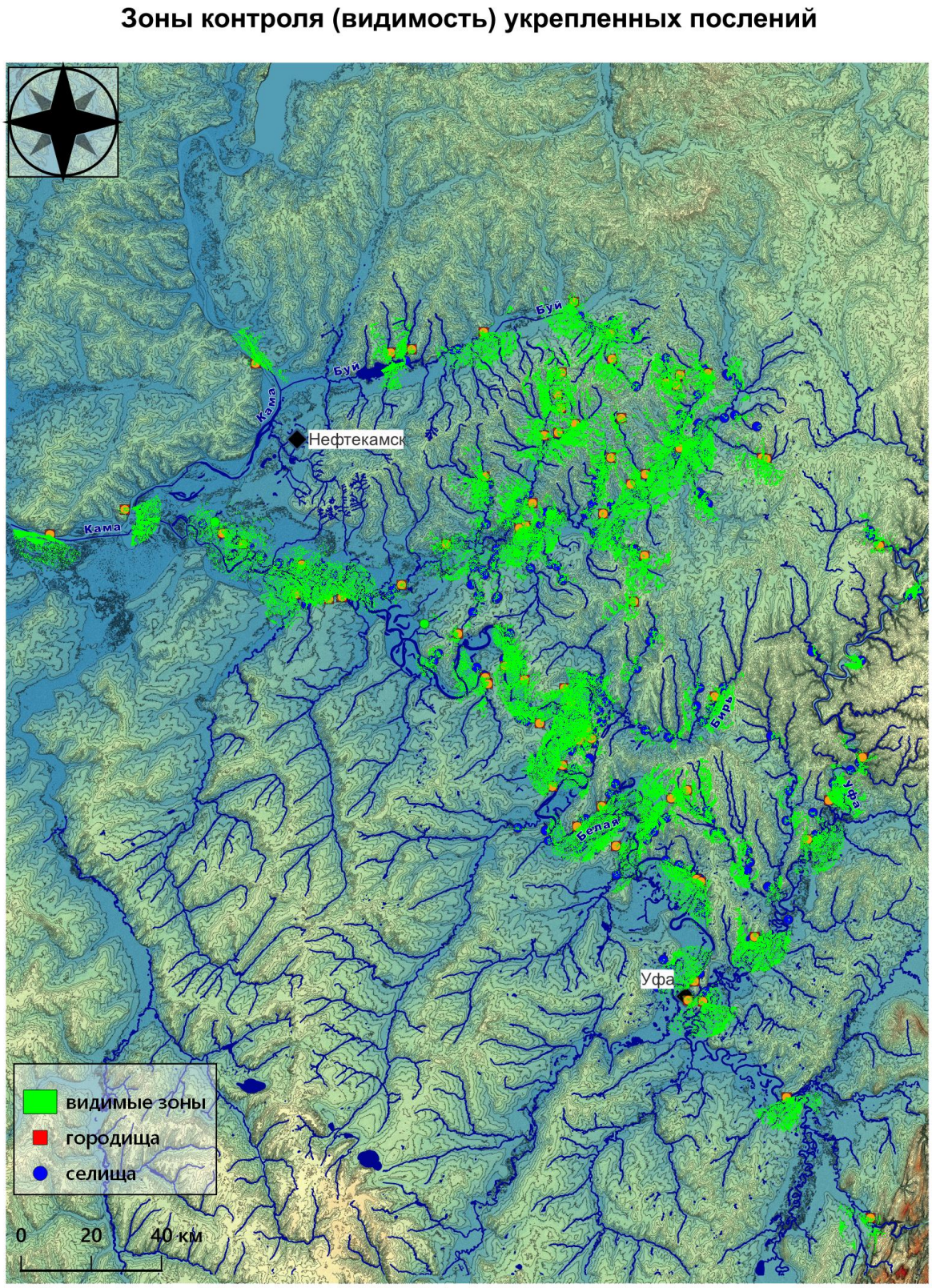

Рис. 39. Карта зон видимости с площадок укреплённых поселений (радиус 10 км)

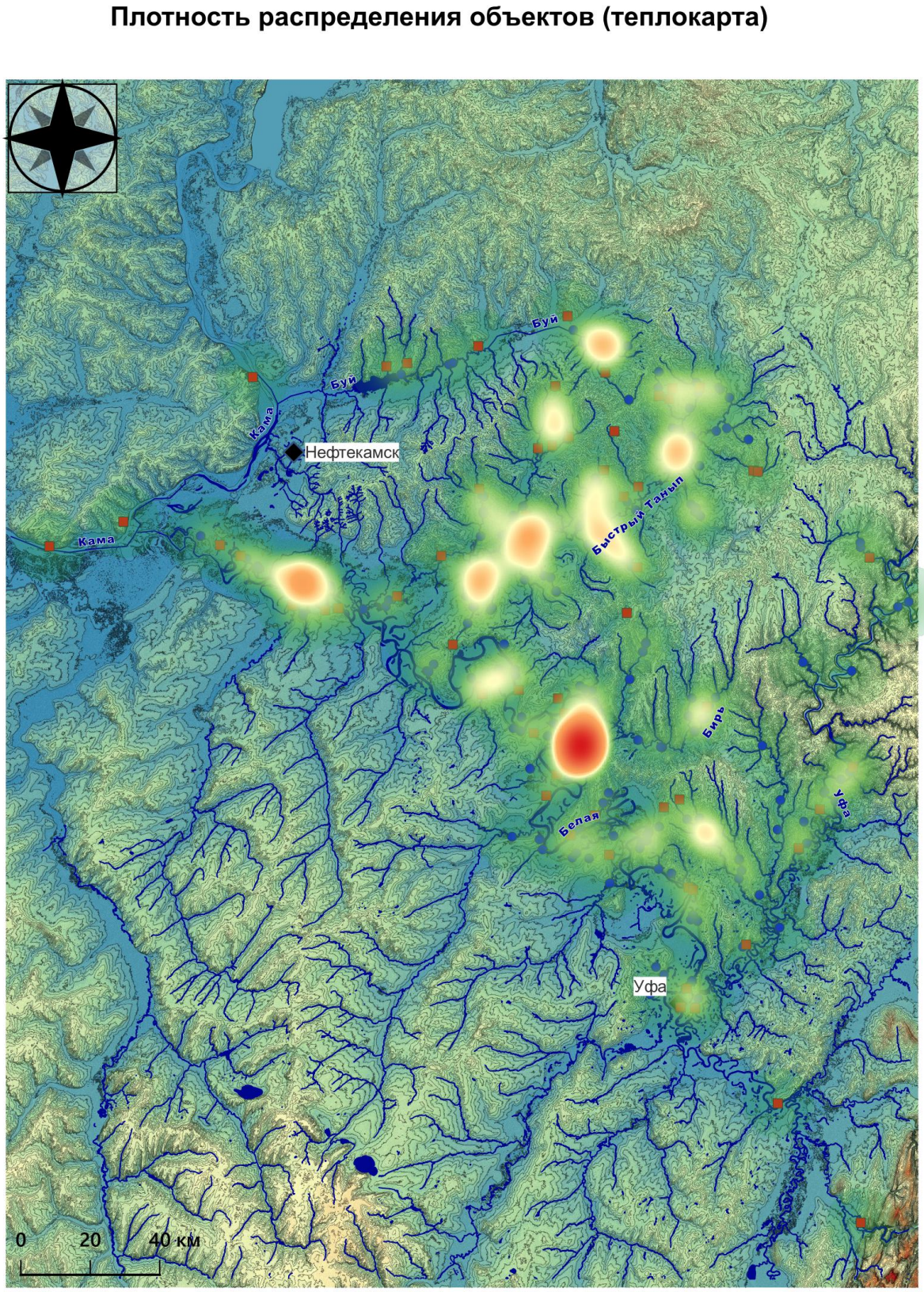

Рис. 40. Карта плотности распределения поселений

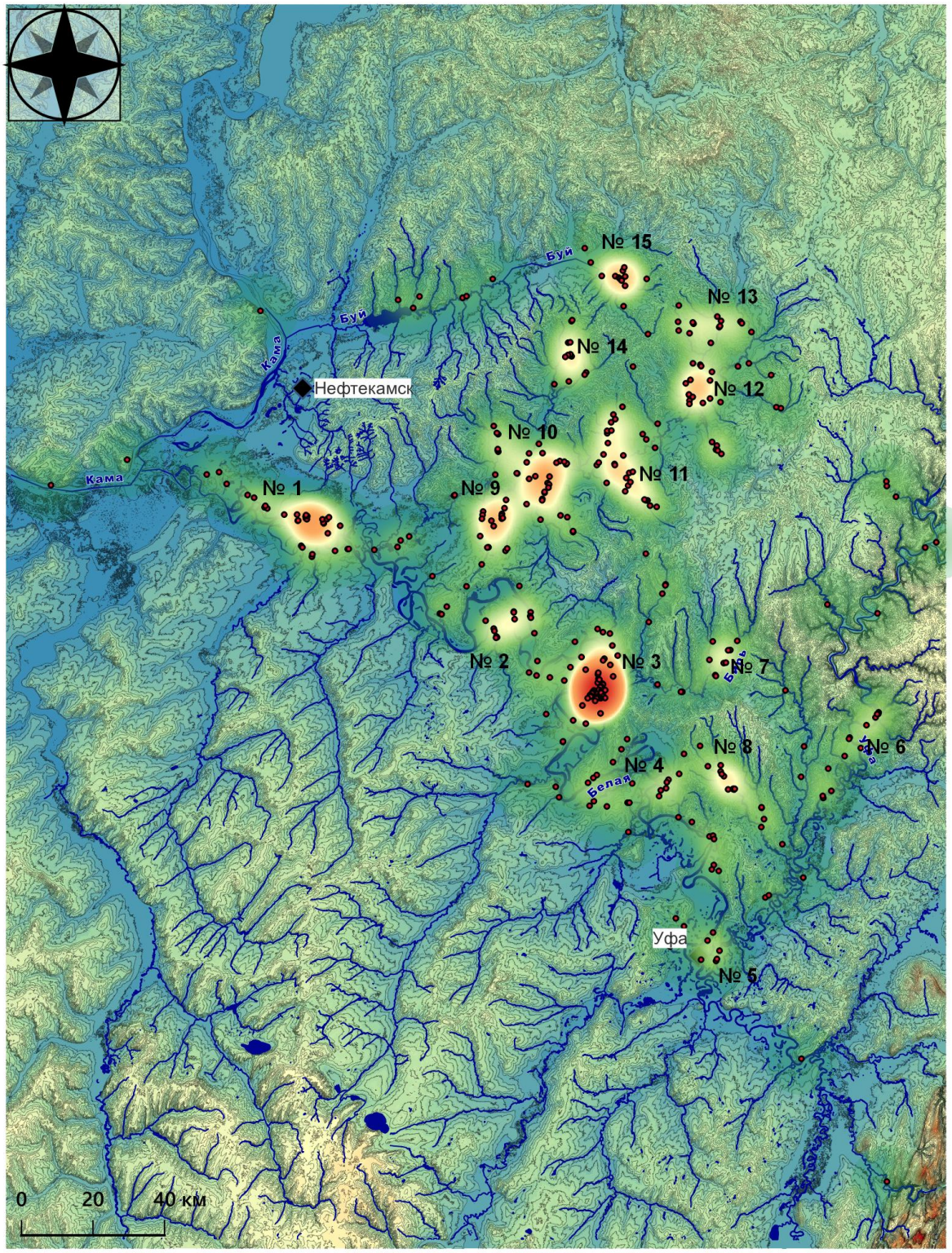

Рис. 41. Микрорайоны (микрорегионы) поселений

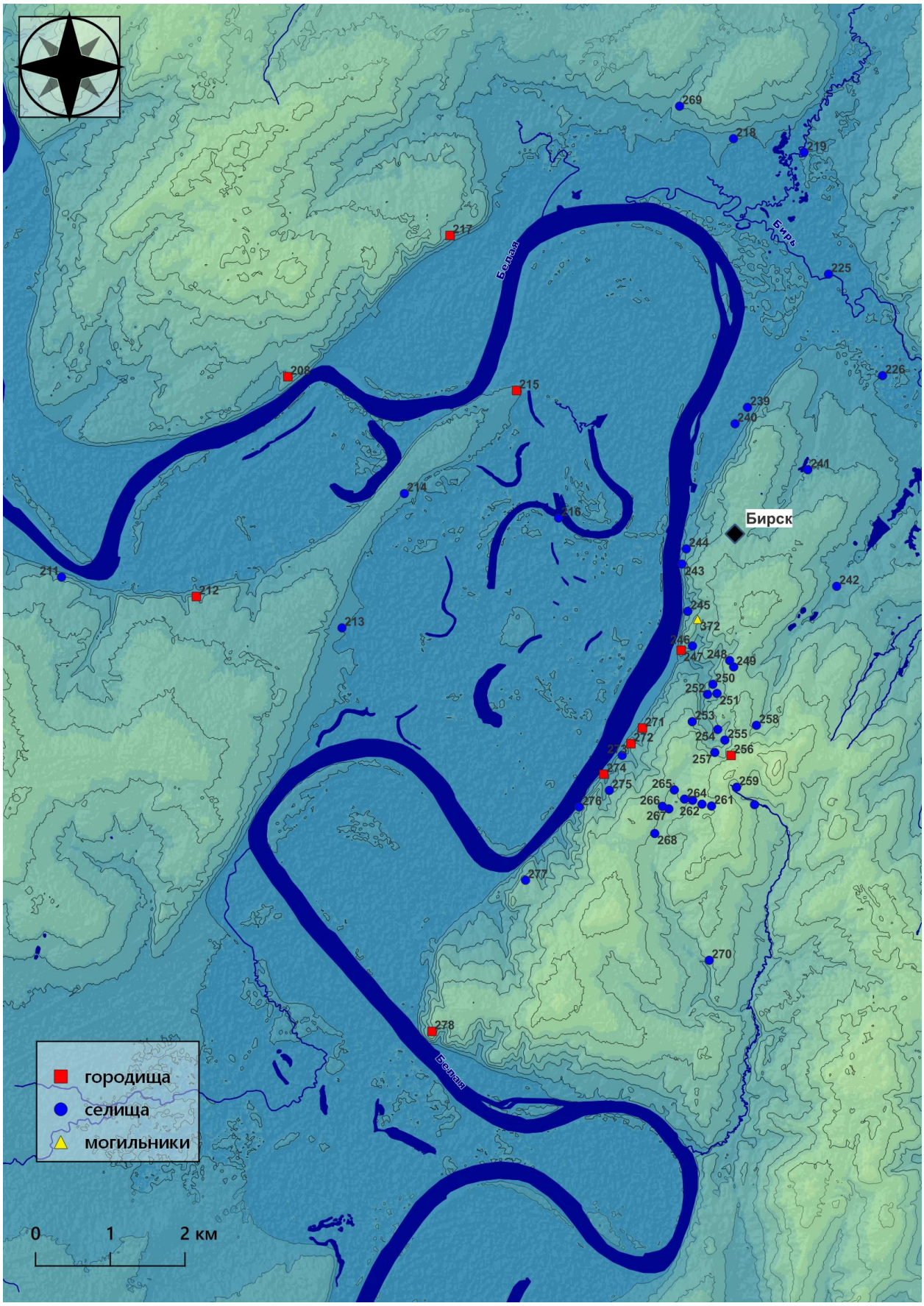

Рис. 42. Карта Бирского микрорайона

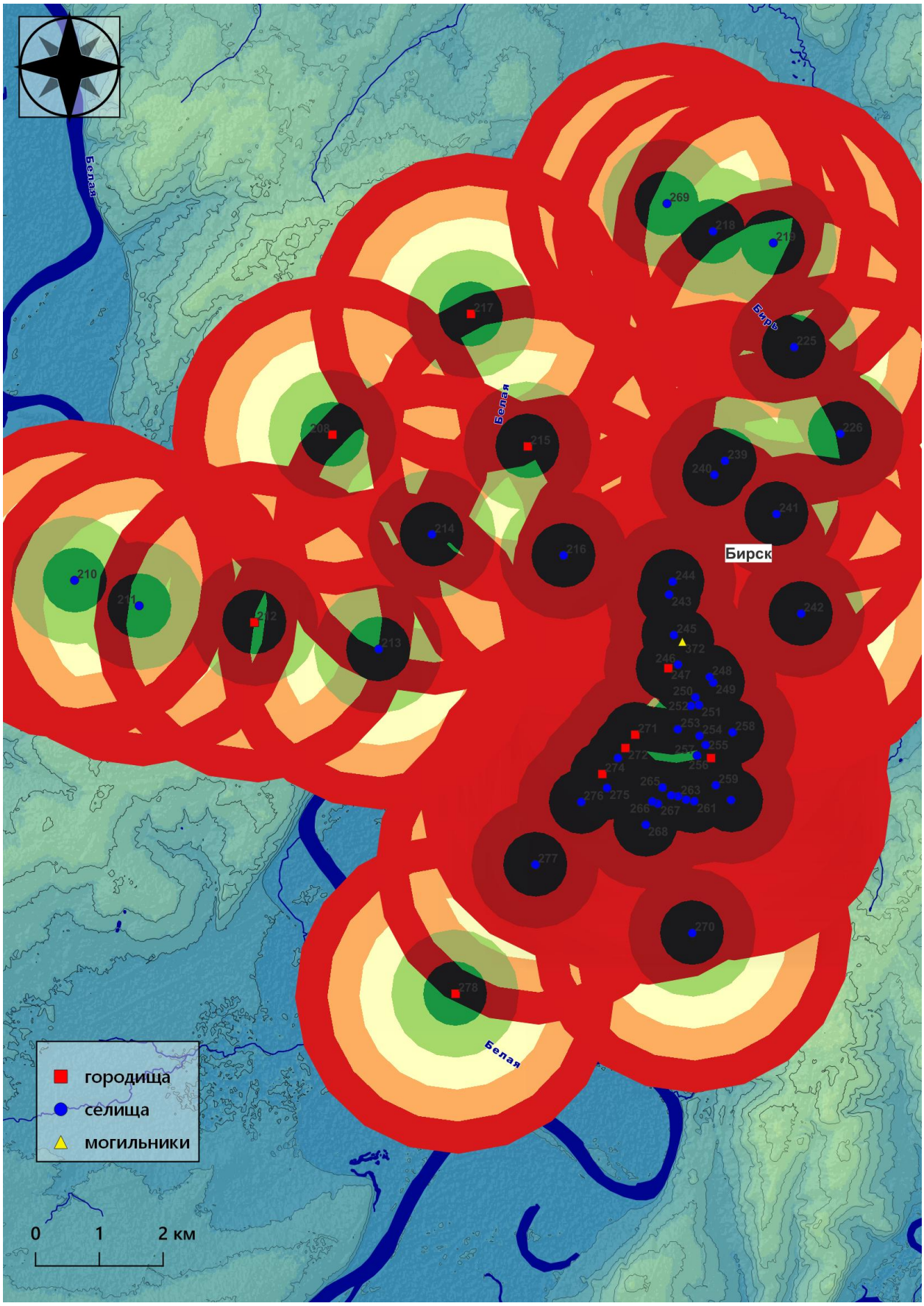

Рис. 43. Карта пятикилометровых буферных зон

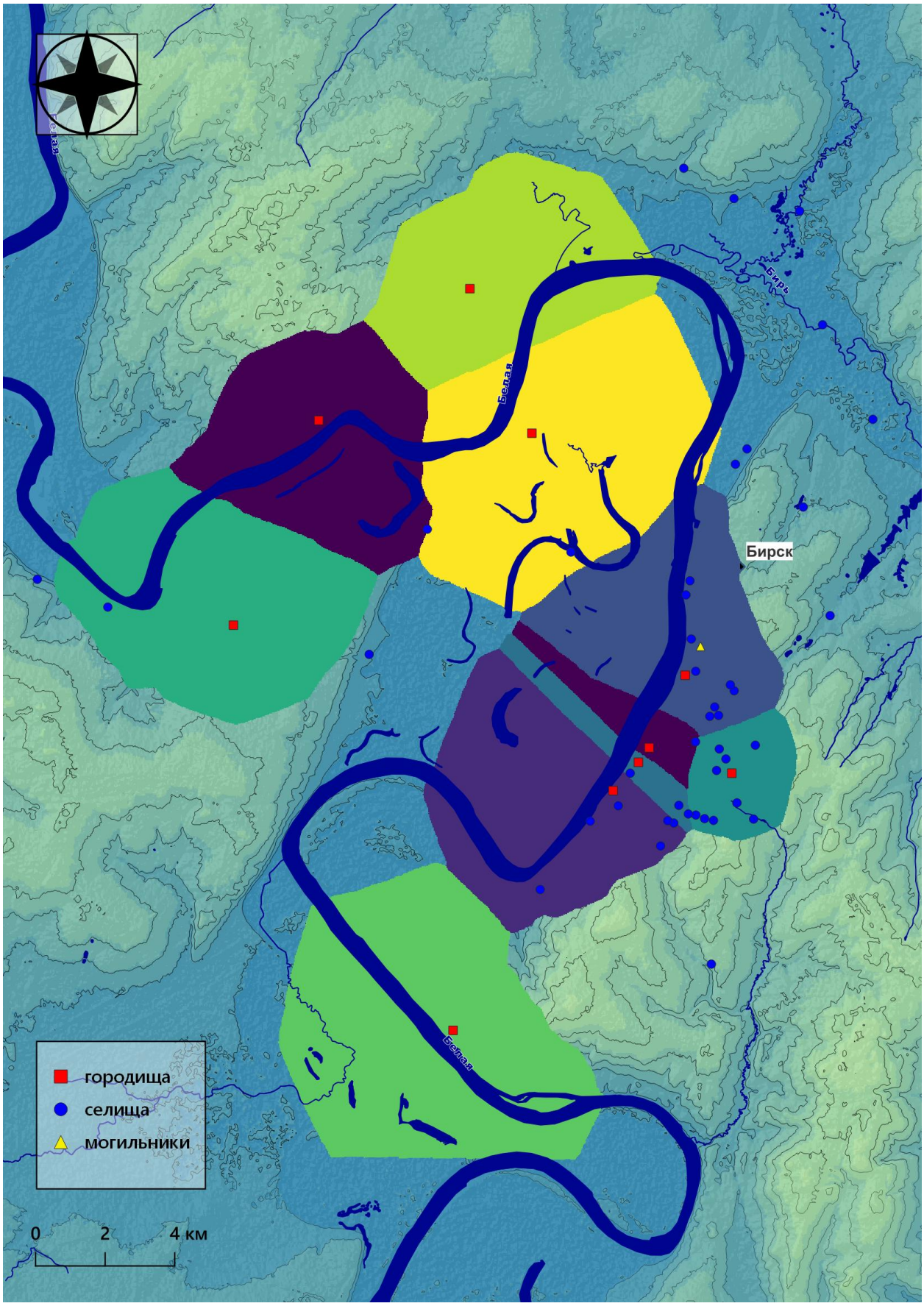

Рис. 44. Карта построение экономических зон укрепленных поселений на основе полигонов Вороного

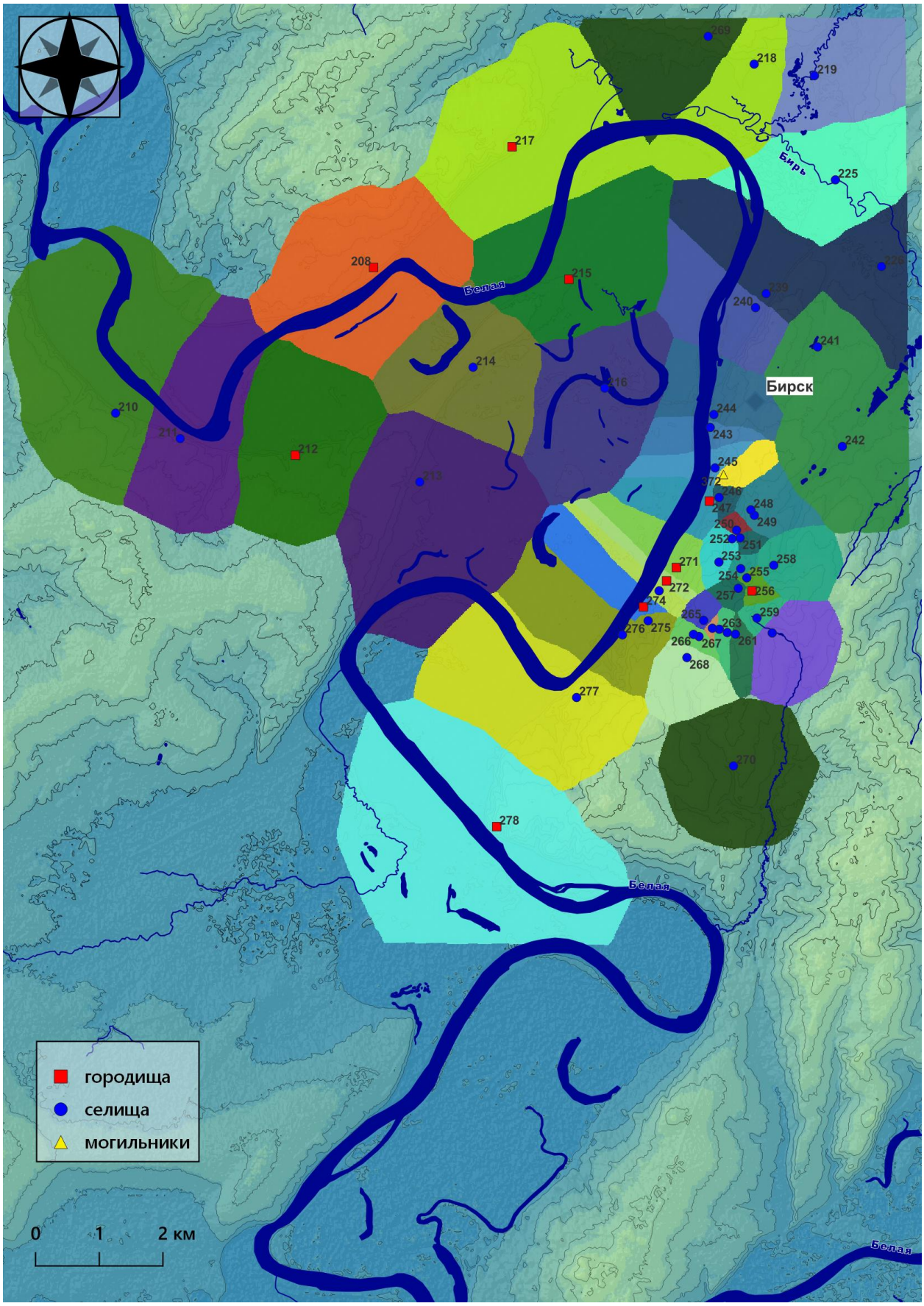

Рис. 45. Карта построение экономических зон на основе полигонов Вороного

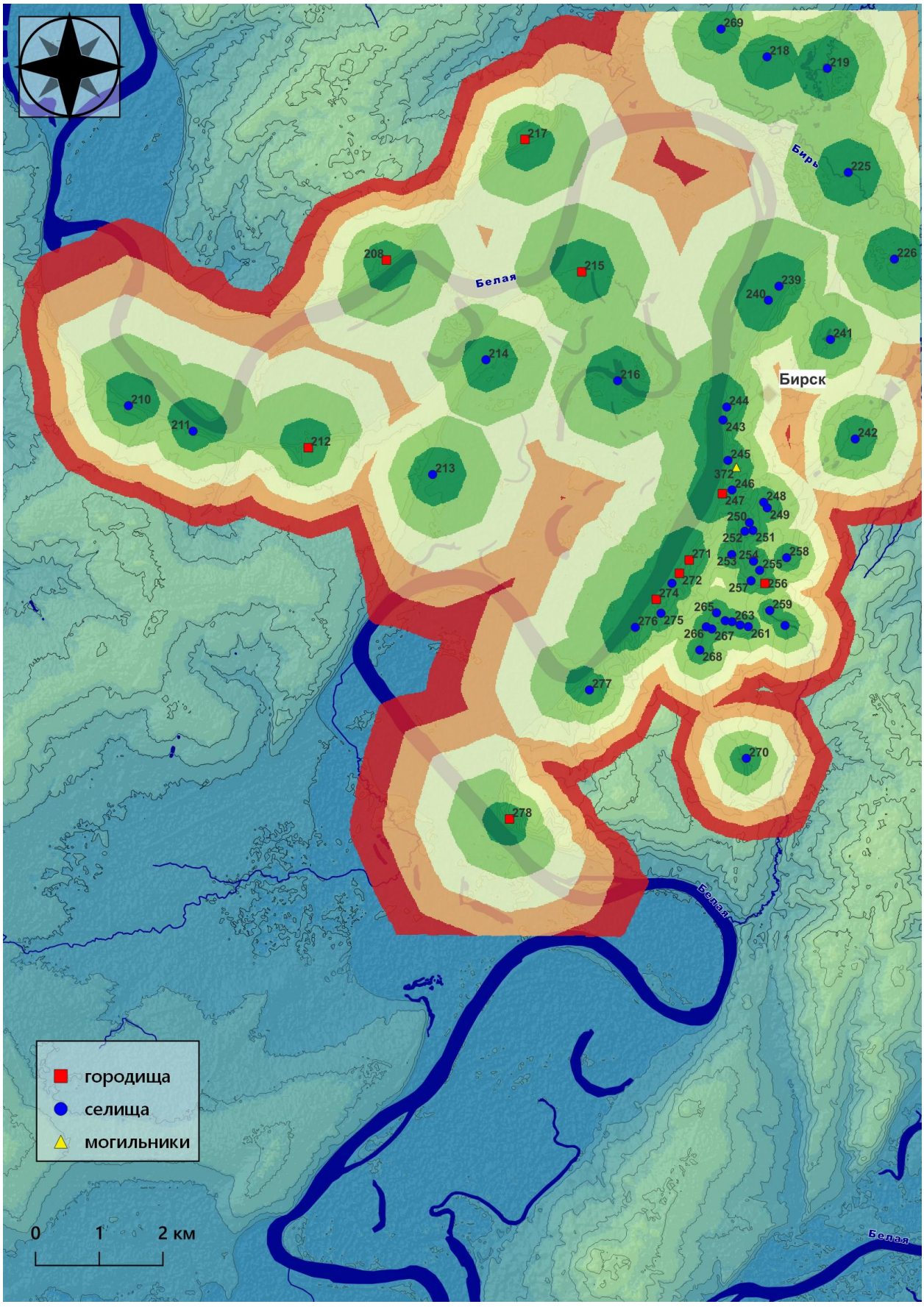

Рис. 46. Растр стоимостного движения

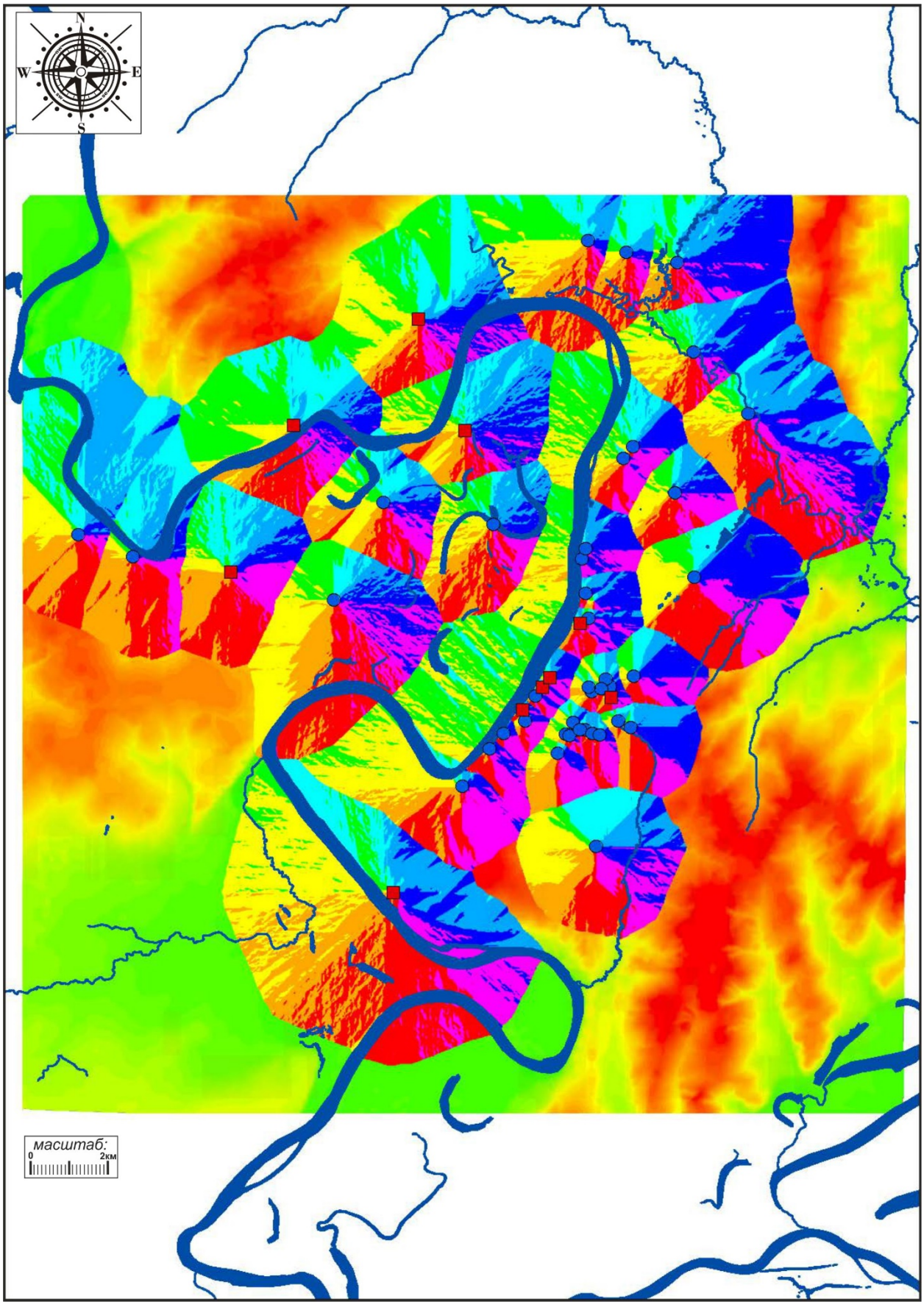

Рис. 47. Растр стоимостного расстояния

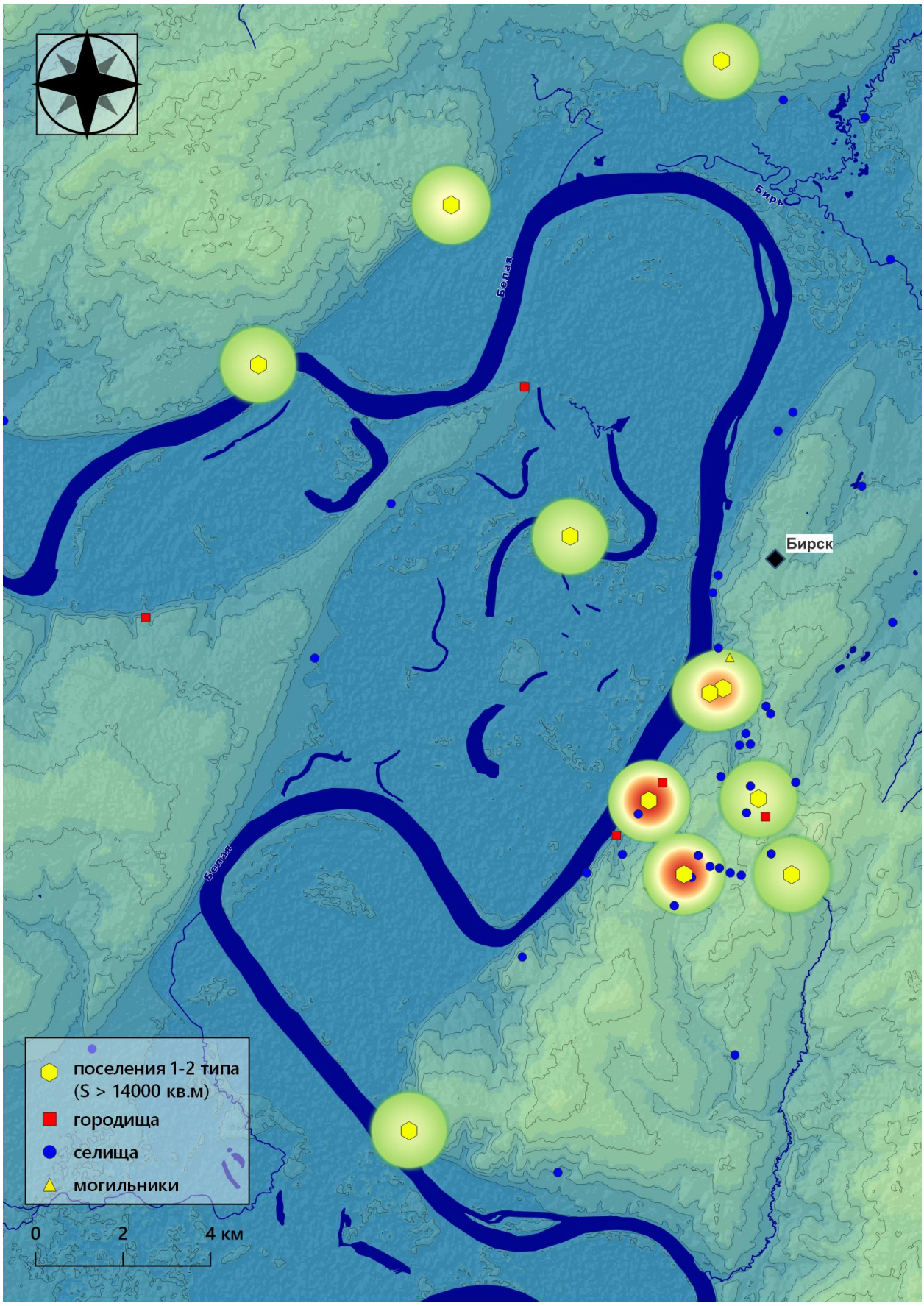

Рис. 48. Карта плотности поселений площадью более 14000 кв.м

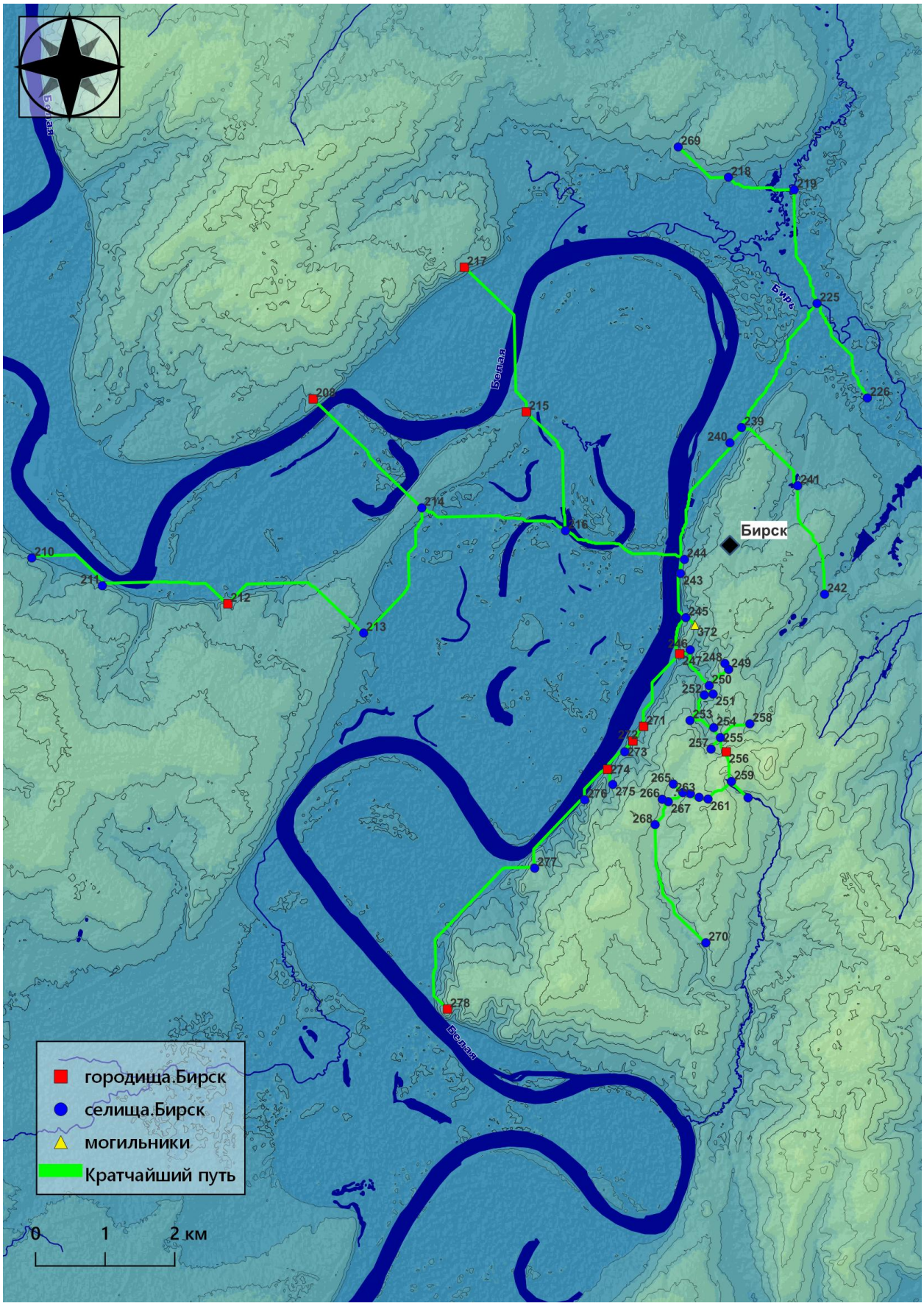

Рис. 49. Вероятная дорожная сеть (сеть коммуникации) поселений Бирского микрорайона

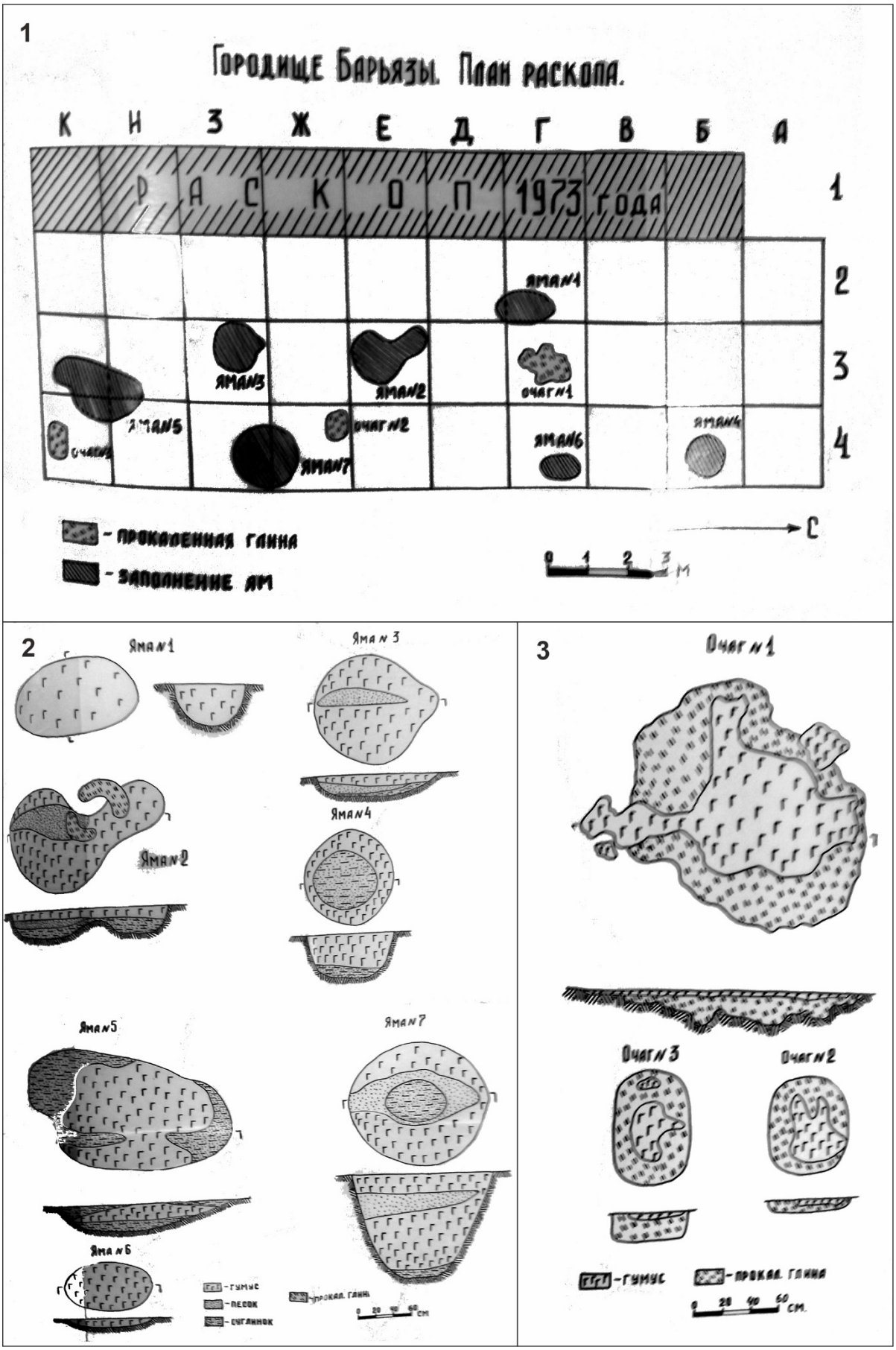

Рис. 50. Материалы раскопок Барьязинского городища (Иванов, 1974). Планы и профили: 1 – раскопа, 2 – исследованных хозяйственных ям, 3 – очагов

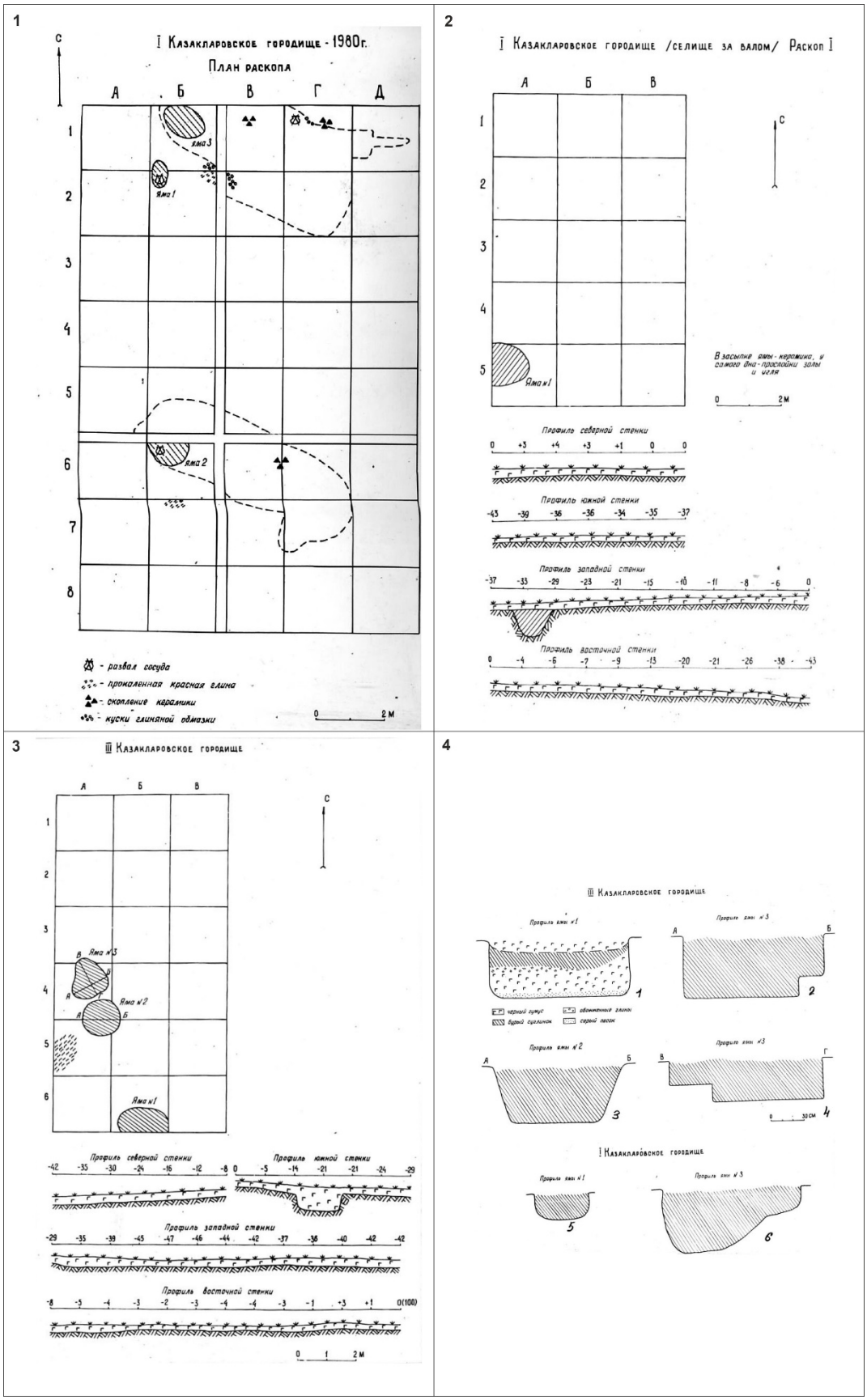

Рис. 51. Материалы раскопок Казакларовского 1 и 2 городищ (Иванов, 1980). Планы и профили: 1 –Казакларовского-1 городища, 2 – селища за валом Казакларовского-1 городища, 3 – Казакларовского-3 городища, 4 – исследованных хозяйственных ям

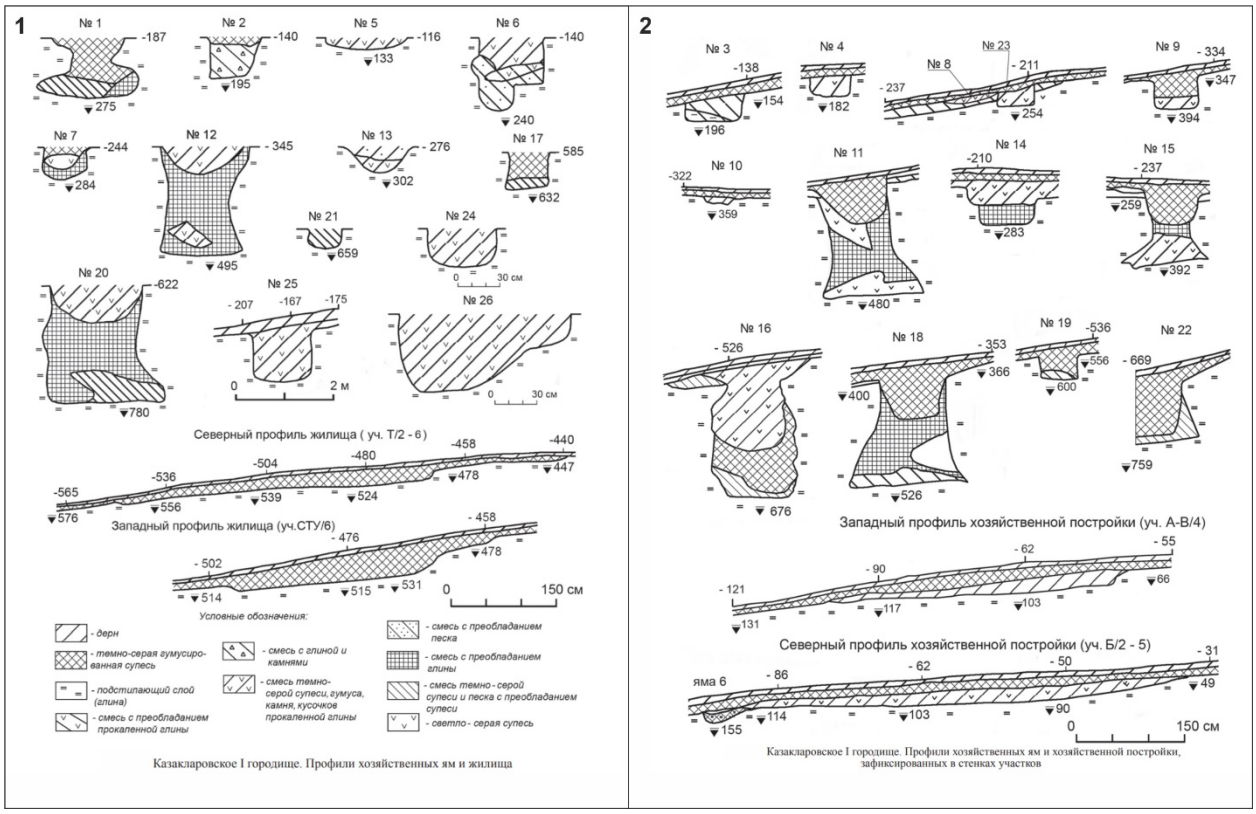

Рис. 52. Материалы раскопок городища Казакларово-1 (Иванов В.А., 1980, Останина Т.И., 1980). Профили жилища, нежилой постройки и хозяйственных ям (по Останина, 2020)

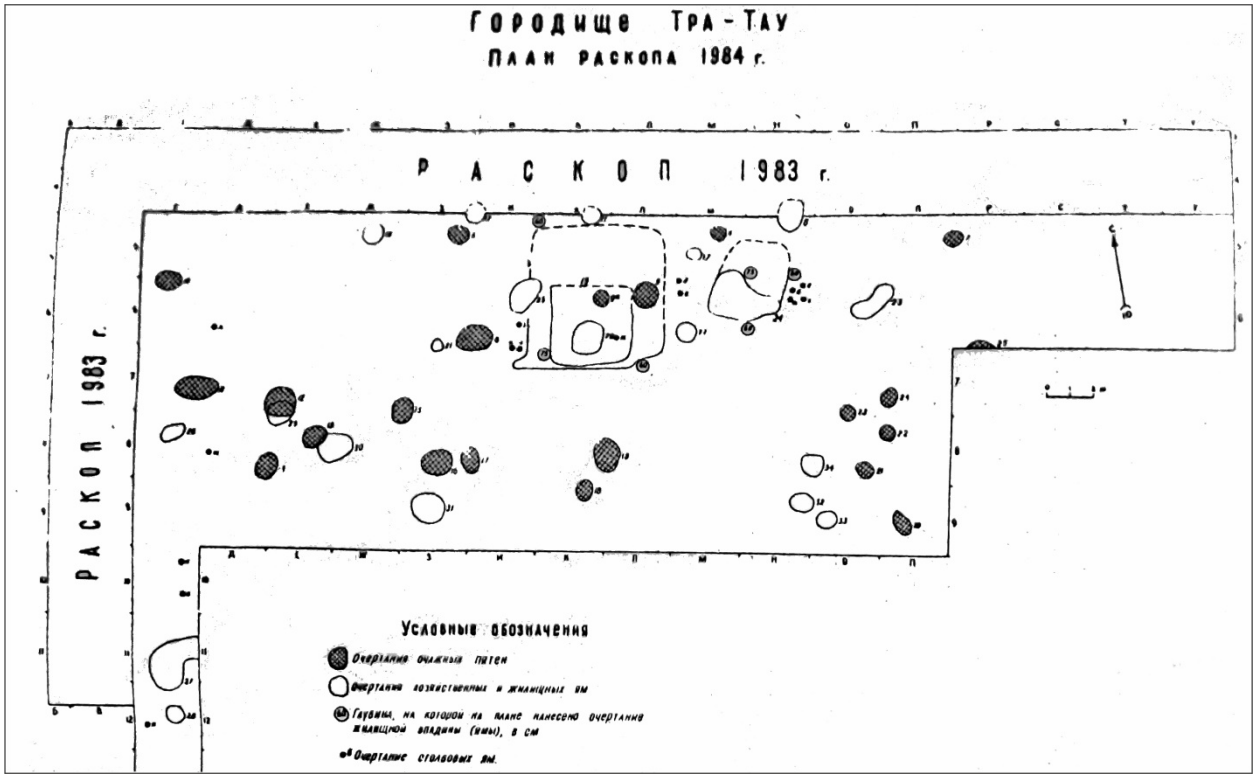

Рис. 53. Материалы раскопок городища Тра-Тау (Старонагаевское) (Мажитов, 1985). План раскопа

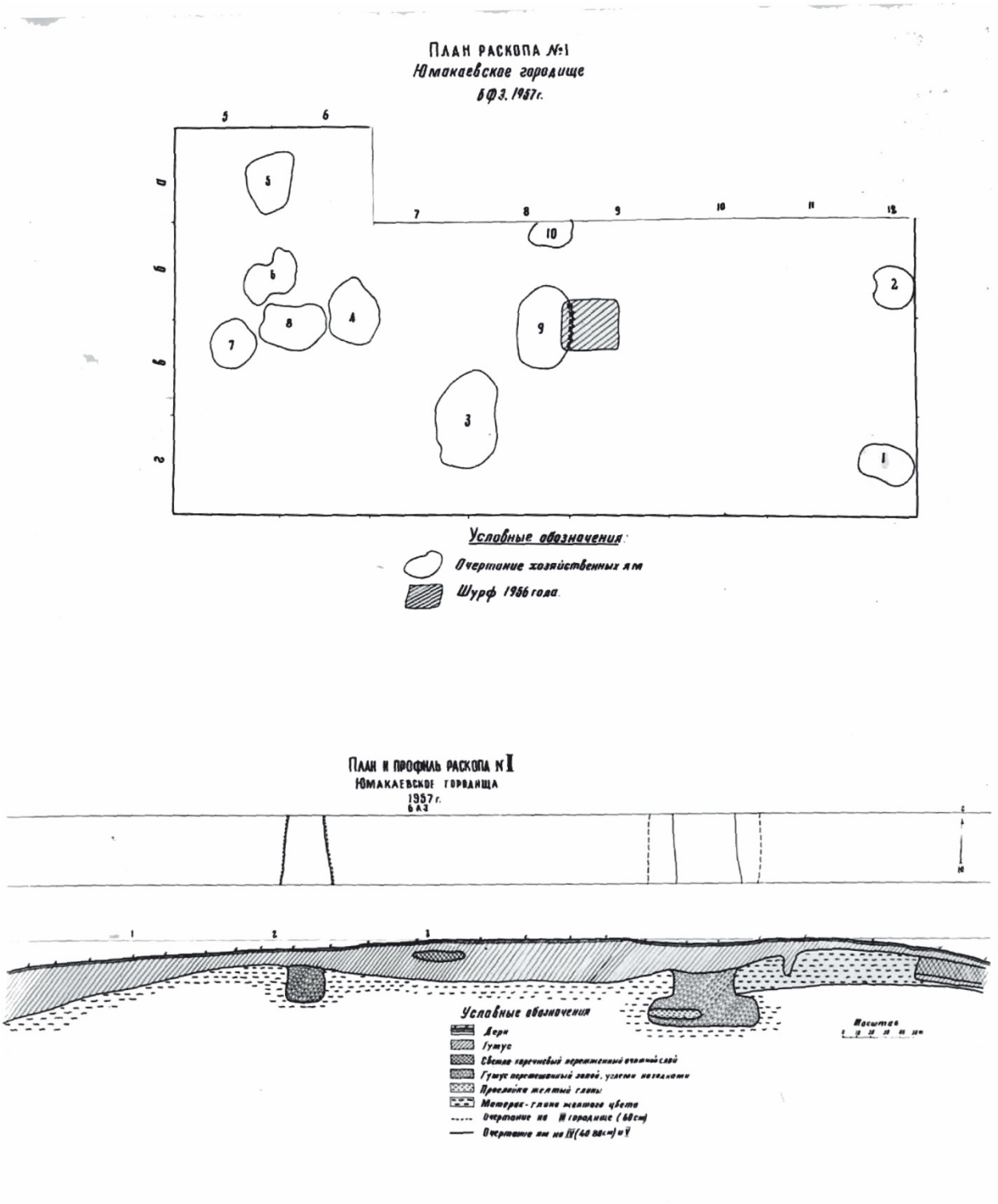

Рис. 54. Юмакаевское городище. План и профиль раскопа № 1 (Мажитов, 1957)

Юмакаевское городище (Матвеева Г.И., 1969 г.)

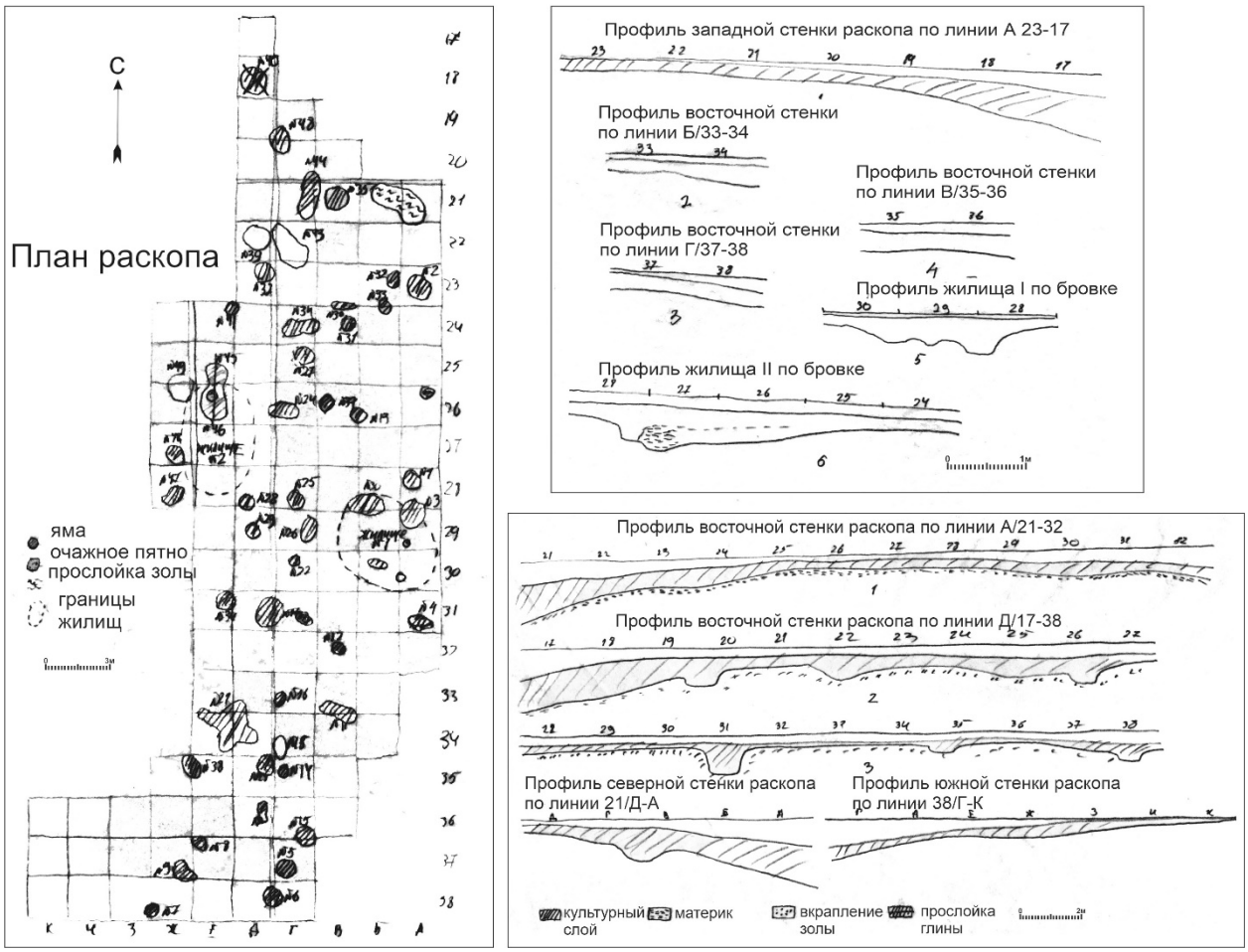

Рис. 55. План и профили раскопов Юмакаевского городища (Матвеева, 1969)

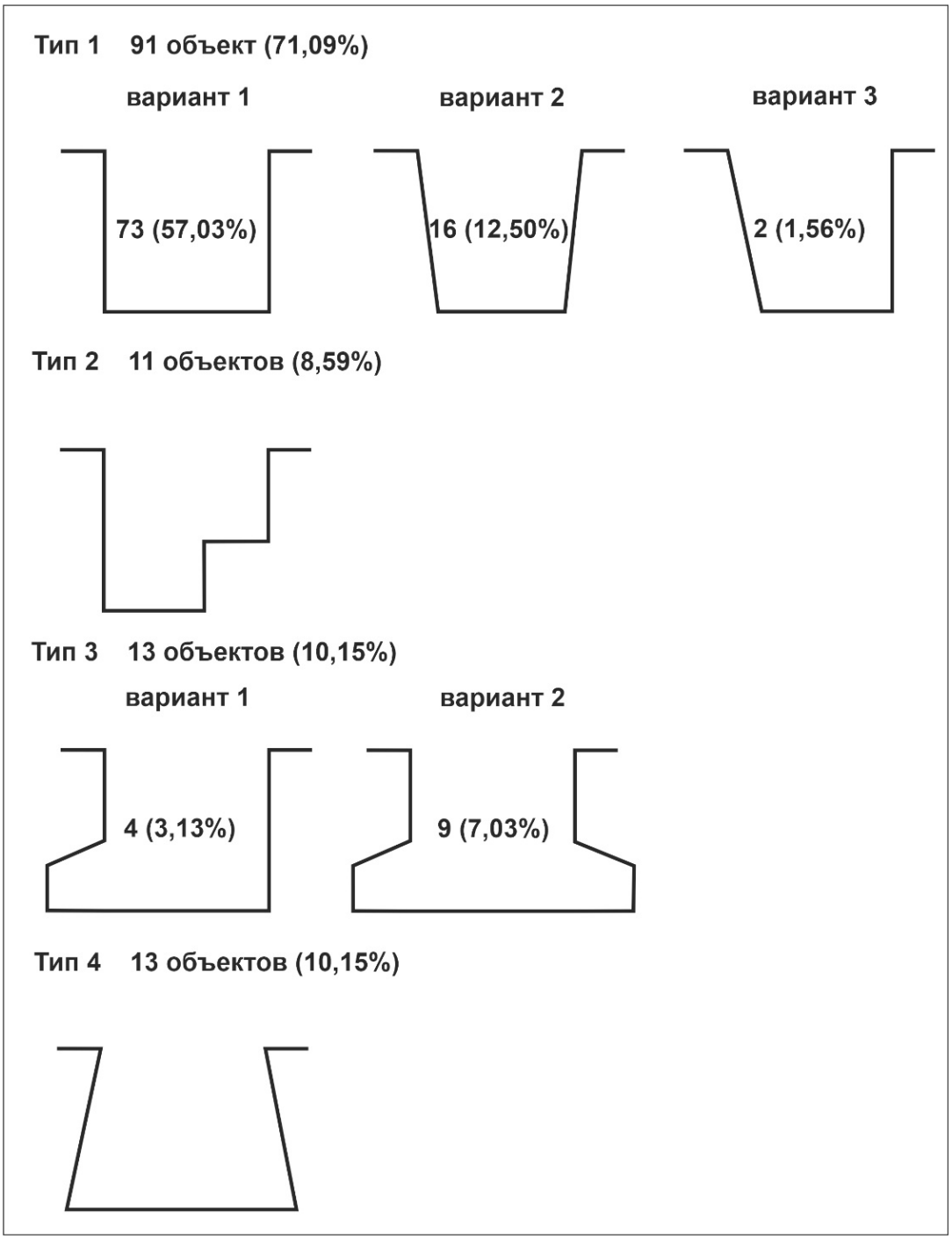

Рис. 56. Типология хозяйственных ям

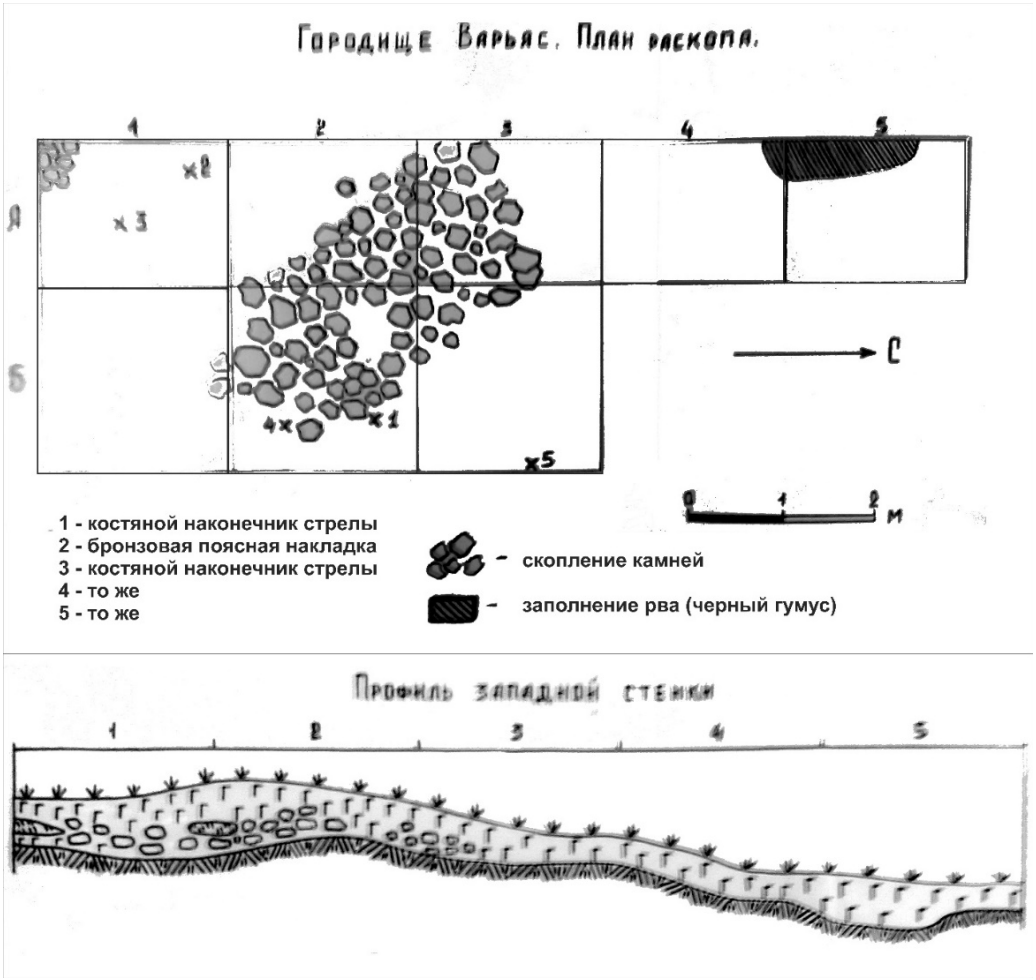

Рис. 57. Городище Варьяз. Раскоп IV. План раскопа, профиль западной стенки (Иванов, 1974)

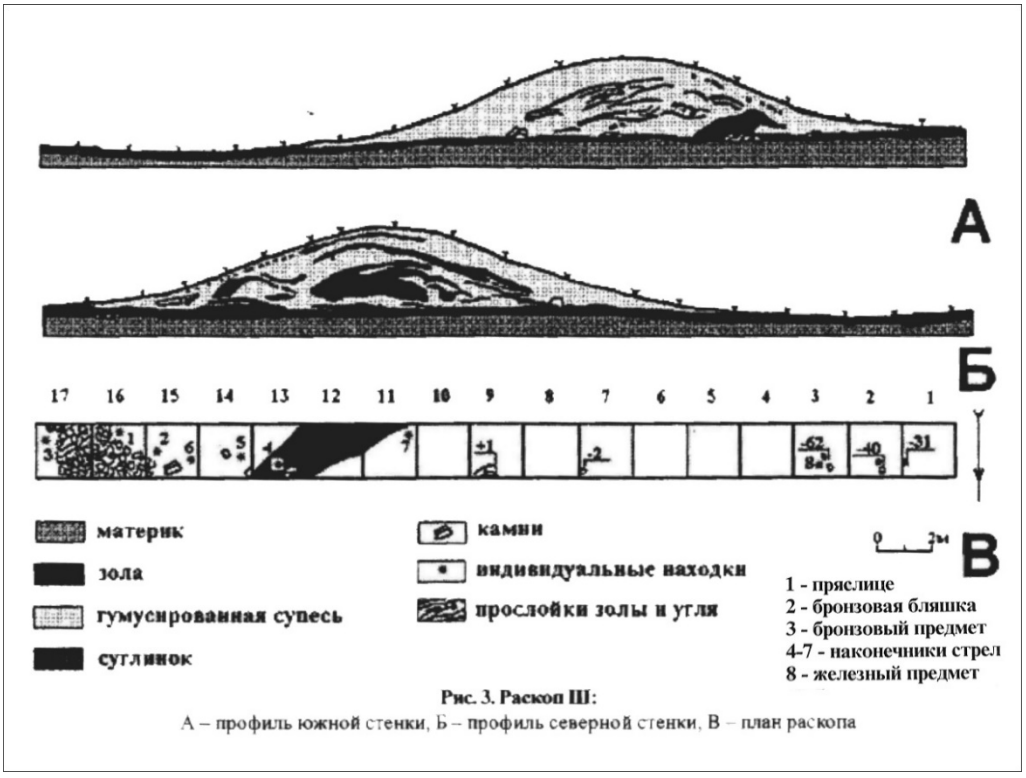

Рис. 58. Бажинское (Каменная гора) городище. Раскоп III (Овсянников, Сунгатов, 2004)

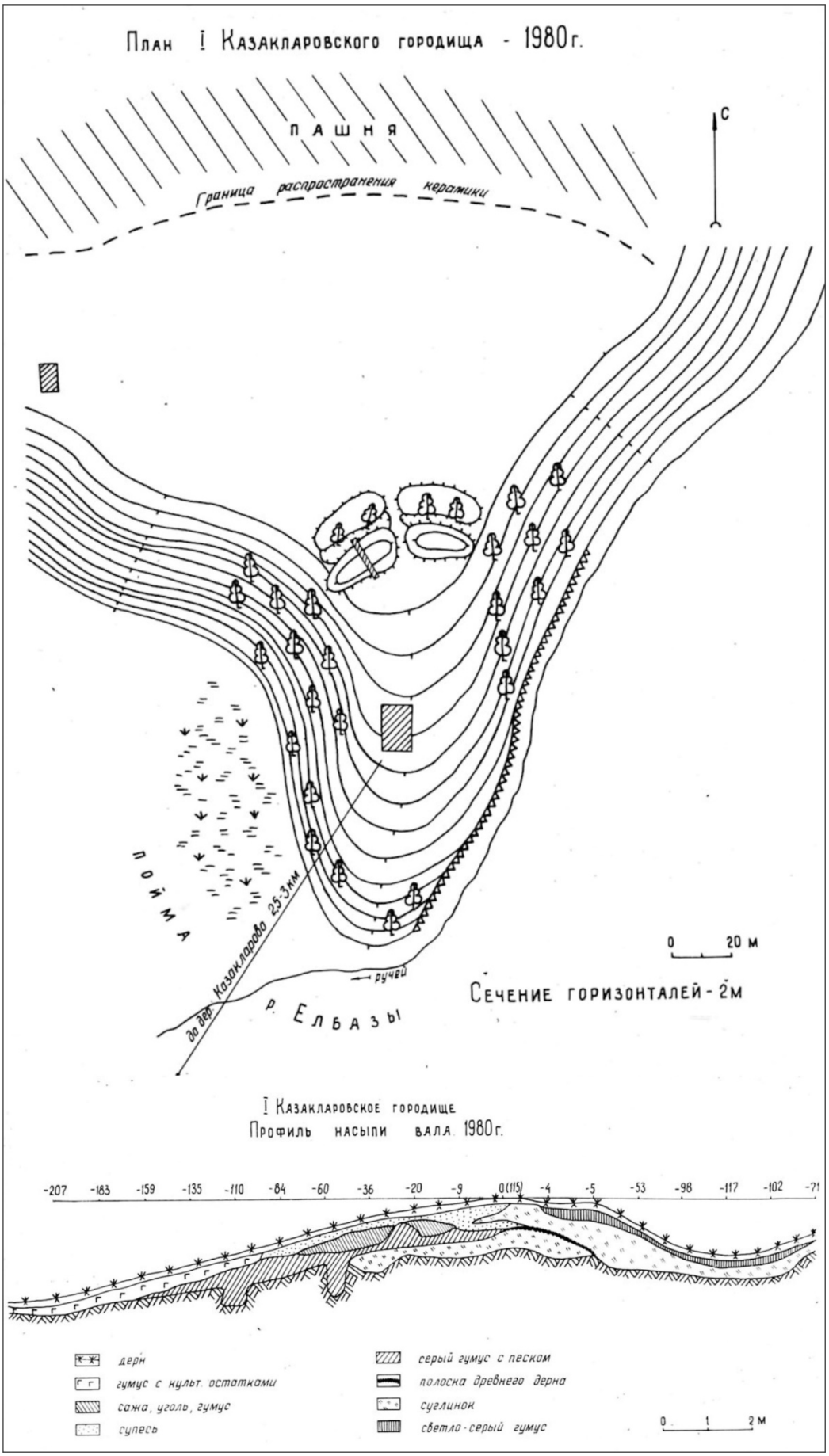

Рис. 59. Казакларово-1, городище (Иванов, 1980)

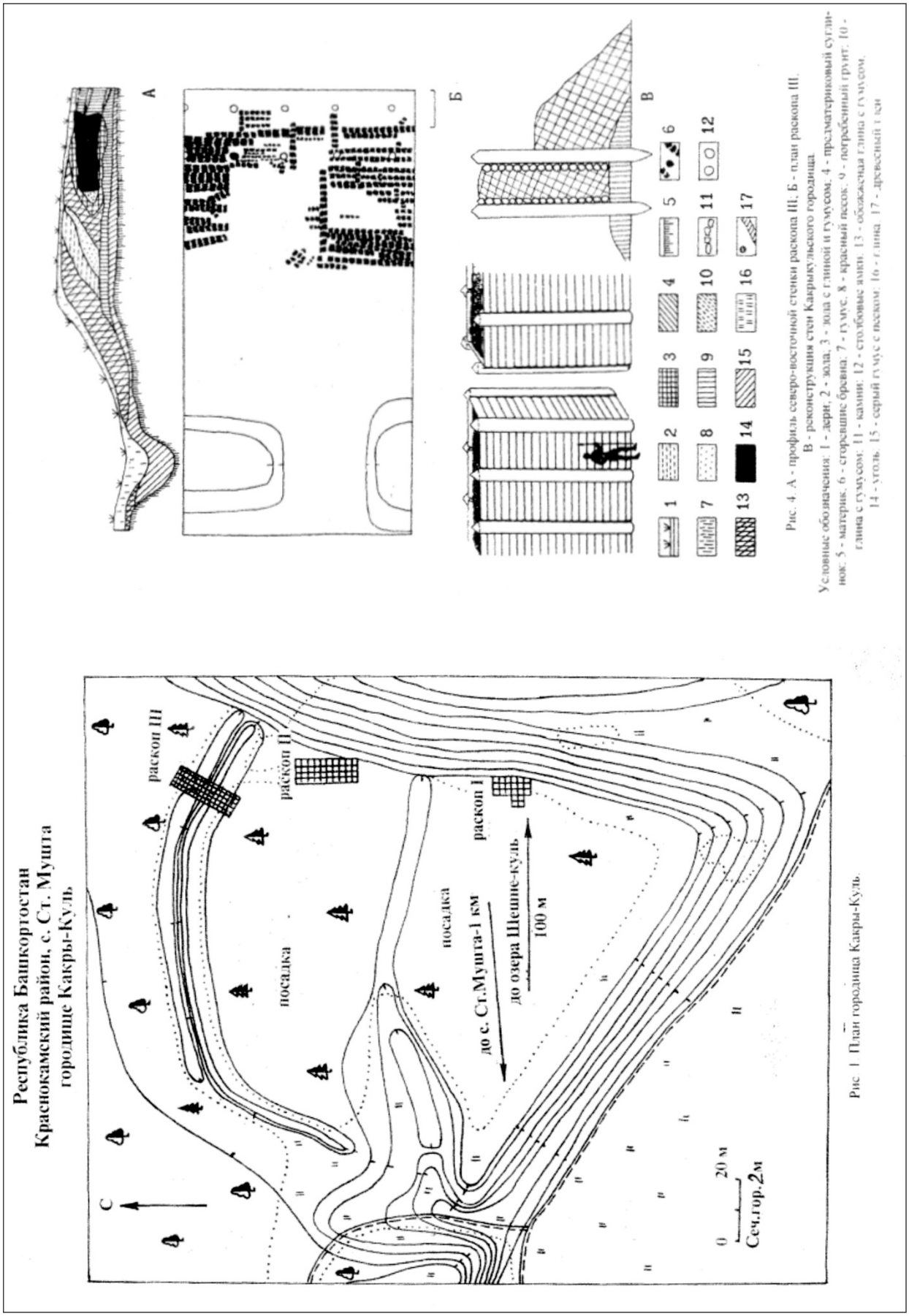

Рис. 1. План городища Какры-Куль

Рис. 4. А - профиль северо-восточной стенки раскопа III; Б - план раскопа III.
В - реконструкция стен Какрыкульского городища.
Условные обозначения: 1 - дерн; 2 - зола; 3 - зола с глиной и гумусом; 4 - предматериковый суглинок; 5 - материк; 6 - сгоревшие бревна; 7 - гумус; 8 - красный песок; 9 - погребенный грунт; 10 - глина с гумусом; 11 - камни; 12 - столбовые ямы; 13 - обожженная глина с гумусом; 14 - уголь; 15 - серый гумус с песком; 16 - глина; 17 - древесный уголь

Рис. 60. Городище Какры-Куль (Старо-Муштинское)

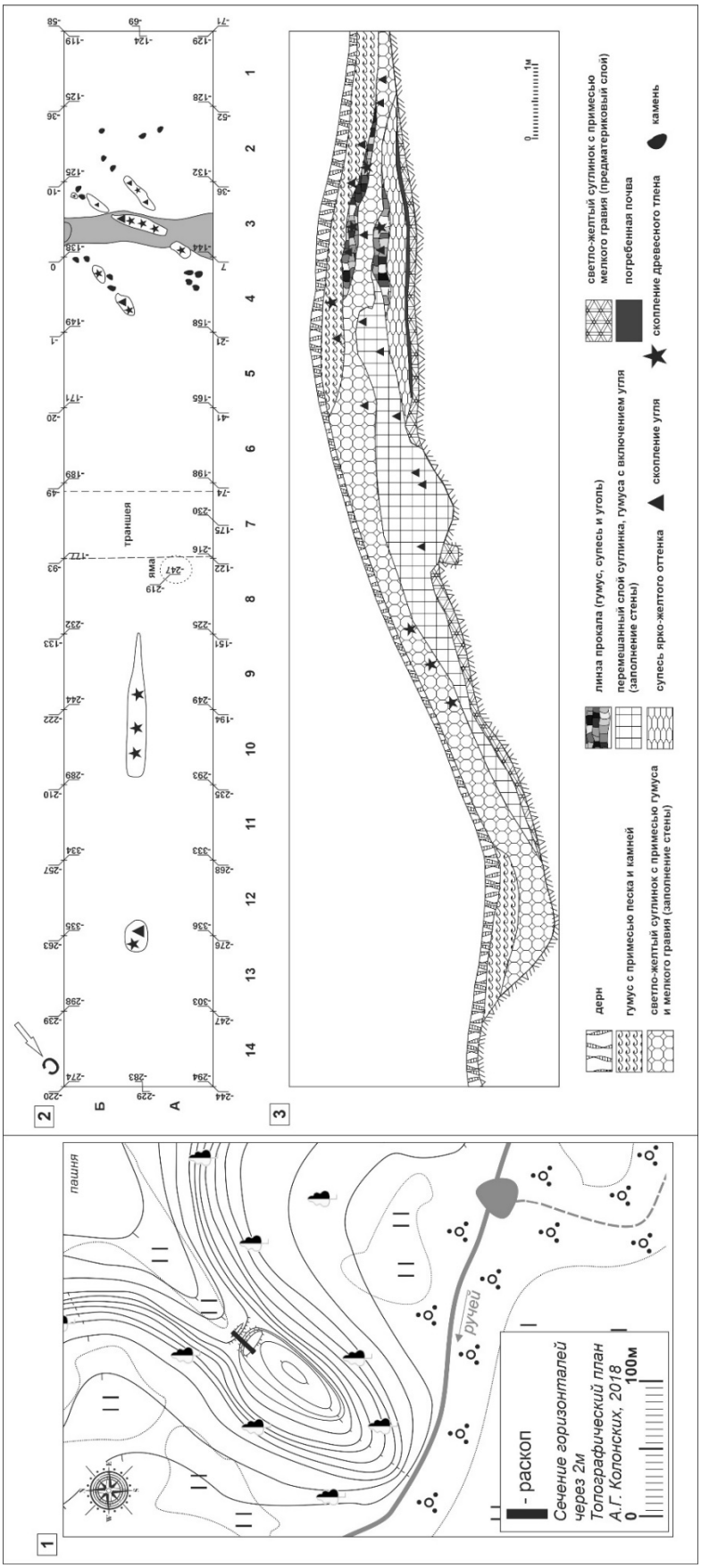

Рис. 61. Исхаковское городище. 1 – план городища, 2 – план раскопа, 3 – профиль бровки по линии северо-восток–юго-запад

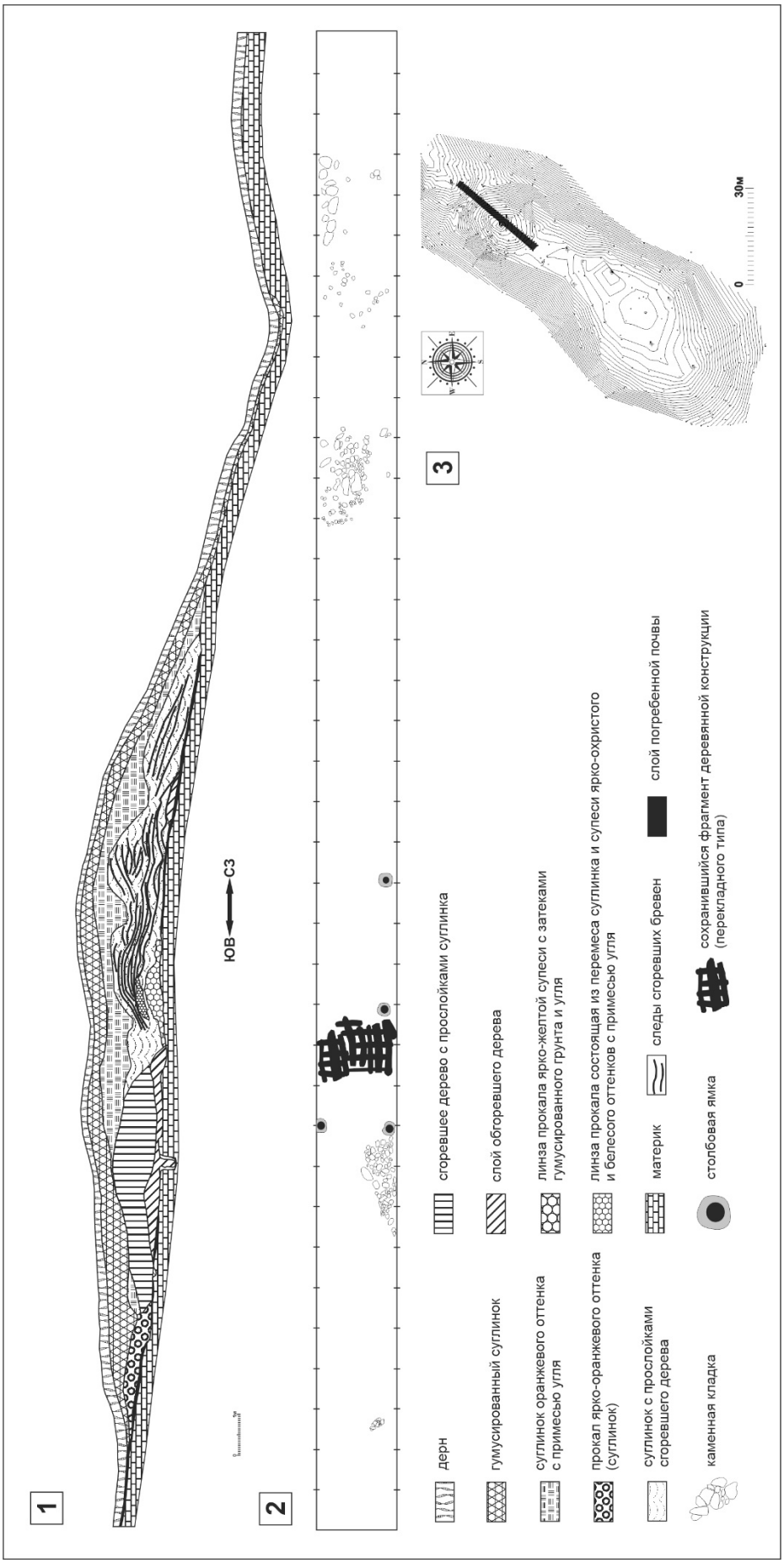

Рис. 62. Бустанаевское городище. 1 – профиль сечения стенки по линии северо-восток–юго-запад; 2 – план раскопа; 3 – топографический план

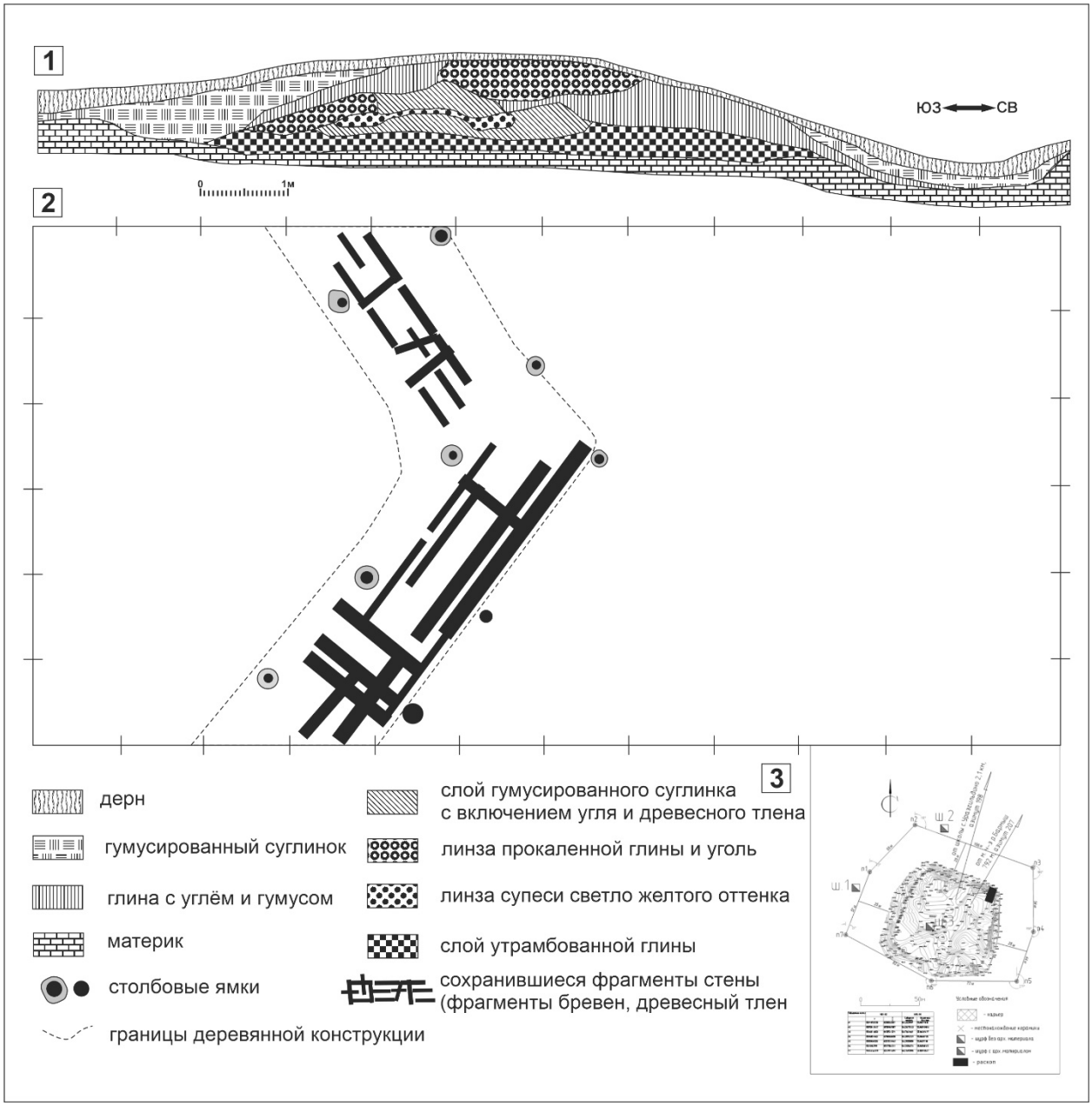

Рис. 63. Уразгильдинское городище. 1 – профиль сечения стенки по линии северо-восток–юго-запад; 2 – план раскопа; 3 – топографический план

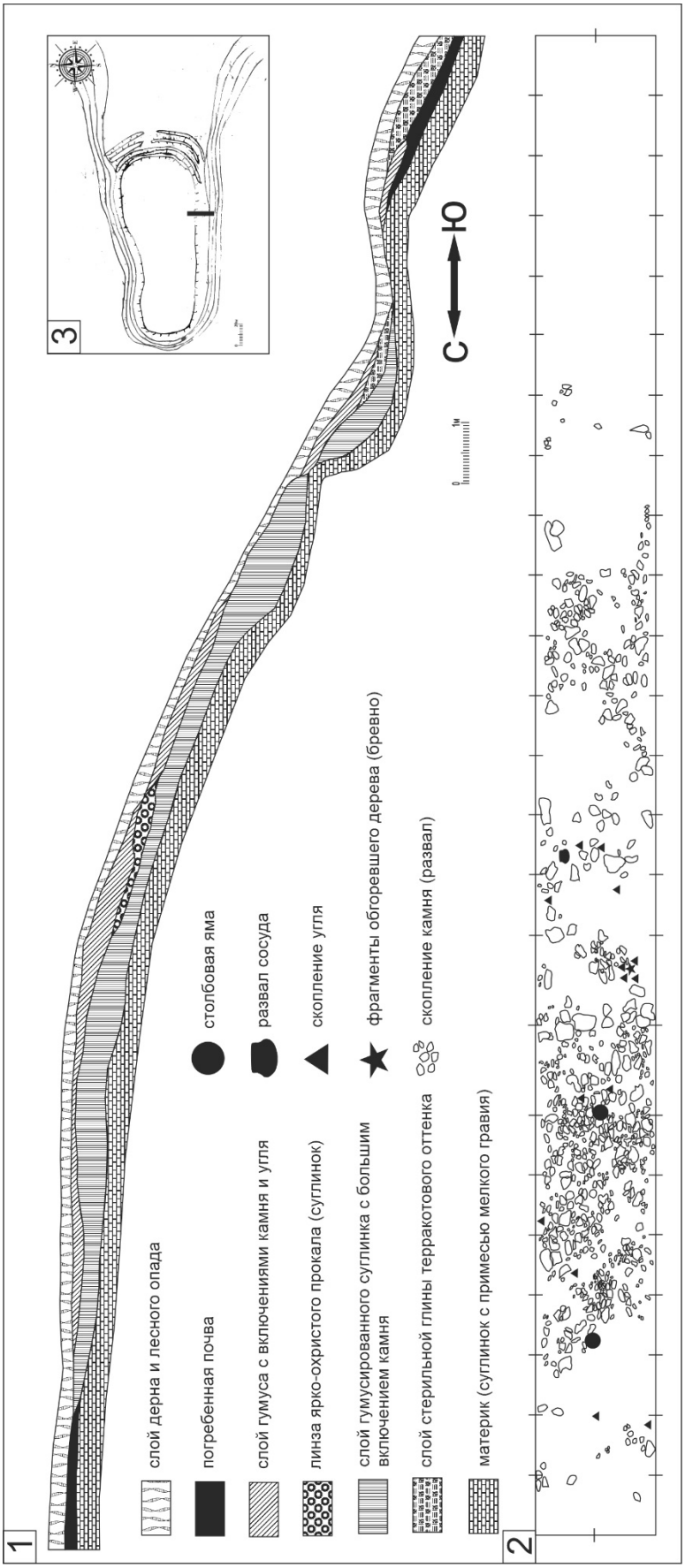

Рис. 64. Баразинское городище. 1 – профиль сечения стенки по линии север-юг; 2 – план раскопа; 3 – топографический план

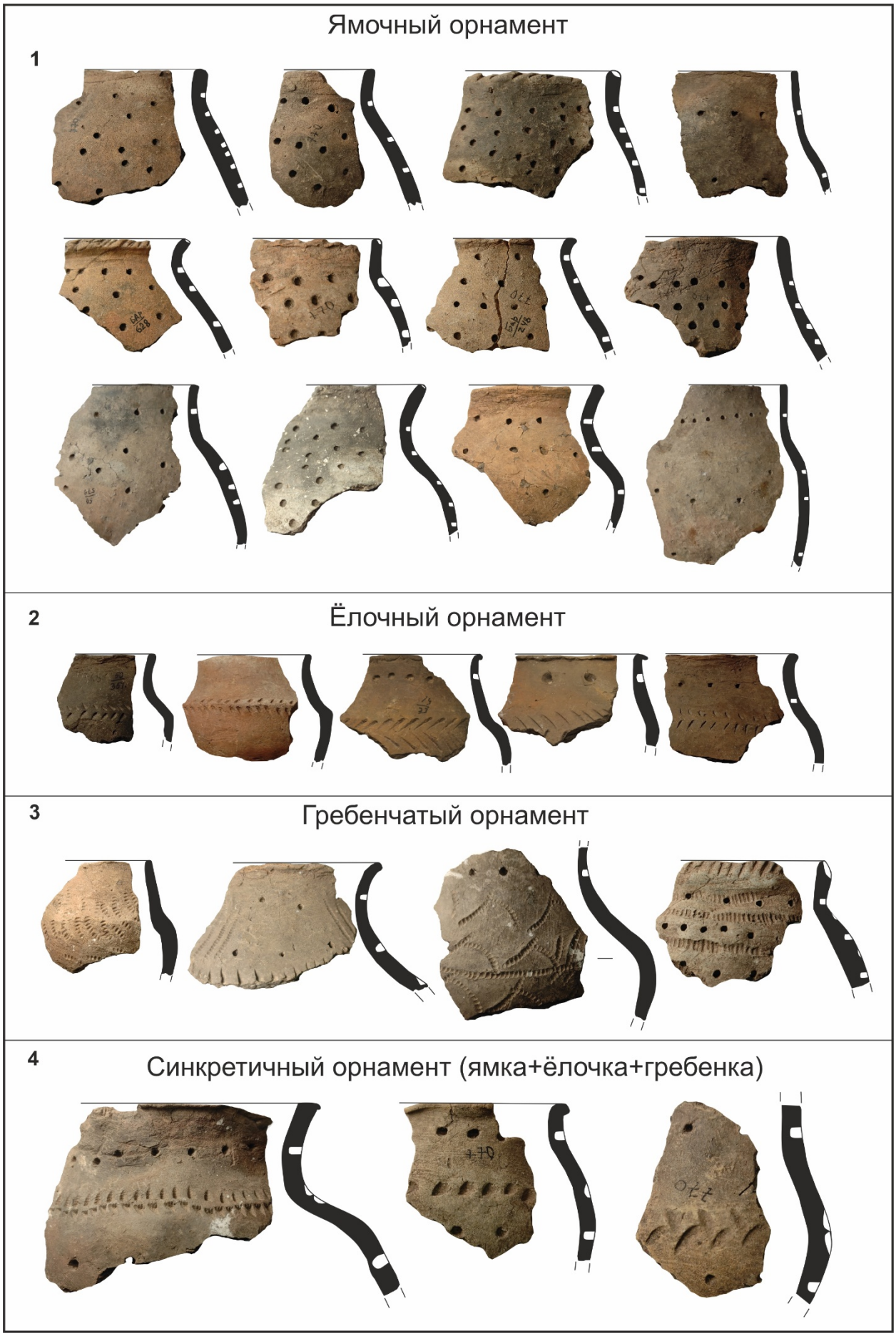

Рис. 65. Типы орнамента и их сочетания на керамике поселений бахмутинской культуры

Рис. 66. Отпечатки ткани на керамике бахмутинской культуры

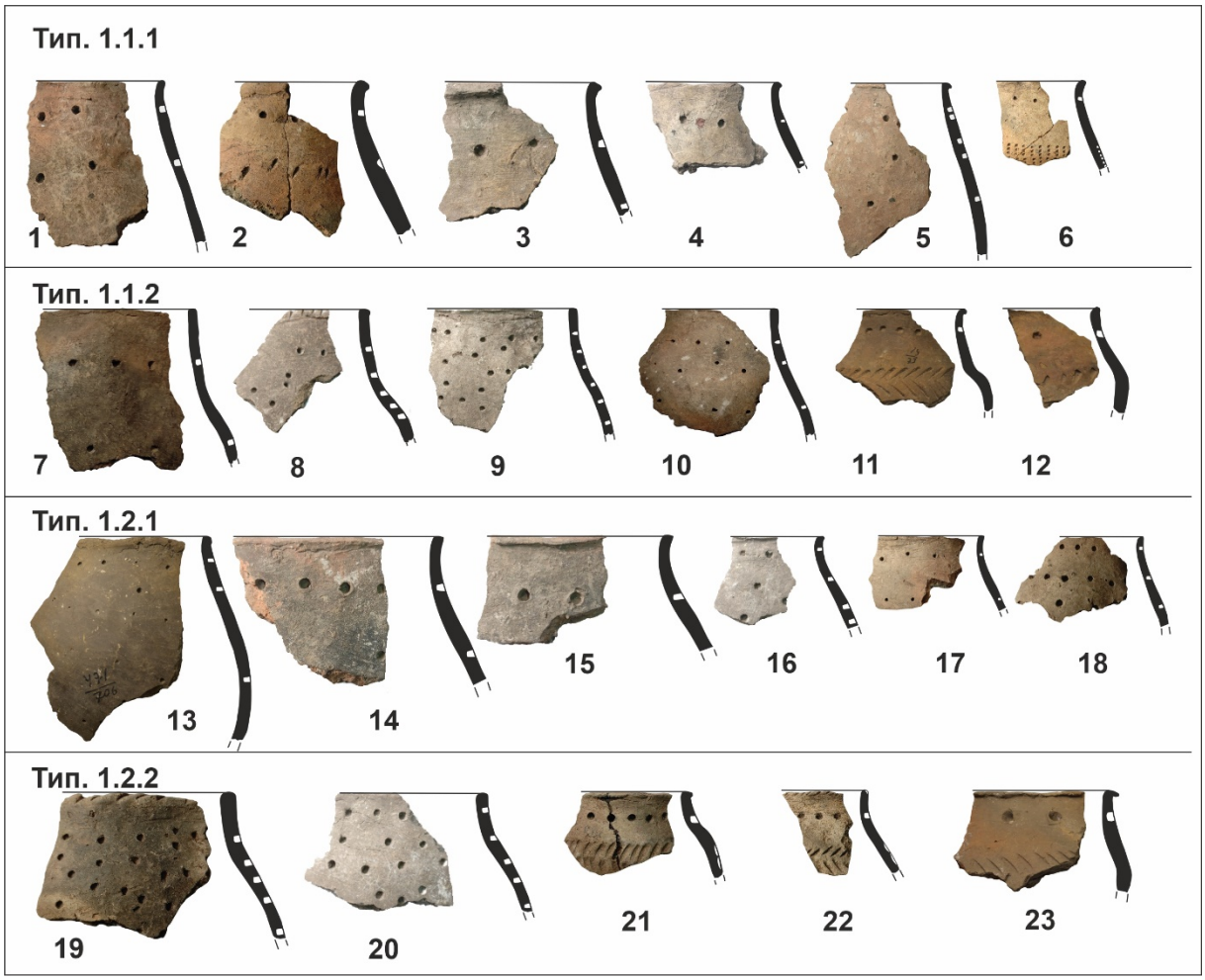

Рис. 67. Керамика поселений. Тип 1

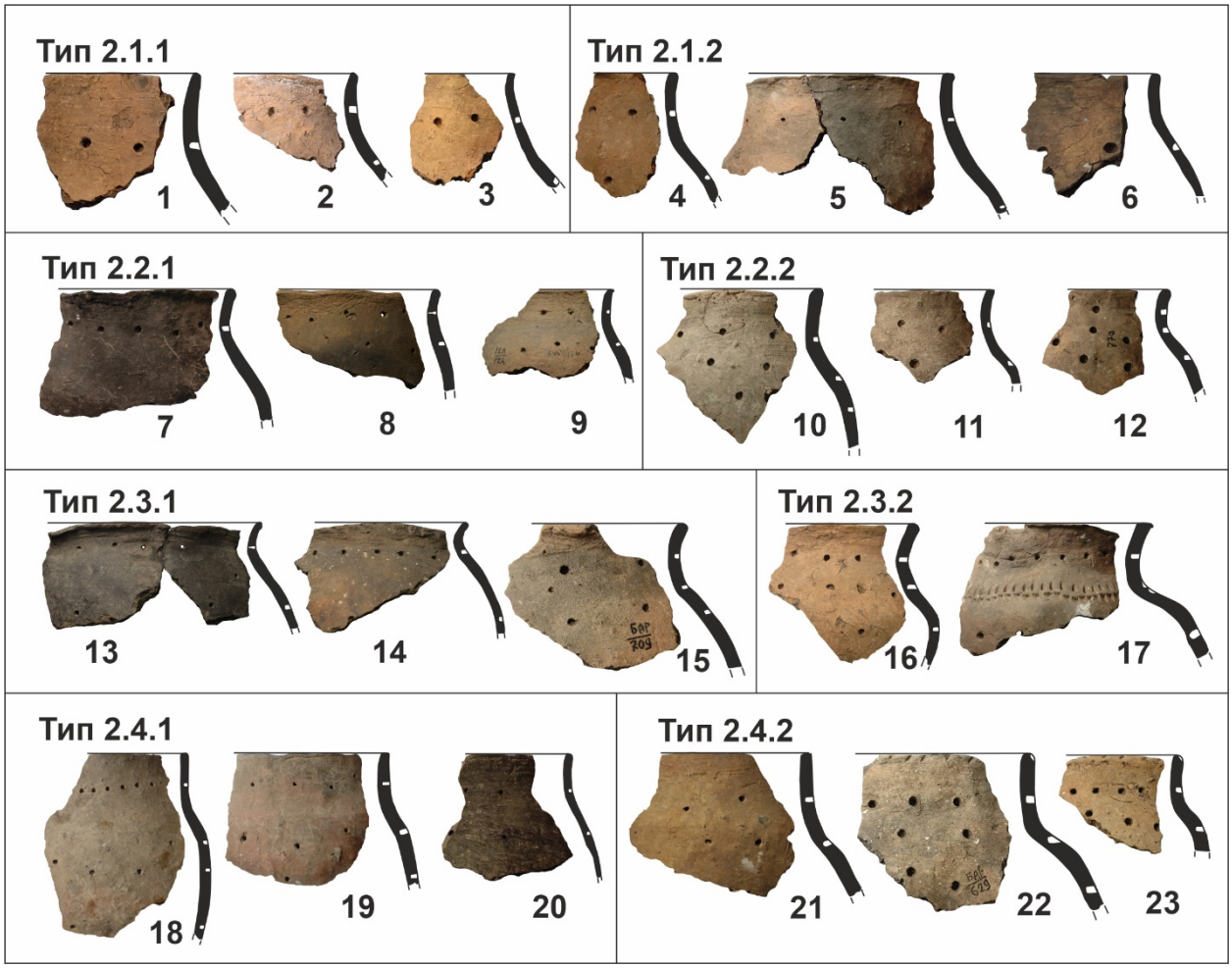

Рис. 68. Керамика поселений. Тип 2

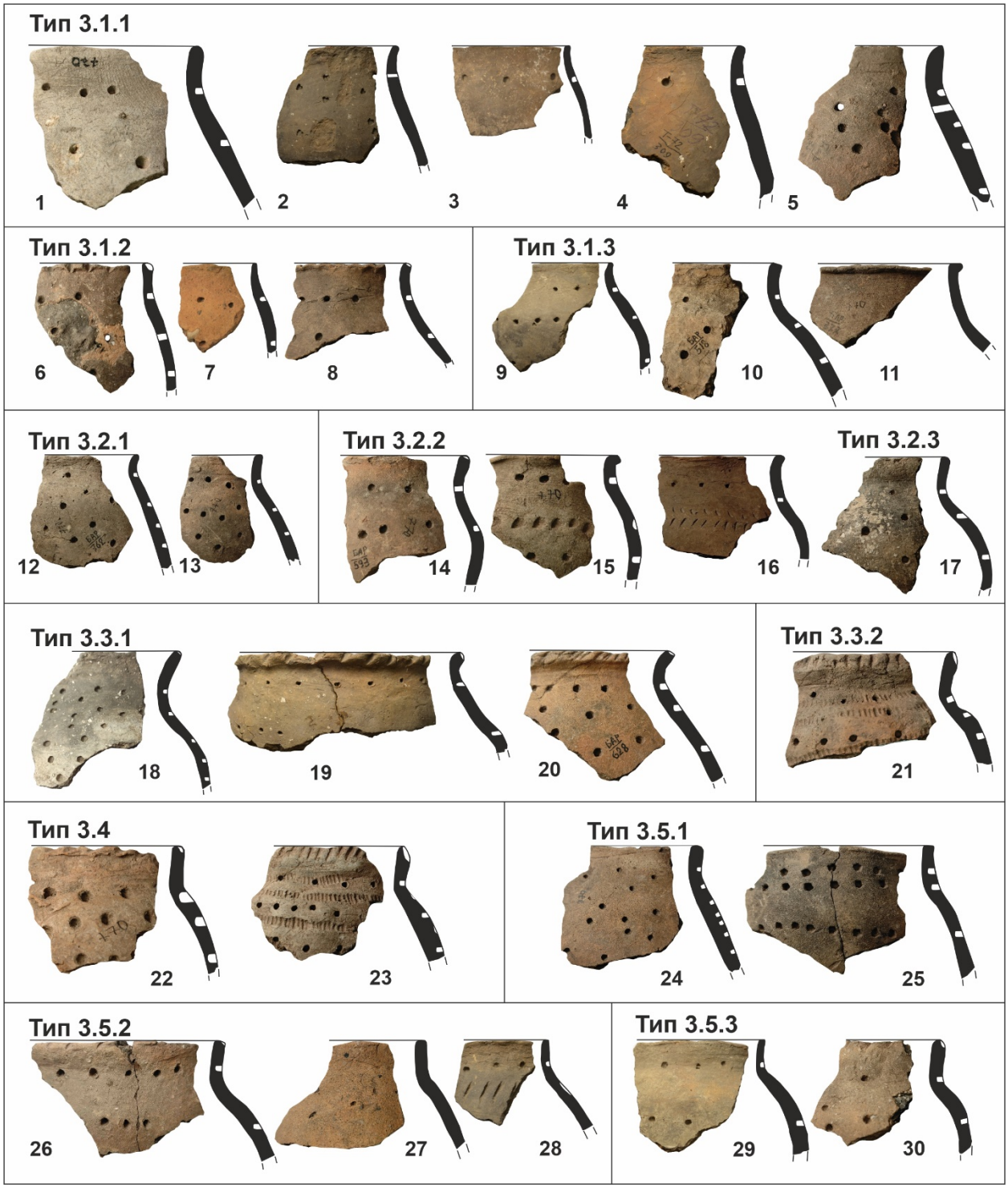

Рис. 69. Керамика поселений. Тип 3

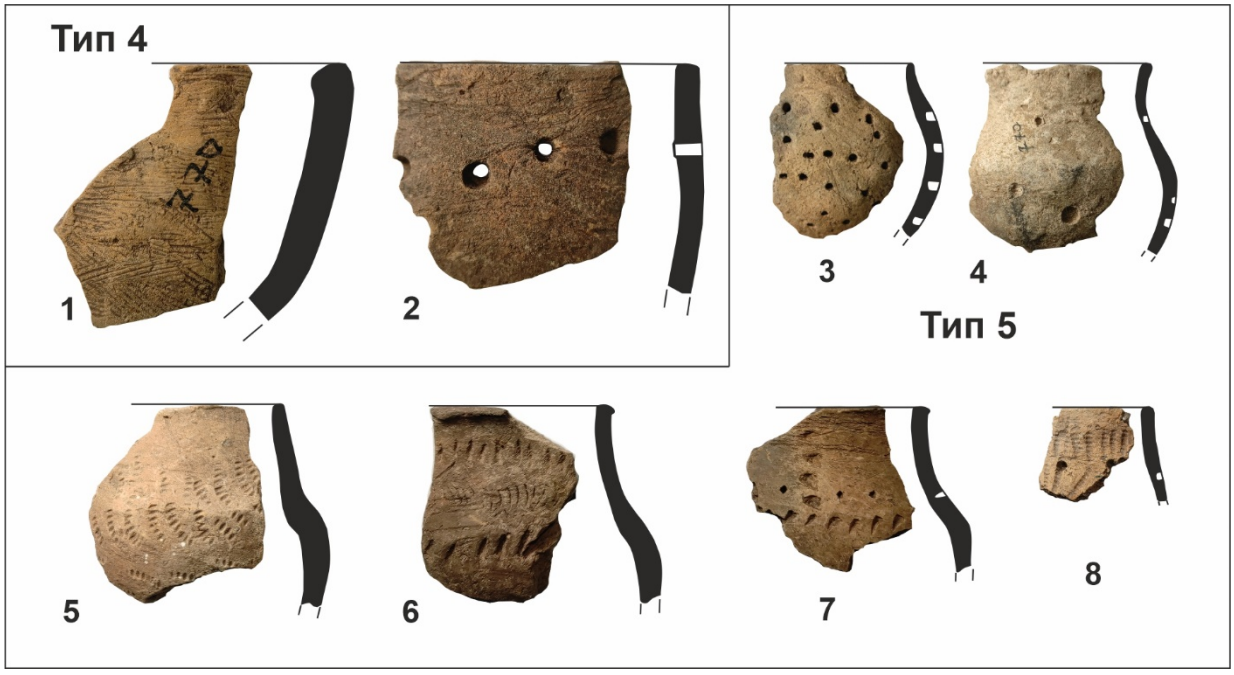

Рис. 70. Керамика поселений. Тип 4, 5

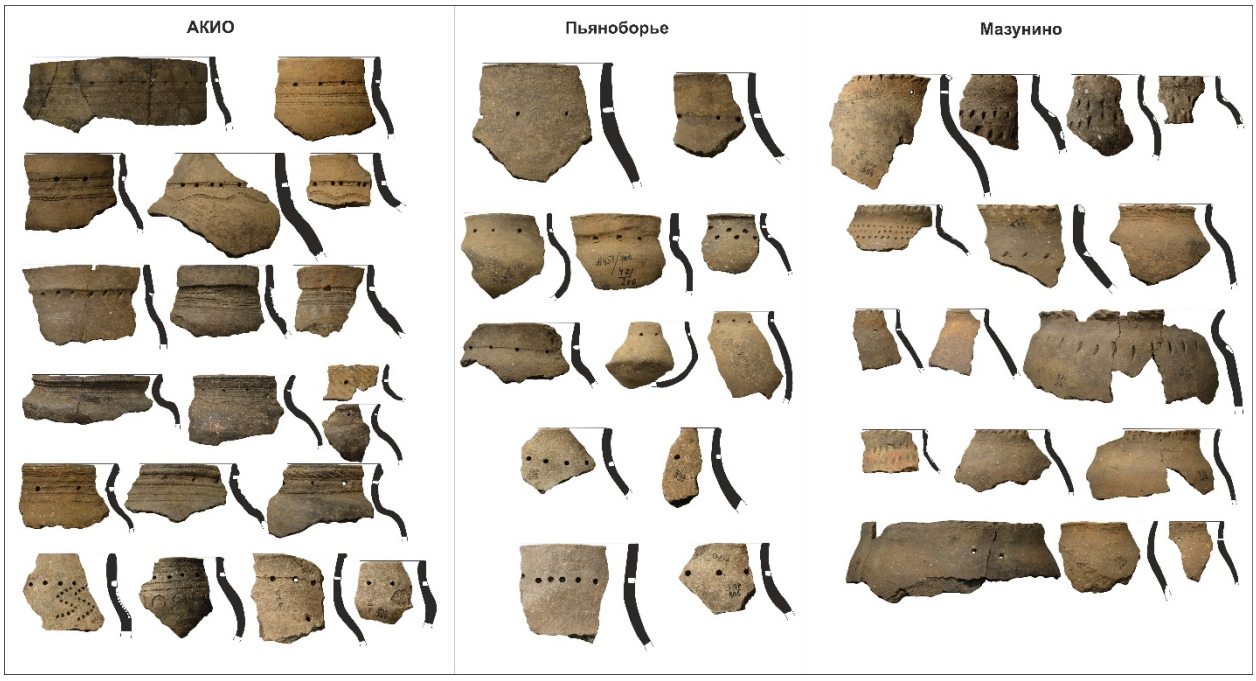

Рис. 71. Сопутствующие культурные группы керамики на поселениях Уфимско-Бельского междуречья

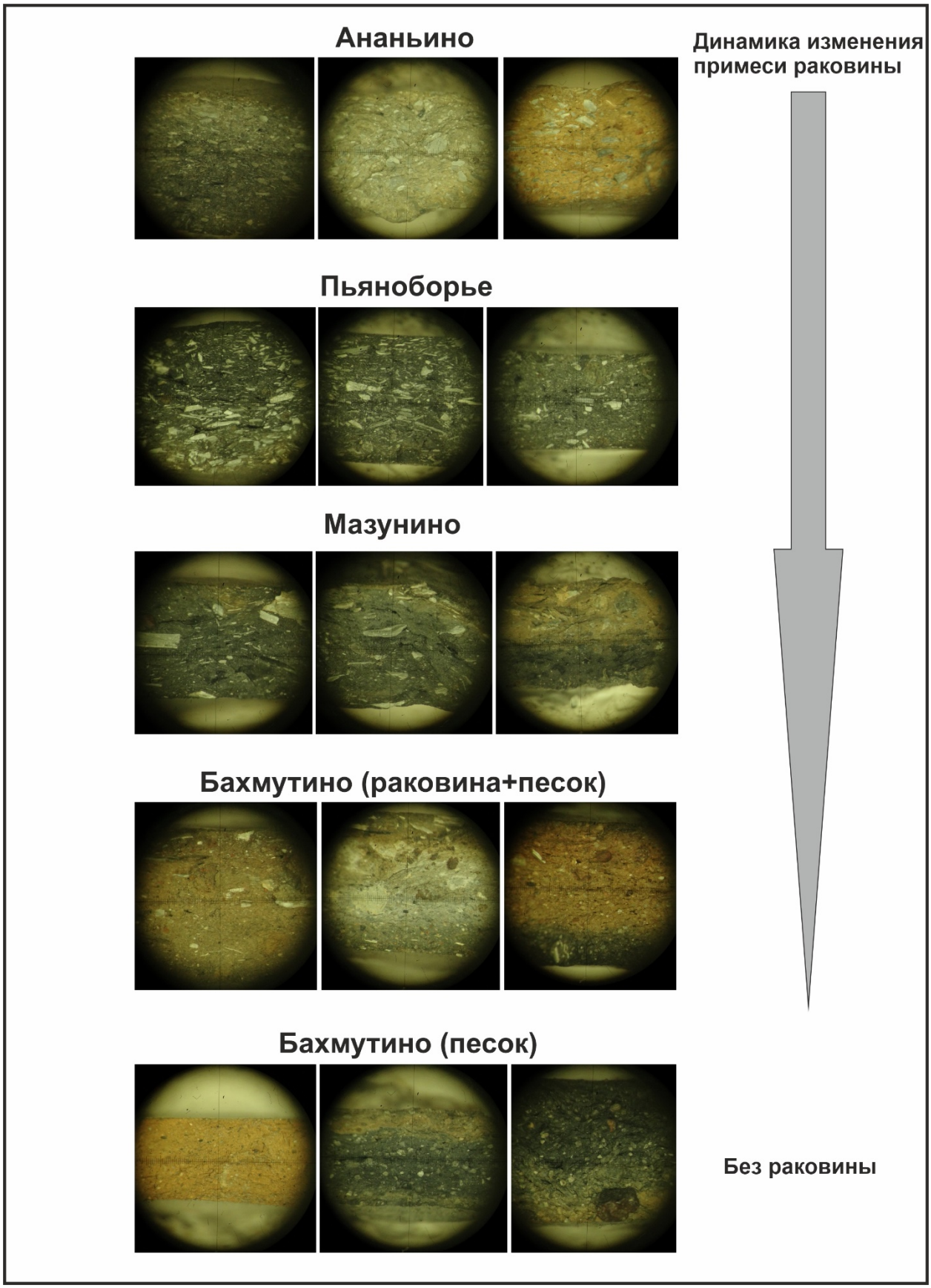

Рис. 72. Динамика изменения характера примеси раковины и её исчезновение, на поселениях нижнего течения р. Белой. Результаты микроскопических исследований

Рис. 73. Керамика бахмутинской культуры в погребениях Старо-Муштинского курганно-грунтового могильника

Рис. 74. Сходства и отличия керамики поселений бахмутинской культуры и посуды имендяшевского типа

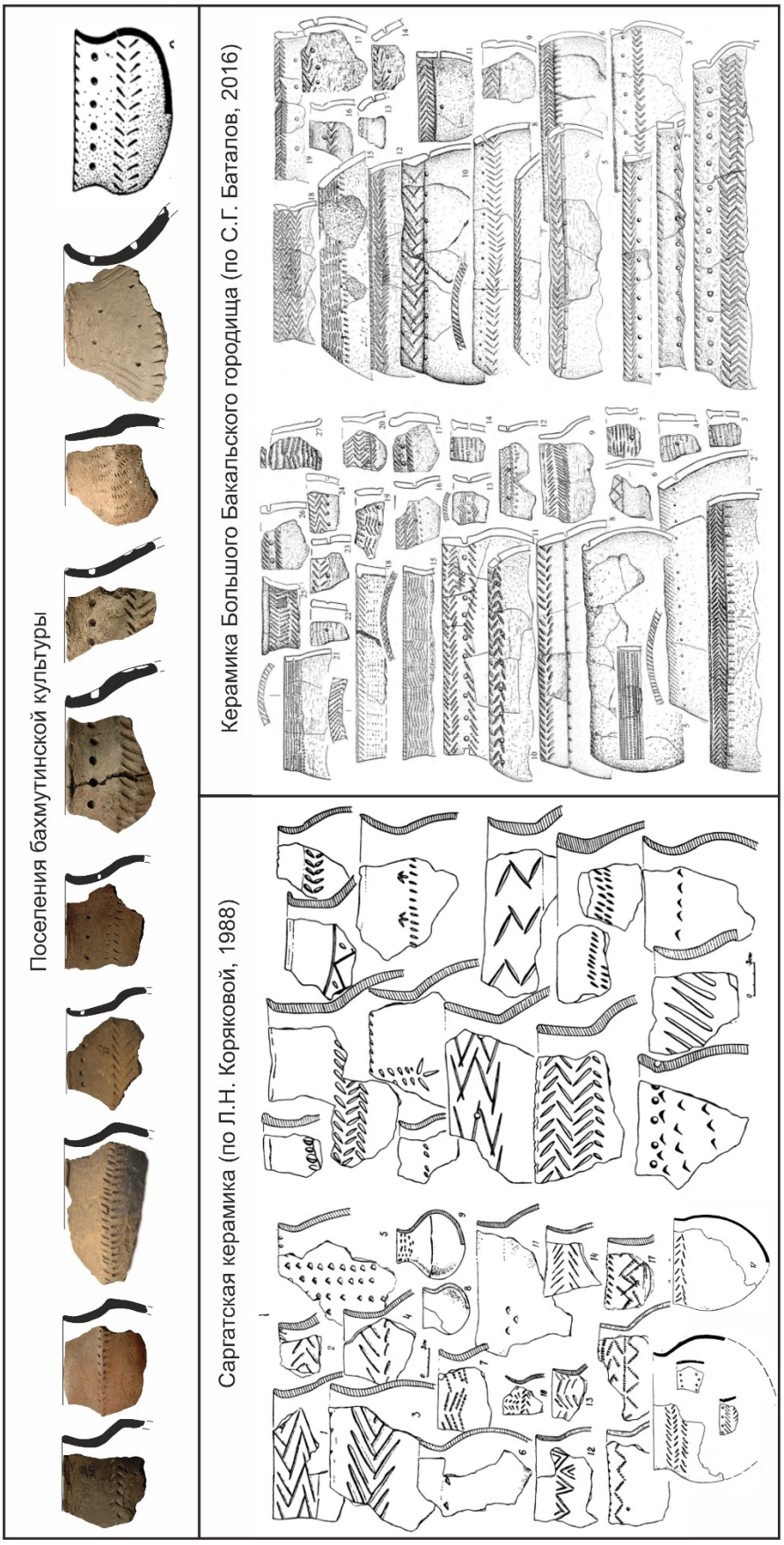

Рис. 75. Сопоставление типов орнамента поселений бахмутинской культуры с орнаментальными традициями саргатского и бакальского насления Зауральского региона

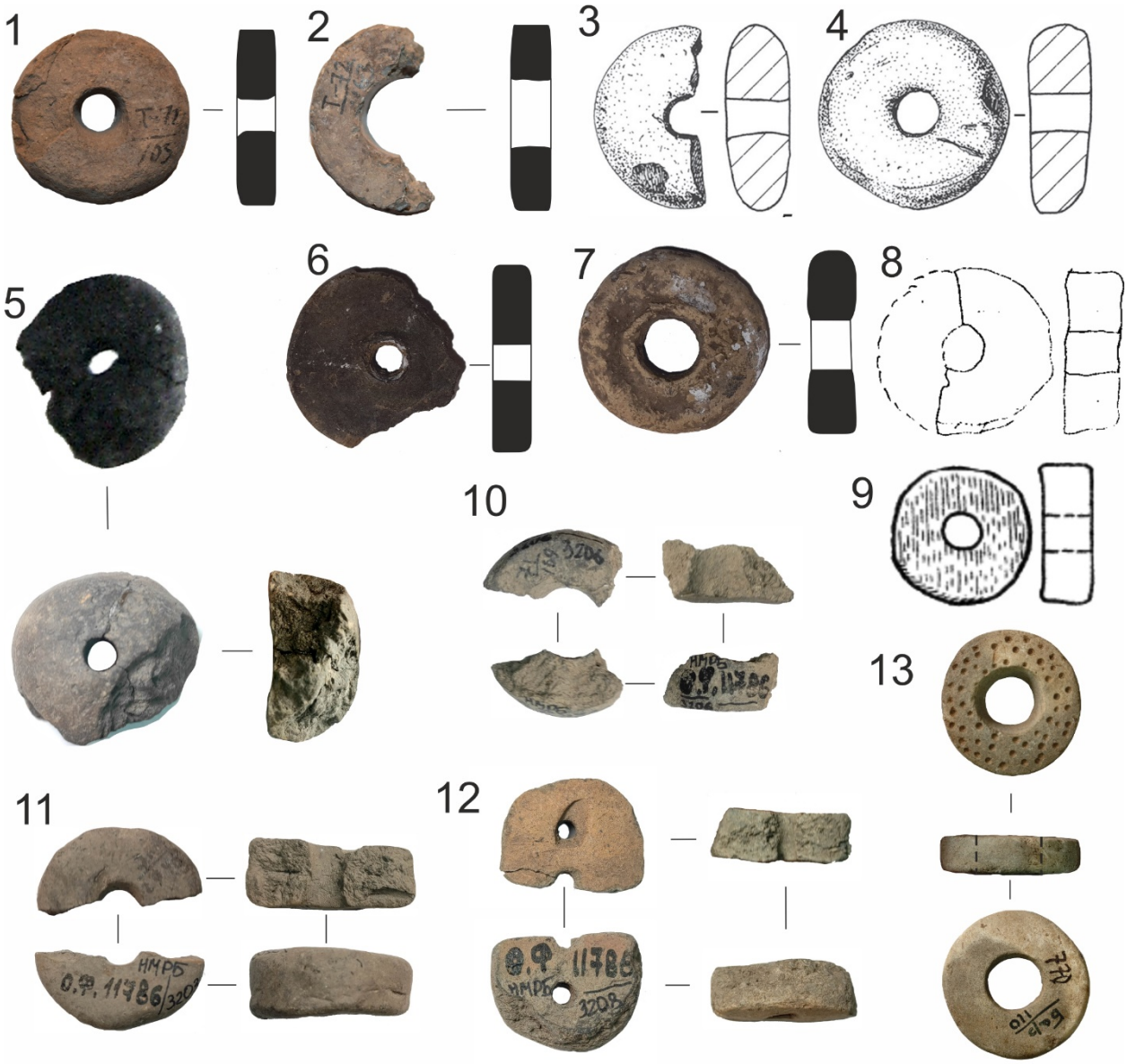

Рис. 76. Пряслица. Тип 1. Прямоугольные. 1-2 - Городище Тра-Тау (Старонагаевское), 3-4 - Казакларово-1, городище, 5 - городище Петр-Тау (Юлдашевское), 6-7 - Новые-Турбаслы-2, селище, 8 - Горновское (Гремячий ключ) городище, 9 - Уфа-1 (Уфимское Чертово) городище, 10-12 - Кувыковское городище, 13 - Барьязинское городище

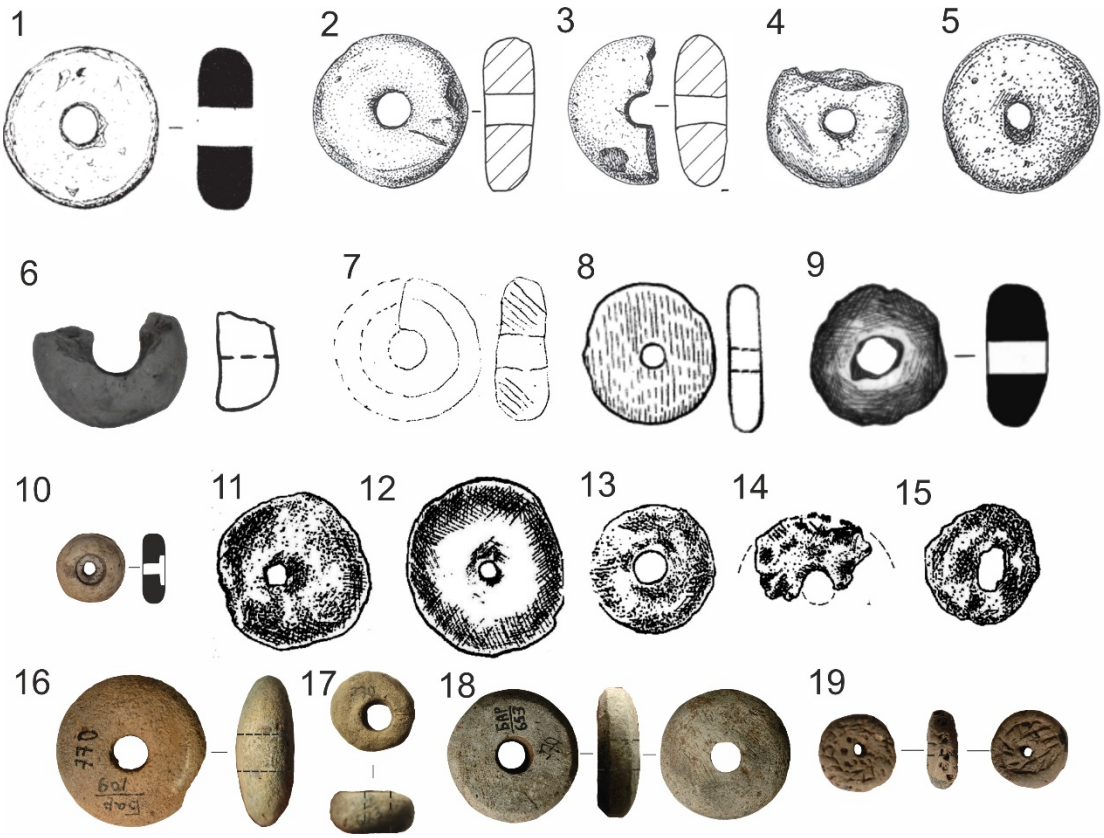

Рис. 77. Пряслица. Тип 2. Овальные. 1 - Какры-Куль (Старомуштинское) городище, 2-5 - Казакларово-1, городище,6 - Николаевское селище, 7 - Горновское (Гремячий ключ) городище, 8 - Уфа-1 (Уфимское Чертово) городище,9 - Вотикеево-1, селище, 10 - Ново-Турбаслы-2, селище, 11-15 - Бажинское (Каменная гора), городище,16-19 - Барьязинское городище

Рис. 78. Пряслица. Тип 3. Биконические. 1-3 - Бирское городище, 4 - Кувыковское городище,5 - Уфа-1 (Уфимское Чертово), городище, 6 - Николаевское селище, 7 - городище Сандияк, 8 - Матвеевское селище, 9 - Вотикеево-2, городище, 10-13 - Новые-Турбаслы-2, селище

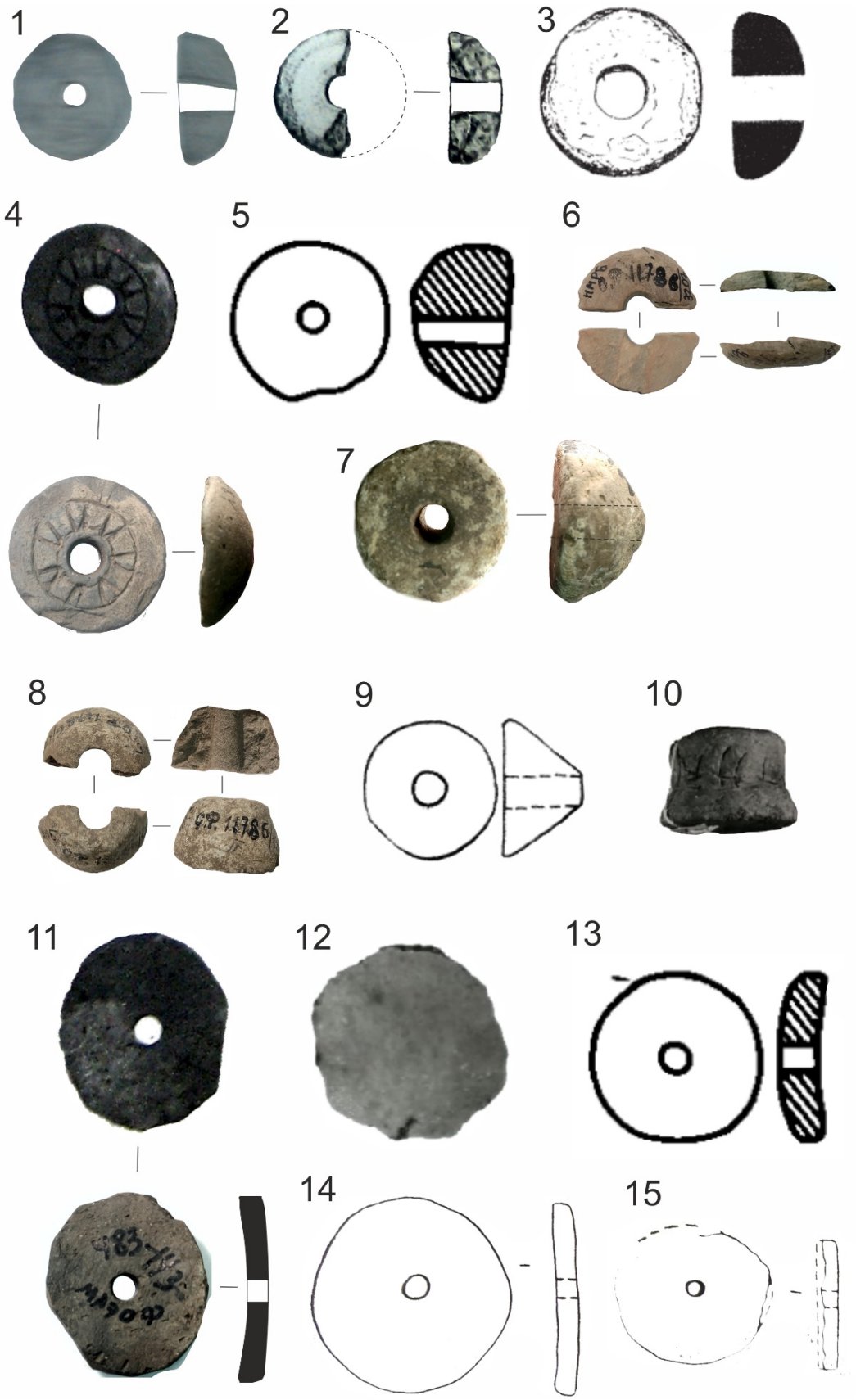

Рис. 79. Пряслица. Тип 4, 5, 6, 7. Полусферические (1-7), конические (8-9), цилиндрические (10), керамические (11-15). 1 - Ильметьевское-2, селище, 2 - Югамаш-1, селище, 3 - Какры-куль (Старомуштинское), городище, 4-5, 11, 13 Петр-Тау (Юлдашевское) городище, 6 - Кувыковское городище, 7 - Бирское городище, 8 - Кувыковское городище, 9 - Уфа-1 (Уфимское Чертово), городище,10, 12 - городище Сандияк, 14-15 - Тра-Тау (Старонагаевское) городище

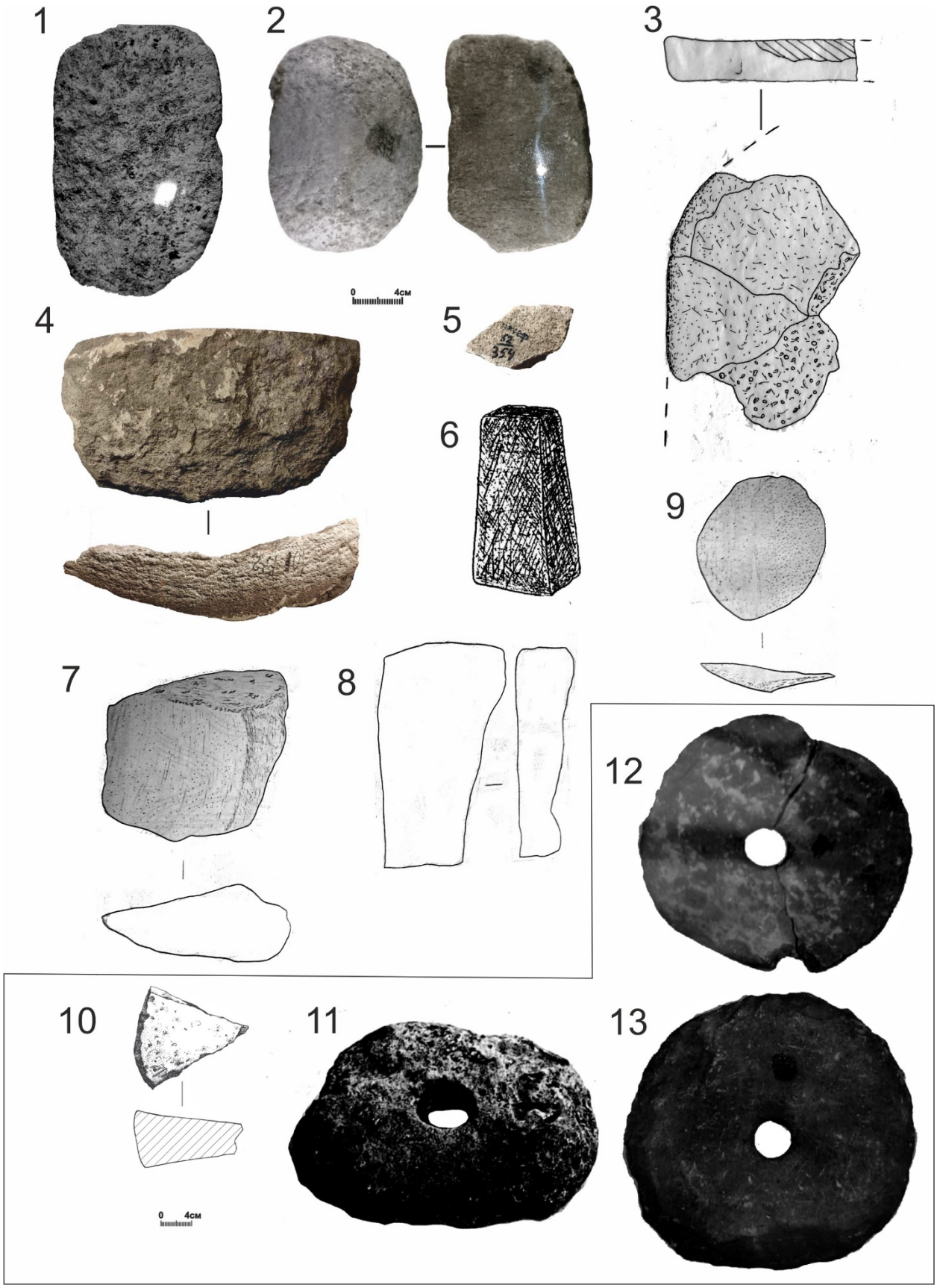

Рис. 80. Каменные орудия. 1-9 - Каменные зернотерки, 10-13 - Каменные жернова. 1-2, 12-13 - городище Сандияк, 3 - селище Вестар, 4-5 - Бирское городище, 6 - Бажинское (Каменная гора) городище, 7-9 - Тра-Тау (Старонагаевское) городище, 10 - Казакларово-1, городище, 11 - Казакларово-3, городище

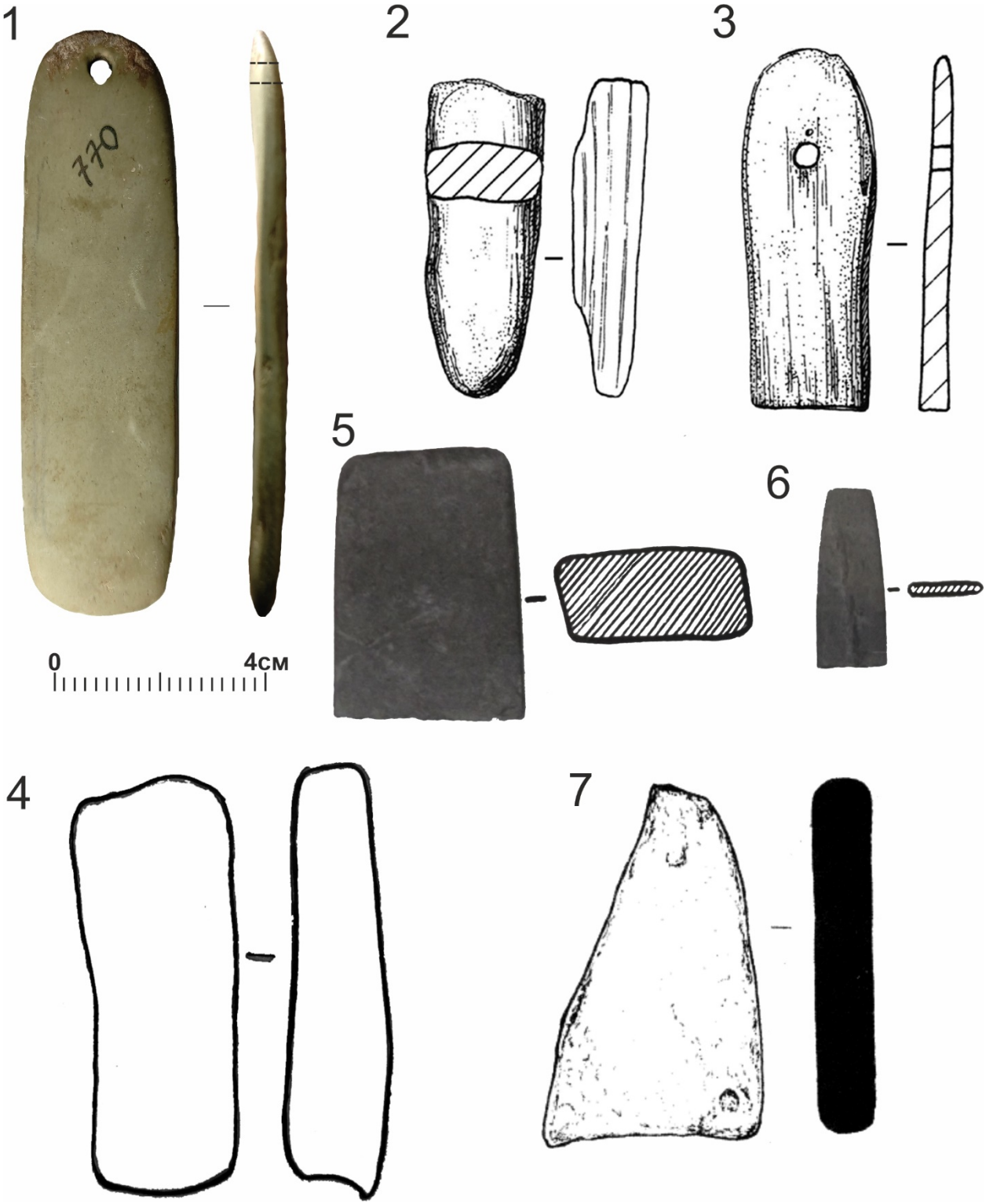

Рис. 81. Оселки, точильные камни. 1-3 - подовально-вытянутые; 4-6 - подпрямоугольные; 7 - подтреугольные. 1 - Барьязинское городище, 2-3 - Казакларово-1, городище, 4 - Тра-Тау (Старонагаевское) городище, 5-6 - Николаевское селище, 7- Какры-Куль (Старомуштинское) городище

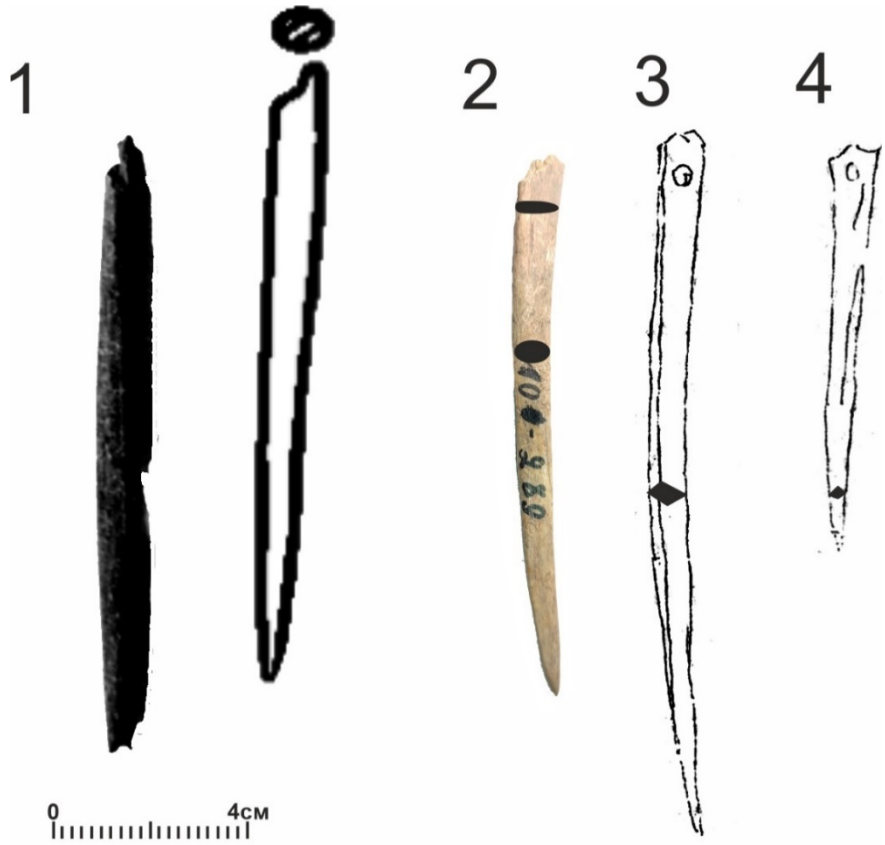

Рис. 82. Костяные проколи. 1 -Тра-Тау (Старонагаевское) городище, 2 - Бирское городище; 3-4 - Кувыковское городище

Рис. 83. Мотыги. 1 - Бирское городище, 2 - Уфа-1 (Уфимское Чертово) городище

Рис. 84. Костяные кочедыки. 1-3 - Тра-Тау (Старонагаевское) городище, 2 - городище Сандияк, 4 - Кувыковское городище

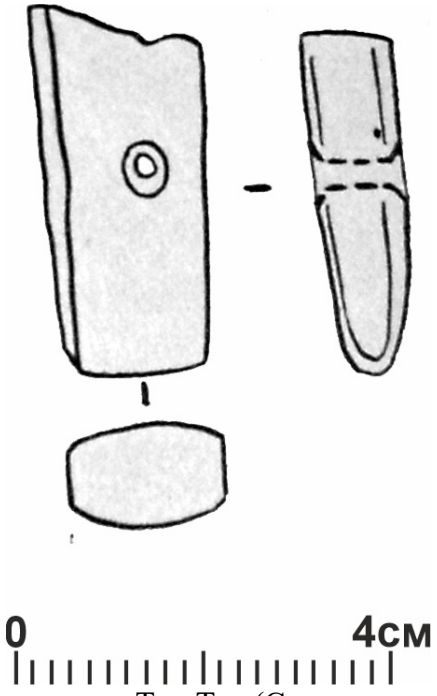

Рис. 85. Фрагмент тесла. Тра-Тау (Старонагаевское) городище

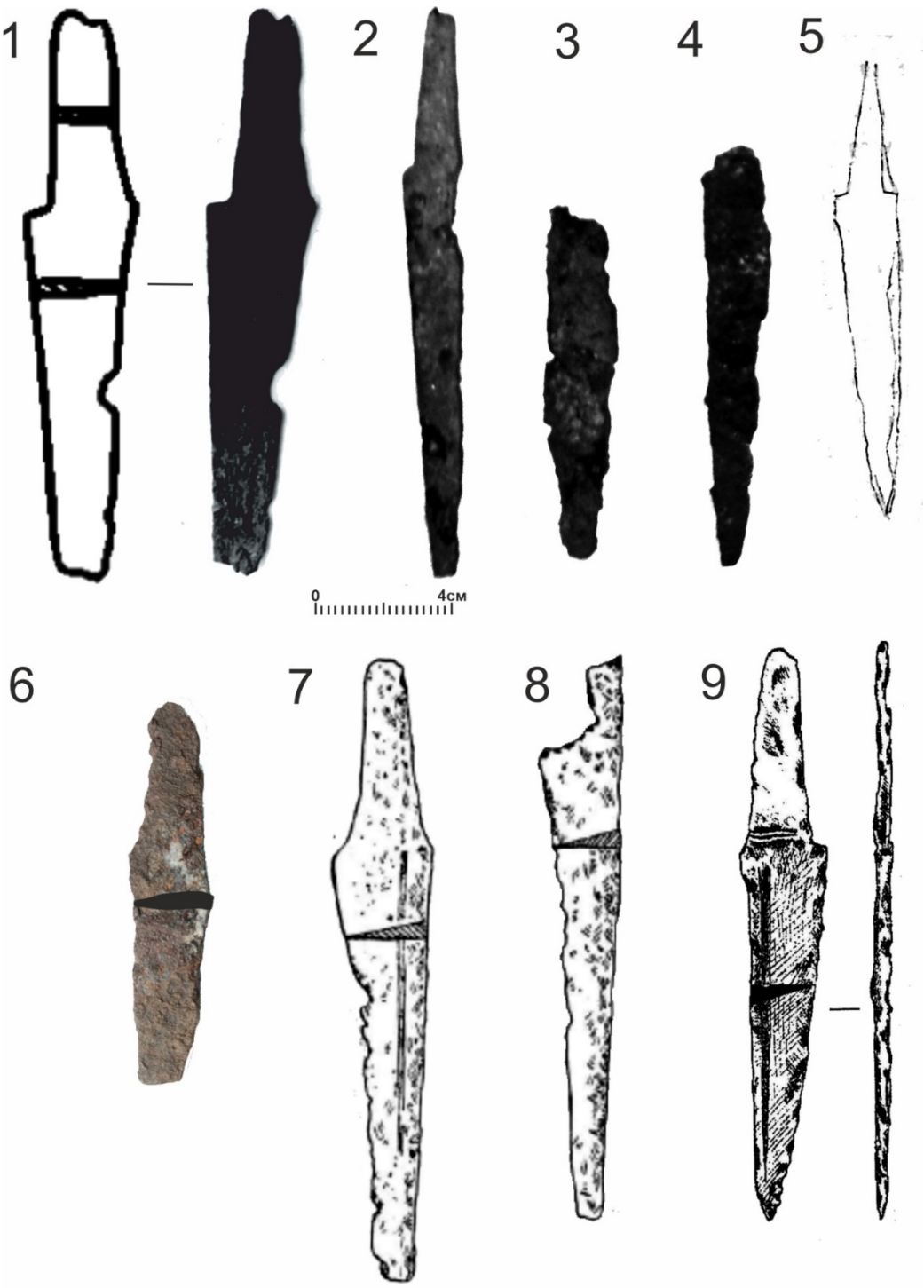

Рис. 86. Ножи. 1-2, 5-7 - тип 1, 8-9 - тип 2. 1 - Петр-Тау (Юлдашевское) городище, 2-5 - Кувыковское городище, 6 - Казакларово-3, городище, 7-8 - Сорвихинское городище, 9 - Бажинское (Каменная гора) городище

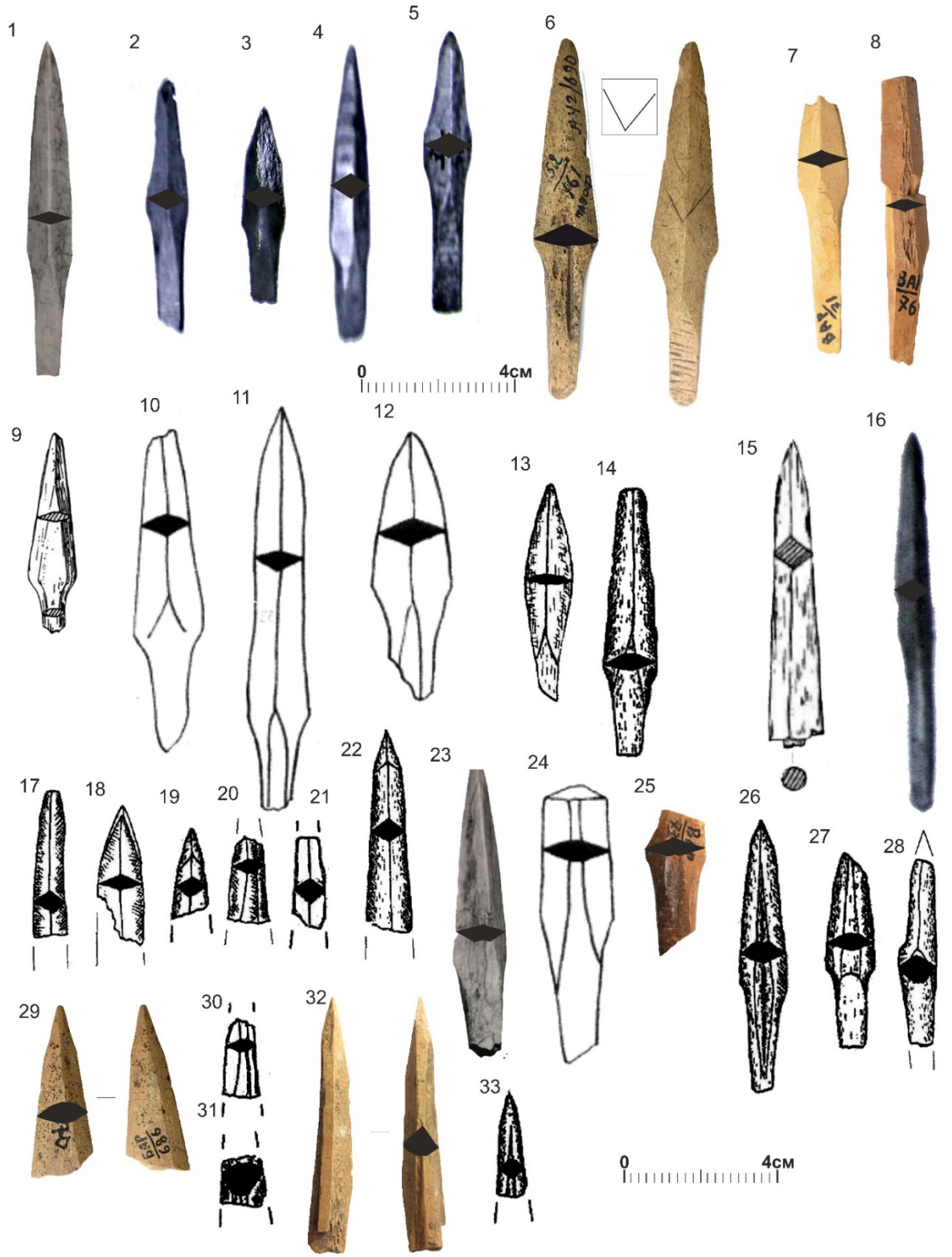

Рис. 87. Наконечники стрел. Тип 1. 1-16 - Подтип 1. 1-14 - Вариант 1. 15-16 - Вариант 2. 23-28 - Подтип 2. 1, 23 - городище Сандияк, 2-5, 16 - Кувыковское городище, 6 - Бирское городище, 7-8, 25 - Варьязское городище, 9 - Казакларово-1, городище, 10-12, 24 - Уфа-1 (Уфимское Чертово) городище, 13-14, 17-22, 26-28, 30-31, 33 - Бажинское (Каменная гора) городище, 15 - Сорвихинское городище, 29, 32 - Барьязинское городище

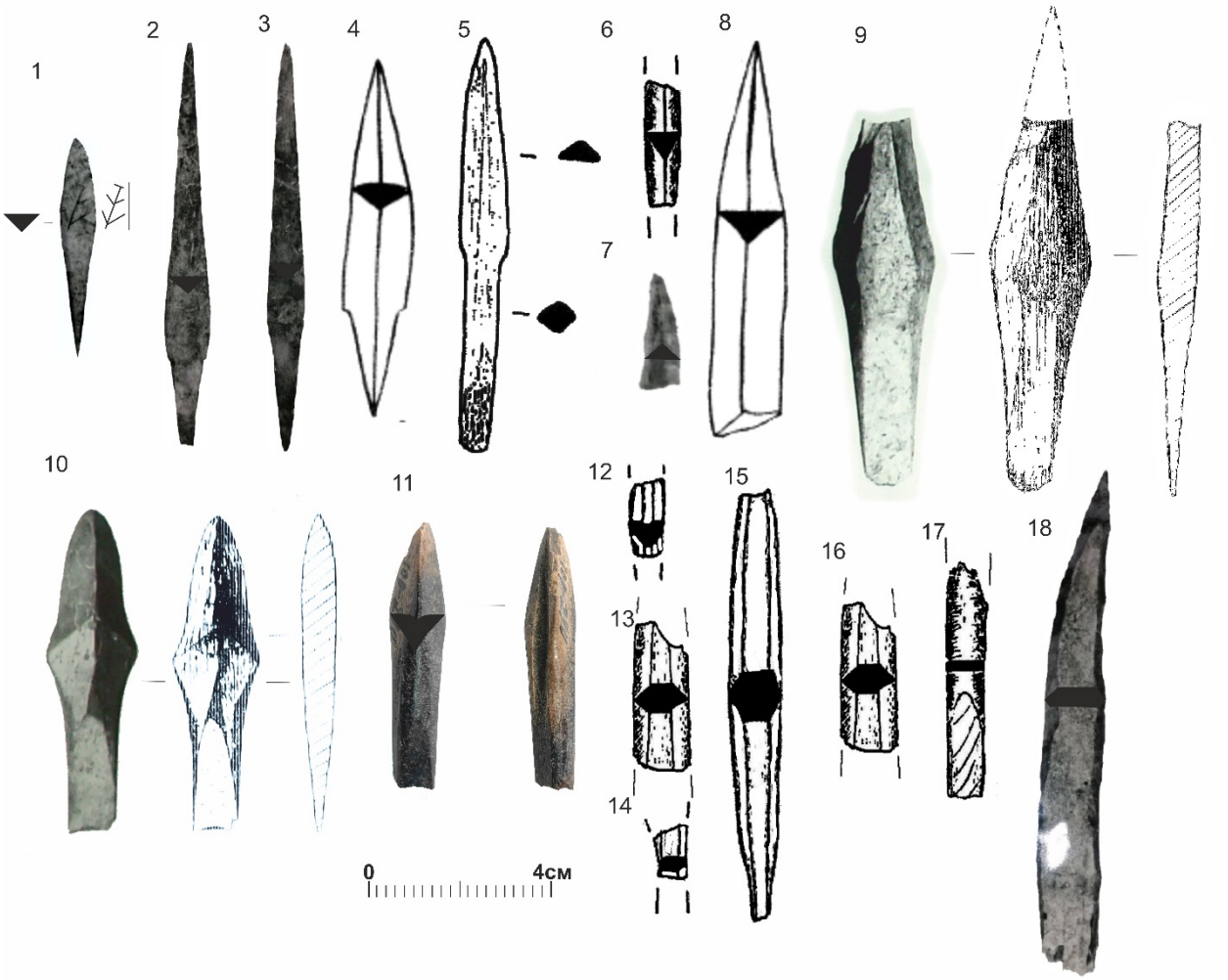

Рис. 88. Наконечники Типа 2 и Типа 3. 1-12 - Тип 2; 1-10 - Подтип 1; 1-4 - Вариант 1; 5 - Вариант 2; 9-10 - Вариант 3; 11-12 - Подтип 2; 13-16 - Тип 3. 1-3, 7, 18 - городище Сандияк, 4, 8 - Уфа-1 (Уфимское Чертово) городище, 5 - Какры-Куль (Старомуштинское) городище, 6, 12-17 - Бажинское (Каменная гора) городище, 9-10 - Новые-Турбаслы-2, селище, 11 - Бирское городище

Рис. 89. Подвески. 1,6 - городище Сандияк, 2 - Уфа-5, городище, 3 - Барьязинское городище, 5 - Вотикеево-2, городище, 6 - Бажинское (Каменная гора) городище, 7 - Чандарское селище, 8 - Кувыковское городище

Рис. 90. Ременная гарнитура, фибула. 1 - городище Сандияк, 2 - Кардагушево-2, городище, 3 - Кувыковское городище, 4 - городище Уфа-5, 5 - Уфа-1 (Уфимское Чертово) городище, 6 - городище Варьяз, 7 - Бажинское (Каменная гора) городище, 8 - селище Вестар; 9 - Вотикеево-2, городище